

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

РОССИИ АДЛЕР-ОЛЬСЕН

РОМАН

ДОМ АЛФАВИТА

Адлер-Ольсен тщательно выстраивает «Дом алфавита»...
Все это работает на создание идеальной атмосферы триллера.

Library Journal

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Январь 1944 года. Британские летчики Брайан и Джеймс выпрыгивают с парашютом из подбитого над Германией самолета. Уходя от погони, они проникают в санитарный поезд, везущий раненых с Восточного фронта. Присвоив личные документы немецких офицеров, предприимчивые англичане симулируют безумие и оказываются в госпитале, расположенном в горах Шварцвальда. Однако вскоре выясняется, что в отделении под странным названием «Дом алфавита» есть и другие симулянты — четверо эсэсовцев, которые перегнали в Германию вагон награбленных ценностей и желают отсидеться в тихом месте до конца войны... Положение новоприбывших становится угрожающим. Какая участь ожидает Брайана с Джеймсом, если их разоблачат?.. Как выбраться из этой страшной ловушки?

Впервые на русском!

-
- [Юсси Адлер-Ольсен](#)
 -
 - [Предисловие автора](#)
 - [Часть I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Часть II](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)

- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Приложение 1](#)
- [Приложение 2](#)
- [Источники](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
-

Юсси Адлер-Ольсен

Дом алфавита

Jussi Adler-Olsen

ALFABETHUSET

Copyright © Jussi Adler-Olsen, 2007

Published by agreement with JP/Politikens Hus A/S, Denmark
& Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

All rights reserved

Серия «Звезды мирового детектива»

Перевод с датского Дарьи Гоголевой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

© Д. А. Гоголева, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Предисловие автора

Эта книга — не роман о войне.

«Дом алфавита» — история о человеческом предательстве, которая могла бы произойти при любых обстоятельствах: в браке, на работе или в экстремальных условиях, таких как корейская война, Англо-бурская война, Ирано-иракская война, ну или, в данном случае, Вторая мировая.

Причин тому, что рамкой послужила именно та война, несколько. Прежде всего, я сын психиатра, а потому рос при лечебницах для душевнобольных — так их называли в пятидесятых и начале шестидесятых. И хотя мой отец мыслил на удивление прогрессивно и по-новаторски, я лично неизменно наблюдал за тем, как тогда обращались с душевнобольными.

Многие из них существовали в системе с тридцатых годов, и меня интересовали методы лечения, а также представления о больницах и врачах — того периода и военного времени. Параллельно я познакомился с несколькими пациентами — подозреваю, что они были симулянтами. Если смотреть детским наивным и зорким взглядом.

Один пациент с хроническим психическим заболеванием — человек, с которым мой отец случайно сталкивался на протяжении многих лет, — в целом приспособился к жизни в лечебнице с помощью двух изречений. «Да, тут что-то есть!» — произносил он, оставаясь, как правило, немногословным. А обострить или разрешить почти любую ситуацию он мог, с неподдельным облегчением воскликнув: «А, слава богу!» Это был один из тех, кого я мог подозревать в уходе от общества к миру и покою лечебной системы при помощи той или иной странной формы симуляции.

Но возможно ли сохранить самого себя и собственный разум в подобной системе, если на самом деле болезни нет? В любом случае поверить в это сложно, когда думаешь о ряде весьма крутых методов, бывших в то время в ходу. Мог ли наш немногословный пациент сберечь здоровье?

Через много лет мой отец снова увидел того пациента. Насколько мне известно, это произошло в семидесятые годы, когда мир стал

посвободнее. Этого человека зараза тоже коснулась. Свой репертуар он пополнил третьим предложением: «Да пошел ты!» Он шел в ногу со временем.

И снова я не мог не задаться вопросом: он болен или здоров?

Желание связать два интересных предмета — *вероятное* психическое заболевание и Вторую мировую войну — лишь усилилось во время беседы с Карной Бруун, ныне покойной подругой моей матери. Карна работала медсестрой в Бад-Кройцнахе под началом профессора Сауэрбруха и смогла подтвердить и развить ряд имеющихся у меня теорий.

Летом 1987 года под усыпанным звездами небом Террачины я поделился с женой набросками истории. В то время я, точно так же как и сейчас, буквально преклонялся перед писателями, умеющими сочетать погружение в тему и литературное мастерство, а благодаря той самой истории моя жена поверила, что попытаться действительно стоит.

На претворение задуманного в жизнь ушло почти восемь лет.

Во время работы я оказался в долгу перед Фондом семьи Треск, выделившим деньги на поездку во Фрайбург-им-Брайсгау, где в основном и разворачивается история, военной библиотекой во Фрайбурге и доктором Экером, главным архивариусом Государственного архива во Фрайбурге.

Моя жена Ханна Адлер-Ольсен неустанно служила мне музой и критиком и подпитывала мою веру в обоснованность амбиций.

Мои талантливые и мудрые друзья Хеннинг Куре, Еспер Хельбо, Томас Стендер, Эдди Киран, Карл Россхоу, а также не в последнюю очередь мои сестра Элсебет Веренс и мать Карен-Магрете Ольсен прочли книгу, добавив в нее множество уточнений. Книга также претерпела ряд сокращений. Все ее составляющие подверглись оценке и переработке, и результат оправдал мои ожидания.

Юсси Адлер-Ольсен

Часть I

Глава 1

Погода далеко не идеальная.

Холодный ветер и плохая видимость.

Условия небывало суровые для английского января.

Американские экипажи уже сидели на взлетно-посадочной полосе, когда к ним подошел высокий англичанин. Он еще не до конца проснулся.

За первой группой с земли привстала некая фигура и помахала ему. Помахав в ответ, англичанин широко зевнул. Сплошные ночные вылеты — после такого сложно снова войти в обычный режим.

Впереди ждет долгий день.

Вдалеке машины медленно двигались к южной оконечности взлетной полосы. Значит, скоро они поднимутся в воздух.

Приятное и в то же время давящее чувство.

Указания насчет предстоящей миссии поступили из расположенного в Саннингхилл-Парке штаба генерал-майора Льюиса Х. Бреретона. О содействии со стороны Британии он попросил главнокомандующего Королевскими вооруженными силами Харриса, маршала авиации. На американцев британские «москито» неизменно производили впечатление: во время ноябрьских налетов на Берлин они раскрыли столь тщательно охраняемую тайну немцев — производство ракетного комплекса «Фау-1» в Цемплине.

Выбор личного состава поручили подполковнику Хадли-Джонсу, который доверил выполнение задачи своему сослуживцу, командиру авиационного крыла Джону Вуду.

Ему предстояло отобрать двенадцать британских экипажей. Восемь инструкторских групп и четыре вспомогательных со специальными разведывательными целями в составе 8-й и 9-й воздушных армий США.

Для выполнения задачи двухместные истребители «Р-51D Мустанг» оснастили панорамными приборами и чувствительными оптическими инструментами.

Всего две недели назад в первый экипаж отобрали Джеймса Тисдейла и Брайана Янга — испытать оборудование при так называемых нормальных условиях.

Если коротко, их снова вполне мог ждать бой.

Вылет запланировали на 11 января 1944 года. Цель — авиационные заводы в Ошерслебене, Брауншвейге, Магдебурге и Хальберштадте.

Пришлось прервать рождественский отпуск, чем оба были недовольны. Оба устали от боевых действий.

— За четырнадцать дней в адскую машину вникнуть! — вздыхал Брайан. — Я во всех этих приборах ни черта не смыслю. Чего бы Дяде Сэму свой экипаж в эту дрянь не посадить?

Джон Вуд стоял к обоим спиной, склонившись над документами:

— Потому что ему нужны вы!

— А это разве довод?

— Вы оправдаете ожидания американцев и в живых останетесь.

— А вы нам это гарантируете?

— Да!

— Джеймс, скажи чего-нибудь! — Брайан повернулся к другу.

Потеребив шарф, Джеймс пожал плечами. Брайан тяжело сел.

Никакой надежды.

По расчетам, вся операция должна была занять шесть часов. Общая численность войск — примерно шестьсот пятьдесят четырехмоторных бомбардировщиков 8-й воздушной армии США, им предстоит бомбить авиационные заводы в сопровождении истребителей дальнего действия Р-51.

Во время налета самолет Брайана и Джеймса от группы оторвется.

Ходили упорные слухи, что в последнюю пару месяцев в Лауэнштайне, к югу от Дрездена, отмечается повышенный приток строителей, инженеров и высококвалифицированных технических специалистов, а также огромного количества пленных рабочих — поляков и русских.

По имеющимся у разведки сведениям, на местности ведутся строительные работы, но какие именно — неизвестно. Имелись теории насчет фабрик для производства синтетического топлива. Если это

правда, то впереди катастрофа, ведь это серьезное подспорье для немецких проектов по созданию летающих бомб типа «Фау».

Поэтому задача Брайана и Джеймса — как можно тщательнее отснять и картографировать этот район, а также железнодорожные пути рядом с Дрезденом, чтобы обновить имеющиеся у разведки сведения. Выполнив задачу, они вернутся к группе и отправятся домой, в Англию.

Многие участвующие в операции американцы уже закалились в воздушных боях. Несмотря на мороз и предстоящие события, они улеглись, наполовину вытянувшись, на одетой в белое, промерзшей земле, которую кто-то назвал взлетно-посадочной полосой. Большинство из них болтали, как будто собрались на вечеринку или устроились отдохнуть воскресным вечером дома на диване. Повсюду сидели одиночки — обхватив руками колени и уставившись в никуда. Молодые и неопытные, они еще не научились забывать сны и обуздывать страх.

Англичанин прошел между сидящими людьми к своему товарищу — тот растянулся на земле, подложив руки под голову. Почувствовав легкий пинок в бок, Брайан вздрогнул.

Падающие снежинки ложились на носы и брови. А небо у них над головами хмурилось все сильнее. От прочих ночных вылетов этот сильно отличаться не будет.

Под Брайаном тихо вибрировало сиденье.

Воздушное пространство наполняли сигналы от остальных самолетов группы. Каждый звучал отчетливо и ясно. На тренировках они не раз шутили: можно закрасить окна и летать на одной технике. Вот до чего точное оборудование.

Во время этого задания шутка вполне могла стать правдой. Джеймс охарактеризовал видимость следующим образом: «Ясность, как в симфонии Белы Бартока». Дворники и нос самолета, разрезавший снежную массу, — больше ничего видно не было.

Мнения у них разделились. Не по поводу безумия задачи — за такой короткий срок сменить деятельность и оборудование, — а о мотивах Джона Вуда. По его словам, выбрали их потому, что они лучшие, и Джеймс действительно в это верил.

Брайан упрекал его. Не приходилось сомневаться, что Джон Вуд выбрал именно их потому, что Джеймс никогда не перечил, когда дело касалось службы. Если говорить об этой операции, разбираться с проблемами было некогда.

Джеймса раздражали упреки. Поводов для волнений и так хватало. Путь предстоял неблизкий, оборудование новое. Погода — дрянь. А когда они оторвутся от основной группы, им уже никто не поможет. Если предположения разведки верны и там действительно строят столь важные заводы, эту территорию очень хорошо охраняют. Доставить фотографии в Англию будет очень непросто.

Но Джеймс прав. Кому-то же надо это сделать. К тому же особой разницы по сравнению с налетами на Берлин нет.

И они ведь пока еще живы.

Молча сидевший за Джеймсом Брайан выполнял свою работу безупречно, как всегда. Из-за вибраций его зачесанные назад волосы медленно сползли на лоб. Брайан выделялся прической. Когда он только-только причешется, кажется, что они с Джеймсом почти одного роста.

Среди карт и измерительных приборов Брайана висела фотография женщины по имени Магда Донат из женской добровольческой организации. По ее мнению, Брайан — вылитый Адонис.

Они долго были вместе.

Как по мановению властной дирижерской руки, немецкая противовоздушная оборона заиграла увертюру, выпустив снаряды по первым машинам. Всего за несколько секунд до этого Джеймс предугадал заградительный огонь и подал Брайану сигнал. А потом они сменили курс. С этого мгновения они на какое-то время погрузились в полную неизвестность.

Оказались без прикрытия и совсем одни.

— Джеймс, если спуститься пониже, мы машину без хвоста оставим, — буркнул через двадцать минут Брайан.

— Если мы зависнем на двухстах футах, на фотографиях ни черта не будет видно, — прозвучал ответ.

Джеймс оказался прав. Над районом действий шел снег, но из-за ветра снежинки вихрями взмывали вверх. Если подойти поближе,

дыры для фотографирования образуются всегда.

Поскольку они ушли из-под огня над Магдебургом, их местонахождение никого не интересовало. Судя по всему, их еще не обнаружили. Брайан был готов на все, чтобы этого не случилось.

Позади них уже упало много самолетов. Слишком много. Сквозь шум Джеймс крикнул Брайану, что видел немецкий истребитель — тот выпускал что-то похожее на ракеты. Вслед за короткой вспышкой последовал разрушительный взрыв.

— Да люфтваффе и гроша ломаного не стоит, — заявил накануне вечером американский летчик с широкой ухмылкой.

Наверное, теперь его личный опыт говорит об обратном.

— А теперь сто тридцать восемь градусов на юг! — Брайан осматривал лежавшее под ним снежное море. — Можно разглядеть шоссе из Хайденау. Перекресток видишь? Хорошо, теперь двигайся к холмам.

Скорость едва доходила до двухсот километров в час — при такой погоде весь фюзеляж зловеще гудел.

— Джеймс, надо пересечь шоссе и вернуться обратно. Но аккуратно! Вполне возможно, что на юге есть крутые склоны. Видишь хоть что-нибудь? Кажется, тут удачное место — на отрезке до Гайзинга.

— Ничего — вижу только, что дорога довольно широкая. Зачем она нужна? Тут ведь совсем пусто.

— Я об этом тоже подумал. А нельзя сейчас на юг свернуть? Посмотри вон на те деревья! Видишь, какие густые?

— Думаешь, маскировочная сетка?

— Может быть.

Если здесь и строили заводы, то их зарыли в склоны. Брайан сомневался. Если такое здание обнаружат, от точечных бомбардировок земляная насыпь не защитит.

— Пустая затея, Джеймс. Тут нигде ни одного нового здания.

На такой случай указания у них следующие: идти на север вдоль железной дороги в Хайденау, свернуть на запад к Фрайталю и двигаться вдоль путей в сторону Хемница, взять курс на север, а затем на северо-восток по железнодорожной ветке, идущей в Вальдхайм. Железнодорожную сеть необходимо тщательно отснять. Об этом просили русские. Под Ленинградом советские войска теснили немцев

как безумные, угрожая смять весь германский фронт. По их мнению, железнодорожный узел в районе Дрездена для немцев был сродни пуповине. Перережь ее, и немецкие дивизии Восточного фронта останутся без снабжения. Вопрос лишь в том, в скольких местах надо перерезать, чтобы добиться эффекта. Брайан смотрел на лежащее под ним железнодорожное полотно.

На снимках, которые он сделал, не будет видно ничего, кроме занесенных снегом путей.

Первый взрыв — удивительной силы — раздался без предупреждения всего в полуметре за креслом Брайана. Не успел тот обернуться, Джеймс уже направил самолет вертикально вверх, набирая скорость. Брайан защелкнул карабин на сиденье и почувствовал, что наполнявший кабину теплый воздух из-под него буквально высасывает.

В фюзеляже образовалась неровная дыра размером с кулак. Выходное отверстие в крыше — с тарелку. Задел их единичный снаряд, выпущенный из мелкокалиберного зенитного орудия.

Значит, что-то они все-таки проглядели.

Из-за визга мотора во время резкого набора высоты у них не было возможности понять, продолжился ли обстрел.

— Там все серьезно? — крикнул Джеймс и, получив ответ, удовлетворенно кивнул. — Ну, понеслось!

В ту же самую секунду Джеймс, сделав мертвую петлю, слегка накренил машину и отправил ее в пике. Через несколько секунд защелкали авиапушки «Мустанга». Вырывавшиеся из жерла языки пламени неслись прямо на них и показывали дорогу.

В самом центре этого океана смертоносного огня было что-то, что немцы хотели любой ценой утаить от посторонних.

Джеймс раскачивал самолет из стороны в сторону, запутывая наблюдателей, а внизу бойцы у зениток пытались взять их на мушку. Зенитных установок они так и не увидели, но доносившиеся до них звуки никаких сомнений уже не оставляли. «Флак-цвиллинг-40» ни с чем не спутаешь.

Рядом с землей Джеймс рывком выпрямил самолет. Шанс у них всего один. Ширина всей территории не превышала двух-трех километров. А для управления камерой нужна легкая рука.

Под ними кружилась земля. Серые поля и белые вихри перемежались верхушками деревьев и крышами зданий. Территорию, над которой они проносились, окружали высокие заборы. Их встретили пулеметные очереди с нескольких смотровых вышек. В таких лагерях держали пленных рабочих. Трассирующие снаряды, вылетающие из лесной чащи плотными очередями, вынудили Джеймса уйти еще ниже, к деревьям. Несколько очередей их авиапушек прошли между стволами деревьев — противнику пришлось прекратить огонь.

Затем Джеймс, срезая верхушки елок, повел самолет прямо над гигантской сероватой массой маскировочной сетки, стенами, вагонами и разложенными повсюду грузами. Брайану было что поснимать. Через несколько секунд они вновь ушли вверх, а затем в сторону.

— Получилось?

Брайан кивнул, хлопнул Джеймса по плечу и выразил искреннюю надежду на то, что их единственными противниками окажутся стоящие на земле зенитки.

Но это оказалось не так.

— Брайан, тут что-то не то! Выпрямись чуть-чуть, и ты тоже увидишь. Это же обшивка двигателя! Видишь?

Увидеть оказалось несложно. В воздухе торчал кусок обшивки. Не важно, почему этот треугольник оторвался — из-за пикирования, попадания снаряда или взрывной волны.

Ничего хорошего это в любом случае не предвещало.

— Брайан, нам придется очень сильно сбросить скорость. Ты же и сам это понимаешь? Надежды сейчас вернуться к нашей группе очень мало.

— Делай что считаешь нужным!

— Пойдем вдоль железной дороги. Если в воздух поднимутся истребители, они наверняка решат, что мы направляемся на запад. Ты же по сторонам поглядываешь?

Обратный путь займет целую вечность.

Ландшафт под ними постепенно выравнивался. В ясный день они постоянно видели бы линию горизонта. Если бы не непогода, их было бы слышно за несколько километров.

— Джеймс, как нам, черт побери, по-твоему, домой возвращаться? — тихо спросил Брайан.

Даже смотреть на карту необходимости не было. Шанс минимальный.

— Не своди глаз со своего маленького экранчика — больше ты ничего не сделаешь, — прозвучал спереди ответ. — Думаю, обшивка провисит, пока мы идем в ритме марша.

— Значит, выберем самый короткий путь.

— На север от Хемница! Да, отлично, Брайан!

— Мы с ума посходили!

— Не мы! Так уж обстоятельства сложились.

Лежавшая под ними железнодорожная линия оказалась вовсе не второстепенным ответвлением. Рано или поздно появится поезд, перевозящий боеприпасы или войска. Мелкие, легко наводимые спаренные зенитные пушки или противовоздушные двадцатимиллиметровые «Флак-38» быстро с ними разберутся. А еще ведь есть мессершмитты. Их самолет для них добыча легкая. Вступил в ближний бой и сбил. Вот и весь рапорт.

Брайан подумывал предложить Джеймсу посадить машину самим, пока этого не сделал противник. Его философия отличалась простотой и практичностью. Лучше уж плен, чем смерть.

— Они нас заметили, — глухо произнес он, слегка потрепав Джеймса по плечу.

Никак не прокомментировав его слова, Джеймс начал снижаться.

— Вон там Наундорф. Двигайся на север!

Над собой Брайан разглядел лишь тень вражеского самолета:

— Вот! Вот он, Джеймс! Прямо над нами!

Приложив усилие, Джеймс увел самолет от земли.

Во время ускорения весь самолет жалобно вибрировал. От резкого набора высоты в отверстие за спиной Брайана из кабины вышел почти весь воздух. Еще до того, как Брайан разглядел их цель, загремели авиапушки Джеймса. Выпущенная прямо в брюхо очередь сразу же уничтожила мессершмитт. Прогредел смертоносный взрыв.

Пилот даже не осознал, что с ним произошло.

Раздалось несколько взрывов — Брайан не смог определить, где именно, — и внезапно они оказались в горизонтальном положении. Брайан рассматривал затылок Джеймса, как будто ждал от него какой-то особенной команды. Судя по шуму из-за потрескавшегося лобового

стекла, во время резкого набора высоты тот треугольный кусок обшивки все-таки оторвался. Джеймс слегка помотал головой, не произнеся ни слова.

Затем он рухнул вперед, отвернув голову в сторону.

Нарастал шум двигателя. Все соединения били в такт, по мере того как корпус скользил по воздуху. Брайан вылез из-под ремня, схватил Джеймса, взял штурвал и с силой потянул его на безжизненное тело.

По щеке Джеймса потекли струйки крови — нашлась и причина. Над и перед ухом открылись две длинные, но не слишком глубокие раны. Прямо по его виску скользнул кусочек металла, срезав большую часть мочки уха.

Внезапно еще один кусок обшивки с грохотом оторвался и перекатился через левое крыло. Судя по скрипу, он был не последним. Поэтому Брайану пришлось принять решение за двоих, и он стал вытаскивать Джеймса.

Обшивку кабины буквально сорвало, и Брайана вытолкнуло из сиденья. На воющем ледяном ветру он взял Джеймса под мышки и вытащил на крыло. В тот же самый миг машина под ними исчезла. Оказавшись в воздухе, Брайан отпустил Джеймса — тот безвольно рухнул вниз. У Брайана еще ныли руки после сильного рывка за кольцо его парашюта. Секунду руки Джеймса болтались, как у тряпичной куклы. Затем его парашют раскрылся быстрым рывком. Из-за болтающихся рук он напоминал оперившегося птенца, делающего первые взмахи крыльев на ветру.

Закоченевшими руками Брайан дернул кольцо своего парашюта. Над головой у него раздался хлопок, и в то же мгновение снизу загремели выстрелы, посылая сквозь снежную мглу слабые предательские вспышки света.

Накренившись, машина рухнула далеко позади. Тем, кто пойдет их искать, придется потрудиться. А пока Брайану предстоит не выпускать Джеймса — маленький серый барахтающийся шарик — из поля зрения.

У Брайана приземление вышло довольно суровым. На морозе твердые борозды казались бетонными канавами. Пока он лежал и стонал, ветер снова наполнил парашют и поволок его по земле —

летный костюм порвался. Снег превратил свежие царапины в лед еще до того, как он почувствовал боль.

Брайан видел, как приземлялся Джеймс. С виду посадка была жесткой, — казалось, он переломал всю нижнюю половину тела.

Вопреки всем предписаниям, Брайан отпустил парашют и поковылял по бороздам. Заборные столбы отмечали границы прежних загонов. Лошадей там не было — их давным-давно забили. Парашют Джеймса зацепился за столб, оказавшись между корой и древесиной. Брайан осмотрелся. Вокруг — тишина. В горах кружащегося свежего снега он схватил обеими руками пляшущую парашютную ткань и аккуратно двинулся к Джеймсу вдоль строп и швов на ткани.

Чтобы тот перекатился на бок, понадобилось три тычка. С молнией пришлось повозиться. Ледяные подушечки пальцев Джеймса зарылись под грубую одежду. Обнаруженное тепло буквально причиняло боль.

Брайан задержал дыхание, пока не нащупал слабый пульс.

Когда унялся ветер, улеглась и метель. Пока было тихо.

Джеймс слабо задышал, когда Брайан тащил его к лесной чаще, под прозрачные кроны деревьев. То, что оставили в наследство поколения бурь, валялось у стволов, даря надежду на кров и защиту. «Раз вокруг столько никому не нужного топлива, жилья поблизости нет», — вполголоса сказал себе Брайан.

— Что ты говоришь? — слышалось от тела, безвольно давшего тащить себя по снежному ковру.

Упавший Брайан осторожно положил голову Джеймса себе на колени:

— Джеймс! Что такое?

— А что-то случилось?

Джеймс еще не совсем открыл глаза. Он посмотрел на Брайана, но взгляд его заметался. Затем Джеймс повернул голову в сторону черно-белого пейзажа:

— Где мы?

— Мы упали. Ты тяжело ранен?

— Не знаю!

— Ноги чувствуешь?

— Как две ледышки.

— Чувствуешь, Джеймс?

— Черт побери, да, я же сказал: как две ледышки! Ну и в какой богом забытой дыре ты меня посадил?

Глава 2

Коварное утреннее небо. Яркие звезды. Даже небосвод, казалось, таил в себе угрозу.

Им было видно все на расстоянии нескольких миль, но вот что еще хуже — их тоже могли заметить.

В середине поля — настолько огромного, что урожай с него прокормит целую деревню, — лежали обрывки парашюта Джеймса. Четкие, темные следы — груз тащили волоком — вели прямо к чаще, где они прятались. Из-за этого Брайан начал переживать, хоть теперь он знал, что Джеймс пострадал меньше, чем мог бы. На морозе кровь из уха давно унялась. Из-за холода лицо и шея опухли не так сильно. Им безумно повезло.

А теперь, судя по всему, удача от них отвернулась.

От мороза уголки рта потрескались, и холод постепенно все глубже проникал в тело. Чтобы выжить, им придется найти укрытие.

Джеймс прислушивался, не летит ли самолет. Вид поля с воздуха ясно расскажет о происшедших событиях. Пролетит самолет, и тут же появятся ищейки.

— Когда подберем парашюты, думаю, разумно двинуть вон к той впадине. — Джеймс показал на север, в сторону темно-серых полей, а затем обернулся. — А если пойти на юг — как думаешь, далеко до ближайшей деревни?

— Если мы и правда там, где я думаю, то мы придем прямо в Наундорф. Кажется, он всего в паре километров. Но я не уверен.

— Значит, железная дорога к югу от нас?

— Да, если я не ошибаюсь. Но это не точно.

Брайан еще раз огляделся. Никаких ориентиров.

— Думаю, надо поступить так, как ты предлагаешь, — сказал он.

У первых рядов деревьев, защищающих поле от ветра, намело сугробы, из-за чего заметить их было чуть сложнее. Несколько минут они шли вдоль них, пока не обнаружили дыру. Джеймс жадно хватал ртом воздух. Брайан через дыру выбрасывал в канаву парашют, в то время как Джеймс, скрестив руки, крепко прижимал их к груди,

напрасно борясь с холодом. Брайан собирался спросить, как он себя чувствует, но оба инстинктивно замерли и прислушались. У них за спиной показался самолет — его крылья слегка подрагивали, пока он парил над чащей, где они только что прятались. Оба мигом распластались на земле. Развернувшись над полем, самолет полетел на юг и вскоре скрылся за деревья. Какое-то время машина гудела все ниже, как будто исчезала. Джеймс приподнял лицо ровно настолько, чтобы дышать.

Услышав свист, оба тут же обернулись. Над деревьями мелкими темными пятнами висели облака — в одном из них вновь показался самолет. На этот раз он шел прямо на них.

Джеймс закрыл собой Брайана — того вдавило в сугроб.

— Я же замерзну, к чертям! — вздохнув, пробубнил Брайан.

Лицо у него было все в снегу. Он попытался улыбнуться. Джеймс скривился, бросив взгляд на его спину и увидев порванный сзади летный костюм и комки снега, — от тепла его тела они медленно таяли, и по пояснице и бедрам текла вода.

— Будем надеяться, какое-то время так и будет. — Он откинул голову назад. — Если он нас заметил, скоро тебе жарковато станет!

В то же мгновение машина, прогудев над ними, скрылась.

— А это что за фрукт? — спросил Брайан, пытаясь счистить со спины снег. — Ты разглядел?

— Может быть, юнкерс. С виду хлипкий. Думаешь, он нас заметил?

— Тогда нас бы уже на свете не было. А вот следы наши он точно видел!

Ухватившись за руку Джеймса, Брайан встал. Оба знали, что скоро все кончится, — это лишь вопрос времени. Если они доберутся до деревни, может быть, появится шанс. Есть надежда, что деревенские поймут, что драться они не намерены. Это если самолет или какой-нибудь патрульный отряд — а их уже, несомненно, выслали на поиски — не обнаружит их первым.

Вот тогда у них не останется ни единого шанса.

Вот и всё.

Долгое время они бежали не останавливаясь. Двигались неуклюже. В теле отдавался каждый удар сапог о промерзшую землю. Джеймсу, судя по всему, было худо, и он весь побелел.

Далеко позади что-то тихо загудело. Они переглянулись. Впереди раздался еще какой-то звук, но уже другой. Скорее всего, грузовой состав.

— Ты вроде говорил, что железная дорога к югу от нас? — вздохнул Джеймс и снова прижал ледяные руки к груди.

— Черт возьми, Джеймс! Я же сказал, что не уверен!

— Штурман из тебя так себе!

— Так надо было мне карту разглядывать, а не тебя из той дурацкой американской консервной банки вытаскивать?

Джеймс не ответил. Положив руку Брайану на плечо, он указал на дно сероватой впадины, тянувшейся в обе стороны, откуда, несомненно, доносилось пыхтение парового котла локомотива.

— Наверное, сейчас ты лучше понимаешь, где мы?

Брайан кивнул, и Джеймс успокоился. Теперь они понимали, где находятся. Вопрос в том, принесет ли им это пользу. Они присели на корточки позади кустарника с серыми мертвыми ветвями. Рельсы на белом снегу казались тонкими черточками. До железнодорожного полотна было шестьсот-семьсот метров открытого пространства.

Значит, все это время они находились к югу от железной дороги.

— Всё нормально? — Брайан осторожно потянул Джеймса за меховой воротник, и тот повернулся в его сторону.

Из-за бледности четче проступили линии черепа. Пожав плечами, Джеймс опять повернулся к путям. Медленно рассветало, тени во впадине постепенно зашевелились и обрели ясность очертаний. Великолепное и пугающее зрелище. Мелкие порывы ветра донесли до них звук огромного поезда. Мимо проходил вагон за вагоном — словно роковая линия жизни между фронтом и родиной. Пыхтящие бронированные локомотивы, бесконечные грузовые вагоны, вооруженные пушками, орудия, прячущиеся за мешками с песком, и серовато-коричневые закрытые вагоны для войск — оттуда из-за опущенных занавесок не проникало ни единого лучика света.

Когда этот поезд прошел, звуки оповестили о приближении еще одного. Поезда шли каждые несколько минут. За это короткое время — под весом скрюченного тела у них уже затекли колени — мимо проехали, наверное, тысячи людей. Уставшие раненые бойцы — на запад; робкие, молчаливые резервы — на восток. Сбрасывайте на эти

пути несколько бомб каждый день — и в адском котле Восточного фронта русские получают передышку, да и вообще им станет легче.

Что-то дернуло Брайана за рукав. Предостерегающе подняв руку, Джеймс молча прислушивался. Теперь это услышал и Брайан. Звуки доносились сзади с обеих сторон.

— Собаки?

Брайан кивнул:

— Но только в одной группе, разве нет?

Джеймс опустил воротник и слегка его расправил.

— Вторая группа — моторизованная. Такое жужжание мы уже слышали. Наверное, они с мотоциклов сошли там, где мы через канавы переходили.

— Видишь их?

— Нет, но это может в одну секунду измениться.

— И что нам делать?

— Да что тут, черт возьми, сделаешь? — Джеймс снова сел на корточки и стал покачиваться. — Мы оставили следы, и по ним нас даже слепой найдет.

— Значит, сдаемся?

— А мы вообще знаем, как они поступают со сбитыми летчиками?

— Ты на мой вопрос не ответил. Мы сдаемся?

— Надо на открытую местность выйти. Иначе они могут решить, что мы что-то задумали.

Спускаясь по склону вслед за Джеймсом, Брайан ощутил на себе коварные порывы ветра. Защищало щеки.

Сделав несколько шагов, они оказались на открытой местности. Там они в нерешительности встали лицом к преследователям, подняв руки вверх.

Сначала ничего не происходило. Голоса смолкли. Все замерло. Джеймс прошептал, что солдаты, должно быть, прошли сзади, и слегка опустил руки.

В то же мгновение началась стрельба.

Здесь им пришла на помощь мутная, сероватая зимняя мгла. Бросившись на землю, оба бок о бок распластались на животе, непонимающе глядя друг на друга. Их не ранило.

Брайан тут же пополз на животе к железной дороге. Он постоянно оглядывался назад на Джеймса — тот, опираясь на колени и локти, с диким взглядом тащился по кочкам и промерзшим веткам. Вскрылась рана возле уха, и при каждом шаге с взлетающим в воздух снегом смешивались мелкие красные капли.

Сухо прострекотало несколько кратких очередей, рассекая воздух над ними широкими волнами. Стрелявшие солдаты кричали.

— Они только что собак спустили, — вздохнул Джеймс и схватил Брайана за лодыжку. — Бежать готов?

— Куда, Джеймс?

Ни с того ни с сего по диафрагме Джеймса покатила теплая волна и сжала его внутренности, в панике пытаясь защититься.

— Через железную дорогу. Сейчас на путях поезда нет.

Брайан поднял голову и посмотрел на широкую, предательски открытую местность. А потом-то что?

Именно в тот момент, когда смолкла долгая очередь выстрелов, Джеймс вскочил и вцепился в Брайана. Склон оказался крутым. Нестись вниз в сапогах, плохо приспособленных к бегу, — смертельно опасная затея, да еще и заочневшие, насквозь промерзшие ноги не чувствовали неровностей рельефа. Над их головами просвистели снаряды.

Через двести метров начался более ровный отрезок — там Брайан быстро оглянулся. Джеймс бежал за ним: у него словно окоченели все части тела, пальцы растопырены, голова откинута назад. За его спиной солдаты перевалили через холм и съезжали на спине по первому крутому участку склона.

Солдат это слегка задержало, а потому выстрелы на несколько драгоценных секунд утихли. Когда стрельба возобновилась, прицелиться им не удалось. Наверное, гады уже утомились! А может, решили доверить остальную работу собакам.

Гибкие, худые, лающие, дрессированные машины смерти, освободившись от привязи, стремительно сорвались с места.

Когда Брайан добежал до нижней точки склона, в бледном утреннем свете он хорошо все видел в обе стороны.

Перед ним с обеих сторон шли два состава: им отрезало путь к возможности скрыться за деревьями вокруг поля, по другую сторону железнодорожного полотна. Услышав мощный грохот, Брайан

вздрагнул. Джеймсу удалось на бегу вытащить револьвер «энфилд». Судя по барахтающемуся в снегу черному пятну, Джеймс ранил набросившуюся на него собаку.

Остальные три собаки инстинктивно шли по следу за двумя мужчинами и изготовились прыгнуть прямо на спину Джеймсу.

Кровожадная овчарка даже вырвалась из рук хозяина: между лапами болталась цепь, из-за чего она двигалась чуть медленнее двух доберманов.

Затем вокруг Брайана и Джеймса вновь взметнулся вихрями снег. Их вот-вот достанут редкие очереди выстрелов.

Джеймс снова выстрелил. Брайан открыл кобуру и взялся за рукоятку револьвера. Потом шагнул в сторону и прицелился — мимо него пронесся Джеймс.

На одну роковую секунду раненная Джеймсом собака отвлеклась на Брайана и схватила зубами воздух как раз в то мгновение, когда прозвучал выстрел. Перекувыркнувшись несколько раз, животное замерло. Остальные псины, не медля ни секунды, бросились Брайану на грудь и руки — как их учили. Брайан дал им себя повалить и выстрелил в одну, когда она бросилась на него сверху, однако серьезно ее не ранил.

Овчарку у его левой руки он сильно ударил по голове рукояткой — она упала рядом замертво. Затем встал — и тут же оказался перед первой, уже мчавшейся ему навстречу.

Вцепившись в руку, собака начала трясти свою жертву. Пока она жива, хватку не разожмет. Получив от Брайана мощный пинок, псина взлетела в воздух, — таким образом, он смог вывернуть руку и одновременно выстрелить из револьвера. В то мгновение, когда тело собаки рухнуло на землю, он поскользнулся и потерял револьвер. Тут снова затарахтели пистолеты-пулеметы. Теперь солдаты уже не боялись задеть своих собак: их тела лежали на снегу.

Джеймс оказался на полсотни метров впереди. Он бежал сутулясь, на плечах болталась кожаная куртка. Всякий раз, ставя ногу на землю, он содрагался всем телом.

На востоке впадины, на несколько сотен метров глубже, появился еще один патруль. Неясно, куда он направлялся, но он не оставил Брайану и Джеймсу иного выбора, кроме как бежать прямо к железной дороге и двум поездам, которые вот-вот перекроют путь вперед.

Пытаясь догнать Джеймса, Брайан запыхался, голова у него болталась из стороны в сторону. На ум пришла безумная мысль. Если в них попадут — теперь это, судя по всему, неизбежно, — гораздо лучше умереть плечом к плечу.

Быстрее возле них оказался поезд, шедший с востока по ближайшим рельсам.

Локомотивная бригада бездействовала, разглядывая патрули, догонявшие поезд сзади и сбоку. По белой, голой местности мимо них прогрохотало абсурдное зрелище — коричневые деревянные вагоны с красным крестом. В окна не выглянуло ни одно лицо.

По вторым путям на восток, фыркая, шли два сцепленных бронированных локомотива, таща за собой серо-зеленую ленту вагонов, — вскоре они скрылись за локомотивом санитарного поезда. Солдаты, сидевшие на крышах последних вагонов бронированного поезда, заметили беглецов и зашевелились, но не могли прицелиться под углом, опасаясь задеть санитарный поезд.

Сделав широкий шаг, Брайан наступил туда, где только что была нога Джеймса. Тот запыхался, в его дыхании слышался свист. Придержав шаг, Брайан обернулся.

В тот момент, когда Джеймс добежал до поезда, мимо проходили два вагона. Он приостановился, протянул руку и схватился за нижние поручни. Рванувшись, он вцепился в металлические перила так низко, что закинуть ногу даже на нижнюю ступеньку своими силами не мог. На вспотевшей ладони моментально образовался лед. Когда он уже почти потерял равновесие и чуть было не упал под оси вагона, возле него оказался Брайан и попытался удержать.

Благодаря толчку Джеймс дотянулся до ближайшей ступеньки. Секунду он махал рукой в воздухе, словно ветряная мельница, чтобы не потерять равновесие, — бежал он неуклюже, боком. В суматохе он выпустил из рук «энфилд» — тот перелетел вагон, описав широкую дугу. Затем он споткнулся, и какое-то время его волокло по шпалам — держался он примерзшей рукой. Каждый раз, когда шпалы бились об его голень, он оказывался в опасной близости от колес. Сделав неловкий рывок и напрягаясь изо всех сил, он вскинул ногу и вновь забрался наверх. Брайан торопливо сделал еще пару шагов и вскочил в

вагон, совсем недолго подержавшись за перила, — примерз и оторвался лишь небольшой лоскуток кожи.

— Держусь! — крикнул Джеймс.

И тут же подтянулся вверх — его чуть было не впечатало боком в металлические ступени.

Позади наискосок от них показался передовой отряд первого патруля — люди с посиневшими лицами, слишком утомившиеся, чтобы идти ровно в легком снежном вихре. Один солдат попытался ухватиться за лестницу, ведущую на крышу вагона. Торопливо сделав несколько шагов на кончиках пальцев, в итоге он споткнулся и перекувыркнулся через шпалы.

Вскоре он затих.

В тот момент мимо них прошел бронированный поезд, а санитарный все набирал скорость.

И лишь тогда преследователи остановились.

Глава 3

К югу от несущегося поезда на холмах всплывали бледные пляшущие силуэты деревьев.

Дыхание у Джеймса постепенно выровнялось, и он хлопнул друга по спине:

— Брайан, сядь прямо! Воспаление легких схватишь!

У обоих стучали зубы.

— Снаружи нам оставаться нельзя, — сказал Брайан, растянувшийся на обледеневшей платформе.

На небольшом повороте поезд слегка накренился, ненадолго открывая вид на путь вперед.

— Если останемся здесь, замерзнем насмерть, ну или нас пристрелят, когда будем станцию проезжать. Спрыгивать надо, и побыстрее.

Тупо уставившись в одну точку перед собой, Брайан слушал, как под ними все чаще гремят стыки рельсов.

— Черт бы все это побрал, — тихо добавил он.

— С тобой все нормально? — На Брайана Джеймс не смотрел. — Встать можешь?

— Не думаю, что мне досталось сильнее, чем тебе. Хорошо хоть мы в санитарном поезде оказались. У нас тут больничные койки прямо за дверью.

Ни один из них не засмеялся. Протянув ладонь к дверной ручке, Джеймс слегка покрутил ее кончиками пальцев. Заперто.

Брайан пожал плечами. Безумная была мысль.

— Как только мы дверь откроем, нас тут же пристрелят. Кто его знает, что там за ней?

Джеймс все понял. Красный крест на немецкой технике всерьез уже никто не воспринимал. Символом милосердия долгое время злоупотребляли. Подобный транспорт истребители союзников больше не жалели, и им это было хорошо известно.

И пусть даже это правда санитарный поезд — дальше-то что? Понятное дело, пилотов союзников немцы ненавидели. У него у самого были причины ненавидеть служащих в люфтваффе. У всех на

совести накопилось слишком много всего, чтобы в душе нашлось место милосердию. У всех, кто участвовал в этой безумной войне.

Встретившись взглядом с Джеймсом, Брайан кивнул. В глазах светилась лишь грусть.

Не могла же удача сопутствовать им бесконечно.

Поезд пронесся по железнодорожному переезду. В пятидесяти метрах от дороги в полутьме возле будки стояла охранявшая шлагбаум пожилая женщина.

Джеймс осторожно высунул голову и заглянул вперед. Еще не до конца рассвело. Вокруг тишина. Ничто не подскажет, что ждет их на следующем повороте — или через поворот.

В вагоне что-то зашуршало. В свои права вступило утро. Наверное, медсестры к работе приступили. Сзади щелкнул засов на двери, разделявшей два вагона.

Почувствовав секундное слабое прикосновение к воротничку, Джеймс поднял глаза. Брайан отошел за дверь и сделал знак Джеймсу подойти.

Через секунду дверная ручка дернулась. Высунул голову совсем молодой человек: сделав глубокий вдох, он удовлетворенно выдохнул. К счастью, ветер дул с севера, поэтому санитар прошелся по платформе и встал к ним спиной, а потом расстегнул ширинку.

Джеймса начало трясти; Брайан положил ладонь на его рукав, но Джеймс отдернул руку и перенес вес на более удобную ногу. Санитар присел на корточки, пернул и с облегченным видом стряхнул последние капли мочи.

Со стороны Брайану показалось, что, когда санитар обернулся, Джеймс рванулся вперед. Безжалостный удар пришелся на онемевшее лицо немца, и тот рухнул назад. О смерти медбрата сообщили глухой звук и то, как резко тело сменило направление движения: оно ударилось о ствол вяза, в одиночестве возвышавшегося на склоне, мимо которого они проезжали. Упав с поезда, тело исчезло где-то в заиндевевших кустах.

Пока что его не найдут.

Брайан пришел в ужас. Раньше они никогда не сталкивались со смертью лицом к лицу, хоть и часто становились ее причиной. Джеймс прислонился к трясущейся торцевой стене.

— Брайан, я больше ничего не мог поделать! Либо он, либо мы!

Прижавшись лбом к его щеке, Брайан вздохнул:

— Джеймс, теперь сдаться будет трудно.

Им представился идеальный шанс сдаться. Юный санитар, совсем один, безоружный. Теперь сожалеть уже поздно. Что сделано, то сделано. Под ними проносились шпалы, а удары по рельсам стучали все чаще.

Если они сейчас спрыгнут, то разобьются.

Джеймс повернул голову и приложил ухо к двери. Тишина. Памятуя о собственном горьком опыте, он два раза протер ладонь о штаны, осторожно взялся за ручку хлопающей двери, приложил палец к губам и просунул лицо в приоткрытую дверь.

Потом подал Брайану знак идти за ним.

В вагоне было темно. За перегородкой оказался проход в более просторное помещение, откуда выбивались тихие звуки и слабый свет. Под самым потолком висели битком забитые полки с кувшинами, бутылками, тюбиками и картонными коробками всевозможных размеров. В углу стояла скамья. Эта каморка — владения санитара, дежурившего в ночную смену.

Парнишки, чью жизнь они только что оборвали.

Джеймс очень аккуратно расстегнул куртку и подал Брайану знак точно так же поступить со своим летным костюмом.

Вскоре оба остались в одних рубашках с рванными рукавами и кальсонах. Остальную одежду Джеймс выбросил с той платформы, откуда они только что ушли.

Они понадеялись, что, если их увидят в подобном обмундировании, сразу стрелять не станут.

Заглянув за перегородку, они остановились. Десятки солдат лежали на узких стальных койках и набивных матрасах в серую полосу, разложенных впритык друг к другу на полу. К противоположному концу вела узкая полоска голых досок. Пройти они могли только здесь. К ним повернулись несколько ничего не выражающих, безразличных сонных лиц. На многих еще была форма. Рядовых — никого.

Едкая вонь мочи и экскрементов смешивалась со слабым сладковатым запахом камфары и хлороформа. Большинство тяжелораненых хрипели с приоткрытым ртом. Но никто не жаловался.

Медленно и спокойно проходя мимо, Джеймс кивал тем, в ком еще теплилась жизнь. Нестиранные тонкие простыни — вот и все, что служило им защитой от холода.

Один потянул руку к Брайану, попытавшемуся улыбнуться в ответ. Джеймс едва не споткнулся о торчащую ногу. Он прижал руку ко рту, чтобы не вскрикнуть от удивления, и посмотрел на военного. Встретил его холодный, неподвижный взгляд. Судя по всему, офицер пролежал на полу мертвым всю ночь. Он до сих пор сжимал в руке повязку.

Бинт был чистым, а вот вдоль матраса виднелись ручейки засохшей крови, которая наверняка потекла из бедняги резко и очень сильной струей.

Джеймс быстрым движением сорвал с покойника бинт и приложил рулончик к раненой мочке уха, снова начавшей кровоточить. Тут в том конце поезда, откуда они пришли, послышались грохот и звон.

— Идем! — прошептал Джеймс.

— А может, лучше на месте остаться? — спросил Брайан, когда они стояли в проходе.

Большую часть пола покрывали использованные перевязочные материалы, из-за чего воздух был спертым.

— Брайан, у тебя что, глаз нет?

— Ты про что?

— У офицеров в вагоне нашивки СС! У всех! Как думаешь, что будет, если первыми нас найдут солдаты СС, а не санитары?

Он грустно улыбнулся Брайану. Затем губы сомкнулись, а взгляд затвердел.

— Обещаю, что вытащу нас отсюда, Брайан, но решения принимать буду я!

Брайан молчал.

— Договорились? — Во взгляде Джеймса появилась настойчивость.

— Договорились! — Брайан попытался улыбнуться.

У его ног зазвенело ведро с хромированными инструментами. По бокам стекала непонятная темная жидкость. Все говорило о том, что основная задача этого транспорта — доставить сыновей Германии домой, однако не на немецкую землю, а в нее.

Если это обычный санитарный поезд, то Восточный фронт, должно быть, ад на земле.

Следующий вагон оказался не таким темным. Несколько лампочек освещали два ряда кроватей, стоящих вплотную друг к другу вдоль стен.

За одной из кроватей Джеймс остановился и повертел медкарту. Затем кивнул пациенту, не подозревавшему, что возле него вообще кто-то был, и пошел к следующей. При виде карты он замер. Осторожно подойдя к нему, Брайан кивнул на карточку и шепнул:

— Что там написано?

— Написано следующее: Шварц Зигфрид Антон. Родился десятого ноября тысяча девятьсот седьмого года, гауптштурмфюрер.

Джеймс уронил карту и посмотрел ему прямо в глаза:

— Они все офицеры СС! И в этом вагоне тоже.

Один из лежавших неподалеку умер уже давно. Находчивый санитар закрепил раненую руку на штатив, чтобы ее не тревожила тряска в вагоне. Посмотрев в подмышку мертвеца, Джеймс вцепился в Брайана. Из вагона, откуда они только что ушли, раздался крик — вздрогнул мужчина, чью карту они рассматривали. Он смотрел на них, а в уголках рта пузырилась слюна.

Чуть дальше впереди вагоны соединялись черно-коричневым полотном, сложенным в гармошку, и им стало понятно, что следующий вагон другой. Доносившиеся от рельсов звуки гасли. Дверные ручки — из латуни. Дверь открылась без скрипа.

Тут перегородки не было. Немногочисленные желтые лампы освещали десяток кроватей, стоящих параллельно друг другу настолько плотно, что между ними вряд ли протиснется медперсонал. Над изголовьями висели стеклянные бутылки с продлевающими жизнь жидкостями, тихонько позвякивая о стальные штативы. Больше в этом вагоне не раздавалось ни звука. А вот из следующего ясно слышались голоса.

Джеймс протиснулся между первыми кроватями и склонился над ближайшим пациентом. На мгновение он остановился, рассматривая грудную клетку больного, — та почти незаметно вздымалась и опускалась. Затем молча обернулся и приложил ухо к области сердца лежащего рядом.

— Черт побери, Джеймс, ты что творишь? — возмутился Брайан, стараясь говорить как можно тише.

— Найди покойника, и побыстрее! — ответил Джеймс, даже не посмотрев на него, и двинулся дальше — слушать следующего.

— Ты что задумал — в койки укладываться? — Брайан в свое дикое предположение ни на секунду не поверил.

Джеймс на секунду выпрямился, и его взгляд уничтожил все основания для сомнений. «А ты как думал?» — вот и все, о чем говорили его глаза.

— Джеймс, они же нас укокошат! Если не за санитаря, то за это.

— Брайан, заткнись. Они нас в любом случае укокошат, не важно за что. Уж будь уверен!

Джеймс резко выпрямился от следующей койки и подтолкнул тело вперед. Потом стащил с мужчины рубашку через голову — тот упал на спину, сильно ударившись об изголовье, а руки, тяжело рухнув, повисли по бокам койки.

— Помоги мне, — скомандовал он, вытаскивая иглу из руки покойника и срывая с него одеяло.

Почувствовав запах разложения, Брайан стал хватать ртом воздух.

Затем Джеймс подтолкнул тело вперед, и Брайану пришлось за него схватиться. У покойника была тонкая, покрытая синяками кожа — прохладная, но не совсем остывшая. Из-за рвотных позывов Брайан задержал дыхание и отвернулся в сторону. Джеймс в это время открывал задвижки ближайшего окна, даже костяшки пальцев у него побелели.

От морозного воздуха из приоткрытого окна у Брайана закружилась голова, и он едва не упал. Джеймс выдернул тело из объятий Брайана, приподнял левую руку покойника, бросив взгляд сначала под нее, а затем на лицо солдата. Он был не сильно старше их.

— Брайан, помоги мне!

Когда Джеймс взял покойника под мышки, руки у того криво встопорщились. Брайан схватился за ступни и толкнул. Затем Джеймс сильнее наклонился назад и перекинул тело через себя. Тут он сделал глубокий вдох и изо всех сил толкнул военного вверх, чтобы затылок на секунду оказался на узком металлическом краю оконной рамы. Лишь когда Брайан отпустил тело и оно, безвольно барахтаясь, провалилось сквозь тонкий лед дренажного канала — в болотистой

местности он пересекался с железнодорожными путями, — он в полной мере осознал правду.

С этого момента пути назад нет.

Джеймс метнулся к другой стороне кровати и пощупал пульс соседа. Затем повторил те же действия и наклонил мужчину вперед.

Не произнеся ни слова, Брайан взял тело и сбросил на пол одеяло. На этом мужчине повязок тоже не было, но он оказался чуть ниже и крепче, чем предыдущий.

— Он же еще живой, — запротестовал Брайан и прижал теплое тело к себе, а Джеймс тем временем отвел руку пациента назад и стал рассматривать подмышку.

— Группа крови — вторая положительная. Запомни, Брайан!

О работе татуировщика сообщили два бледных пятна в подмышке.

— Джеймс, что это значит?

— Что ты больше на него похож, поэтому с этого момента группа крови у тебя вторая положительная. У моего тоже такая была. У всех солдат СС на левой подмышке вытатуирована группа крови, а у большинства на правой есть символ СС.

Брайан замер:

— Ты с ума сошел! Нас ведь сразу раскроют!

Джеймс не отреагировал. Он взял карты пациентов с обеих коек и по очереди просмотрел их.

— Тебя зовут Арно фон дер Лейен, и ты оберфюрер. А меня — Герхарт Пойкерт. Запоминай!

Брайан с недоверием смотрел на Джеймса.

— Оберфюрер. Да, ты все правильно расслышал! — Лицо у Джеймса было серьезным. — А я штандартенфюрер! Высоко мы забрались, Брайан!

Раздевшись, они избавились от одежды тем же способом, что и от двух солдат. Через несколько секунд шум ветра от близлежащего дома дал им понять, что они миновали переезд.

— Снимай. — Джеймс указал на жетон Брайана, провисевший у него на груди больше четырех лет.

Брайан заколебался. Резким движением Джеймс сорвал с него жетон. Когда Джеймс швырнул жетоны в пустоту и закрыл окно, у Брайана засосало в животе.

— А как же платок Джилл? — Брайан показал на лоскуток с вышитым сердечком, всегда висевший на шее у Джеймса.

На это Джеймс отвечать не стал и натянул через голову больничную рубашку, снятую с покойника.

Не меняя выражения лица, Джеймс перекинул ногу через испражнения покойного и улегся на койку. Сделав глубокий вдох, он взял себя в руки, несколько секунд таращился на потолок и зашептал, не поворачивая головы:

— Ну ладно, пока все хорошо. Значит, будем лежать здесь. Никто не знает, кто мы такие, а мы рассказывать не станем. Помни: что бы ни случилось — молчи! Если хоть раз облажаешься, нам обоим крышка.

— Это, черт возьми, можно было и не говорить.

Брайан недовольно посмотрел на покрытую пятнами простыню. Когда он ложился, она казалась влажной.

— Мне больше интересно, как ты себе другое представляешь: что скажут медсестры, когда нас увидят. Мы их не обдурим, Джеймс!

— Если будешь держать язык за зубами и делать вид, что ты без сознания, они ничего не заметят, будь уверен. В этом поезде наверняка больше тысячи раненых!

— Мне кажется, здесь какие-то особые...

Услышав металлический лязг из соседнего вагона, оба замерли и закрыли глаза. Раздались шаги — кто-то прошел мимо них в соседний вагон. Сквозь сомкнутые ресницы Брайан мельком разглядел форму — затем фигура исчезла.

— Джеймс, а иголки? — тихо спросил Брайан.

Джеймс бросил взгляд через плечо. Рядом с его кроватью болтался резиновый шланг.

— Воткнуть это себе в руку ты меня не заставишь.

От выражения лица Джеймса по спине у него пробежал холодок.

Джеймс бесшумно выбрался из койки и схватил Брайана за руку. Брайан вытаращил глаза.

— Ты этого не сделаешь! — с ужасом зашипел он. — Мы понятия не имеем, что было с теми парнями. Мы сами заболеем!

По тяжелому дыханию Брайана Джеймс понял, что теперь рассуждения на эту тему уже излишни. Брайан недоверчиво пялился на иглу, глубоко вошедшую в локтевой сгиб. Резиновый шланг все крутился, а Джеймс вновь плюхнулся на место покойного соседа.

— Брайан, не надо бояться. Мы не умрем от того, что было у тех парней.

— Откуда ты знаешь? Они ведь были не ранены. Может, у них какие-нибудь кошмарные болезни.

— Ты скорее на казнь пойдешь, чем этим шансом воспользуешься?

Джеймс посмотрел на свою руку и взялся за иголку. Отвернув голову, он воткнул иглу куда попало — в глазах потемнело.

В ту же секунду распахнулась дверь в задней части вагона.

Брайан почувствовал, как предательски громко и сильно застучало его сердце, когда топот шагов смешался с голосами. Он ничего не понимал. Для него слова были лишь звуками.

И тут веселые деньки в Кембридже возникли у него перед глазами с необычайной ясностью.

В те времена Джеймс был слишком занят немецким — своей специальностью, — чтобы участвовать в общих проделках. А теперь он лежал рядом, пожиная плоды труда, и понимал, что говорят вокруг. Брайана терзали угрызения совести. Если бы он мог, он бы все свои свидания, заигрывания и прочие развлечения променял на возможность понять хоть что-нибудь.

От беспомощности Брайан решился чуть приоткрыть глаза. Несколько человек стояли поодаль возле койки, склонившись над медкартой.

Затем медсестра накрыла простыней голову лежавшего, а остальные пошли дальше. Выступивший у Брайана на волосах холодный липкий пот медленно потек вниз.

Полногрудая пожилая женщина — видимо, главная — шла первой, бросая изучающие взгляды в койки и задевая их металлические края. При виде уха Джеймса она остановилась и протиснулась между их койками.

Пробормотав пару слов, она склонилась ниже, будто собираясь Джеймса проглотить.

Снова выпрямившись, она обернулась и бросила взгляд на Брайана — тот как раз успел закрыть глаза. «Господи, пусть она пройдет мимо», — подумал он и пообещал себе больше не проявлять подобную неосторожность.

Стук каблуков растворился за его спиной. Смотрел он исподлобья, едва приподняв веки. Джеймс лежал на боку совершенно неподвижно, повернувшись к нему и закрыв глаза, и ничем себя не выдал, даже ресницы ни разу не дрогнули.

Наверное, он прав: персонал пациентов друг от друга не отличает.

По крайней мере, старшая медсестра прошла мимо, ничему не удивившись.

Но что произойдет, когда на них посмотрят более внимательно? А во время мытья? Или когда заявит о себе потребность справить малую нужду — ну или когда ему срать приспичит, в конце концов? Брайан не отважился додумать мысль до конца и тут же понял, как ужасно ему распирает живот.

Бросив взгляд на последнюю койку в вагоне, старшая медсестра громко хлопнула в ладоши и отдала приказ. Ненадолго воцарилась полная тишина.

Молча выждав несколько минут, Брайан снова приоткрыл глаза. Джеймс молча на него смотрел — все говорил взгляд.

— Ушли, — прошептал Брайан и посмотрел на ряд коек. — Что там случилось?

— Они нас на потом оставили. Другим надо больше внимания уделить.

— Ты понимаешь, что они говорят?

— Да. — Потрогав ухо, Джеймс оглядел себя. Раны на его теле, судя по всему, не слишком заметны. — Как там твои раны?

— Я не знаю.

— Так посмотри и узнай!

— Я же не могу сейчас рубашку снять.

— Давай! Надо убрать кровь, если она есть. Или они неладное заподозрят.

Брайан покосился на иглу. Он смотрел на проход и глубоко дышал, затем криво стащил рубашку через голову — она повисла на руке, из которой торчала игла.

— Ну и что там? — слышалось сбоку.

— Не очень.

И руку, и плечо не помешало бы хорошенько промыть. Царапины оказались неглубокими, а вот рана в плече шла до самой спины.

— Рукой умойся. Слюнями, а руку потом оближи. И поторопись, Брайан!

Джеймс слегка приподнялся на койке. Когда рану на плече Брайана снова скрыла рубашка, он слабо кивнул. Губами он попытался изобразить улыбку, но по глазам было видно, что на душе у него совсем другое.

— Брайан, нам придется татуировки сделать, — сказал он, — и как можно быстрее.

— А как это делается?

— Под кожу вкалывают пигмент. Мы иголкой воспользуемся.

От одной мысли Брайана затошнило.

— А пигмент?

— Думаю, можно взять грязь из-под ногтей.

Осмотр рук показал, что по крайней мере грязи им хватит.

— А мы столбняк не подхватим?

— От чего?

— От грязи из-под ногтей!

— Забудь, Брайан. Это не самая большая наша проблема.

— Ты про боль думаешь?

— Нет. Я думаю, какую татуировку делать.

Брайана поразила разумность этих слов. Ему самому и в голову не пришло задаться этим вопросом. Какую татуировку делать?

— Джеймс, какая у тебя группа крови?

— Первая отрицательная, а у тебя?

— Третья положительная, — тихо ответил Брайан.

— Дерьмово, — устало произнес Джеймс. — Слушай, если у нас не будет татуировок со второй положительной, в какой-то момент они, черт побери, заподозрят неладное. Такое же в истории болезни пишут, разве нет?

— А что, если они нам кровь не той группы перельют? Черт возьми, это же опасно!

— Всё так. — Последнюю фразу Джеймс произнес очень тихо: — Поступай как знаешь, Брайан, но я сделаю татуировку со второй положительной.

Сильная тяга ниже пояса сбила Брайана с толку — все сложности смешались в одну кучу. Больше он сдерживаться не мог.

— Мне отлить надо.

— Так давай! Чего тут сдерживаться?

— В койку?

— Бога ради, Брайан! Да, в койку. Куда еще?

Вдруг в задней части вагона что-то зашевелилось — оба тут же закрыли глаза и замерли в том положении, в котором их застали. Брайан лег неудобно, подмяв под себя одну руку, а вторую криво положив поверх одеяла. Несмотря на сильное желание, выдавить из себя жидкость он не мог.

Запирающий механизм решение принял сам.

По интонации и тембру Брайану удалось насчитать минимум четырех медсестер. Видимо, каждой койкой одновременно занимались две медсестры. Повернуть голову Брайан не решился.

Где-то поодаль одна группа медсестер опустила ограждения на кровати покойника. Вероятно, они его уберут. В той группе, что была к нему ближе, болтали о личном и работали.

Брайан разглядел, что лежавшему напротив них пациенту стащили через голову рубашку и тот лежал с голыми ногами и гениталиями. Склонившись над ним, они уверенно шарили руками с единственной целью — доделать свою работу.

Медсестры в задней части вагона уже обернули простыней покойника с третьей койки и как раз переворачивали его на спину. Когда они перетаскивали больного на середину простыни, раздался какой-то звук — все четыре медсестры тут же побросали свои дела. Закровоточила длинная рана, тянувшаяся от плеча к затылку. Не обращая на рану ни малейшего внимания, одна из женщин отколола от воротничка свой значок и с силой воткнула иглу мужчине в бок. Если он и застонал, Брайан этого расслышать в любом случае не мог. И независимо от того, сочли они его мертвым или нет, они продолжили его заворачивать.

Как им с Джеймсом сохранять спокойствие, чтобы никто не почуял неладное, он не знал. Брайан смотрел на бесстрастные лица трудившихся медсестер. А если они в него иголку воткнут? Сможет ли он не шевельнуться? В этом Брайан сомневался.

От этой мысли его передернуло.

Когда они пропустили Джеймса и направились к Брайану, тот вздрогнул. С него вдруг сдернули одеяло и одним движением перевернули на спину.

Женщины были молодыми. Накатило неприятное смущение, когда они раздвинули ему ноги и стали резкими движениями вытирать задний проход и мошонку.

Вода оказалась ледяной, и от неожиданности у него затряслись бедра. Брайан старался взять себя в руки. Если сейчас у них никаких подозрений не возникнет, они многое выиграют. «Не показывай подмышки», — думал он, когда его снова перевернули.

Какая-то женщина раздвинула его ягодицы и ощупала простыню между ног. Они обменялись парой слов. Наверное, удивились, что простыня сухая. Одна из медсестер склонилась над ним, а в следующее мгновение Брайан почувствовал, что его сейчас ударят по щеке. За долю секунды он осознал, что его будут бить и что ему надо расслабиться. Тяжелый удар пришелся ему на скулу и по брови — он даже не шелохнулся.

Значит, может и иголка появиться.

Его мысли ушли далеко от кошмарной реальности трясущегося поезда, но он почувствовал, что ему в бок входит игла.

Он похолодел. Но ни одна мышца не дернулась.

Если это снова случится, будет сложнее.

Затем поезд стало пошатывать. Вагон сильно встряхнуло — заскрипели кровати. Вдалеке раздался удар. Две женщины, только подошедшие к кровати Джеймса, закричали и отпрянули. Труп рухнул на пол. Брайан осторожно протянул руку к тому нежному месту на поясице, куда ему воткнули иглу. Рядом с ним на койке лежал Джеймс — рубашку с него стащили только наполовину. Джеймс лежал тихо как мышь и вытаращенными глазами выглядывал из складок рубашки; лицо у него побелело как мел.

Одними губами Брайан нервно произнес, что бояться нечего, что нужно расслабиться и закрыть глаза. Но от напряжения и страха Джеймса унесло далеко.

По лицу потекли внезапно проступившие коварные капли пота. Вагон тряхануло еще несколько раз, и медсестер бросило вперед — свою тяжелую мертвую ношу они выронили. Услышав их громкие жалобы, женщины за спиной Брайана кинулись на помощь. Когда они

пробежали мимо, Джеймс вздрогнул под одеялом и, задыхаясь, стал хватать ртом воздух.

От двух мощных ударов вагон задрожал — Брайана отбросило на край койки. Джеймс поджал под себя ноги и судорожно вцепился в простыню. Поезд двигался рывками. Брайан протянул к Джеймсу руку, чтобы успокоить. Но Джеймс этого не заметил. Из его глотки рвался крик. Прежде чем он раздался, Брайан успел выпрямиться и схватить стальной тазик, оставленный медсестрами на краю койки, перед полуголым Джеймсом.

Брайан сильно ударил своего соседа в висок, вода расплескалась на стену. Медсестры встрепнулись от звука удара, но увидели только Брайана, чье тело вяло свисало с края койки, не доставая до пола. На полу, прислонившись к стене, дном вверх стоял тазик.

Насколько Брайан мог судить, Джеймс не вызвал у медсестер подозрений, пока они приводили его в порядок. Поглощенные тихой беседой, они закончили работу и не проявили ни малейшего интереса к отсутствию татуировки под мышкой.

Когда они ушли, Брайан долго смотрел на Джеймса. Изуродованная мочка уха и синяки по всему лицу — из-за всего этого его в целом пропорциональную голову перекосило, и выглядел он старше своих лет.

Брайан вздохнул.

Судя по картине, запечатлевшейся у него, когда они запрыгивали в поезд, они в пятом или шестом вагоне. Позади них, сколько хватало глаз, шли вагоны. Если обстоятельства потребуют от них спрыгнуть с поезда при дневном свете, увидят их, должно быть, сорок вагонов. Вряд ли им удастся убежать так, чтобы их не обнаружили. Да и где им убежища искать? На вражеской территории, за сотни километров от границы.

Однако хуже всего то, что теперь им нельзя себя раскрывать. Можно сказать, на их совести уже три человеческие жизни. Один уже умер, а второй умирал — ну и что? Без нужной формы их сочтут шпионами и, перед тем как казнить, выпытают все, что им известно.

Несмотря на страдания, которых Брайан успел насмотреться за войну, он ощутил, что судьба обошлась с ними чудовищно несправедливо. Он не был готов умирать. Ему было ради чего жить.

Представив рядом с собой членов семьи, он почувствовал грусть, отчаяние — и тепло.

В это мгновение тело Брайана ненадолго расслабилось, благодаря чему мочевого пузыря спокойно опорожнился.

Постепенно поезд вернулся к обычному, ровному ритму движения. Матовые стекла приглушали проникающий в вагон бледный свет зимнего солнца. Голоса предупредили об очередном осмотре.

Несколько человек молча шли впереди, за ними некто в халате — он заметно возвышался над окружающими и целенаправленно двинулся к первой койке. Здесь он так грубо схватил медкарту, что затрясся край койки. Затем сделал небольшую пометку, оторвал бумагу и протянул медсестре, чуть ранее занимавшейся этим больным.

Пациентов не осматривали. Высокий военврач слегка наклонился к изножью коек, обменивался парой слов с персоналом, давал указания и быстро шел дальше. У четвертой койки, на которой лежал Брайан, он с уважением посмотрел на карту, прошептал несколько слов старшей медсестре и покачал головой.

Затем он резким движением указал на изголовье Джеймса — тут же подскочившая юная девушка подняла его повыше. Брайан изо всех сил старался дышать помедленнее и думать о чем-нибудь другом. Услышав стук сердца, они решили бы, что в его грудной клетке раздаются взрывы.

В изножье кровати говорили долго. Брайан отличил резкий голос старшей медсестры и предположил, что она недовольна его реакциями или общим состоянием. Вплотную к его спине встал человек, койка тихо затряслась. Затем огромные ладони схватили его за рукав и уложили на спину. Кончики пальцев прошлись по бровям, затем еще раз. Брайан был уверен, что моргнет, и почти перестал дышать.

Голоса смешались, и тут совершенно неожиданно его веко приподнял чей-то большой палец. Мелькнула вспышка света карманного фонарика — луч направили ему прямо в глаз, полностью ослепив. Затем его ударили по щеке и вновь посветили фонариком.

По ногам дул холодный ветер, чьи-то руки взялись за пальцы его ног, а врач вновь приподнял веко. Судя по всему, несильные покалывания пальцев ничего им не дали. Насмерть перепуганный Брайан лежал не шелохнувшись.

Но он оказался совершенно не готов к тому, что под нос ему сунут пропитанную нашатырем тряпку. От неожиданности парализовало мозг, перехватило дыхание. Брайан широко распахнул глаза и отвернулся в подушку, хватая воздух.

Совсем рядом с его головой сквозь пелену слез была видна пара глаз. Врач что-то ему сказал, а потом мягко хлопнул по щеке. Затем он снова выпрямился и посильнее приподнял изголовье — Брайан оказался в полусидячем положении, лицом к лицу с врагами.

Брайан решил смотреть в стену за их спинами и следующий удар встретил с широко распахнутыми глазами. «Задержи дыхание... Не моргай». За такими состязаниями они с Джеймсом часто коротали время в комнатке за кухней летнего домика в Дувре.

Следующий удар оказался жестче. Брайан не сопротивлялся, и его голова качнулась назад, как будто ни на чем не держалась. Когда разговоры смолкли, группа людей перед ним рассосалась — возле его медкарты остался только один человек. За царапающими звуками последовал грохот — изголовье вновь опустилось.

Брайан не стал закрывать глаза. Во время обхода он заметил, что за ним постоянно наблюдают. Затем его веки сами стали медленно опускаться.

В полудреме он даже не обратил внимания на то, что ему сделали укол.

Глава 4

— Пойдем! — донеслось издалека, голос смешался с летним шумом и картинами туманной дымки. — Брайан, пойдем!

Возникло ощущение качки, а голос становился все глубже и громче. Потом он почувствовал, что его трясут за руку. Брайан не сразу понял, где находится.

Сейчас в полутемном вагоне было тихо. Молча улыбнувшись, Джеймс в последний раз дернул его за руку, Брайан улыбнулся в ответ.

— Придется говорить шепотом.

Брайан кивнул, он все понимал.

— Когда я проснулся, ты был без сознания, — продолжил Джеймс. — Что там случилось?

— Я тебя вырубил, — произнес Брайан, пытаясь сосредоточиться. — А потом они нас осмотрели. Мне в зрачки заглядывали. И я глаза открыл. Они знают, что со мной неладное.

— Знаю. Они на тебя несколько раз поглядывали.

— Надолго я отключился?

— Брайан, соберись и послушай меня! — Джеймс отдернул руку. — В переднем вагоне полно солдат. Они едут домой в увольнение, но, думаю, им приказали еще и за пациентами приглядывать.

— Домой?

— Да, мы глубоко на территории Германии. Целый день ехали. В последнее время мы еле ползем. Не знаю, куда мы направляемся, но сейчас в Кульмбахе стоим.

— Кульмбах?

Брайан с большим трудом удерживал нить разговора.

Кульмбах? Кульмбах? Поезд стоит?

— К северу от Байройта, — прошептал Джеймс. — Бамберг, Кульмбах, Байройт — помнишь?

— Знать бы, что они мне вкололи. У меня во рту пересохло.

— Брайан, соберись! — Несколько тычков, и Брайан снова открыл глаза. — Что произошло, когда нас мыли?

— В смысле, произошло?

— Татуировки, друг! Как все прошло?

— Они не смотрели.

Джеймс откинул голову на подушку и воззрился в потолок.

— Надо татуировки сейчас сделать, пока нам все видно.

— Джеймс, мне холодно.

— Холодина ужасная. Они проветривали. Весь пол был в снегу, — Джеймс указал на пол, не сводя глаз с потолка. — Смотри-ка, еще остался. Как ты понимаешь, солдаты рядом в шинелях сидят.

— Ты их видел?

— Они сюда время от времени заглядывали. Пару часов назад искали санитаря — того, что мы с поезда сбросили. Они в курсе про стычку с какими-то летчиками-англичанами — видели, как они в поезд запрыгивали. Должно быть, сведения о нас передали те патрульные с собаками.

— Как?

События стремительно разворачивались у Брайана в голове — он и сам за ними не поспевал.

— Не знаю. Но им обо всем известно, они нас искали, но не нашли — и не найдут.

— А санитар?

— Не знаю.

Джеймс не стал продолжать беседу, сел и взялся за торчащую в левой руке иглу. Закрыв глаза, он вытащил ее — из подающего лекарство шланга на простыню закапала смешанная с кровью жидкость. Опершись на локоть, Брайан пытался следить за его действиями. Дорогу жидкости перегородил небольшой узелок на резиновом шланге — Джеймс в это время закатал рукав рубашки до плеча. Затем почистил пару ногтей кончиком иглы и стал небольшими порциями вкалывать грязь под тонкую кожу подмышки.

Выглядел Джеймс паршиво: с щек исчез румянец, губы посинели. А игла все колола и колола. На светлых волосах в подмышке появлялось все больше красных капель. Чтобы указать первую положительную группу, уколов понадобилось много.

— Я чертовски сильно надеюсь, что воспаления не будет, — прошептал Брайан, вытаскивая иглу. — А если и будет, лучше себя обезопасить. Джеймс, я свою настоящую группу крови укажу!

— Ты с ума сошел! — возмутился Джеймс, тем не менее даже не пытаясь отговорить друга. Ему и своих забот хватало.

По мнению Брайана, он все хорошо продумал. Конечно, писать третью положительную вместо второй положительной рискованно. Но обозначения групп крови очень похожи — все решат, что ошибся тот, кто делал записи в карту. Если станут сравнивать с картой, то удивятся и наверняка исправят данные там. В этом он был уверен.

Таким образом, если они решат накачать его хоть кровью, хоть какой-нибудь дрянью, хуже ему не станет. А это все же, несмотря ни на что, главное. Есть еще одна вероятность: при определенных обстоятельствах в подмышку даже заглядывать не станут и последуют указания в карте. Но эту мысль Брайан предпочел отогнать. И стал выскребать грязь из-под ногтей.

Дело подвигалось очень медленно.

Дважды их прерывал шум из переднего вагона. Во второй раз Брайан автоматически засунул иглу под одеяло. Промелькнула тень — он тут же зажмурился.

Судя по звукам у кровати Джеймса, к ним шел еще один человек. Как только поезд трянуло, голову Брайана откинуло вбок, в сторону койки Джеймса. Он мельком разглядел одетого в черное офицера.

Брайан почувствовал, как от отвращения его охватила холодная дрожь, и он отвлекся от боли в подмышке. Сжимая иглу — она полностью исчезла в руке, — он надеялся, что Джеймс успел проявить ту же осторожность.

Офицер службы безопасности СС встал, заложив руки за спину, и долго смотрел на лица «находящихся без сознания». Снаружи раздались металлические звуки и крик. Вагон резко дернулся, но офицер даже не пошатнулся.

За несколькими рывками последовали сильные удары и мерное покачивание. Их переводили на другой путь. Когда железнодорожники наконец завершили свое дело, человек в черном развернулся и ушел.

Чуть позже, уже ночью, явился мужчина в шинели — и направился прямо к соседу Джеймса с другой стороны. Недолго постояв рядом, посветил ему в лицо. Затем замер, глухо вскрикнул и ушел в задние вагоны.

Вернулся он совсем скоро, ведя еще несколько человек. Один, одетый в халат, — его они еще не видели — разорвал рубаху у выреза и обнажил грудь пациента.

Послушав несколько секунд, он убрал стетоскоп и буквально вскипел от злости, что повлекло за собой целый клубок событий. Медсестры, жестикулируя, отпрянули. Хлопнула передняя дверь, и появился офицер службы безопасности: немедленно отдав ряд приказов, он решительным движением ударил первую медсестру по лицу. Шумно обменявшись парой слов с окружающими, солдат, с которого все началось, выбежал из вагона и вскоре привел еще нескольких. Тем временем пациента вынесли в сопровождении охранников и санитаров.

Над зданием железнодорожной станции затарахтел двигатель и раздался протяжный визг тормозов, сливаясь с доносившимися снаружи лихорадочными приказами. Больные в вагоне вновь оказались предоставлены самим себе.

— Что там стряслось? — спросил Брайан.

Джеймс приложил палец к губам.

— Он умирает. Он же группенфюрер, вот офицер службы безопасности и взбесился, — чуть слышно ответил он.

— Группенфюрер?

— Генерал-лейтенант! — с улыбкой пояснил Джеймс. — Да, ну и дела. Черт побери, ты только подумай: прямо рядом со мной лежал генерал войск СС. Неудивительно, что у персонала аж лица вытянулись. В таком месте любой неверный шаг чреват последствиями!

— И куда они его потащили?

— Служба безопасности повезла его в Байройт. Там больница есть.

Брайан вновь послунывил пальцы, осторожно вытер засохшую кровь под мышкой и начисто их облизал. Важно не оставить следов.

— Знаешь, Джеймс, чего я больше всего боюсь?

Когда Джеймс повернулся на бок и накрылся одеялом, от его кровати пахнуло вонью.

— Нет.

— А что, если эти пациенты едут домой, к семьям?

— Думаю, так и есть.

Услышав утвердительный ответ, Брайан закрыл глаза.

— А почему ты так думаешь? — справившись с собой, он задал вопрос.

— Когда они выносили генерала, я услышал слово «Heimatschutz». Не знаю, что оно значит, но, если переводить по частям, получится «защита родины» или что-то в этом роде. Как я понимаю, именно туда мы и направляемся. Под защиту родины!

— Джеймс, да нас же раскроют! — прошипел Брайан.

— Наверное. Все так.

— Надо отсюда драпать! Оставаться здесь — это же безумие. Мы не знаем, от чего нас лечат, куда мы едем — тоже непонятно!

Лицо Джеймса оставалось бесстрастным.

— Брайан, оставь меня в покое ненадолго.

— Сначала ответь на один вопрос. Ты согласен, что отсюда надо убираться? Может, сегодня ночью, если поезд опять тронется?

Повисла долгая тишина — было слышно, как шум грузовика медленно растворился где-то за станцией. Теперь голоса снаружи звучали чуть поодаль. Пациент по другую сторону от Брайана вскрикнул и глубоко вздохнул.

— Мы замерзнем насмерть, — наконец тихо произнес Джеймс. — Но ты прав.

План побега расстроился еще до того, как снова рассвело. В переднюю часть вагона вошли три женщины в гражданском и почти бесшумно распахнули дверь на платформу, впуская ледяной воздух. В середине вагона, прямо перед кроватью Брайана, женщин встретили врачи, покорно ответив на их «Хайль Гитлер!», и тут же начался спор. Женщины почти ничего не говорили и дали старшим врачам возможность выпустить пар. Затем вся группа обошла койки под пространные комментарии врачей. Ненадолго они остановились возле кровати Брайана и, пошептавшись, скрылись в соседнем вагоне.

— Гестапо. Эти женщины из гестапо, — сразу же сообщил Джеймс, как только щелкнула дверь вагона. — Они за нами присмотрят. Будут дежурить круглосуточно! Им сурово пригрозили, если в этом вагоне что-нибудь случится. Мы в хорошей компании, Брайан. Мы что-то значим. Только я, черт побери, не знаю что!

С этого момента в глубине вагона на стуле обязательно сидела какая-то из женщин. Даже когда перед самым отправлением поезда пришел транспорт с ранеными — пустые койки заполняли безвольные тела, лежащие без сознания на носилках, — дежурная не сдвинулась ни на миллиметр. Помощь в ее обязанности не входила, даже если и нужно было всего-то чуть-чуть подвинуться, чтобы санитары смогли пройти.

Сменяя друг друга — насколько Брайан мог судить, каждые два часа, — дежурные ничего друг другу не говорили. Сменщица заходила и садилась, и лишь тогда из вагона выходила та, чье дежурство закончилось.

Из-за невозможности переговорить с Джеймсом на Брайана навалилась неуверенность. Они сошлись на том, что надо бежать, а теперь-то что? Каждый раз, когда Брайан косился на Джеймса, он едва мог разглядеть проступающие под белой тканью очертания его неподвижного тела.

Поезд снова набрал скорость, и шелест растений, колышущихся в потоке воздуха от мчащегося поезда, говорил о том, что шанс спрыгнуть упущен. Даже если бы им не мешало присутствие надзирательниц.

Значит, их раскроют. Очень простое уравнение с парой неизвестных — осталось вычислить, когда и где это случится.

С того момента как они запрыгнули в поезд, тот ушел максимум километров на двести. Крепко зажмурившись, Брайан с легкостью представил очертания Германии и все важные географические точки страны. Итак, две сотни километров — известная величина, однако конечная цель неизвестна. Прежде чем они туда доберутся, пройдет день или два. А может, это вопрос нескольких часов. Все зависит от пункта назначения, скорости, количества остановок и загруженности линии. Не стоит забывать и про вероятность авианалета.

Когда Брайан вновь открыл глаза, над ним в матовой, напоминающей молоко дымке тихо покачивались лампы. Джеймс свесил руку с края койки и стучал по кровати Брайана, пытаясь его разбудить.

— Веди себя потише, — обеспокоенно попросил он.

Брайан не понимал, что сделал, но тут же пришел в себя. Храпел он редко, а еще знал, что во сне никогда не разговаривает. Или

разговаривает?

Медсестры уже приступили к утреннему умыванию. Если сравнивать со вчерашним днем, веселья молодые женщины не демонстрировали. Темные круги под глазами и характерная прозрачность кожи ясно говорили, каково им приходилось. Отсутствие сна, ответственность за сотни пациентов и жесткое давление из-за обвинения в халатности при уходе за умирающим генерал-лейтенантом — глаза смотрели напряженно, руки двигались механически.

Третий день Брайана и Джеймса на чужой земле. Четверг, 13 января 1944 года. Брайан запомнил дату и задумался: как долго ему удастся не терять счет дням, пока враги оставят ему такую возможность?

Вскидывая ноги, вошел офицер службы безопасности и оглядел своих подчиненных. Как по мановению волшебной палочки, деловитое оживание в вагоне сменилось замешательством. Однако офицеру не стоило и трудиться. Брайан повернул голову и увидел, как Джеймс незаметно сжал руку. Страх или злость?

Брайан не мог даже собственное состояние описать.

До Брайана и Джеймса две группы медсестер, идущие с разных сторон, добрались одновременно. В этот раз простыни стянули с таким рвением, что тела перевернулись сами. По шлепку стало понятно, что Джеймс в процессе перемещения ударился о край койки.

В тот момент, когда его вытирали, Брайан зажал левую подмышку. На этот раз ледяная вода принесла облегчение. Кожу не щипало от корок мочи и ночных испражнений, но она распухла и стала чесаться. Неудобство ему причиняли лишь прикосновения женских ногтей к нежной коже мошонки.

Простыня была новой и неотбеленной, еще ни разу не стиранной. Приятно щекочущее ощущение от ее гладкости смешивалось с раздражением из-за жестких складок, тянувшихся вдоль его бока. В таком положении ему придется лежать до тех пор, пока все не уйдут. А пока ему удавалось следить, как персонал возится с Джеймсом.

Он слышал шлепок, — наверное, из-за него вновь вскрылась рана на ухе Джеймса. Длинные струйки дезинфицирующей жидкости, смешанные с остатками крови, тянулись вверх по щеке к темному пятну. Оторвавшийся от мочки уха мелкий кусочек кожи лежал возле

него на повязке. За случившимся наблюдал офицер службы безопасности; когда рану мазали йодом, он подошел поближе. Под его взглядом медсестра растерялась и уронила каплю желто-коричневой жидкости Джеймсу на лоб.

Пока медсестра и ее помощница торопливо двигались дальше, офицер службы безопасности стоял и рассматривал каплю, которая медленно ползла Джеймсу в уголок глаза. Миллиметр за миллиметром едкая жидкость приближала катастрофу — их могли раскрыть. Должно быть, Джеймс догадывался, что на него смотрят, иначе он смахнул бы каплю, повернулся на бок или покрепче зажмурился. Когда позади осталась переносица, капле уже ничто не мешало.

В то мгновение, когда она уже почти скользнула в глаз, перед лицом Брайана зашевелились черные галифе. Легким движением большой палец офицера смахнул каплю в сторону и вверх, на бровь Джеймса. Затем он снова заложил руки за спину и аккуратно вытер запачканный йодом палец.

Брайан уже двое суток провел без еды, однако голода не чувствовал, да и жажды тоже, если не брать в расчет сухость во рту. Значит, питания, поступающего ему в руку через трубку, было вполне достаточно.

С последнего приема пищи прошло больше шестидесяти часов. Упали они больше пятидесяти пяти часов назад, а в постелях пролежали примерно пятьдесят. А что будет, когда пройдет еще сто пятьдесят часов? А если им в горло засунут резиновую трубку — как они это выдержат, ничем себя не выдав? Ответ очевиден и прост. Никак!

Брайану надо было сделать так, чтобы с ним этого не произошло. То есть очнуться и перестать симулировать апатию. Джеймсу тоже придется открыть глаза. Последовать чужому примеру и вывести себя из напоминающего кому состояния.

Преимуществ у них появится много. Они смогут следить за происходящим вокруг и поддерживать друг друга, подавая знаки. Смогут притвориться, что медленно выздоравливают. И как только выздоровеют, будут самостоятельно принимать пищу, а кроме того, сидеть — и даже из кровати выбираться.

Может, даже сбежать получится.

Брайан снова вернулся к тем самым вопросам: что с этими людьми случилось и почему они вообще здесь лежат?

У большинства людей в вагоне ран видно не было. Естественно, под одеялами вполне могли скрываться какие-то серьезные раны, но раздевание во время утреннего умывания не объяснило, что же случилось с этими пациентами. Ясно одно: все они были в глубоком беспамятстве — явно не просто так. Есть пара человек с перевязанной головой. С ними все очевидно. У них были основания лежать неподвижно. А с остальными что?

Что было с теми голыми мертвыми мужчинами, которых они сбросили в канаву? И от какого недуга теперь лечили оказавшихся на их месте Брайана и Джеймса?

А если они вдруг откроют глаза и начнут реагировать на окружающих — о чем это скажет? Все будет хорошо? Какие последствия их ждут?

Очередные анализы? Рентген? И что тут скажешь, если обнаружатся лишь два здоровых черепа без всяких повреждений?

По логике, у всех вопросов о том, кто они, что с ними случилось и что произойдет, если их приедут навестить семьи, итог лишь один.

Брайану придется открыть глаза.

Придется им сыграть в эту игру — и приложить все возможные усилия.

Глава 5

Чем больше Брайан думал, тем больше крепла его уверенность: он принял единственно верное решение. Открыв глаза, он тем самым осторожно заявил о переходе в новое состояние. В течение дня по вагону безостановочно сновали медсестры и солдаты, не обращая на него никакого внимания.

Около него абсолютно неподвижно лежал Джеймс. Он спал — должно быть, наверстывал упущенное во время ночного бодрствования. Каждый раз, когда охранявшие их сотрудницы гестапо потягивались или задремывали, Брайан пытался дотянуться до соседней кровати и привлечь внимание Джеймса. Один раз тот качнул головой и глубоко вздохнул. Больше ничего не происходило — все это тревожило Брайана сильнее, чем хлопанье двери в передней части вагона, когда солдаты СС делали очередной обход.

Регулярно наведывался офицер службы безопасности.

Когда Брайан в первый раз заметил, что его рассматривают холодные глаза, у него замерло сердце. Во второй раз он сделал все, чтобы видеть только мелькающие на потолке нейтральные тени. Но хотя человек в черном несколько раз упирался взглядом в открытые, мертвые глаза Брайана, он ни разу даже не остановился.

Ничего необычного он тоже не видел.

На то, чтобы осмотреться, времени у Брайана было полно. Порой сквозь мелькающие на окне тени пробивался вялый солнечный луч и волнами рассеивался по мертвенным лицам пациентов с соседних коек.

Время еле ползло.

После восхода солнца поезд шел довольно медленно. Несколько раз и вовсе почти останавливался. Неподалеку слышался шум от машин на дорогах и человеческой суеты, что всякий раз оповещало о том, что они проехали еще один город.

По представлениям Брайана, двигались они на юго-запад и уже проехали Вюрцберг. Пунктом назначения вполне могли оказаться Штутгарт, Карлсруэ или любой другой еще не затронутый бомбардировками город. Когда эти памятники былого тоже сровняют с

землей — вопрос времени. Товарищи из Королевских военно-воздушных сил будут приходить ночью, а американцы — днем, до тех пор пока приходить уже будет некуда.

До того как снаружи пропал свет, Брайан лежал и ждал, что Джеймс проснется. Пришедшая на смену охранница села с усталым видом. Ее очередь настала уже в третий раз. Она была очень красивой женщиной. Ее не назовешь молодой и проворной, но сияла она так же ярко, как те улыбающиеся зрелые женщины с колышущейся грудью, которых Брайан с Джеймсом раздевали глазами в Дувре. Брайан отвел взгляд. Надо бы ему сосредоточиться на проблемах. Охранявшая их женщина не улыбалась. На нее уже наложило отпечаток все то, через что ей приходилось пройти. Но она была красивой.

Женщина потянулась, и ее руки тяжело повисли по бокам — она вглядывалась в сумерки, в тени на снегу, вновь падавшем огромными хлопьями. В ее взгляде смешались проводимая в лишениях жизнь и предопределенность. Потом она медленно встала и подошла к окну. Прислонившись лбом к дрожащему стеклу, на секунду она погрузилась в свои мысли — Брайан получил возможность что-то сделать.

Когда Брайан стукнул Джеймса, тот отпрянул. Несколько аккуратных встряхиваний оказалось недостаточно.

Джеймс очнулся резко, но даже не дернулся от удивления и не хватал ртом воздух. Его самоконтролем Брайан всегда искренне восхищался.

Еще сонные глаза спокойно наблюдали за Брайаном, пытаюсь считать слова по преувеличенно четким движениям рта. Затем взгляд вновь затуманился, а веки отяжелели, коварно охраняя крепкий сон, из которого его только что вырвали. Во взгляде Брайана мелькнуло предупреждение о том, что случится, если он не возьмет себя в руки.

Джеймс закивал. «Не закрывай глаза», — изобразили пальцы Брайана. «Сделай вид, что ты не в себе, с ума сошел», — произнесли его губы. «И у нас появится шанс», — умоляли его глаза в надежде, что Джеймс все поймет.

«Это ты с ума сошел», — спокойно ответил он. Очевидно было, что предложение Брайана Джеймсу не понравилось.

«А если дело дойдет до вопроса — что они нам сделают, если мы не станем отвечать?» — молча рассуждал Брайан.

Но Джеймс решение уже принял. «Ты первый!» — показал он жестами, не предполагавшими возражений. Брайан кивнул.

У него-то дело шло полным ходом.

В эту ночь в вагоне потушили свет после того, как врач закончил обход. Сотрудница гестапо коротко кивнула в ответ на его вежливое приветствие и следила за каждым его движением. Все произошло за несколько минут.

Пощупав пульс у пары недавно поступивших пациентов, врач оглядывал кровати: осматривал каждого пациента в отдельности и шел дальше. При виде Брайана — тот лежал с широко распахнутыми глазами и наполовину сброшенным одеялом — врач повернулся на цыпочках и окликнул дежурную. Прозвучало несколько резких комментариев, она бросилась в заднюю часть вагона и вышла — за ней с грохотом захлопнулась дверь.

И врач, и медсестра, которых привели из ближайшего вагона, склонили головы к постели больного, к самому лицу Брайана.

Уследить за их действиями Брайану оказалось невыносимо сложно — он лежал с отсутствующим взглядом. Один раз они оказались в поле его зрения, дав ему повод подумать не только о проводимых с ним физических манипуляциях.

А они шли одна за другой. Сначала они посветили ему в лицо, затем покричали. Потом легонько побили по щекам и тихо заговорили. Положив руку ему на щеку, медсестра обменялась парой слов с врачом.

Брайан ждал, что ее рука потянется к острому инструменту — значку медсестры, приколотому к краю воротника, но повернуть к ней лицо не мог. Задержав дыхание, он напряженно ждал того момента, когда она его уколёт. Когда это произошло, реагируя на боль, он закатил глаза — так, что потолок вагона завертелся, будто он катался на карусели, голова закружилась, потекли слезы. Когда она уколола его еще раз, он повторил путешествие на карусели и закатил глаза — глазные яблоки заматались в орбитах.

Затем они недолго его пообсуждали, снова посветили фонариком в глаза и наконец оставили в покое.

Посреди ночи Джеймс открыл рот и стал тихонько напевать. Их охранница резко вскинула взгляд и с удивлением оглянулась по сторонам — на мгновение показалось, что она со всех сторон ожидает вражеской атаки.

До того как зажгли свет, Брайан открыл глаза и успел лечь на бок. На мгновение свет ослепил Брайана. Он погрузился в свои мысли.

Инсценировка оказалась чрезвычайно успешной и действенной. Выражение лица Джеймса было не просто отстраненным, затуманенным и абсолютно безумным — на него вдобавок упала тень боли и апатии. Гротесковое и отвратительное зрелище. Поверх одеяла спокойно лежали руки: кисти согнуты и перепачканы испражнениями. Под ногти забились куски дерьма, а от светлых волос под мышками тянулись липкие коричневые полосы. Одеяло, наволочка, простыня, изголовье, рубаха — все перемазала вонючая вязкая масса.

Наконец-то Джеймс справил нужду.

Охранявшая их женщина с отвращением сделала шаг назад, прижимая руки к груди.

Последнее, что Брайан слышал, до того как снова задремал и провалился в чуткий, неглубокий сон, а весь персонал — врач, медсестры, санитары и офицер безопасности — разошелся, было жалобное пение Джеймса, невыразительное и непрекращающееся, но постепенно затихающее. Инъекция свое дело сделала.

Глава 6

Ощущение, что на веках пляшут мухи, мягкое покачивание морских волн, обдуваемых летним бризом, и разлетающиеся холодные брызги пены, оседающие на щеках, — все это долго сражалось с посторонними звуками и усиливавшимся покалыванием в спине. Волна достала высоко — брызги попали ему в глаз. Брайан моргнул — следующая капля оказалась более осязаемой. Странная сильная боль пронзила его спину до самой поясницы.

Когда он открыл глаза и вяло попытался понять, что происходит, на его лицо, кружась, опускались снежинки — крупные и легкие, словно пух.

У него над головой возникла узкая полоска затянутого тучами неба, отделив здание вокзала от стоящего поезда. Вокруг него уже убирали носилки. Из передней двери состава с вещами поочередно выходили солдаты СС, закинув на плечо винтовки.

Двое человек спрыгнули с края перрона и пошли, переговариваясь, вдоль железнодорожных путей. За спинами у них болтались каски и противогазы.

Солдаты возвращаются домой.

С резким пронзительным скрипом задний вагон отделился от остальных — в туманной дымке открылся вид на холмы и городские здания. На щеки Брайана приземлилась еще пара снежинок — на короткое мгновение сон смешался с реальностью. Он чуть привстал, чтобы до него не добрался идущий от земли лютый холод, и медленно осмотрелся, ища Джеймса в вихре носилок на перроне.

Поперечные балки крыши поддерживал ряд вертикальных бревен — к деревянному зданию оставался проход шириной не более двух метров. В снегу стояли прислоненные к стене носилки. Часть пациентов уже унесли. Едва подумав о том, что Джеймса забрали, Брайан в бессилии откинулся назад. Сухо загрохотал двигатель, и вот еще один грузовик дал задний ход к съезду в дальнем конце перрона.

Подошедшие люди разглядывали лежавших. Затем руками стряхнули с себя снег, застрявший в складках шинелей, и взяли ближайшие носилки. Через какое-то время на перроне остались только

носилки Брайана и еще одни, частично скрытые решетками почтовой тележки. Из-под одеяла виднелись голые ступни, сверху — темное красноватое пятно. Оглядев себя, Брайан осторожно пошевелил пальцами ног. К нижнему краю одеяла был приколот клочок цветной бумаги. На белом фоне он казался кровавой кляксой.

Поодаль, за мельтешащими и сбивающимися в кучи хлопьями снега, у железнодорожных путей виднелось еще одно здание. Основную часть вагонов отогнали туда. Что-то радостно кричали мелкие черные точки. Брайану все это было знакомо. После долгой службы его тоже встречали близкие. Он с грустью попросил о том, чтобы снова испытать это чувство.

Затем за его спиной распахнулась дверь деревянного здания. Двое пожилых гражданских прикурили в дверном проеме и побрели к локомотиву, не закрыв за собой дверь.

Через мгновение из переднего вагона стали выбираться солдаты. Не веселые, возвращающиеся домой мальчишки, предвкушающие мамину стряпню и объятия любимой, а уставшие, ссутулившиеся мужчины, двигавшиеся вперед лишь потому, что на них кто-то постоянно напирал сзади. Стоящий на перроне мужчина принял первого из них, взял под руку и медленно повел вдоль состава, мимо Брайана. За ними безвольно следовала человеческая цепь в сопровождении вооруженных, одетых в шинели солдат.

Это тоже солдаты СС, причем всех подразделений. Брайан с трудом отличал их друг от друга. Элита немецких войск, герои нацистов. При виде знаков отличия, черепов, галифе, жестких фуражек, орденов и прочих побрякушек на Брайана вдруг накатило отвращение. Именно этого врага он учился ненавидеть — и сражаться с ним, не жалея сил.

Поток солдат с ничего не выражающими лицами и покачивающихся носилок двигался к открытой двери в дальнем конце, откуда струился бледный, беловатый свет. Грузовик дал задний ход.

Его приближение заглушил хруст снега под сапогами. Мужчина, шедший в колонне последним, окликнул конвоиров и показал на Брайана и оставшиеся носилки.

Носилки подняли и понесли за группой сгорбленных людей.

Дойдя до конца состава, они на минуту опустили носилки. На погрузку пришлось потратить время. Железнодорожный рабочий

двигался по путям и стучал длинным шестом по стрелкам, мимо которых проходил. Угрожающе жестикулируя и подняв винтовку, его окликнул солдат. Фигура выронила шест в снег и побежала не оглядываясь, пока не скрылась за огромным знаком, возвышавшимся над путями. Горделивые, четкие буквы образовывали надпись: «Фрайбург-им-Брайсгау».

Ни один из ожидавших офицеров не произнес ни слова. Все проходило под строгим надзором — у Брайана не осталось никакой возможности оглянуться и посмотреть, лежит ли на носилках в паре метров позади него Джеймс.

Скоро начнет медленно садиться солнце. Значит, уже вечер. На улице, лежащей за зданием, людей не было, если не считать солдат СС, охранявших площадь перед грузовой станцией.

Вот, значит, куда они все это время ехали. Фрайбург — город на Рейне, у французской границы, на самом юго-западе немецких земель, всего в каких-то пятидесяти километрах от границы со Швейцарией и свободной жизни.

В полутьме кузова, у брезентовых бортов грузовика, двумя рядами сидели фигуры. Между ними наискосок друг к другу на полу расположилось несколько носилок, уложенных так плотно, что их концы оказались под ногами у сидящих на скамейках. Брайану повезло: он лежал под коротконогим солдатом, чьи сапоги не опустились ему на промерзшие ноги, как случилось кое с кем из лежавших.

Когда подняли последние носилки, в грузовик запрыгнули сопровождающие солдаты и раскатали брезент, а конвоиры захлопнули откидную дверцу.

В резко опустившейся темноте видеть Брайан ничего не мог. Тот, кто лежал рядом с ним, даже не шевельнулся. Сорок человек неровно и глубоко дышали. Изредка слышалось бормотание и ворчание. Двое охранников тихо переговаривались, втиснувшись на край скамейки.

Тут Брайан почувствовал, что около него кто-то зашевелился. Неровными, резкими движениями чья-то рука нащупала его бок и добралась до груди. Там она и осталась.

Схватившись за нее, Брайан ответил на тихое пожатие.

Постепенно у силуэтов проявились лица, и Брайан вдруг сообразил, что у сидящих в санитарном грузовике мужчин было много общего, но одна черта особенно бросалась в глаза. Общий знаменатель, под который теперь подвели его самого и Джеймса.

Они сумасшедшие.

Джеймс попытался объяснить ему это, поглядывая многозначительным взглядом и выцепляя из общей массы нескольких мужчин.

Большинство из них сидели довольно спокойно, лишь слегка покачивались из стороны в сторону в трясущемся от езды грузовике. Некоторые, напрягая шею, пялились в одну точку или же, неловко скрутив руки, вяло дергались вперед-назад, сжимая и растопыривая пальцы.

Джеймс закатил глаза и аккуратно указал в свой раскрытый рот. «Их накачали лекарствами», — заключил Брайан, соглашаясь с ним. Они и сами притихли, ведь в их телах все еще оставалась отравля; замедлилась реакция, а мозг соображал до непривычного вяло. Будь у них возможность встать, они бы тут же рухнули навзничь.

На Брайана нахлынуло смешанное чувство: облегчение и вспыхнувшая с новой силой тревога. Значит, красные метки вешали на сумасшедших, что играло на руку их плану и вызывало облегчение. Но раз теперь их включили в группу жалких солдат — что с ними будут делать? Забота высшей расы о неизлечимых больных вполне могла свестись к уколу, ну или пуле, что даже еще проще.

Ходили же такие слухи.

Очевидно, на товарной станции не хотели, чтобы их увидело гражданское население. И вот теперь они лежат в темноте и катятся по чужой стране. Охранять их приставили двух солдат. Повод для беспокойства есть.

Брайан попытался улыбнуться Джеймсу. Джеймс выпятил губу. Он поводов для волнения не видел.

На каждом повороте у ступней Брайана болтались ноги солдата. Дорога изгибалась, выкручивалась и извивалась по заснеженному ландшафту, минуя ограждения, дренажные каналы, мелкие ручьи и естественные перепады высоты. На поезде они приехали южнее Шварцвальда, в город Фрайбург. В пути они миновали множество мелких станций и полустанков, где их вполне можно было выгрузить,

если их везли на юг. Насколько Брайан мог предположить, двигались они на север или северо-восток, в сам Шварцвальд.

Вероятно, здесь им предстояло тем или иным образом исчезнуть.

Ландшафт выравнился. Джеймс дергался из стороны в сторону и постоянно толкал Брайана — такими рывками дергается секундная стрелка. От стен домов эхом возвращался грохот двигателя. Гравий сменяла брусчатка, а порой — ровный, убаюкивающий асфальт, в конце перешедший в промерзшую грунтовую дорогу. Ни одно мгновение не было похоже на предыдущее, а время тянулось целую вечность. Брайан фиксировал собственные впечатления. Он был уверен, что следующая остановка в их жизни станет конечной.

Заснувший Джеймс тяжело дышал, и у Брайана возникло неприятное чувство изоляции в замкнутом пространстве. Он напомнил себе об обещании Джеймса и попытался побороть желание выпрыгнуть, нараставшее по мере того, как заканчивалось действие лекарства.

Один из охранников подошел к Брайану и наступил ему на краешек бедра подбитым гвоздями сапогом. Пытавшийся справиться с болью, Брайан не заметил, как больного толкнули обратно на скамейку. Однако он услышал, как с треском порвался брезент, когда сумасшедший, чьи руки были согнуты в локтях, с грохотом ударился об откидной бортик кузова.

Часть развевавшегося на ветру полотна глухо билась о водительскую кабину. Солдат, из-за которого все это и случилось, отложил винтовку: Джеймса разбудил жесткий толчок приклада, а прямо в лицо Брайану смотрело дуло.

Солдат бросился к боковине кузова и высунулся в полутьму — в это время Брайан осторожно протянул руку к винтовке.

Встретившись глазами с Джеймсом, Брайан остановился. Джеймс медленно замотал головой.

За силуэтом солдата пейзаж осветили одетые в белое поля. Для Брайана света оказалось более чем достаточно: осмотр ландшафта был его профессией, и не важно, какое сейчас время суток.

Вдалеке на западе на ровной местности обозначилась характерная серая вершина — ее опознал бы даже зеленый штурман. Исполосованная роскошными виноградными террасами голая возвышенность — форпост Франции, связующее звено между

Шварцвальдом и Вогезами, носящее помпезное название Кайзерштуль^[1], — пропала вдалеке, подарив ему возможность понять, где они находятся. Над бортиком кузова проплывали верхушки деревьев. Брайан осторожно приподнялся на локтях. По дренажным каналам скользили мелкие фигуры. Живая речь и высокие голоса. Детские зимние забавы и танцы на коньках на замерзших каналах. Один-единственный проблеск реальности — и выражение лица войны изменилось. Давно ли детишки из Кентербери — среди них и Джеймс с Брайаном, — согнув коленки, с ликующими воплями на полной скорости проносились под мостиками, соединявшими тропы для скота? Катание по льду. Наивное детское счастье.

На следующем повороте Брайан потерял опору, а верхушки деревьев скрылись за брезентом и потным, самодовольным лицом солдата. Когда паренек из СС наконец ухватился за полотнище, он протиснулся между двумя большими и до конца поездки не выпускал край ткани из рук. Над ногами Брайана, словно пара латунных гирь, болтались сапоги коротконового, кренясь все сильнее и сильнее. Затем снова поднимались.

Вскоре тяжелогруженная машина, покачиваясь, проехала по посыпанной щебнем дороге и затарахтела, как будто забиралась на ту самую голую вершину.

Здесь им предстояло подняться. В глушь.

Они ехали еще час, а затем машина остановилась.

Их уже ждали несколько человек в белом. Носилки Джеймса перенесли через край кузова, и друзья не успели даже пожать друг другу руки на прощание. Двое санитаров, поднявших носилки Брайана, поскользнулись и чуть было его не уронили. Перед ними открылась темная, пустая, засыпанная щебнем территория, окруженная узкой полоской засохших елей.

Позади них возвышался плотный строй сосен, верхушки которых засыпало снегом, — такие защитят даже от сильных порывов ветра. Очертания расстилавшейся под ними долины растворялись в снежной дымке. Ни единый огонек не выдавал наличие людей внизу, на обетованной земле. Насколько Брайан мог судить, Фрайбург остался к югу от них.

Везли их в объезд.

Двор частично скрывали деревья, высаженные для защиты от ветра. Растерянных пассажиров повели прочь от носилок — они потащились за отдававшим приказ солдатом. Показался еще один грузовик: задняя дверца открыта, кузов пустой. Вышедшая из него группа людей выстроилась чуть дальше, там, где виднелось несколько светлых трехэтажных зданий. На землю мягко ложился тусклый желтый свет из окон. Шумно выпуская теплый воздух, Брайан хрюкнул при виде красного креста на скате крыши. Несмотря на кучи мешков с песком, лежавшие вдоль стен через равные промежутки, решетки на окнах второго и третьего этажа и часовых с собаками, территория напоминала обычную больницу. С виду четырехугольные коробки казались лучше наскоро отремонтированных резервных госпиталей, куда все чаще направляли раненых из Королевских военно-воздушных сил. «Не дай себя одурачить», — думал Брайан, шаг за шагом приближаясь к зданиям.

Постепенно пациенты собрались с одной стороны двора. Пропуская носилки, всего там ждали человек шестьдесят-семьдесят. Где-то впереди санитар из несущих Джеймса попытался впихнуть на носилки руку, которую тот свесил от тряски. На фоне отражающего желтый свет льда Джеймс бесстрашно выставил два пальца, показав Брайану букву V.

С того места, где они выстроились, открывался вид на несколько желтых зданий, расположенных в шахматном порядке. Фундаменты двух довольно глубоко уходили в склон, а остальные находились на окруженной деревьями равнине — она составляла большую часть территории. Над дикими кустарниками остролиста торчало несколько столбов. На них держалось стоящее перед утесами ограждение — проволочный забор, поблескивавший на морозе в свете немногочисленных фонарей. У ворот, перед черным автомобилем со свастикой на дверце и флажками на передних крыльях, в луче света что-то обсуждала небольшая группа офицеров. Один отделился от остальных и знаком подозвал к себе часовых с ближайшего здания. Выслушав, они взяли винтовки и побежали передать приказ. Оружие они подняли вверх, шинели развевались.

На этот раз в строю носилки оказались первыми. Несколько апатично стоявших молчаливых фигур солдатам пришлось уводить при помощи угроз и тычков. За исключением сухого скрипа сотен ног,

идущих по тонкому, пушистому снегу, и отдаленного шума двигателей грузовиков, слышно было только учащающееся дыхание санитаров. Когда они прошли ближайшее здание, выяснилось, что оно стоит отдельно. Всего со своего места Брайан мог рассмотреть девять-десять зданий — некоторые попарно связывали выкрашенные в белый цвет деревянные коридоры. К такому же комплексу — самому дальнему — они и направлялись.

Если не брать в расчет одну-единственную лампу на стене, слабо освещавшую вход, черное здание казалось абсолютно безжизненным. За дверь вышла медсестра в чепчике, поежилась на ветру и подала знак, чтобы строй шел за ней к деревянным баракам, расположенным слева от них. Санитары возмутились, но все же подчинились.

Деревянные бараки оказались высокими одноэтажными зданиями с желтоватыми заиндевевшими окнами. Ставни и тяжелые занавески заслоняли свет с высоких столбов.

Прямо за дверью в барак был зал, где вплотную друг к другу лежали десятки тонких полосатых матрасов. К стенам прикручены шведские стенки, с потолка свисают тускло светящие лампы и спортивные снаряды — бревна, кольца и трапеции. Дальняя стена спортзала — пустая. В следующее здание вела отдельная дверь. Отхожим местом служили расставленные по залу четыре ведра. С той стороны, откуда они вошли, в небольших закутках, отгороженных полотном, стояли обыкновенные темные деревянные стулья.

В середине зала санитары перекатили Брайана на матрас, засунули под него медкарту и исчезли вместе с носилками за спинами подошедших пациентов, даже не проверив, как их подопечный устроился.

Поток вяло бредущих фигур с пустыми глазами вскоре иссяк. Джеймс лежал в паре матрасов от него и следил за теми, кто пришел последним. Когда все сели или растянулись на жестких постелях, медсестра хлопнула в ладоши и пошла вдоль рядов, снова и снова повторяя одну и ту же фразу. Брайан ее не понял, однако по растерянности остальных пациентов и их неловким попыткам раздеться сообразил, что всю одежду нужно сложить рядом с матрасом. Указание выполнили не все — потребовалась грубоватая помощь санитаров, тихо комментирующих происходящее. Джеймс и

Брайан тоже не отреагировали, но кто-то сорвал с них рубашки через голову — даже уши запылали. Брайан с облегчением заметил, что платка Джилл на Джеймсе уже нет.

Один из раздетых мужчин встал, безвольно повесив руки вдоль боков, и помочился на матрас и соседа — тот лишь вяло перекатился на бок.

Медсестра бросилась к нему, отвесила подзатыльник — струя мочи тут же иссякла — и повела к ведрам в дальнем конце зала.

В этот момент Брайан поблагодарил судьбу за то, что несколько дней ничего не ел и не пил.

Открылась дверь в заднее здание, и въехала тележка с одеялами.

Простояла она долго.

Пол в зале не был холодным, но из-за сквозняка от входной двери Брайан весь покрылся мурашками. Пытаясь согреться, он свернулся калачиком.

Через какое-то время слышались стоны. Многие раздетые люди сильно тряслись. Две присматривавшие за ними медсестры раздраженно покачали головой и указали в сторону тележки. Значит, за одеялами надо идти самим. Пара сутулых, худых мужчин, не стесняясь, перескочили матрасы и выхватили из кучи одеяла, не вглядываясь, сверху они лежат или снизу.

Остальные с места не двинулись. Одурманенные, с помутневшим рассудком.

Так Брайан пролежал несколько часов. По мере того как усиливался холод, все сильнее стучали зубы. Медсестры украдкой задремали и клевали носом на скамейках в глубине помещения. Они давно предоставили лежавших пациентов самим себе. В тусклом свете Брайан едва различил съежившееся тело Джеймса среди остальных. Однако торчавший из-под матраса кончик платка Джилл он разглядел. «Пусть он там и остается!» — взмолился он. И вдруг Джеймс резко вскочил и побежал к ведрам. Несколько секунд одно из них глухо звенело.

Испражнялся Джеймс всего какое-то мгновение, но на некоторое время в неудобной позе его задержали испорченный желудок, выступивший пот и остатки мочи. Фыркнув, он пошарил вокруг ведра, но бумагу так и не нашел.

Без дальнейших размышлений о гигиене Джеймс подбежал к тележке, схватил одеяло и проворно вернулся на свое место. «Идиот, что ж ты мне одеяло не взял?» — подумал Брайан, планируя последовать его примеру и украдкой поглядывая на женщин в униформе, дремавших у торцевой стены.

Но в итоге не стал.

Чуть позже ночью громко хлопнула дверь со двора — зажглись лампы на потолке, и помещение тут же наполнилось ослепляющим светом. Брайан лежал не шевелясь. Солдаты СС решительно двинулись к паре укутанных одеялами мужчин. Затем наклонились к ним, взяли их медкарты и оторвали уголок первой страницы.

Один из получивших такое клеймо лежал рядом с Джеймсом. Укрывавшее его тряпье оказалось одеялом Джеймса. Брайан засомневался, что сам он проявил бы подобную сообразительность.

Джеймс намеренно взял только одно одеяло...

Глава 7

Зал перебудила ночная проверка. Хотя большинство людей были в ночных рубашках, а в итоге и одеяла раздали, с каждым часом жалобы становились все громче. Заканчивалось действие лекарств.

Все больше людей пытались абстрагироваться от обстановки: раскачивались, принимали странные позы и сидели с застывшими лицами. Брайан никогда ничего подобного не видел. Сам он лежал абсолютно неподвижно.

Мужчины, которых он раньше не видел, зажгли в зале свет и бегло осмотрели лежащие на полу тела. На одном из мужчин было черное, полностью расстегнутое пальто, доходившее до лодыжек. Когда он топнул, все посмотрели вверх. По команде несколько пациентов нехотя поднялись и потянули соседей за рубашки, пока те тоже не встали. В итоге лежать осталось всего шесть-семь человек.

В сопровождении пары медсестер человек в пальто задал одному из лежавших вопрос, но ответа не получил. Он сделал знак рукой, и его помощники взяли больного под руки и поставили. Когда его отпустили, он снова упал, как тряпка, безвольно ударившись затылком об пол между матрасами с таким грохотом, что у Брайана перехватило дыхание. Опустившись на корточки, чтобы привести потерявшего сознание в чувство, медсестры смотрели на офицера снизу вверх, но тот уже шел напрямик к Брайану.

Взглянув в рассматривавшее его бледное лицо, Брайан решил встать на ноги.

Шатающаяся походка и слегка дрожащие колени выглядели правдоподобно, ведь последний раз он стоял семь дней назад. Кровь отхлынула от мозга, и голова закружилась. И тем не менее он не упал, когда его отпустили. Из семи человек его примеру последовал только Джеймс.

Началась болезненная процедура уничтожения вшей — Брайан попытался оказаться поближе к Джеймсу, но женщины безостановочно стучали резиновыми перчатками по резиновым фартукам, чтобы люди не останавливались.

Джеймс стоял в очереди возле отделанной плиткой и покрытой пятнами стены; как и все остальные, в руках он держал рубашу с номером и ждал, когда освободится душ. Один из обнаженных мужчин замер в кабинке, повернувшись ко всем спиной и подставив под струи воды открытые глаза. Через какое-то время он закричал от боли — вопли, подобно волчьему вою, распространились от одного сумасшедшего к другому.

Шум поднялся быстро, но так же быстро — с помощью ударов и угроз — был восстановлен порядок. Тот, кто все это начал, с красными глазами, постанывая, терпел побои и не осознавал, что происходит вокруг. Затем его за волосы выволокли из душа и припечатали к стене. Лишь когда на него накинули смиренную рубашку и повели прочь, он затих.

Когда Брайан в последний раз видел Джеймса, прежде чем они снова оказались в зале, тот улыбался, напевал и даже не сопротивлялся, когда его толкнули под холодный душ с рубашкой в руках.

В зале всем выдали ботинки одинакового размера и выстроили в три шеренги вдоль стен со шведскими стенками лицом к центру зала. Некоторых сразу отделили и собрали в группу у наружной стены. Среди них Брайан опознал тех, кто ночью отважился пойти за одеялом. Судя по всему, они своего особого положения не осознали.

Тем временем перед закутками поставили несколько столов. Тот мужчина, что пришел в пальто, освободился от своего наряда и сел с другими офицерами службы безопасности и одетыми в халаты представителями медицинской службы. Женщин среди них не было.

Услышав свое имя, встрепнулся один из пациентов. К комиссии его вытащил солдат. Назвали еще несколько имен — никакой реакции не последовало, после чего офицер безопасности сверился со списком и назвал номера — насколько Брайан мог судить, они совпадали с номерами на рубашках. Брайан горячо желал понять, какие именно. Слушал он внимательно. У него закружилась голова — и тут офицер указал на него, а солдат потащил его в очередь.

Имя Джеймса назвали в числе последних. С обыкновенной прусской тщательностью больных вызывали в алфавитном порядке. Ему тоже пришлось выйти вперед.

В среднем каждый пробыл за занавеской две-три минуты, потом пациентов снова выводили и строили у задней стены в шеренги — в той же последовательности. С виду они не пострадали, но стояли неестественно прямо, с ничего не выражающими серыми лицами.

За занавесками слышалось бормотание, шелест и шум. Поводов для волнения не было. Ответы одного из пациентов напоминали резкие приказы — несколько ожидавших пациентов послушно свели пятки вместе и выпятили грудь.

За тускло-зеленой занавеской офицер за шатким столом читал медкарту Брайана, стоящий рядом врач заглядывал ему через плечо. Солдат, который его привел, подтолкнул Брайана к стулу перед столом и торопливо отступил за занавеску. По мере того как палец офицера пробежал по строчкам медкарты, в закутке постепенно менялось отношение к Брайану. Ему кивали, уважительно обращались и снова кивали — Брайан в это время пытался унять беспокойство и страх, которым уже поддавалось тело. Хотя эти люди ему и улыбались, в следующую секунду они вполне могли превратиться в его убийц.

Заданные вопросы повисли в воздухе. Офицер безопасности побарабанил пальцами по краю стола и посмотрел на врача — тот схватил Брайана за запястье и пощупал пульс. Затем посветил фонариком в глаза, шлепнул сбоку по голове и снова посветил. Брайана сковало, и он даже не заметил, как врач зашел ему за спину. От резкого хлопка — появившиеся сзади ладоши хлопнули прямо у него перед глазами — он заморгал и тут же поднял плечи — зашевелилась вся верхняя часть тела. Однако наблюдателям это необычным не показалось.

Врач встал позади офицера — тот вновь поднял глаза от бумаг, повернулся, схватил что-то со стола и одним движением перебросил Брайану. Даже если бы он и попытался, защититься у него бы не получилось. От боли в переносице он широко распахнул глаза.

Больше он даже не шелохнулся.

Из соседнего закутка послышался удар, пациент застонал, затем еще один — пациент умолк. Офицер службы безопасности снова улыбнулся Брайану и принялся совещаться с врачом, тараторившим с такой скоростью, что Брайан не понял бы ни слова, даже если бы

говорили на его родном языке. Когда Брайана выводили к остальным, офицер пожал плечами и встал.

Он оказался прямо перед Джеймсом — тот пока стоял в небольшой очереди. Влажная рубашка прилипла к телу. Под самым вырезом обозначилось темное пятно. Брайан застыл. Джеймс опять надел платок Джилл. Совершив этот безумный и чрезвычайно опасный поступок, с виду Джеймс расслабился и казался спокойным. Но Брайан хорошо его знал. В глубине души, за фасадом, его переполнял страх. Все чувства приведены в боевую готовность. Без своего талисмана ему уцепиться не за что. А если от него не избавиться, он же послужит его гибели.

«Все нормально», — одними губами объяснил Брайан, но Джеймс лишь тихо помотал головой и, как и остальные, сделал шаг вперед.

Наконец со своего места встал главный офицер и жестами приказал небольшой группе в углу — тем, кто взял ночью одеяла, — выстроиться к закутку у самой двери.

Раздававшиеся за занавеской яростные вопли долетали до потолка, и ткань затряслась, как будто там дрались. Старший офицер службы безопасности весь побагровел; занавеску сдернули и опрашиваемого потащили по полу: он волочил ноги, в лице отражалась мука.

Подошедшие дежурные взяли мужчину под руки. Дерзкий пациент дико таращился на вялых людей, напрасно ища, за кого бы зацепиться. Брайан посмотрел на него, не фокусируя взгляд. От волос по лбу текла кровь. Его тоже ударили каким-то предметом. Наверное, он совершил ошибку, попытавшись защититься.

Старший тяжело опустился на угол стола позади, злобно усмехаясь дежурным, протаскивавшим пациента между остальными — так, чтобы его все увидели вблизи. Затем ухмылка исчезла. Он сделал глубокий вдох, собрался с силами и обрушил гневные обвинения на выстроившихся рядами мужчин — те беспокойно заерзали. Слова выскакивали очередями, а взбешенный офицер стоял, заложив руки за спину и привставая на мыски. Но одно слово не понять было просто невозможно.

Симуляция!

Услышав обвинение, пациент унял дрожь и опустил голову — он осознавал свою вину и, пойманный с поличным, готовился ее

искупить.

Вдруг офицер перестал гневаться и с улыбкой добродушно раскинул руки в стороны, обращаясь к своим слушателям. Брайан понял, что тот уговаривает признаться других симулянтов, если таковые есть. Им ничего не будет — надо лишь сделать шаг вперед, пока еще есть время.

Пока этот зверь их разглядывал, у Брайана не было возможности посмотреть на Джеймса. «Джеймс, мы себя не выдадим!» — умолял про себя Брайан, обращаясь, однако, больше к себе самому.

Все то время, за которое Брайан успел прочитать «Отче наш», офицер стоял, улыбаясь и кивая. Вдруг он резко шагнул за спину обвиняемого, вынул из кобуры пистолет и выстрелил ему в затылок — тот даже крикнуть не успел.

Присутствующие почти никак не отреагировали. Сначала кровь хлынула из затылка, а потом медленно потекла по полу к Джеймсу. Брайан смотрел на нее украдкой. Джеймс даже не пошевелился, только побледнел — это вполне можно было объяснить тем, что он долго простоял на ногах.

Двое дежурных взяли труп и поволокли по полу. Один врач в халате, не сразу осознавший происшедшее, прижимал ладони к лицу. Когда он успокоился, его протесты казались далекими и вялыми. Офицер безопасности, словно волчок, развернулся на каблуках. Рапорта по этому происшествию не будет. Протесты не рассматриваются.

Когда Джеймс оказался за занавеской, Брайан стал отсчитывать секунды. Когда он почти добрался до двух сотен, Джеймса вывели наружу — отстраненного, скованного. Следующий в очереди пациент стоял спокойно, не обращая внимания на оклики придерживавшего занавеску врача. Когда солдат попытался взять его под руки, он рухнул вперед. Вместо него дежурные схватили следующего и потащили в обход лежавшего — тот, повернувшись на бок, тихонько стонал и, как в бреду, цеплялся за одно имя, Брайан его уже слышал. Возлюбленная, жена, мать или дочь?

Джеймс в нескольких шагах от него снова стал напевать — медленно и невыразительно. Его тщедушный сосед с красными

глазами, одетый в смиренную рубашку, о чем-то задумался, а с постепенно темнеющей рубашки капала моча.

Брайан решил, что тот, должно быть, слишком жадно глотал в душе воду, когда пиялся вверх.

Очнулся он резко. Кто-то закричал: «Оставьте меня в покое!» Может, он сам и кричал, раз все понял? От одной этой мысли по телу Брайана пробежал холодок — он посмотрел в сторону медсестры, совсем недавно стоявшей возле его кровати. Значит, отключился он всего на мгновение. Медсестра налила еще один стакан воды и вложила в рот его соседу две таблетки. Она ничего не слышала. Наверное, сон.

В палате было тихо. Брайан осторожно огляделся и проклял тот момент, когда они с Джеймсом оторвались друг от друга по дороге из барака. Сейчас они бы хоть рядом лежали. Несомненно, так было бы безопаснее. Брайан лежал в пятой кровати слева от двери, а Джеймс — в самой глубине, у противоположной стены. Двенадцать кроватей на стороне Брайана, десять — на стороне Джеймса. Судя по размерам помещения, шесть кроватей тут лишние.

Между кроватями было всего полметра, между кроватью и стеной расстояние было разное; часть кроватей стояла напротив окон, часть — напротив стены, но в основном — как придется. Создавалось впечатление беспорядка.

Весь его мир сузился до светло-зеленого помещения с высоким потолком, двадцать метров в длину и десять в ширину. Помимо кровати, все его земное богатство составляли облупившийся стул — в проходе их было двадцать два, — ночная рубашка, пара тапок и тонкий халат.

Все кровати, за исключением четырех — их уже заняли находящиеся без сознания раненые, все в повязках, — заполнили солдаты с того же транспорта: им скомандовали лечь в ту кровать, возле которой они случайно оказались. Пара человек улеглись в ботинках и испачкали постельное белье. Медсестры раздали лекарства: каждому скормили две таблетки, а затем дали воды из одной и той же кружки, которую наполняли из белого эмалированного чайника.

Медсестры уже обошли почти всех.

В первый раз еда пахла как-то непонятно, не очень заманчиво, но аппетит тем не менее проснулся. Брайан несколько дней не смел даже думать о еде, а теперь рот наполнился слюной — последние минуты ожидания превратились в пытку.

Лежавшие на жестяной тарелке комки напоминали сельдерей, но оказались безвкусными. Может, это брюква была — Брайан не знал. В семье Янг привыкли питаться по-другому.

По помещению, словно пожар, расползлись жадный скрежет ложек и звук жующих челюстей, почти звериный. Брайан понял, что у людей притупились не все чувства.

На краю кровати Джеймса, угрожающе пошатываясь, уже стояла пустая тарелка. Тяжело поднимавшаяся и опускавшаяся грудная клетка и расслабленное выражение лица — явное доказательство невероятного человеческого умения приспособливаться. Брайан завидовал тому, как спокойно Джеймс спал. Его самого так и не отпустил страх, что он выдаст себя во сне. Одно слово — и все закончится, как у того бедолаги в спортзале. Он теперь в снегу между бараками лежит.

Они проходили мимо и видели его.

К пресной брюкке добавился сладковатый привкус, и мысли Брайана прервало усиливающееся головокружение. Подействовали таблетки.

Он уснет — не важно, хватит у него смелости или нет.

Сосед справа лежал на боку, уставясь на подушку Брайана мертвыми глазами. Из-под одеяла без конца доносились приглушенные звуки, — судя по всему, он, сам того не осознавая, пускал газы.

Это было последнее ощущение Брайана перед тем, как он провалился в сон.

Глава 8

В День памяти героев им дали послушать речь Гитлера. За те два месяца, что они провели в больнице, подобное случилось впервые. По такому случаю включили отопление и зажгли все лампы на потолке. Санитары протянули по центру комнаты провода к маленькому громкоговорителю на столе у торцевой стены.

В ожидании все загудели, без конца переминались с ноги на ногу, покачивались и расхаживали по комнате. Во время речи фюрера большинство медсестер сложили руки на груди и улыбались, зачарованно слушая его. Сосед Брайана слева пробыл в сознании всего пару дней и ничего не понимал, а вот взгляд лежавшего справа приобрел еще большую дикость, и он начал хлопать в ладоши, пока все это не прекратил санитар.

Брайан впервые побывал на сеансе электрошоковой терапии всего лишь день назад. Поэтому привести в порядок мысли стало сложнее. Его все эти восхваления сбивали с толку. Как вообще можно понять, что там выкрикивает искаженный металлом истеричный голос? Шоковая терапия затмила даже воскресный концерт по заявкам в честь оставленных жен, молодоженов и юбиляров.

Но людям концерт нравился, они махали руками и улыбались. Музыка из оперетты и фильмов, Цара Леандер и «Es geht alles Vorüber»^[2]. В такие дни казалось, что война и не начиналась.

В остальные дни сомнений не возникало.

«Все пройдет!» Брайан заставил себя так думать, когда его в первый раз вывели в коридор через полосатую стеклянную дверь.

В процедурном кабинете побывали уже многие. Возвращались они вялыми и зачастую потом несколько часов лежали без признаков жизни, но затем приходили в себя, — судя по всему, ничего страшного с ними не случилось.

Всего в коридоре было шесть дверей, помимо двери палаты, — ее Брайан видел только снаружи. В торцах коридора располагались выходы, в самом конце слева — комната отдыха медсестер и обслуживающего персонала. Затем шла дверь в процедурный кабинет,

а следом еще две двери, — как предполагал Брайан, помещения за ними предназначались для врачей.

В предпоследнем помещении его ждали несколько медсестер и врачей. Не успел он что-то понять, как его грубо привязали кожаными ремнями, сделали укол и подвели к вискам электроды. Удары тока мгновенно его парализовали, и на несколько дней все ощущения притупились.

Обычно серии лечебных процедур состояли из одного сеанса шоковой терапии в неделю на протяжении четырех-пяти недель, затем делали перерыв. Пока Брайан не мог сказать, когда процедуры повторятся, но основания на то имелись. Во всяком случае, у первых пациентов после месячного перерыва началась новая серия. Во время перерыва их кормили таблетками. Всегда одними и теми же, каждому давали одну или две в день.

Брайан боялся того, что способно сотворить с ним подобное лечение. Картины, за которые он раньше цеплялся, медленно блекли. Меркли и притуплялись представления о том, как он вновь увидит своих близких, поговорит с Джеймсом или просто прогуляется без всякого надзора под серым проливным дождем. Память его разыгрывала: то к нему приходили детские воспоминания о соседней улице в Дувре, а то на следующий день он не мог вспомнить, как сам выглядит.

План побега расстроился еще до того, как полностью сложился.

Аппетит тоже падал. Когда Брайан разглядывал себя раз в неделю под душем, он видел, как у него все сильнее выпирают тазобедренные суставы, а верхнюю часть тела портят торчащие ребра. И дело не в том, что еда ему не нравилась — временами она даже была вкусной: картофельные блинчики и гуляш, суп и консервированные фрукты, — просто аппетита не было. Сеансы электрошоковой терапии закончились, и тело кричало, требуя энергии, но Брайана могло вырвать от одной мысли об утренней овсяной каше и куске ржаного хлеба с маргарином. К тарелке он даже не притрагивался, а его никто и не заставлял. В себя впихнуть он мог только вечерний бутерброд с остатками ужина, а иногда сосиску и сыр — если времени хватит.

Джеймс лежал в своем углу: шли дни, а он слушал, спал и теребил платочек Джилл, постоянно лежавший рядом — под матрасом, под простыней или под его ночной рубашкой.

Первые пару недель они не вставали с кроватей, но постепенно пациенты стали сами ходить в туалет, и ждать медсестер с суднами приходилось гораздо дольше. Брайан пополнил свой словарный запас фразой «Schieber, Schieber»^[3]; но невыносимым становилось ожидание, пока в санитарной комнате задребезжит крышка, а на одеяло наконец приземлится эмалированный сосуд.

Первым встал Джеймс. Как-то утром он пошевелил пальцами ног и стал ходить от кровати к кровати, собирая на тележку оставшуюся после завтрака посуду. Брайан задержал дыхание. Он идеально играл роль — передвигался мелкими прыжками, сползшие гетры едва прикрывали лодыжки. Руки судорожно прижаты к телу, двигался он неуклюже, шея окаменела — ему пришлось поворачиваться всем телом каждый раз, когда взгляд замечал что-то новое.

Брайана подвижность Джеймса обрадовала. Так они скоро смогут побеседовать.

Через несколько дней от этого занятия Джеймса отстранил сосед. Как только Джеймс зашевелился, крупный мужчина, весь в оспинах, вылез из кровати и тихо встал, наблюдая за уборкой. Затем он взял Джеймса за плечо и пару раз погладил по волосам, после чего уверенно и решительно довел Джеймса до его кровати и мягко подтолкнул его голову к подушке. Отныне медсестрам помогал тот самый рябой пациент: когда представлялась возможность, он бродил и ухаживал за прочими.

С Джеймса он буквально глаз не спускал: если у него ночью падала с кровати подушка или во время обеда появлялись крошки на одеяле, он вставал с кровати, чтобы все поправить.

Изначально он лежал напротив Брайана. Но в тот день, когда одного из соседей Джеймса увезли в морг, рябой по собственной инициативе перешел на его место. Кто-то из молодых медсестер пытался вернуть его на прежнее место, а он жалобно скулил и хватал их за руки своими огромными ладонями. Когда наконец пришла старшая медсестра, он спокойно спал в новой постели.

В итоге его там и оставили.

После неудачной попытки найти себе занятие Джеймс начал вставать только умыться или в туалет.

Когда Брайан впервые сам встал с кровати, после сеансов шоковой терапии миновала пара дней.

Он, как всегда, мыл руки и лицо — в его семье эту процедуру в шутку называли «высокий воротник и длинные рукава», — и тут голова закружилась, его стало тошнить. Опрокинулся таз с мыльной водой, и кусок мыла из чистящего порошка с опилками упал на пол и рассыпался. В этот момент в палату вошла одна из самых косных медсестер. Вместо того чтобы ему помочь, она стала ругаться из-за воды, растекающейся по полу темной лужей. Затем потащила его в противоположный конец палаты, подальше от процедурных, — Брайан по дороге едва не упал и оставлял на свежевывитом полу лужицы рвоты.

В выложенное белым кафелем помещение свет попадал из большого, завинченного болтами окна — оно обрамляло другие здания на фоне заснеженных утесов. Не тратя времени на разговоры, медсестра заперла его в туалете. Брайан тяжело опустился на колени перед унитазом и с глухим стоном вывалил остатки дурноты. Когда утихли спазмы в животе, он сел на холодный фаянсовый унитаз и осмотрелся.

Окон в туалете не было — хватало света над дверью. Исследовав все мелкие трещины и царапины, Брайан растянулся на полу и постарался осмотреться получше. Перегородка держалась на ржавых металлических прутах, утопленных в цементный пол, за ней находился еще один туалет, а дальше — кирпичная стена. Узкая дверь в противоположной стене вела в кладовку — оттуда медсестры носили постельные принадлежности, а уборщица прятала там метлу и ведро. Брайан видел, как туда-сюда носят инвентарь и белье. В углу, должно быть, ванная, а дверь рядом с окном, наверное, ведет в санитарную комнату.

Обратно в палату его привели перед самым обходом и с улыбкой потрепали по щеке — он не мог не улыбнуться в ответ.

С тех пор Брайан начал вставать с кровати по несколько раз в день. В первый день он попытался заговорить с Джеймсом и пошел за ним, задержавшись лишь на какие-то секунды, когда тот решил сходить в туалет. Но толку было мало. Какой бы удачной ни была представившаяся возможность, Джеймс торопливо уходил в противоположном направлении, едва заметив Брайана.

Появлялись и другие случаи: как правило, после проверки в середине дня, когда в палате царил относительный покой, Брайан, прохаживаясь, пытался переглянуться с Джеймсом, но безуспешно.

В итоге Джеймс начал вставать с кровати, только когда Брайан спал.

Он просто-напросто не хотел иметь с Брайаном ничего общего.

Глава 9

В том, что время текло не как положено, виноват был Человек-календарь. Так Брайан звал пациента, лежавшего с ним в одном ряду, напротив Джеймса. Его-то короткие ноги и болтались над носилками Брайана во время поездки в грузовике. Веселый, молчаливый, постоянно лежавший в кровати человек, чье единственное занятие — нацарапать сегодняшнее число на собственной медкарте. Долгое время медсестры злились и наказывали его, уменьшая порции еды и рассказывая врачам вымышленные истории во время обхода, — те решили, что он буйный, а потому обошлись с ним крутовато. В итоге иногда после сеанса шоковой терапии у него начинались судороги — он весь выгибался в постели, как лук.

Спасение пришло к нему благодаря прибытию новой группы пациентов: в один прекрасный день они прошагали по двору к расположенному в глубине комплексу зданий. Сопровождали их три молоденькие медсестры — они сменили нескольких наиболее ретивых мучителей Человека-календаря. Через несколько дней самая хрупкая из этих девушек — чуть моложе Брайана с Джеймсом — выдала ему маленький блокнот с шершавой серой бумагой и вбила над изголовьем кровати гвоздь без шляпки, — таким образом, все проходящие мимо могли лицезреть его каждодневный труд.

Как Человеку-календарю удавалось отслеживать дни после шоковой терапии, Брайан понять не мог. Он лишь отмечал, что пропуски всегда — и с величайшей точностью — чудесным образом восполняются.

Хотя уже наступил апрель, в палате было сыро, и пациентам разрешали по ночам укрываться двумя одеялами. Носки Брайан никогда не снимал, стараясь получше укутаться от сквозняков, гулявших у внутренних ставень и вдоль изголовий. В последнее время многие подхватили простуду — лежали в постелях, дрожа и кашляя.

Вообще говоря, тот самый рябой пациент редко обращал внимание на холод, но тем вечером он подошел к Брайану уже в третий раз и укутал одеялами. Снаружи чуть-чуть унялся ветер, и в

палате стало тихо. Лежавший с закрытыми глазами Брайан почувствовал, как огромные ладони аккуратно подтыкают одеяло и, словно кошачьи лапки, тихонько глядят его по лбу. Потом он осторожно потрепал Брайана по щеке, как ребенка, пока тот не открыл глаза и не улыбнулся. И вдруг рябой неожиданно прошептал ему на ухо несколько слов — у великана даже выражение лица на мгновение изменилось. Чуткий, осмысленный взгляд моментально запечатлел все черты Брайана, а затем вновь расплылся. Потом он повернулся к соседу Брайана, потрепал его по щеке и сказал: «Gut, gu-u-ut!»^[4]

В конце концов он уселся на стул в проходе и уставился в сторону Джеймса. Два пациента — они лежали рядом с рябым — подняли голову; их силуэты четко выделялись на фоне окна и сиявшего за ним лунного света. Они тоже посмотрели в сторону вытянувшегося на постели Джеймса.

Брайан скосил глаза на кончик носа, но вот его взгляд блуждал по комнате. Насколько ему было видно, в палате все спали. Периодически до него доносилось свистящее эхо, а затем тени снова опустились на постели. Снова послышался шепот — Брайану стало неудобно, а сон ушел.

Так что же он услышал: тихий шепот или это от ветра дребезжали оконные стекла?

Наутро рябой все еще сидел на стуле. Пока все спали, в палату пробрался пациент, бривший их через день: при виде товарища, храпевшего с опущенной головой, его разобрал хохот — к нему тут же бросилась дежурная медсестра и увела в его палату. Она отвесила рябому подзатыльник и покачала головой, когда тот попытался ее умиловить, убежав за ее фартуком.

Затем она, уже совсем проснувшись, вздохнула и приступила к обычным делам.

Кому-то из пациентов становилось лучше. Сосед Брайана смотрел уже не так пристально и без прежней апатии, он стал спокойнее, и медсестры постоянно хлопали его по плечу — с ними время от времени он пусть отрывисто, но все же разговаривал. Кто-то из пациентов начал вставать с постели — эти чаще всего сидели за столом в дальнем конце палаты и рассматривали яркие журналы

санитаров: любовь, романтика, альпийская идиллия. Иногда два санитаров постарше собирали небольшую компанию и играли в карты.

Постепенно днем стало выглядывать солнце, и все больше пациентов вставали и смотрели в окно, на веселящихся, играющих людей из других корпусов больницы. Солдаты СС с обычными ранениями играли в ножички, камешки, мяч или чехарду. Скоро их выпишут.

У Брайана получалось следить за всем происходящим во дворе — надо было только сесть у изголовья, поджав ноги, и вытянуть шею. Так он мог просидеть часами, глаза на небо над смотровыми вышками у ворот, холмы и леса за ними.

А еще в такой позе он мог дотянуться до верхушек стоек кровати, осторожно снять с них деревянную заглушку и затолкать свои таблетки в металлические трубки изголовья. Когда сеансы шоковой терапии закончились, он старался не глотать таблетки, которые совали ему в рот. Одну он иногда проглатывал, а порой таблетки успевали частично раствориться, прежде чем у него появлялась возможность выплюнуть их в ладонь; но все получилось так, как он и рассчитывал. Постепенно голова у него прояснялась. Появилось желание сбежать.

Из всей массы рассеянных сумасшедших лишь один человек видел, как он прячет таблетки в ножке кровати. Тот самый, кто в первый день смотрел прямо в жалящие струи душа. Вначале этот тощий мужчина постоянно себя истязал и поэтому по большей части лежал в смиренной рубашке, парализованный действием лекарств. Теперь, через три месяца, он всегда лежал тихо как мышь, положив руки под щеку, поджав ноги и таращась на остальных. Брайан почувствовал на себе его взгляд в ту секунду, когда запикивал таблетки, — ответом ему стала веселая улыбка. Позже Брайан прошелся вдоль кроватей и остановился у постели этого человека. Черты лица разгладились, а когда Брайан склонился над ним, он его как будто даже не узнал.

Пока весна безуспешно пыталась растопить двор и оживить тени, Брайан изучил каждый сантиметр раскинувшейся перед ним панорамы.

Их корпус располагался ближе всего к скалам, окна выходили на запад. Заходящее солнце оказывалось прямо между смотровыми

вышками и отбрасывало бледно-красные лучи на лежащие перед ним здания. Слева, на юге, находилась кухня — за ней лучше всего было наблюдать из окна возле ванной комнаты. Чуть дальше на юго-западе — бараки поменьше, где жили часовые и охрана. Прямо из окна Брайан видел фасад здания для медперсонала. У входа частенько останавливались пары — появлялась возможность увидеть, сколько сил молодые врачи тратили на то, чтобы затащить медсестер в постель. Кажется, им это не удавалось, из-за чего зрелище казалось забавным, а действующие лица — попросту нелепыми, но, что любопытно, человечности им происходящее не добавляло.

Здание на севере — оно располагалось параллельно, но не вровень с их корпусом — загораживало спортзал и территорию за ним. Даже некоторые отделения, находившиеся чуть дальше, почти целиком скрывались за острыми желтыми углами.

Вдоль забора круглые сутки ходили часовые и патрульные с собаками. Пройти на территорию госпиталя разрешали очень немногим гражданским лицам — и только в сопровождении офицеров службы безопасности или просто солдат СС.

В первые долгие недели Брайан боялся возможной встречи с родственниками того, чье имя присвоил. Но хоть в отделении лежало полно людей, кому знакомое лицо могло бы значительно ускорить выздоровление, к ним никто так и не приехал. Они оказались в изоляции — никому не хотелось говорить об их существовании, а тем более состоянии. Уму непостижимо, зачем их вообще в живых оставили.

Брайан ни разу не видел, чтобы Джеймс смотрел в окно. С начала апреля он редко выбирался из постели, и, судя по всему, лекарства притупляли его разум.

За территорию выехало три грузовика, и ворота снова захлопнулись. «Вот бы сесть в один, доехать до Померании, а потом домой», — мечтал Брайан. Вскоре за верхушкой холма затих гул двигателей, и машины скрылись в долине. Встав рядом с кроватью Брайана, широколицый сосед рябого молча разглядывал часовых. У него дрожали ноги и безостановочно шевелились губы. Он с самого первого дня вел с самим собой беззвучную беседу — Брайан несколько раз видел, как рябой и второй сосед широколицего склоняют ухо к его

рту. Их терпеливые лица выражали надежду. Потом они обычно качали головой и хихикали, как глупые детишки.

Лишь подумав об этом, Брайан засмеялся и стал рассматривать непрерывно шевелящиеся губы. Мужчина повернулся — из-за безумного взгляда лицо казалось еще более забавным. Сдерживая смех, Брайан зажал рукой рот. Затем рот на секунду замер, и мужчина ему улыбнулся. Более широкой улыбки ему видеть не доводилось.

Глава 10

Из коридора слышался вальс. Утром к ним приходил брадобрей, хоть он уже и побывал у них накануне, — тщательно, как никогда, выбрил их щеки. Как обычно, один из санитаров, ветеран Первой мировой, стукнул ботинком со стальной набойкой по ножке ближайшей кровати — знакомый сигнал, что пора в ванную. Привычный уклад нарушился, и Брайан растерялся и занервничал.

И не только он.

Большинство дежурных медсестер улыбались, протягивая пациентам кипенно-белые выстиранные халаты, и поторапливали их, чтобы те быстрее приводили себя в порядок. Офицер службы безопасности — тот самый, что застрелил в спортзале симулянта, — при полном параде, широко расставив ноги, стоял в дверях, разглядывал их, властно и почти дружелюбно кивал. Пациенты в это время выстроились в шеренгу перед кроватями. Потом началась перекличка. Кто-то на оклики вообще никогда не реагировал. К таким Брайан уже давно не относился.

— Арно фон дер Лейен, — произнес офицер безопасности.

Брайан вздрогнул. Почему он первый? Поколебавшись, он подчинился, когда подошедшая медсестра взяла его под руку.

Офицер службы безопасности щелкнул каблуками и вытянул руку в нацистском приветствии — перекличка продолжалась, а мимо него двигалась необычная процессия. Осталось всего несколько человек, только что вернувшихся с сеанса электрошоковой терапии, в том числе и Джеймс.

Сначала Брайан нервно озирался. Позади него оказалась группа из семнадцати-восемнадцати человек, кого еще вполне можно было назвать сумасшедшими. За ними наблюдали уже больше трех месяцев. Что с ними теперь делают? Переведут в другие отделения или госпитали или, может быть, отсеют? И почему его вызвали раньше всех остальных? Офицер безопасности, чьи сапоги стучали по каменному полу, медсестры и санитары, шедшие с обеих сторон, ему не понравились. Наверное, даже хорошо, что Джеймс не с ними.

Строй прошагал мимо процедурной, помещения, где проводили сеансы электрошоковой терапии, комнаты врачей; миновали дверь, в которую пациенты зашли в самый первый день и с тех пор больше ни разу через нее не проходили. Уже на лестнице поднялся переполох: несколько пациентов встали у стен, прижимая руки к телу. Они не хотели никуда идти. Медсестры смеялись и тянули их, пытаясь со всеми разговаривать ободряюще и с улыбкой.

День выдался погожий, но была еще только вторая половина апреля, и в горах висела пронизывающая, промозглая влажность. Брайан шел, опустив глаза, разглядывая свои носки и тапки и пытаясь незаметно обходить лужи и грязь на разбитом колесами дворе. Увидев, что их группу ведут к спортзалу, он запаниковал.

Во главе группы, всего в шаге от Брайана, шел офицер СС. Тяжелая, дразнящая кобура болталась на ремне всего в паре сантиметров от руки Брайана. Он вообще успеет его схватить? И куда потом бежать? До забора за спортзалом больше двухсот метров, а совсем неподалеку болтали часовые — больше, чем Брайан раньше видел.

Они прошли бараки.

За спортзалом оказалась большая открытая площадь. Брайан увидел стоявшие вдоль газона строения — раньше он мог их лишь вообразить. Здание, расположенное параллельно спортзалу, две палаты и несколько зданий с маленькими окнами и коричневыми двустворчатыми дверями, где, наверное, помещалась администрация. Группа остановилась у низкого деревянного коридора, связывающего спортзал и здание за ним, и офицер безопасности ненадолго оставил их одних.

«Восход солнца я вижу в последний раз», — подумал Брайан, глядя на мелькающий в верхушках елок свет и строй мужчин, стоявших спиной к стене. Среди них возвышался рябой — стоял он навтыжку, запрокинув голову.

С ними был и тот парень с широким, пластичным лицом, бормочущий никому не слышные слова. От звука шагов Брайан подпрыгнул, а губы соседа почти перестали шевелиться.

Первые яркие лучи света озарили площадку сзади, из-за чего черная и зеленая униформа приобрела помпезность, изящество и благородство — Брайан ожидал совершенно другого. Карнавал

орденов, железных крестов, сияющих лент и лаковых сапог — представления об отряде палачей померкли. Повсюду — символы СС и черепа. Все рода войск, солдаты всех возрастов, всевозможные ранения. Марш раненых — собрание повязок, перевязей, костылей и тростей.

Доказательство для воинской элиты: войну бескровно не выиграешь.

Солдаты беседовали, разбившись на мелкие группки, и медленно двигались к флагштоку посреди площади. За ними — медсестры, толкающие перед собой инвалидные коляски с солдатами. А последними по плитке с грохотом катились кровати на огромных колесах — замыкали шествие потные санитары.

На свежем воздухе было ужасно холодно — одежды-то на них было совсем мало, только ночная рубашка да халат. У соседа Брайана застучали зубы. «Это не твоё дело», — думал Брайан, глядя на флаг со свастикой. Поднимали его в полной тишине и с почтительным нацистским приветствием.

Стояли они в северо-западной части территории. Брайан наклонился в сторону, как будто засыпая, и заглянул за угол здания. Отсюда можно было рассмотреть кирпичное здание поменьше, у самых скал. Вероятнее всего, больничная часовня. С противоположной стороны, на западе, у самого забора, виднелись ещё одни ворота — по бокам стояли часовые, вытянув руку в приветствии и глаза на происходящее.

Вытянутые руки указывали на флаг, и все вокруг хором восторженно запели «Песню Хорста Весселя» — из зашелестевших кустов взлетели птицы.

Из сумасшедших не пел никто — те что-то бормотали или просто стояли, смущенно озираясь. Площадь наполнили эхо и мощь множества голосов, а в воздухе витали опьянение и решимость — флаг выглядел внушительно. От гротесковой красоты происходящего Брайан оцепенел, и, лишь когда открыли портрет фюрера, он сообразил, зачем их здесь собрали и побрили в неурочное время. Закрыв глаза, он представил листочек бумаги, висевший над кроватью Человека-календаря. Вчера было 19 апреля, значит сегодня 20-е — день рождения Гитлера.

Офицеры крепко прижимали к себе фуражки. Несмотря на ранения, стояли они прямо, как статуи, уважительно глядя на портрет. Резкий контраст с карикатурами на Гитлера, которыми были увешаны казармы Королевских ВВС: к ним пририсовывали всякое, делали нецензурные подписи, в них кидали дротики.

Иные из закаленных воинов от счастья совсем ошалели: прикрывая глаза от утреннего света, они устремили взгляды на флаг, одурманенные его красотой и собственными чувствами. Брайан изучал территорию за их спинами. За проволочным забором — по длинной стороне территории госпиталя — был еще один. Какая-то жалкая защита: грубые жерди, обвитые колючей проволокой. Тропинка — когда-то забор поставили вплотную к ней — сначала бежала параллельно ему, а затем ускользала вдоль утесов, вероятно, в горы. Слегка повернув голову, Брайан вновь посмотрел на запад, за спины беседовавших часовых.

Бежать он хотел в ту сторону. Через первый забор и под вторым, по дорожке и вдоль ручья — он тек параллельно ей, — а дальше вниз, к железной дороге, протянувшейся вдоль Рейна до самого Базеля.

Идти вдоль железнодорожных путей на юг — а там он рано или поздно доберется до швейцарской границы.

Как ее пересечь, там будет видно.

Шестое чувство заставило Брайана повернуться и посмотреть рябому прямо в глаза. Едва встретившись с ним взглядом, великан тут же опустил голову. В его взгляде сквозило что-то цепкое. За рябым надо приглядывать, причем как можно незаметнее. Брайан снова перевел взгляд на забор.

Не очень-то высоко, прикинул он.

Если получится расшатать флагшток у нижнего болта, его можно перекинуть через забор как мостик. Стекающие по здоровенным гайкам сгустки ржавчины навели его на другие мысли. Будь у него гаечный ключ, все получилось бы. Все решали мелочи. Незначительные вещи и события, такие как случайная встреча с девушкой, неожиданные фразы, услышанные в детстве, удача, улыбнувшаяся в нужный миг. Внезапно возникающие отдельные фрагменты, в сумме образующие будущее и делающие его непредсказуемым.

Например, случайно появившееся пятно ржавчины на каком-нибудь болту.

Значит, придется перелезть через забор, изодрав себя в кровь о колючую проволоку на его верхушке. А еще ведь часовые. Одно дело — незаметно перелезть, а другое — потом уйти. В темноте хватит одной выпущенной наобум очереди из пистолета-пулемета. Снова вмешается случай. Он не мог отдаться на волю случая, если была возможность этого избежать.

Церемония завершилась короткой речью старшего офицера службы безопасности, говорившего с таким энтузиазмом, какого у его флегматичной особы и предположить было нельзя, затем прокатилась волна нацистских приветствий, казавшаяся бесконечной. Потом с площади медленно увезли улыбавшихся колясочников и лежащих больных — их распирало от гордости и любви к родине. Вероятно, они были уверены в том, что сделали все возможное и были в безопасности.

На ветру тихонько качались темные ели. Во время перехода в несколько сотен метров до здания на холоде разболелись суставы. Торопить кого-либо было бесполезно. «О себе заботься! — думал Брайан. — Постарайся не заболеть!»

Путь к побегу он наметил. Если он заболеет, они с Джеймсом до следующей серии сеансов электрошоковой терапии убежать не успеют. Значит, планировать надо тщательно и быстро. А еще — посвятить в планы Джеймса, хочет он того или нет. Без Джеймса надежный план составить не получится.

И без Джеймса — никакого побега.

Глава 11

Когда Джеймс пришел в себя после сеанса электрошоковой терапии, ему было паршиво. Каждый раз одно и то же. Во-первых, у него не было сил. Ослабло все тело. Притупились и смешались чувства. А еще пришли возбуждение, волнение, сентиментальность, жалость к себе и растерянность. Затуманился разум, не отступали страх и грусть.

Страх был строгим господином — это Джеймс давно понял, но со временем научился с ним жить и обуздывать его. Война подходила все ближе, вдалеке гремели бомбардировки Карлсруэ, и постепенно появилась хрупкая надежда на то, что этот кошмар когда-нибудь закончится. С неизменной осторожностью и не теряя бдительности, он пытался радоваться имевшимся в его распоряжении часам — тихо лежал и наблюдал за происходящим вокруг или погружался в мечты.

За прошедшие месяцы Джеймс абсолютно вжился в свою роль. Никто и не заподозрил бы в нем симулянта. Разбуди его в любое время — смотреть он будет пустыми глазами. Медсестрам он хлопот не доставлял: ел как положено, не пачкал постель, а самое главное — принимал таблетки, не выказывая ни малейшего неудовольствия. По этой причине он всегда медленно соображал, был вялым, а иногда и вовсе равнодушным.

Таблетки действовали на удивление эффективно.

Впервые оказавшись у врача-ординатора, Джеймс лишь кивал, когда тот повышал голос. Он ни разу даже пальцем не пошевелил, если ему не приказывали. Иногда медсестра читала вслух его медкарту — с разлинованных желтых страниц постепенно проступила присвоенная им биография. Если Джеймс когда и испытывал муки совести за то, что вышвырнул труп в окно, они испарились бы в ту же секунду, когда он узнал об истинной сущности своего спасителя.

Джеймс и его жертва были почти ровесниками. Человек по имени Герхарт Пойкерт невероятно быстро продвигался по службе, став в итоге штандартенфюрером полиции безопасности СС, кем-то вроде полковника. Поэтому в палате самое высокое звание было у него, за исключением Арно фон дер Лейена, на чьем месте оказался Брайан. В

отделении он занимал особое положение. Иногда у него даже возникало ощущение, что некоторые пациенты его боятся или ненавидят, — сев на кровать, они холодно таращились в его сторону.

Этого человека не обошел стороной ни один грех. В любой ситуации Герхарт Пойкерт безжалостно устранял все возникающие перед ним препятствия и без колебаний наказывал всех, кто ему не нравился. Восточный фронт подошел ему идеально. В итоге несколько его подчиненных взбесились и попытались утопить его в той же емкости, где он же собственноручно пытал советских партизан или негодное гражданское население.

В результате он долго пролежал в коме в полевом госпитале. Никто и не ждал, что он придет в себя.

С теми, кто покусился на его жизнь, разговор был коротким: обмотали шею струной от пианино и задушили. Когда он все же очнулся, его решили отвезти домой, Heimatschutz, в объятия родины. Во время этой поездки Герхарт Пойкерт наконец расплатился за содеянное, а его место занял Джеймс.

В целом для палаты его случай был типичным. Высокопоставленный офицер СС, психически нездоровый, но при этом весьма ловкий слуга, чтобы просто его бросить. Обычно такие тяжелые случаи СС лечило одним способом: укол и гроб. Но пока оставалась надежда, что из самых высокопоставленных и преданных фюреру людей поправится хоть один человек, будет сделано все возможное и задействованы все имеющиеся средства. А пока для внешнего мира судьба пациентов оставалась тайной. Офицер СС не может вернуться домой сумасшедшим. Это деморализует людей, запятнает величие Германской империи и будет иметь другие нежелательные последствия: подрвет доверие к новостям с фронта, а кроме того — посеет в народе сомнение в неуязвимости героев. Опозорены будут офицерские семьи. Все это бесконечно внушал врачам офицер службы безопасности.

Он мог бы добавить: лучше мертвый офицер, чем скандал.

Это обстоятельство в сочетании с тем, что офицеры СС с обычным ранением тоже считались элитой, превращало территорию больницы в стратегическую цель как внешних, так и внутренних врагов, а потому из нее сделали крепость, в которую не проникнет ни

одно нежелательное лицо. Уйти из нее могли лишь выздоровевшие пациенты и их сопровождающие.

В больницу продолжали поступать новые пациенты, хотя сумасшедших среди них больше не было. Вероятно, по ходу развития событий войны тихо пришло понимание: эти пациенты Третьему рейху принести пользу уже не успеют. После краха на Восточном фронте тратить время на какие-то эксперименты было уже невозможно.

В последнее время многим обитателям больницы стало значительно лучше — если бы кто-то после лечения продемонстрировал более скромные результаты, это бросилось бы в глаза. Джеймс перестал напевать и надеялся обойтись без новых сеансов электрошоковой терапии. Больше всего жесткий метод лечения влиял на концентрацию, а потому представлял угрозу самому важному занятию Джеймса. Откинув голову и закрыв глаза, он мысленно смотрел кино.

— Где сержант Каттер? — рявкнул сержант Хиггинботем.

— Он занят, — нехотя ответил с подоконника Виктор Маклаглен.

Он повернулся к Кэри Гранту, исполняющему роль сержанта Каттера, — тот лупил солдат, пытавшихся подняться по лестнице.

— Купить карту, на которой указано, где зарыты сокровища, — ха! Голову сначала проверь, — издевался Дуглас Фейрбакс-младший, демонстративно уперев руки в боки.

Кэри «Каттер» Грант отвешивал один удар за другим — солдаты с задранными килтами скатывались с лестницы.

— Можно было бы уйти из армии и жить припеваючи, а? — с горящими глазами усмехнулся он.

В то же мгновение ему на голову рухнул стул. Над ним стоял шотландец и, разинув рот, пялился на деревяшки, оставшиеся у него в руках. У Каттера выражение лица не изменилось.

— О, — произнес он, показывая пальцем на убежавшего, — вот кто продал мне карту!

Грант предостерегающе поднял руку в тот момент, когда Фейрбакс-младший уже хватал шотландца. Схватив горца за воротник, врезал тому один раз и вытащил в окно, вытянув руки.

— Эй там! — прогремел с низу голос Хиггинботема. — Отпусти его!

В этом месте Джеймс всегда старался вести себя поосторожнее, чтобы не расхохотаться в голос. Озираясь и сдерживая смех, он представлял себе, как шотландец летит вниз, а Кэри Грант с виноватым видом разводит руками.

«Ганга Дин» — один из любимых фильмов Джеймса. Обязательный пункт в расписании его воображаемого кинотеатра.

Когда он «смотрел» какое-нибудь кино, начинал обычно сначала и прокручивал весь фильм сцену за сценой, не упуская ни малейшей детали. События, которые на киноэкране промелькнули бы максимум за час, занимали его на целое утро или вечер. Погружаясь в сюжет, для внешнего мира он пропадал. Когда одолевали грустные мысли или страх, что родных он больше не увидит, подобное времяпровождение служило ему утешением.

Щедрая матушка часто давала ему и сестренкам несколько монет — во время воскресного дневного сеанса они занимали откидные сиденья кинозала. Немалая часть их детства прошла здесь, в мерцающем свете Дины Дурбин, Лорела и Харди, Нельсона Эдди или Тома Микса, — родители в это время прогуливались по городу и обменивались любезностями с другими горожанами.

Джеймс с легкостью вызывал в памяти сестер Элизабет и Джилл, хихикавших и перешептывавшихся, когда герой целовал героиню, и вопящий, горлающий зал.

Он не сошел с ума благодаря воспоминаниям, книгам и фильмам, которые успел проглотить в школьные годы. Но чем больше сеансов шоковой терапии он проходил, чем больше таблеток принимал, тем чаще замирал ход событий у него голове, вдруг остановленный дырой в памяти.

В данный момент он никак не мог вспомнить, как в фильме звали Дугласа Фейрбакса-младшего и Виктора Маклаглена. Но со временем вспомнит.

Как обычно.

Тяжело опустив затылок на подушку, Джеймс дотронулся до платочка Джилл под матрасом.

— Герр штандартенфюрер, может, встанете и хоть немного пройдетесь? Вы все утро дремлете. Вам нехорошо?

Открыв глаза, Джеймс увидел перед собой лицо медсестры. Она улыбалась и чуть привстала на цыпочки, чтобы просунуть руку под его подушку и поставить ее вертикально. На протяжении нескольких месяцев Джеймсу хотелось ответить ей или подать хоть какой-нибудь знак, что он выздоравливает. Однако он лишь отрешенно смотрел на нее — даже бровью не повел.

Звали ее Петра — единственное по-настоящему человеческое существо из всех, кого он там видел.

Петру как будто прислало само Провидение. Во-первых, благодаря ей остальные медсестры оставили в покое его соседа напротив, Вернера Фрике, и его календарь.

Во-вторых, она ввязалась в борьбу с парой медсестер: теперь так сильно не наказывали тех, кто мочился в постель или ел неаккуратно.

И наконец, она очень много внимания уделяла Джеймсу.

Он вызвал у нее симпатию еще при первой встрече — это было заметно. Ее заботу ощущали на себе и другие обитатели палаты, но только в изножье постели Джеймса она вставала, нежно и грустно улыбаясь, опустив плечи. Как она могла что-то чувствовать к такому человеку, как Герхарт Пойкерт? Удивленный Джеймс предполагал, что она просто-напросто была наивной, почти лишенной воображения девчонкой и сразу после какой-нибудь монастырской школы выучилась на медсестру в Бад-Кройцнахе.

Очевидно же, что жизненного опыта у нее нет. Когда Петра говорила товарищам о профессоре Сауэрбрухе, своем наставнике и покровителе, глаза у нее светились от восхищения, а руки двигались быстрее и увереннее. А когда один пациент в ярости обругал всех последними словами, она быстро перекрестилась и только потом убежала за помощью.

С точки зрения Джеймса, самое очевидное объяснение расположения Петра — в том, что она юная, застенчивая, романтическая девушка с естественными потребностями, кроме того, она сочла его довольно симпатичным: белые зубы, широкие плечи. Война идет уже почти пять лет. Вряд ли ей было больше шестнадцати-семнадцати, когда буднями для нее стала суровая и тяжелая больничная жизнь. Как

ей время от времени давать выход своим мечтам и фантазиям? Была ли у нее вообще возможность любить и быть любимой?

Джеймс ничего не имел против того, что пробудил в ней какие-то фантазии. Девушкой она была довольно милой и красивой. Подметивший это Джеймс пользовался ее заботой. Пока она впахивает в него еду после сеансов электрошоковой терапии и прикрывает окно, когда от сквозняка деревенеют мышцы шеи, тело его не подведет.

— Ну давайте же, герр штандартенфюрер! — продолжила уговоры она, стаскивая ноги Джеймса с кровати. — Так не годится. Вам же поправиться надо, правда? Значит, надо встать и походить!

Джеймс встал между кроватями и начал пробираться к центральному проходу. Петра кивала и улыбалась. Подобного рода особое отношение Джеймс ценил меньше. Из-за него к нему и другие медсестры относились внимательнее, а особое отношение чревато неприятными последствиями.

Однако атаки Джеймс ждал не с этой стороны. Все чаще и чаще в палате повисали настороженность и напряжение. У него это ощущение возникало внезапно, словно укол в плечо. А сегодня снова чувствовалось что-то не то. На проход Джеймс смотрел сквозь склеившиеся ресницы.

В тот день Брайан посмотрел на него уже в третий раз и попытался заговорить.

«Бога ради, Брайан, да хватит на меня так открыто пялиться!» — думал он, в то время как Брайан не сводил с него умоляющего взгляда. Петра взяла Джеймса под руку, как обычно, беседовала с ним о том о сем и тянула в другой конец палаты, к окну рядом с тележками. Джеймс заметил, как за его спиной Брайан с трудом пытается встать. Он не сдавался, хотя с предыдущего сеанса электрошоковой терапии прошли лишь сутки.

У хрупкой медсестры иссяк поток слов, когда Джеймс опять потянул ее к кровати. Не надо ему оказываться в одном углу с Брайаном. Увидев реакцию Джеймса, Брайан бессильно опустил руки. Потерянный, он откинулся на изголовье, пока Джеймс шел мимо с усердной Петрой.

«Брайан, сейчас ты слаб, но завтра утром вновь соберешься с силами, — думал Джеймс. — Не буду я тебя жалеть! Просто оставь меня в покое! Ты же прекрасно знаешь, что это лучший выход! Я нас

отсюда вытащу. Поверь! Но не сейчас! За нами наблюдают!» Джеймс услышал, как заскрипела кровать Брайана, и почувствовал отчаянный взгляд, буравящий ему спину.

За ними тихонько прошелся рябой Крёнер и потрепал Брайана по плечу.

— Gut Junge^[5], спляшем польку, — проворчал он и затряс решетку в изножье ближайшей кровати.

Итак, «Ганга Дин». Джеймс вырвался из рук Петры и лег на кровать. «Как же звали тех проклятых сержантов? Вспоминай, Джеймс! Ты же знаешь!»

Крёнер сел и засмотрелся на зад Петры с белым болтающимся бантом — та уже вернулась к работе.

— Славная попка — а, герр штандартенфюрер? — спросил он, обращаясь к Джеймсу.

Каждое слово — как ледяной укол.

Великан согнул ноги и стукнулся о край кровати — затрясся весь железный каркас. Джеймс на его вопросы никогда не реагировал. Когда-то же он наверняка замолчит.

Пациенты по бокам от Крёнера уселись, как грифы, в постелях и усталились на Брайана — тот зарылся в одеяла и обессиленно улегся в неаккуратной куче. «Угомонись, Брайан, — мысленно взмолился Джеймс, — или нас прикончат!»

Глава 12

Лишь провалившись в глубокий сон, Джеймс вспомнил имена, причем вспомнил так неожиданно, что открыл глаза и стал вглядываться в серую полутьму палаты. Оставшихся двух сержантов из фильма «Ганга Дин» звали Макчесни и Баллантайн.

К реальности его вернули тяжелое дыхание и доносящийся отовсюду храп. Сквозь ставни просачивались слабые лучи света. Джеймс досчитал до сорока двух. Вновь появился луч света. Часовые на вышке за баракон СС свое дело знали и еще несколько раз повернули прожектор, а затем спрятались под крышу из рубероида. Четвертую ночь подряд шел дождь, и всего две ночи назад от горных склонов эхом отдавались бомбардировки Карлсруэ — забежали часовые, резко выкрикивая приказы.

Поджав под себя ноги, зарыдал пациент с девятой кровати, гауптштурмфюрер — однажды при наступлении на Восточном фронте он больше десяти часов пролежал под придавившим его деревом, а его собственная группа зачищала территорию огнеметами. В ту ночь в палате не спали они двое. А сейчас — только Джеймс.

Тяжело набрав воздуха в грудь, он вздохнул. В тот день он заставил Петру краснеть. Как обычно, медсестра и санитар Воннегут с железным крюком вместо руки просматривали сводки, пока он не схватился за маленький газетный кроссворд, — всякий раз, когда не получалось подобрать слово, он молотил жалким протезом по столу и недовольно вопил.

Воннегут держался сам по себе, так как атмосфера в палате весь день царила тяжелая.

В отношениях между Петрой и старшей медсестрой повисла напряженность. Сначала она поправила медсестринский значок Петры на косынке, а затем прибрала несколько мелких выбившихся светлых прядей. Потом Петра поправила старшей медсестре партийную эмблему на правом лацкане и протерла ее рукавом — ярко засияла красная эмаль, обрамляющая белые буквы: «Verband Deutsche Mädel»^[6].

К вечеру, когда у Петры должен был начаться выходной, старшая медсестра отослала ее сменщицу в другое отделение под предлогом помощи новичкам. Очевидно, это была месть — Петра вспыхнула и угрожающе замахнулась в ее сторону, едва та отвернулась.

В нее — взбунтовавшуюся, в туфлях без каблуков, сером платье и белом фартуке — невозможно было не влюбиться. Джеймс улыбался всякий раз, как она наклонялась и чесала под коленкой, где ее ноги туго обтягивали черные шерстяные чулки.

В интимный момент, когда глаза Джеймса прошли по ее фигуре, она обернулась и поймала его взгляд.

Тогда она и покраснела.

Рядом с ним беспокойно заерзал Крёнер — обычно это означало, что он просыпается. «Сдохнуть бы тебе во сне, свинья!» — неслышно прошептал Джеймс и заставил себя думать о Петре. В это мгновение она, наверное, лежит в своей комнатке на чердаке, а снится ей то, как он на нее посмотрел, — точно так же он сейчас думает об ответном взгляде. Лучше бы Джеймсу без всего этого обойтись. Тяжело быть молодым, когда распирают фантазии, реализовать которые невозможно.

В темноте сквозь ресницы мелькнул Крёнер — повернувшись к Джеймсу лицом, он стал его разглядывать. Джеймс осторожно зажмурился и стал ждать очередных перешептываний.

Кошмар вскрылся больше двух месяцев назад посреди ночи. Разбудили его торопливые, тяжелые шаги дежурной медсестры — она прошла по коридору к туалету для персонала за лестницей, ведущей во двор. Прямо перед ним к изголовью соседней кровати метнулся чей-то силуэт. Два резких рывка в изножье — и больше ни звука. Затем фигура повозилась с подушкой соседа, быстро прошла в дальний конец палаты и улеглась там в одну из кроватей.

На следующий день Воннегут, молотивший по торцам кроватей, обнаружил, что пациент, лежавший рядом с Джеймсом, мертв. Лицо у него потемнело. Из челюстей грубо, карикатурно вываливался язык. Глаза вывалились, в них сквозило отчаяние.

Говорили, он под подушкой остатки еды прятал и подавился рыбьей косточкой. Врач-ординатор Хольст, покачив головой, склонился к старшему медбрату и прошептал ему на ухо пару слов. Доктор Хольст засунул сжатые кулаки в карманы халата. Потом отмахнулся от

каких-то вопросов Воннегута и распорядился, чтобы санитары унесли тело, пока службе безопасности и заведующему отделением не представится возможность создать трудности персоналу отделения.

В ночной полудреме Джеймс стал свидетелем убийства.

Из стороны в сторону крутилось несколько лиц, наблюдая за тем, как медсестры меняют на кровати покойника постельное белье, — вот она уже ровная, свежая, пустая.

В обед какой-то пациент встал с кровати, подошел к Джеймсу и улегся в свежезастеленную постель. Он-то и зарубил его идею помогать медсестрам. Так он и пролежал, пока медсестры не привезли клецки и свинину в эмалированной посуде. Несмотря на нытье и вопли, его безжалостно вытащили из кровати. Но ненадолго.

Каждый раз, когда медсестры отворачивались, он, прокрадываясь обратно, натягивал одеяло до самого подбородка и крепко прижимал к себе. Успокаивался он, лишь укладываясь в эту постель. Когда история повторилась несколько раз, его оставили в покое — там, где он лег.

Каким бы невероятным ни был этот факт, в соседи Джеймсу достался убийца.

Джеймс ничего не понимал и в первые ночи от страха даже не мог уснуть. Каким бы ни был мотив сумасшедшего — если вообще был, — все может повториться. Поэтому безопаснее было спать днем, а ночью бодрствовать и считать, сколько раз на скрипучей кровати перевернется сосед. В случае чего он позовет на помощь или встанет и дотянется до свисающего со стены шнура — его укоротили, чтобы пациенты не дергали когда придется. Подобных попыток еще никто не предпринял.

На третью ночь после того случая в палате было совсем темно. Вопреки обыкновению, в коридоре потушили свет и закрыли все ставни. Отовсюду доносились храп и тяжелое дыхание, из-за чего страх притупился, а Джеймс расслабился. Пересказав себе одно из дел Пинкертонa, он прибегнул к последнему фильму, что успел посмотреть в счастливые кембриджские деньки, великолепный эпос Александра Корды, и заснул.

Поначалу тихий шепот почти незаметно проник в сновидения Джеймса. Словно чужеродный элемент, он каким-то образом смешался с любовной сценой. Открыв глаза и обнаружив, что слова никуда не делись, Джеймс вздрогнул. Слова были настоящими: реальными,

приглушенными, обдуманными. И принадлежали не душевнобольному. Произносил их рябой Крёнер, лежащий рядом с ним убийца.

Из темноты ему отвечали другие голоса. Всего беседовали три человека: его сосед — убийца Крёнер и еще двое на следующих кроватях.

— Ну да, черт возьми, пришлось мне представление устроить, — слышалось с дальней кровати. — Старшая медсестра, сука эта, застучала меня, когда я журналы Воннегута за столом читал.

— Глупость ты сделал, Дитер! — пробурчал рядом с Джеймсом Крёнер.

— Да что тут делать? Если раньше ты с ума не сошел, то сойдешь здесь, черт побери, потому что лежишь, а заняться вообще нечем!

— Так, с этого момента к журналам ты не прикасаешься. Второго раза не будет!

— Ну конечно нет! Думаешь, я так развлекался? Думаешь, весело несколько дней просидеть в камере, где все орут? Я туда больше не хочу. Кстати, их уже стали ликвидировать. Делать-то больше нечего.

— А чего они орут? Я думал, только пилоты бомбардировщиков тронулись, — прошептал сидевший посередине широколицый Хорст Ланкау.

Джеймс чувствовал, как все сильнее бьется сердце, — он пытался не терять нить беседы, хотя сам он занервничал, кислорода не хватало. Он осторожно втягивал воздух сквозь зубы, чтобы вдох не заглушил то, что шепчут рядом; в висках застучало. Если не брать в расчет обстановку, шел совершенно обыкновенный разговор. Сумасшедшим ни один из троих точно не был.

Лишь к утру он осознал, сколь шатким становилось их с Брайаном положение, раз симулянты здесь не только они.

Главная проблема: Брайан ничего не знает. Если он будет и дальше пытаться с ним заговорить, их могут убить.

Придется Джеймсу избегать его любой ценой, игнорировать все попытки разговора и вообще все — никто не должен заподозрить связь между ними.

Что со всем этим делать Брайану — его дело. Поскольку они друг друга хорошо знают, Брайан, вероятно, постепенно поймет, что он так себя повел лишь вынужденно.

Придется Брайану научиться осторожности. Так надо.

Говорил Крёнер красиво. В узловатой исполинской фигуре с рябым лицом прятался одаренный, образованный и действующий исключительно в своих интересах человек. Именно он руководил остальными и заставлял всех замолчать, если кто-то вдруг зашевелится или раздастся посторонний звук. Он всегда был начеку.

Остальные двое — широколицый и его тощий товарищ Дитер Шмидт — большую часть дня спали, чтобы бодрствовать во время периодических ночных пререканий, а вот Крёнер всегда был чем-то занят.

Все его поступки имели одну цель: выжить, досидев в госпитале до конца войны. Днем он со всеми держался дружелюбно и трепал по щекам, бегал по поручениям медперсонала. Ночью он убил бы любого, кто, по его мнению, мог ему помешать. Однажды он уже это сделал.

Ночные перешептывания могли длиться часами. С того случая с рыбьей косточкой ночной контроль усилился — время от времени, без определенного графика, в палате появлялась дежурящая в ночную смену медсестра. Затем по их лицам пробегал луч света динамофонарика. В палате всегда было тихо, как в могиле.

Когда по помещению переставал плясать луч света и звук постоянно движущихся пальцев, заставляющих работать динамо-машину, затихал где-то возле комнаты дежурного, Крёнер лежал лишь одно мгновение, пока не убедится, что в палате снова царит полный покой.

Шептаться они начинали, только когда он давал знак. А Джеймс весь обращался в слух.

Того пациента Крёнер придушил исключительно затем, чтобы подобраться поближе к своим товарищам и они могли разговаривать. Пока Джеймс не представлял для них угрозы, бояться нечего.

Он мог бы спокойно спать, если бы не рассказы симулянтов.

Глава 13

Как правило, рассказы отличались пугающей детальностью. Зверствами симулянты упивались и каждую ночь изо всех сил старались друг друга перещеголять. «А вы помните...» — обычно такими словами кто-то из симулянтов раскрывал кусочек мозаики, которая пусть и медленно, но постепенно объясняла, как эти люди оказались рядом с ним и почему решили любой ценой остаться здесь, пока не появится возможность убежать. Ну или пока не кончится война.

Джеймс был потрясен.

Когда мерзавцы наконец успокаивались, их рассказы проникали в кошмарные сны, приобретая форму, цвет, запах и такое количество подробностей, что просыпался он обычно, обливаясь потом.

В 1942 и 1943 годах оберштурмбаннфюрер Вильфрид Крёнер, буквально следуя по пятам за танковыми дивизиями войск СС, двигавшимися на Восточный фронт, вел по приказу подкрепление для СД, службы безопасности. Здесь он узнал, что сломить можно любую волю, — благодаря этому свое дело он любил.

— До того как оказаться на Восточном фронте, мы хорошо знали, как упрямо порой ведут себя на допросах советские партизаны! — Крёнер выдержал небольшую паузу. — Но раз первые десять партизан уже оторались, можно вести следующих, правда же? Хоть один точно что-нибудь скажет, чтобы отправиться на небеса чуть-чуть менее болезненно.

Силуэт с соседней кровати рассказывал, как вешали преступников — их медленно вздергивали, так что пальцы ног еле касались земли, — и пытался передать то щемящее чувство, возникавшее у него, если землю подмораживало и кончики пальцев лихорадочно плясали на зеркально-гладком льду. Он самодовольно рассказывал о тех случаях, когда ему удавалось перекинуть веревку через виселицу так, чтобы на обоих ее концах болталось по партизану — и чтобы весили они примерно одинаково.

— Если они много дергались, то, естественно, получалось это не всегда — приходилось прибегать к более традиционным методам, — добавлял он. — В целом фантазия поощрялась. Она внушала уважение. У меня на допросах партизаны говорили охотнее!

Улавливая малейшее движение, по палате заскользил взгляд Крёнера. Джеймс тут же закрыл глаза, когда рябой, обернувшись, уставился на него.

— Если вообще говорили, — добавил он.

Джеймса затошнило.

Для Крёнера то время по многим причинам было драгоценным. Как-то во время допроса мелкий, упрямый лейтенант советских войск, несмотря на негибкую волю и упорство, все же сломался и вытащил из брюк полотняный мешочек. Ему это ничего не дало — его забили до смерти, — а вот мешочек оказался интересным.

На стол высыпались кольца и немецкие марки, серебряные и золотые нательные кресты, небольшая сумма в рублях. Когда они стали делить добычу, его адъютант оценил ее стоимость в две тысячи марок. По четыреста каждому офицеру в штабе Крёнера, восьмьсот ему самому. Эти вещи они звали военными трофеями и впредь лично обыскивали пленных, когда тех приводили на допрос или ликвидацию — так лаконично Крёнер звал казнь без суда и следствия. Рябой смеялся, когда рассказывал, как подчиненные схватили его при попытке поживиться, ни с кем не поделившись.

— Вот ведь скоты, они меня еще сдать грозились! Да ведь они сами также виноваты! Все себе что-то прикарманивали, если получалось!

Поджав ноги, слушатели тихонько смеялись, хоть и слышали эту историю не в первый раз. Крёнер доверительно понизил голос:

— Надо же о себе подумать! Вот я и избавился от всех троих, чтобы они мне больше номеров не откололи. Когда два трупа нашли, меня, естественно, допросили, но доказать-то все равно ничего не смогли. Решили, что третий дезертировал. Удачно все сложилось. А мне больше делиться ни с кем не надо было.

Лежащий посередине мужчина приподнялся на локтях.

— Ну со мной-то ты во всяком случае поделился! — сказал он.

Джеймс и правда никогда не видел лица шире; его испещряли мелкие косые морщины, которые ни с того ни с сего складывались в

улыбку, порой в них залегала тень тревоги. Темные брови прыгали вверх и вниз, вызывая к нему доверие.

Роковая ошибка.

Впервые Крёнер и этот самый Хорст Ланкау столкнулись зимой 1943 года, за четырнадцать дней до Рождества. В тот день Крёнер участвовал в облаве в южной части Восточного фронта. Ее цель — зачистка после недавнего рейда.

Деревни пострадали, но уничтожены не были. За полуразрушенными дощатыми стенами, загороженными связками соломы, еще оставались семьи — жили на супе из последних костей забитой скотины. Крёнер вывел всех людей и расстрелял. «Дальше!» — поторапливал он солдат СС. Он задался целью поймать не тех, кто, возможно, партизанил, а советских офицеров — им было что рассказать, а еще наверняка из них можно будет вытрясти что-нибудь ценное.

На окраине четвертой деревни солдаты СС протащили между горящими домами мужчину и швырнули перед машиной Крёнера. Мерзавец тут же поднялся, вытирая снег с лица и презрительно фыркая в сторону охраны. А затем бесстрашно посмотрел на своего судью.

— Прикажете им уйти, — говорил он явно на прусском диалекте и смотрел хладнокровно, отмахиваясь от конвоя. — Я могу кое-что важное рассказать.

Крёнера подобное пренебрежение к смерти разозлило — целясь в равнодушное лицо и держа на курке палец в кожаной перчатке, он потребовал, чтобы мужчина встал на колени. Одетый в жалкую крестьянскую одежду мужчина без малейшей доли раскаяния сообщил, что он немецкий дезертир, штандартенфюрер подразделения горных стрелков и чертовски хороший солдат, у него много наград — его просто так не расстреляют.

Любопытство, медленно овладевшее Крёнером, спасло бедолаге жизнь. Когда он сообщил, что зовут его Хорст Ланкау и что у него есть предложение, на его широком лице читался триумф.

Военное прошлое Хорста Ланкау оказалось темным. Джеймс заключил, что военную карьеру тот делал еще до начала войны. Опыт у него был богатый. Судя по всему, его ждала славная, но в то же время обычная военная карьера.

Война на Восточном фронте быстро поломала даже великие традиции.

Изначально подразделение горных стрелков Ланкау — одна из козырных карт наступления — предназначалось для захвата советских штабных офицеров в тылу противника. Затем их нужно было передать службе безопасности, в редких случаях — гестапо, там из них и выжимали все возможное. Хорст Ланкау этим занимался уже несколько месяцев. Грязная и опасная работа.

Однажды им повезло: в плен взяли генерал-майора, в вещах которого, помимо прочего, обнаружилась маленькая шкатулка: в ней лежало тридцать мелких, но чистых бриллиантов. Целое состояние.

Благодаря этим тридцати камешкам он и принял решение: пережить войну любой ценой.

Крёнер заготовил, когда Ланкау дошел до уже известного ему сюжетного поворота: чуть ли не извиняясь, он рассказал, как на воровстве его поймали свои же люди.

— Я этих доверчивых идиотов собрал у костра и выдал дополнительную порцию эрзац-кофе.

Добравшись до самой сути истории, он заготовил вместе с Крёнером. Ланкау с помощью обычной ручной гранаты взорвал солдат элитного подразделения и их пленников, пока они хлебали кофе; их и опознать было невозможно. Потом Хорст Ланкау искал убежища у советских крестьян, оплачивая собственную безопасность всякой мелочью. Находясь там, он думал, что им с войной придется друг без друга обойтись.

Но тут вмешался Крёнер.

— За свою жизнь я отдам половину бриллиантов, — бесстрашно завлекал он своего надсмотрщика. — Если потребуешь все, лучше сразу меня пристрели: ты их не получишь и не найдешь. Но получишь половину, если отдашь мне свой пистолет и позволишь пожить у себя. Когда придет время, сообщишь, что я был в плену у советских партизан, а ты меня освободил. А пока я побуду у тебя, чтобы мне не надо было общаться с другими офицерами. Что будет дальше, я тебе потом расскажу.

И они стали торговаться о дележке — в итоге поступили так, как захотел Ланкау. По пятнадцать бриллиантов каждому, а Ланкау будет жить у Крёнера и держать в кармане заряженный пистолет.

— За каждую неделю, что ты у меня проведешь, я хочу бриллиант, — предложил наконец Крёнер, пытаясь надавить.

В ответ широкое лицо расплылось в не менее широкой улыбке. Крёнер понял, что это отказ. От Ланкау надо бы как можно скорее избавляться, чтобы он не привлек лишнего внимания.

В течение трех дней, пока у Крёнера была увольнительная по случаю праздников, Ланкау не отходил от своего спасителя ни на шаг. Почему Крёнеру было не по себе, он и сам не знал — дело было то ли в руке, всегда опущенной в карман, где лежал пистолет, то ли в извечном глуповатом, чуть ли не кротком выражении лица Ланкау. Но он зауважал присущие Ланкау выдержку и хладнокровие. Постепенно он стал подозревать, что вместе они могли бы добиться того, чего у них никогда не вышло бы поодиночке.

На третий день они направились в Кировоград, куда ездили большинство солдат, когда еда полевых кухонь казалась слишком однообразной, а жизнь на фронте — чересчур мрачной.

Крёнер часто сиживал в полудреме, уперев локти в дубовый стол, и развлекался тем, что выбирал посетителей, с кем можно было повздорить, а еще лучше — того, кто откупится за то, чтобы его не избили.

Там Ланкау посвятил Крёнера в планы, составленные им за месяцы безделья в советской деревне.

— Я хочу как можно быстрее попасть в Германию и теперь знаю, как это сделать, — негромко говорил он на ухо Крёнеру. — В какой-нибудь день ты сообщишь комендатуре, что освободил меня из плена, как мы и договаривались. Потом достанешь у врача справку, что партизаны меня так сильно пытали, что я умом повредился. Когда я окажусь в санитарном поезде и поеду на запад, ты получишь еще два бриллианта — я их спрятал.

План Крёнеру понравился. Так он избавится от Ланкау, да еще и в выигрыше останется. Получилась своего рода генеральная репетиция: что ему самому делать, когда оставаться на фронте станет слишком рискованно.

Как бы то ни было, все пошло не по плану. Позади офицерской пивной было четыре мелкие уборные — в дополнение к двум внутри. Крёнер же предпочитал справлять нужду на свежем воздухе.

Пошатываясь и с облегчением застегивая ширинку, при мысли еще о двух бриллиантах он ухмыльнулся — и открыл дверь. Перед ним в полной темноте стоял человек, явно не собиравшийся дать ему пройти. Крёнер счел это глупой затеей — если роста ты невысокого, да и по виду хилый.

— Хайль Гитлер, герр оберштурмбаннфюрер, — пропищал мужчина, не сдвинувшись ни на миллиметр.

В тот момент, когда Крёнер сжал кулак, намереваясь убрать препятствие с дороги, офицер коснулся фуражки и отступил — туда, где неяркий свет освещал стену заднего двора.

— Оберштурмбаннфюрер Крёнер, у вас не найдется немного времени со мной переговорить? — спросил незнакомец. — Хочу вам кое-что предложить.

Произнеся всего несколько предложений, невысокий тощий офицер полностью завладел вниманием Крёнера. Оглядевшись по сторонам, Крёнер взял гауптштурмфюрера под руку и повел на улицу — к широколицему, а потом в машину, оставленную в ближайшем переулке.

Невысокого, жилистого человека звали Дитер Шмидт. Приказ разыскать Вильфрида Крёнера он получил от начальства. Его командир свое имя раскрывать не хотел, но сказал, что при желании Крёнеру не будет стоять больших трудов его выяснить.

— Если вдруг что-то пойдет не так, всем сторонам лучше друг друга не знать, — сказал Дитер Шмидт, поглядывая на Хорста Ланкау; тот и не собирался представляться. — Раз это план моего командира и поначалу, пока дела не наладятся, предъявить обвинения смогут только ему, он просит вас с уважением отнестись к его желанию сохранить анонимность.

Тощий человечек расстегнул верхнюю пуговицу шинели и, прежде чем говорить дальше, долго смотрел им обоим в глаза.

Дитер Шмидт из танковой дивизии вермахта — это всем было известно. Но лишь немногие знали, что изначально он был штурмбаннфюрером и заместителем начальника концлагеря.

Несколькими месяцами ранее Шмидта и его начальника, отвечавшего за концлагерь и три более мелких относящихся к нему трудовых лагеря, сняли с должностей, понизили на одно звание и

перевели на административную работу в вермахт, на Восточный фронт. Достойная альтернатива позору и казни. Но чем дольше они находились на советской земле, тем лучше понимали, что, вероятно, никогда с нее не уйдут. Немцы сражались как бешеные, пытаясь защитить свои позиции, но признаков того, что им удастся сдержать советские войска, уже не наблюдалось. Несмотря на то что в первую очередь в задачи Дитера Шмидта входило управление делами и конторская работа, фронт был довольно близко — советские танковые дивизии до них меньше чем за полчаса доберутся.

Если кратко, то их жизнь постоянно подвергалась опасности. Пишущей машинке каждый день сопровождал грохот орудий. Из двадцати четырех старших штабных офицеров осталось всего четырнадцать.

Таков Восточный фронт — все это знают.

— Наши махинации в концлагере вряд ли были очень уж необычными, но мы этого тогда не знали, — объяснял Дитер Шмидт. — На каждый день у нас был бюджет — надо было держаться в его рамках. Например, мы получали тысячу сто марок в день на содержание пленных. Вот мы и обманывали центральную администрацию и примерно каждый пятый день не выдавали заключенным еду. Пленные ведь жаловаться не станут. Мы эту меру обозначили как коллективное наказание голодом за провинности, которых на самом деле никогда не было. Конечно же, несколько тысяч человек отбросили коньки, но на это никто не жаловался. За плату мы отдавали внаем рабочую силу, но редко вели точный учет доходов; в итоге мы чуть снизили рекомендованные ставки, из-за чего, естественно, вырос оборот. Фабриканты и другие работодатели ни разу не пожаловались. Образцовое сотрудничество. В конце лета общая прибыль подошла к миллиону марок. Предприятие прекрасно работало, пока во время проверки капо^[7] не свалил чиновника из Берлина: у того очки разбились. Заключенный рухнул на колени и стал умолять сохранить ему жизнь — как будто у кого-то было желание себя этим утруждать. Он выл, умолял, цеплялся за удивленного чиновника, пытавшегося вырваться, — хватка в результате становилась лишь крепче. Наконец капо крикнул, что, если его пощадят, он ему все расскажет о жизни в лагере. Естественно, имевшиеся у него сведения были весьма скудные, но, прежде чем мы

оттащили и увели его, он успел выкрикнуть, что с суточным пайком в лагере дело нечисто. И было уже поздно. Во время проверки все, что мы спрятали, нашли и конфисковали. Больше месяца мы просидели в тюрьме в Люблине — ждали исполнения смертного приговора. Что, кроме хода войны, изменило решение суда, мне неизвестно. Но кто-то передумал. А мы оказались на Восточном фронте.

Постепенно у Джеймса скопилось немало информации. Рассказ о находившихся рядом с ним симулянтах собрался из обрывков сведений, коротких историй и длившихся часами хвастливых разглагольствований.

Тоший Дитер Шмидт, лежавший дальше всех, обычно говорил очень тихо, а потому многое понять было тяжело. В подобной необычной ситуации сложно было определить, был ли он по своей натуре сдержанным или просто боялся, что его раскроют. Однако было ясно, что чем больше сеансов электрошоковой терапии, тем рассеяннее становился Дитер Шмидт, в то время как ни Крёнер, ни Ланкау на них особо не реагировали и регулярно беседовали.

Джеймс молил о том, чтобы однажды ночью их услышала медсестра. Тогда трех подонков раскроют и этот кошмар закончится.

До этого момента ему лишь надо позаботиться о том, чтобы ни у кого из них не появилось подозрений на его счет.

Рассказы симулянтов вызывали ужас, но в то же время завораживали. Так же как фильмы и романы, которые Джеймс вызывал в памяти, постепенно он погружался в них все глубже и глубже.

Перед глазами мелькали события.

Дитер Шмидт всегда называл своего командира Почтальоном — прозвище ему досталось, потому что он писал поздравления на человеческой коже.

— Разве не этого хотят все в лагере — чтобы их отправили подальше отсюда? — говорил он.

Дитер Шмидт отзывался о Почтальоне как о человеке веселом и сообразительном: благодаря ему условия их жизни в концлагере оказались сравнимы с домом — во всех отношениях.

Но когда их понизили в звании и перевели, изобилию и темным делишкам Почтальона и Шмидта пришел конец. Средства стали

скромнее, ответственность лежала на других людях, а их работу контролировали с определенной подозрительностью, тщательно и основательно.

И тем не менее благодаря невероятно благоприятному стечению обстоятельств шанс им представился.

— В день, когда пало несколько участков фронта — в Берлине это событие предпочли назвать «сокращение длины линии фронта», — у Почтальона появилась мысль. Как вы знаете, в такой ситуации все кричат об усилении и дополнительном снабжении.

Взбешенный обергруппенфюрер Хот, генерал 4-й танковой армии, утверждал, что исчез целый поезд с запчастями для бронетанковой техники, и приказал нашему подразделению срочно их достать.

За три дня до того, как русские отбили Киев, мы действительно обнаружили грузовые вагоны в укромном местечке городского депо. Обрадовавшийся Хот приказал Почтальону лично проследить за тем, чтобы транспорт отправили в Винницу, где запчасти ждала сломанная техника.

В Виннице сотни тяжелых деревянных ящиков с запчастями для двигателей, гусеницами, карданными валами и более мелкими деталями выгрузили на огромный склад. За ним царил почти полная темнота — в жутком беспорядке стояли тысячи ящиков. Отовсюду торчали незапакованные рамы, ткани и бесчисленное количество предметов, вызвавших любопытство и привлечших наше внимание. Нас с Почтальоном увиденное поразило — огромное количество трофеев оставили здесь до тех пор, пока не появится свободный транспорт, который и повезет это все на родину.

Довольно быстро мы узнали, что оказались правы. Весь 1943 год сюда поступали предметы, чья стоимость превышала три тысячи рейхсмарок, украденные из местных церквей, общественных организаций, музеев и частных собраний. Теперь, когда линии фронта подходили все ближе, становилось ясно, что эту богатую добычу эвакуируют. Так в голову Почтальона пришла гениальная мысль: оттащить пару сотен ящиков в сторону на пятьдесят метров и поставить их отдельно.

Посмотреть, что будет.

Через пять дней Почтальон и Дитер Шмидт пришли в пакгауз и испытали настоящее упоение. Сработало! Все ящики уже увезли.

За исключением отставленных.

Теперь хлопот у них прибавилось. Когда груз придет в Берлин, при выгрузке и пересчете окажется, что пары сотен ящиков не хватает.

— Поэтому мне приказали попытаться с вами поговорить, герр оберштурмбаннфюрер Крёнер, — объяснял Дитер Шмидт в машине на задворках кировоградской пивной. — Дело в том, что нам нужна помощь высокопоставленного лица со связями в службе безопасности. В этих краях вмешиваться в дела СД никому не захочется. Кроме того, войсковые части, работающие со службой безопасности, имеют ряд других преимуществ, таких как мобильность и стойкость. Недавно мы поняли, что нам нужны именно вы. Герр оберштурмбаннфюрер, мы с вами работаем на одном участке фронта. Нам известно, что в ряде случаев вы демонстрировали исключительную личную инициативу. У вас есть способности и воображение. Но что нас поразило в первую очередь, так это ваша полная беспринципность. Простите меня за прямооту, но времени на особо вежливые формулировки нет.

Появился план.

Крёнеру предстояло обеспечить переправку русских пленных в Винницу. Здесь эти бедолаги под руководством Ланкау будут грузить реликвии, иконы, церковную серебряную посуду и прочие ценности в товарный вагон, который Почтальон поставил чуть в стороне, в нескольких сотнях метров от склада. Товарный вагон предназначался для «сбора запчастей». Никто его не хватится.

Каким образом потом убрать пленных — этот вопрос предстояло решить Крёнеру и Ланкау.

Затем Дитер Шмидт раздобудет товарному вагону поддельные документы и сделает так, чтобы он тут же отправился в деревню в самом центре Германии. Запертый, там он незамеченным простоит на запасном пути до конца войны.

Лишь когда груз уйдет, Крёнер подаст в комендатуру рапорт об «освобождении» Ланкау. В полном соответствии с изначальным планом его признают психически больным и отправят в Германию.

Когда ушло недоверие, Дитера Шмидта такая деталь, как сумасшествие, даже воодушевила. Разумеется, оставался риск, что

тебя раскроют или уничтожат. Руководя концлагерем, он и сам отдал сотни приказов на ликвидацию сумасшедших. Все решала степень безумия. Надо только внушить окружающим, что он не был неизлечимо больным. Тогда оставался реальный шанс на то, что все получится.

А какие еще варианты? В последние недели война превратилась в ад на земле. Неустанное сопротивление действовало ужасающе эффективно. Выиграть войну было уже невозможно. Речь шла о том, чтобы выжить любой ценой, а если махинации вскроют, будет весьма полезно оказаться подальше от эпицентра событий.

Идея симулировать психическое заболевание подходила им идеально. С чего кому-либо подозревать контуженных, находящихся за тысячу километров от фронта, в краже ценностей, чей общий вес составляет несколько тонн? Дитер Шмидт не сомневался: им надо прикинуться сумасшедшими. Всем вместе! Ему самому, Крёнеру, Ланкау и Почтальону.

Все прошло как по маслу. Помимо ожидавшей их богатой наживы, у всех были весьма веские причины убраться подальше.

Операция «Безумие» начнется, когда Почтальон отправит кодовое слово «Heimatschutz». Как только Крёнер получит его, он должен будет зачистить пару украинских деревень — и как бы освободить там Ланкау.

Затем Крёнеру необходимо было навестить Дитера Шмидта по официальному поводу — попросить о помощи для подкрепления СД в сложной ситуации со снабжением.

Во время встречи им необходимо было остаться одним после обеда, когда советская артиллерия обычно забрасывала снарядами тыл. Как только вал огня приблизится, им нужно найти укрытие и взорвать квартиру Дитера Шмидта. Необходимо создать впечатление, что туда попал советский «шалый снаряд». Во время разбора завалов обнаружат и Крёнера, и Шмидта — обездвиженных и контуженных. В таком состоянии они пробудут до конца войны.

Почтальон разберется сам. «Я появлюсь вовремя», — сообщил он. Через некоторое время Дитеру Шмидту удалось убедить Крёнера и Ланкау в том, что Почтальон не из тех, кто бросает своих.

Глава 14

Прошлой ночью Джеймс плохо спал уже в третий раз за неделю. Все его тело покрывалось холодным потом.

«Я нас отсюда вытащу, Брайан! Обещаю!» Пытаясь отогнать сновидения, Джеймс затряс головой и ударился затылком об изголовье. От резкой боли он распахнул глаза. Рябой уже проснулся и лежал на боку, на скомканной подушке. Смотрел он прямо на Джеймса — тот сразу же монотонно запел. Джеймс почувствовал на себе его равнодушный взгляд, повернулся и зажмурился от красноватых полос утреннего света, пробивавшихся сквозь мелкие щели ставней. Таким же было утро на утесе в Дувре — тогда, много лет назад.

У семьи Брайана был домик в Дувре — Джеймс любил туда приезжать. Иногда посреди недели по внезапно возникшей прихоти вся семья Янг садилась в машину и отправлялась за двадцать пять километров по живописному краю — до самого побережья. Еще с тех пор, когда мистер Янг был холост, в доме можно было жить круглый год. Занималась им семейная пара.

Мистер Янг любил море, ветер и вид на широкий простор.

В выходные они редко бывали там без Джеймса.

По мнению матери Джеймса, в Дувре задерживаться не стоило. Подобный город надо просто проезжать. Она оставалась к нему равнодушной, но тем не менее считала его олицетворением чего-то неизведанного и опасного. Человеком она была тревожным. По этой причине Джеймс никогда не рассказывал родителям об экспериментах с дымовыми шашками и бомбами-вонючками или об их с Брайаном удивительных изобретениях, среди которых значились плот, материалом для которого послужили бочки из-под селедки, или огромная рогатка из скрученных велосипедных камер.

Вряд ли миссис Тисдейл обрадуется, узнай она, с какой силой и точностью ее сын способен запустить булыжник: с пятидесяти метров мешок зерна пробивает.

Дувр был своего рода островком свободы. «Вон идут сыновья мистера Янга!» — говорили им вслед, когда они шли по набережной.

Мальчишки всегда радовались, когда их принимали за братьев, — в ответ они, как правило, клали друг другу руку на плечо и громко пели свой гимн. Незамысловатая песенка, которую один воздыхатель Элизабет слышал в фильме, — они с Брайаном его так и не посмотрели.

I don't know what they have to say
it makes no difference anyway
whatever it is, I'm against it
no matter what it is or who commenced it
I'm against it!

Your proposition may be good
but let's have one thing understood
Whatever it is, I'm against it![\[8\]](#)

Пели они громко. Снова и снова пропевая эти строчки, они доводили окружающих до иступления. В песне был еще один или два куплета.

Но они так про них и не узнали.

Их любимый учитель мистер Денэм прекрасно описывал исторические события — мальчишки погружались в предприятия дерзких мужчин и женщин. Перед ними появлялись Кромвель, Томас Бекетт, королева Виктория и Мария Стюарт. Мимо кафедры проносились всадники.

Любимый урок.

Открыв для себя Жюль Верна, мальчишки побывали в недрах земли, нырнули в глубь океана и полетали на удивительных аппаратах.

Стоило одному прочертить пару линий, другой уже знал, о чем пойдет речь. Час за часом без единого слова они развивали мысли друг друга.

В эти чудесные мгновения они придумали гигантское сверло, способное пробурить шахту или тоннель до самой Франции, и автомобиль, который перевезет весь город сюда, где хорошая погода.

Поскольку в глазах мальчишек осуществить все это было легко, всегда возникал вопрос: ну почему же раньше этого никто не сделал? И они решили попытаться сами.

Как-то во время осенней бури мистер Денэм измерил скорость ветра — 27 ярдов в секунду. Брайан с Джеймсом молча смотрели на маленький анемометр. 90 километров в час.

Огромное число.

Прежде чем идти из школы домой, они посидели на бордюре перед зерновой биржей, не обращая внимания на прохожих.

При благоприятных условиях со скоростью девяносто километров в час можно за полчаса долететь до Франции. А если ехать по льду на специальных санях, потратить придется вдвое больше времени.

На исходе дня они нашли то, что определит их судьбу. Решили сшить воздушный шар и испытать удивительную силу ветра.

Им хотелось летать.

По выходным они воровали куски брезента со строек возле дуврского порта. Транспортировку домой в Кентербери обеспечивал ничего не подозревающий мистер Янг: под задним сиденьем машины обнаружилась весьма просторная ниша.

Почти год ребята шили воздушный шар в беседке семейства Янг. Никто не должен ничего знать. Надо было торопиться. После каникул случится неизбежное. Вместо Королевского колледжа в Кентербери, они будут учиться в Итоне.

Значит, на выходные в Дувр приезжать будут нечасто.

На третий день каникул с работой было покончено.

А ничего не подозревавшая Джилл нашла решение их проблемы: как перевезти воздушный шар обратно в Дувр, где есть скалы и ветер.

10 июля 1934 года Джилл исполнится восемнадцать. В их краях среди девушек из хороших семей в этом возрасте стало модно начинать готовиться к замужеству — на протяжении столетий так поступали дочери слуг. К свадьбе было принято готовить столовые приборы и фарфоровую посуду.

По мнению Джилл и ее подружек, для этих сокровищ был нужен специальный шкаф. А у нее такого не было. В газете появилось объявление: «Продается посудный шкаф. Возможен обмен на дамский

велосипед в хорошем состоянии, от уважаемого производителя. Обращаться в „Бриггс и Ко“!» Когда она прочитала адрес, мальчишки воодушевились.

Они поедут в Дувр.

В жертву принесут велосипед миссис Тисдейл.

А завернули его в воздушный шар.

Оказавшись в пункте назначения, мальчишки спрятали брезент под разгрузочной площадкой, пока мистер Тисдейл с дочерью занимались своим делом.

Шкаф уже отдали. Джилл была безутешна. Во время поездки домой Джеймс несколько раз гладил старшую сестру по руке.

— Возьми у меня носовой платок, — в конце концов предложил он.

Недоверчиво осмотрев обрывок ткани, Джилл рассмеялась:

— Братик, да это скорее тебе мой платок нужен!

Джеймс до сих пор помнил ямочки у нее на щеках.

Она протянула ему голубой носовой платок с каемочкой — Джилл ее сама вышила.

Впоследствии Брайан каждое утро с удивлением наблюдал за тем, как Джеймс повязывает свой талисман на шею. Ветра мальчишки прождали две недели.

И вот этот день настал. Поднялся ветер, в кровати ребята засунули подушки с одеялами. На вершине было так ветрено, что пикировавшим на них агрессивным чайкам с трудом удавалось не сбиться с курса. Положив руки друг другу на плечи, мальчишки глазели в сторону земли обетованной по другую сторону пролива.

Ветер дул в нужном направлении.

Они принесли корзину дров, которую с осени прятали между деревьями на склоне по другую сторону от берега. Корзину — свою великолепную гондолу — мальчишки закрепили пятью крепкими веревками под отверстием воздушного шара. Затем уложили поленья под дерево, чью крону украшал брезент. Когда рассвело, под растущим шаром уже несколько часов весело потрескивало пламя.

Ткань еще не наполнилась на две трети, когда взошло солнце; погода выдалась хорошая, и они увидели очертания Европейского континента. Внизу, на общественном пляже, вдоль стоящих в ряд

кабинок для переодевания у кромки воды бродили выпавшиеся обитатели гостевого дома.

Их голоса Джеймс не забыл до сих пор.

В ответственный момент — их путешествие только начиналось — Джеймс допустил несколько ошибок. Он настоял на отправлении, чтобы их не увидели утренние купальщики. Брайан был против. Ткань еще до конца не наполнилась воздухом.

— Поверь мне, — сказал Джеймс, — все пройдет как надо!

Когда ветер наконец приподнял воздушный шар всего на дюйм, Джеймс обрел уверенность. Вид у висевшего над ними брезента был внушительный. Овальный, выпуклый, крупный. Затем Джеймс отвязал последний трос и выбросил за борт пару поленьев.

На мгновение над обрывом зашатался огромный силуэт воздушного шара. Испуганный Брайан посмотрел вверх и указал на швы, через которые выходил теплый воздух.

— Давай в другой раз, Джеймс, — предложил он, но Джеймс замотал головой и посмотрел в сторону мыса Гри-Не.

Потом, словно одержимый, он в одну секунду вышвырнул на землю оставшиеся дрова, провизию и запасную одежду.

В то мгновение, когда корзина грациозно приподнялась, воздушный шар расправился, вытягиваясь под непредсказуемыми порывами ветра, словно парус. На глазах у молчаливого Джеймса Брайан выпрыгнул в безопасное место.

А потом воздушное судно опрокинулось.

Позже оказавшиеся в городе зрители рассказали, что порывом ветра воздушный шар бросило на обрыв, а затем он зацепился за уступ — и, судя по звуку, порвался.

— Придурок! — заорал Джеймс на Брайана, чье побледневшее лицо осторожно высунулось из-за кромки обрыва.

Сдущаяся мечта издавала усталый и зловещий звук. Под мелкими порывами ветра куски брезента трепались об обрыв и разлетались. Украденной ими ткани никто не хватился: она обветшала.

Ругаться Джеймс перестал. Над ним Брайан нерешительно свесил ноги с утеса и пополз вниз. В те годы на этой части обрыва несчастных случаев не было. Но мальчишкам было известно, что раньше западный склон уносил много жертв. Говорили, что найденные тела напоминали расплюснутых сушеных рыбин.

Когда ткань с треском пролетела вниз еще пару метров и оборванные концы начали трепетать на ветру, Брайан, не прерывая опасную спасательную операцию, описал брюки. Жидкость беспрепятственно вылетела из штанин.

На самом верху оказалось латунное кольцо, через которое изначально продевался крепящий парусину такелаж. Через него они пропустили веревку, до сих пор болтавшуюся посреди воздушного шара. Выполнив свою задачу, они потянули бы за конец веревки и выпустили воздух из воздушного шара, чтобы контролировать посадку.

В тот момент, когда Брайан, вцепившись в пористую меловую поверхность обрыва, стал лихорадочно искать это самое латунное кольцо, Джеймс затянул их гимн.

И вдруг воздушный шар развалился.

Внизу от мелового склона ритмично отдавались слова Джеймса:

I don't know what they have to say
it makes no difference anyway
whatever it is, I'm against it...

Остальное Джеймс особо не помнил. Брайану — в глазах у него стояли слезы — удалось схватить конец веревки, потянуть за него и распустить на всю длину. Когда они наконец улеглись на краю утеса, на брюках Джеймса в паху тоже обнаружились большие темные пятна. Пытаясь отдышаться, Брайан долго смотрел на все еще певшего друга.

Джеймс часто вспоминал эту историю. Во время операции «Supercharge»^[9] в африканской пустыне, ночных вылетов, в трудные годы учебы в Кембридже, в комнатах Тринити-колледжа.

Джеймс отчаянно пытался вернуться в реальность больничного отделения. С нижнего этажа до него донеслось позвякивание. Воздух стал тяжелым от оставшихся с ночи неприятных запахов. Осторожно повернув голову, он снова посмотрел на Брайана. За его спиной чуть колыхались занавески, хоть ставни были закрыты. В ряду кроватей, где лежал Брайан, не спал лишь тощий карлик с красными глазами. Глядя прямо на Джеймса, он неуверенно улыбнулся. Когда Джеймс никак не отреагировал, он натянул на лицо одеяло и затих.

«Я тебя отсюда вытащу, Брайан!» — подумал Джеймс, вновь повторяя по кругу одни те же слова, а затем поддался царящей в отделении апатии и влиянию электрошоковой терапии.

Глава 15

Стало теплее. А с теплом пришли и изменения.

От чулок до колен медсестры избавились — им на смену пришли белые носочки до щиколоток.

В отделении появился запах. Из туалетов и расположенной в торце палаты ванной комнаты каждый раз, когда открывалась дверь, тянуло тяжелым, влажным духом. По этой причине Воннегут позвал солдата СС, бывшего плотника: тот ловко обстругал одно окно, и теперь свежий воздух проникал внутрь, перемешивая запахи, не важно, открывали окно нараспашку или закрывали.

Рамы остальных окон были накрепко завинчены.

Давно прошла пора птичьего щебетания на крыше в полутора этажах над ними. О ней постоянно напоминали длинные потеки чего-то непонятного на внешней стороне стекол.

Воннегут перестал просматривать сводки в газетах. Слишком часто он вдруг тихонько садился, бормоча что-то себе под нос. Теперь ему хватало того, что он веселился над «Евреем Зюссом» и прочей газетной сатирой и раньше остальных решал кроссворды.

Нескольким пациентам стало заметно лучше — пройдет всего несколько недель, и они вернутся в свои подразделения.

Пациентам, относящимся к группам Z15.1, L15.1, vU15.1 и vU15.3, временно отменили все формы отпуска по болезни. В их отделении были представлены все эти категории, и охватывали они большинство форм психических заболеваний — как излечимых, так и хронических. Безусловно, в мирное время после тяжелой болезни пациента списали бы или отправили на более легкую службу. Что именно скрывалось за всеми этими обозначениями, им так никто и не рассказал. Время шло, и никто не обращал на это разделение внимания. Все эти сочетания букв и цифр оставили после себя лишь один след — прозвище, которым медсестры наградили отделение.

Его называли Домом алфавита.

Главная цель лечения — сделать так, чтобы офицеры более низкого звания соображали, в какую сторону роте надо направить

оружие, а более высокопоставленные офицеры были способны понять, зачем вообще это делать.

Однако от особой палаты ожидали большего.

Главный врач Манфريد Тирингер уже два раза беседовал с местным гауляйтером, который, будучи представителем берлинского командования, возложил на него обязанность достичь высоких результатов. Его внимание обратили на то, что за состоянием определенных офицеров наблюдало верховное командование и что его лично могут привлечь к ответственности, если состояние этих великолепных солдат не улучшится в соответствии с разумными ожиданиями.

Манфريد Тирингер любил повторять эти напоминания своим подчиненным и подкручивать усы во время осмотра этих так называемых великолепных пациентов, до сих пор с трудом отличавших собственные тапочки от соседских. «Но лечение есть лечение», — говорил он. А значит, не важно, что там говорят, пусть хоть и сам Гиммлер.

С каждой неделей Джеймсу становилось все труднее сосредоточиться.

Сначала пропали все детали, украшавшие ход его мыслей, наделявшие характерными чертами и оживлявшие людей из его рассказов. А затем исчезли сюжеты некоторых книг, из-за чего пробелы в его голове стали заметными.

Джеймс бесчисленное количество раз подумывал о том, чтобы не принимать таблеток. Из-за содержащих хлор препаратов его разум притуплялся, а вынести происходящее становилось легче. Можно бросать таблетки на пол, но чрезвычайно велик риск того, что его поймут. Каждый день убирались не слишком тщательно, но тем не менее аккуратно. Если же поймут на том, что он выносит лекарства в туалет, последствия, к сожалению, не будут отличаться непредсказуемостью. Других вариантов особо не было.

А еще ведь Петра.

В конце концов, сестра Петра была настоящей причиной того, что он не пытался не проглатывать таблетки, когда она аккуратно клала их ему на язык и склонялась совсем близко к его лицу.

Ее сладковатое женственное дыхание.

Она неизбежно врывается в его мысли. Для него она была врагом, но в то же время — благодетельницей и спасительницей. Значит, придется глотать таблетки, чтобы не ставить ее в затруднительное положение.

Пока так обстоят дела, о побеге не может быть и речи. Всегда есть риск, что симулянты что-то заметят. Джеймсу как будто подрезали крылья. Если их раскроют, то сразу же убьют. Крёнер, Ланкау и Шмидт наносили удар уже дважды. В первый — когда Крёнер задушил соседа Джеймса, чтобы занять его кровать.

А во второй — меньше недели назад.

Новый пациент — его перевели из терапевтического отделения с дырой в ноге и контузией — весь день пролежал, вздыхая, рядом с Человеком-календарем.

По радио Воннегута сообщили о весьма серьезных переменах на Западном фронте — однорукий санитар тут же сообщил новости врачу-ординатору, а тот сразу отшвырнул бумаги на ближайшую кровать и пошел с ним в помещение для сотрудников. Позже днем поползли слухи. К вечеру они превратились в проверенные сведения, вскоре добравшиеся до отделения в разговорах медсестер и бормотания санитаров.

— Они высадились во Франции! — крикнул в конце концов Воннегут.

Джеймс даже вздрогнул. От мысли о том, что войска союзников сражаются всего в нескольких сотнях километров, пытаюсь пробиться ближе, на глаза наворачивались слезы. «Вот бы ты об этом знал, Брайан! — думал Джеймс. — Может, ты бы успокоился».

Когда Джеймс уже отворачивался к стене, лежащий наискосок от него пациент засмеялся. В итоге от приступа истеричного хохота затряслась кровать рядом с Джеймсом. Кровать Крёнера. Он сбросил с ног одеяло, медленно встал и посмотрел на нахала. Джеймс заметил на себе взгляд Крёнера и почувствовал прилив жара — отхлынул он еще быстрее. Смех прекратился, но Крёнер обратно не лег.

Следующие пару дней симулянты по очереди наблюдали за новеньким. Когда его кормили, когда ему ставили судно, когда ему меняли белье и обтирали тело спиртом. Симулянты наблюдали за всем. Прекратилось ночное перешептывание, из-за чего ночи стали

непредсказуемыми. На четвертую ночь Ланкау встал, подошел к новенькому и почти беззвучно его убил. Слабо хрустнули шейные позвонки — лежавший поодаль дурень громче пальцами хрустел. Затем его отволокли к окну, которое столь тщательно обстругал солдат СС, и выпихнули головой вперед. Меньше трех минут прошло с того момента, когда снаружи закричали часовые, до того, как в отделение пришел офицер службы безопасности. Зажгли весь свет. Офицер, ругаясь, метался туда-сюда от окна к ломавшей руки дежурной медсестре. Ярость была через край. Окно тут же решили заколотить, а того, из-за кого оно стало открываться, — привлечь к ответственности. Медсестра перестала ломать руки. Как-никак с этой бедой она ничего не могла поделать.

Затем офицер прошелся вдоль кроватей и осмотрел каждого пациента. Джеймс смотрел прямо в его бешеные глаза — причины на то у него были, — и офицер на минутку остановился.

В тот раз старший офицер безопасности пришел в палату в сопровождении двух усталых солдат СС, с трудом державшихся на ногах. Пришедший врач совершенно не отреагировал на предъявленные ему обвинения.

— Завтра окно заколотят, — коротко произнес он, повернулся спиной к дознавателям и ушел обратно к себе.

Перед тем как потушили свет, после утреннего сеанса шоковой терапии пришел в себя Брайан и вяло огляделся. Джеймс тут же закрыл глаза.

В ту же ночь снова, как раньше, раздался шепот — вернулась прежняя тревожная обстановка. Симулянты кратко обменялись сведениями. Крёнер узнал убитого и весьма четко понял, что его тоже узнали. Похвалив Ланкау, он сухо добавил, что впредь, если опять будут проблемы, придется придумывать другие методы.

— Почему? — заспорил Ланкау. — Окна заколочены — ну и что? Что мешает самоубийце броситься из закрытого окна? — закудахтал он.

Но Крёнер не засмеялся.

Происходящее внушало опасения. Скоро Брайан опять станет подавать мелкие знаки и попытается заговорить с Джеймсом.

Шмидт и Ланкау и дальше будут крепко спать днем, но ничто не говорило о том, что Крёнер даст себя перехитрить.

Придется Брайану это уяснить.

Глава 16

Все утро Брайану улыбались медсестры.

Рябой усердно кивнул, проходя мимо с тележкой белья, и указал на дверь. К Брайану чопорно прошагала делегация медсестер — он знал всего пару человек — и сразу же что-то запела. Воодушевление и мощь — как у вагнеровской оперы. Но не очень-то красиво выходило.

Брайан отвернулся в надежде, что они уйдут. Вместо этого одна из старших склонилась над его постелью, прижимая руки к груди. Пела она почти баритоном. Брайан испугался, что она к нему в кровать запрыгнет. Парочка пациентов захлопала в ладоши, а старшая медсестра вручила ему маленький сверток, запакованный в красивую папиросную бумагу, и, чуть поторапливая, махнула в сторону задних рядов, где в вытянутых руках медсестры возникла жалкая коричневая штука. Насколько Брайан мог судить по осыпавшимся краям и неровной поверхности, это был кусок торта, украшенный крошечной свастикой. Лица всех собравшихся засияли. Врач жадно глянул в сторону торта и впервые дружелюбно ему улыбнулся. Оказалось, зубы у него гнилые. Брайан лег обратно в постель, без всякого настроения рассматривая засохшее кондитерское изделие. Он оказался главным действующим лицом чужого дня рождения. Такой праздник в палате отмечали впервые.

Недавно Джеймсу исполнилось двадцать два — это событие, по понятным причинам, прошло в тишине. Брайан попытался незаметно ему кивнуть, но Джеймс просто лежал, уставившись в одну точку.

В последние несколько месяцев Джеймс чаще всего находился именно в таком положении. С каждый днем было все труднее вообразить, каким образом вовлечь его в побег.

Можно понять, что в собственный день рождения Джеймс поддался унынию. А остальные дни? Почему Джеймс так отгородился? Сколько еще ждать?

Брайан пощипал торт кончиками пальцев и протянул соседу несколько крошек — тот свел пятки вместе и проглотил их, как по приказу. Когда этого человека вновь отправят в преисподнюю — вопрос нескольких дней. Глупец радовался и большую часть дня

простаивал у окна спиной ко всем, разглядывая холмистую зеленую местность за смотровыми вышками.

Когда рябой и его широколицый приятель вкатили в палату тележки с едой, с севера донесся гул. Продолжался он недолго, но опытный офицер английских военно-воздушных сил удивиться успел. Брайан посмотрел на Джеймса — тот лежал, заложив руки за голову.

Приглушенный звук шел издалека. Кто-то шептался про Баден-Баден. Другие упоминали Страсбург. Наконец Воннегут высунул из окна железный крюк и выкрикнул названия обоих городов уборщице, — растянувшись на полу, она скребла пол между стульями, как будто в этом мире ее ничто не касалось.

Вдруг гул стал гораздо громче, и некоторые пациенты встали, чтобы посмотреть. По мере того как слабел дневной свет, огни зениток вспыхивали все ярче. Страсбург полыхал всю ночь, окутывая летнюю ночь тусклой дымкой красновато-желтого света.

«Они всё ближе, — думал Брайан, мысленно молясь за друзей в воздухе, за себя самого и за Джеймса. — А потом, Джеймс, удар нанесем мы!»

Один пациент, раньше лежавший, как дряблая спаржа, теперь начал бродить — всегда в сопровождении костлявого и упрямого пациента, поворачивавшего все тело, а не только голову. Два сиамских близнеца всю первую половину дня простояли у окна Человека-календаря, терпеливо и безмолвно разглядывая долину, как будто ждали чего-то еще. Когда полыхавший в Страсбурге пожар достиг апогея и от окружающих долину гор стало отражаться эхо взрывов, костлявый взял второго под руку и положил голову ему на плечо.

В другом конце палаты появился Человек-календарь, вернувшийся из туалета, — туда он заглядывал нечасто. Тут он и обнаружил сиамских близнецов, просунувших головы в оконные решетки. Поворчав, Человек-календарь схватил костлявого за колени, безуспешно пытаясь выгнать его из своих владений.

Поглядев на них, Брайан тоже наклонился к окну. В воздухе и правда что-то было. Не зря близнецы прислушивались. Тихий гул, долетавший до склонов, поглощали деревья. «Они летят на юг, — подумал Брайан и посмотрел на Джеймса. — Наверное, в Италию!»

Через несколько секунд близнецы вздрогнули. Сзади глухо прогремел взрыв, волна прокатилась по больнице и дальше, к утесам, до которых было с километр или чуть меньше, и вернулась гулким, почти неразличимым эхом. Должно быть, самолеты двигались с запада к югу от них. Подразделения наверняка прошли Кольмар, ну или же ветер, поиграв со звуком, запутал Брайана.

Во всяком случае, бомбардировки Фрайбурга шли взаправду.

— Schnell, schnell^[10], — поторапливали их медсестры, не выказывая ни малейших признаков удивления или страха, не говоря уже о панике.

Тех, кто был без сознания, трогать не стали. Остальные спустились по лестнице за несколько минут.

Снаружи были сирены, раздавались торопливые шаги, хлопали двери. У выхода во двор стоял часовой, указывая дорогу оружием. Ни у кого не оставалось сомнений, что идти надо дальше: обойти металлические перила и спуститься к входу в подвал Дома алфавита. Сзади напирали душевнобольные. Из-за грохота и напряженной обстановки в памяти всплыли события, лишившие их рассудка.

Подвал оказался разделен перегородкой. Ряд камер с серыми стальными дверями, откуда постоянно доносились протяжные вопли и приглушенные крики. Обычная дверь справа вела в помещение размером с половину их палаты. У Брайана не было возможности отойти назад к Джеймсу: его постоянно подталкивали вперед, пока он вдруг не оказался зажат в дальнем углу, — в узкий дверной проем протискивались десятки пациентов из других отделений.

Джеймс стоял посреди помещения под слабо светившей, мигающей потолочной лампой, глядя пустыми глазами. Рябой держал его за плечо. Многие пациенты из соседних корпусов мучились от боли из-за своих ран и пребывания в вертикальном положении — они пытались найти место, где их бы не пихали, или сесть на корточки.

Персоналу пришлось повозиться: успокоить самых недовольных и буйных и сделать так, чтобы никого не затоптали. Отчаянным взглядом перед собой смотрел юный медбрат, тяжело дыша и не обращая внимания на струящийся по лицу пот. Наверное, там, где сейчас самое пекло, у него осталась семья.

Брайан покачивался вперед-назад и напевал — так поначалу вел себя Джеймс. С каждым движением перед ним освобождалось

небольшое пространство, куда он продвигался, вызывая недовольство окружающих. «Пусть воздушная тревога не заканчивается, ну пусть», — думал Брайан, медленно покачиваясь, напевая и прокладывая дорогу к Джеймсу.

С потолка лился ровный свет. Доносившиеся снаружи звуки слились в один.

Какой-то пациент схватил Брайана за рубаху и выплеснул на него поток бессмысленных ругательств. Веки у него были тяжелые, а схватился он слабо. Как у него еще оставались силы на агрессию, для Брайана осталось непостижимым. Брайан отцепил чужие большие пальцы и посмотрел в сторону Джеймса.

Он встретил взгляд, какого на лице Джеймса прежде не видел. В нем не было ненависти или гнева — но он был отталкивающим, угрожающим, убийственным.

Брайан перестал напевать и тяжело фыркнул. Джеймс отвернулся. Брайан сделал еще пару шагов вперед — взгляд тут же вернулся. Рябой смотрел на затылок Джеймса и проследил, в каком направлении указывает его нос. Брайан понятия не имел, успел ли он сам вовремя отвести глаза.

Пока Брайан вновь не оказался в своей кровати, его не покидало ощущение, что за ним постоянно наблюдают.

Подвал дал ему немало пищи для размышлений. Крики, доносящиеся из мелких камер, — все их слышали, но никто не реагировал, даже когда из бомбоубежища все ушли. С кем подобное могло произойти? Что с этими людьми случилось? Возможно ли, что Хольст и Манфрид Тирингер точно не знают, какое количество сеансов шоковой терапии человеческий мозг способен выдержать? Или такое же наказание ожидает и Брайана с Джеймсом, если их разоблачат? Их ждет участь тех бедняг в подвале?

А еще — взгляды Джеймса и рябого.

Вечером рябой и его широколицый товарищ, как обычно, заботливо улыбались, раздавая тарелки и столовые приборы. Хотя широколицый обычно большую часть дня спал, во время приема пищи он бродил по коридору и носил котлы с едой из кухни в другом здании. Им обоим все весело улыбались, когда они шли мимо с тяжелой ношей.

В тот вечер рябой громила подмигнул своему товарищу. Брайан уловил даже это почти незаметное движение. Едва он моргнул, в ту же секунду он повернулся к Брайану — его застигли врасплох, однако он догадался сделать так, чтобы собравшаяся слюна вылилась из открытого рта: и в трещинках на губах, и в ямочке на подбородке запузырилась пена.

Громила поправил стоящую перед ним тарелку и добавил к ломтям хлеба еще один половник подливки. Везучий пациент попытался неблагодарно отказаться от щедрой порции. Но рябой этого не заметил. Смотрел он только на слюну у Брайана на подбородке.

С первого дня в больнице Брайан выучил несколько слов на немецком, далеко не всегда полностью понимая их значение.

Угадывая по интонациям и выражению лиц, он понимал, в каком состоянии другие пациенты пребывали в конкретный момент времени, а отчасти — чего врачи хотели от него.

Обучение требовало немалой сосредоточенности, которая во время сеансов электрошоковой терапии сильной стороной Брайана не была. Когда уходила вялость первых дней, окружающий мир представлял в виде искаженных, медленно движущихся картинок.

Брайан знал, что задерживать взгляд на рябом ему нельзя. Если его подозрения верны, в отделении что-то происходит — он еще толком не понял, что именно, но стоит быть начеку. Рябой наклонялся к его постели, пока он спал. Громила постоянно менял интонацию и до смерти пугал Брайана дружелюбной болтовней и доброй улыбкой. Брайан ничего не понимал. «Смотри не выдай себя», — внушал он себе, когда чувствовал на своем лице дыхание великана. «Соберись!» — чертыхался Брайан, стараясь отогнать вялость.

После бомбардировок Фрайбурга обстановка в больнице изменилась. Многих молодых санитаров отправили на фронт или на восстановительные работы в окрестных городах. Потому нагрузка на отделение увеличилась, как и количество прибывающих через ворота раненых, — постепенно оно намного превысило число убывающих. Пришлось переоборудовать спортзал под госпиталь. Возможно, лишь вопрос времени, когда придет очередь Дома алфавита. Приоритет всегда у раненых.

На лицах персонала отражалось беспокойство. Во время бомбардировок многие потеряли близких. Петра крестилась по пятнадцать раз на дню и редко говорила хоть слово кому-то, кроме Джеймса. Теперь улыбки и любезности стали редкостью. Все просто выполняли свой долг.

Глава 17

Когда Брайан в шестой раз прошелся туда-сюда между туалетами, терпение у сестры Лили лопнуло. Хотя всем было известно, что на следующий день после сеанса электрошоковой терапии пациент испытывал сильную жажду и тревогу, были и другие дела, кроме как его пропускать.

До того как сотрудники больницы закончили менять постельное белье, вернулась мучительная сухость во рту. Медсестры заправляли кровати, а Брайан следил за тем, как опытные руки быстро снимали и надевали пододеяльники и наволочки. Голова тяжело опустилась на пахнущее больницей белье. Язык накрепко закупорил рот, внутри от щек шел сладковатый привкус. Хоть Брайан и кусал себя за щеки, во рту не появилось ни капли слюны.

Когда с постели костлявого представителя пары сиамских близнецов донесся раздраженный крик, Брайан приподнял голову. Рябой хотел дать ему воды, но костлявому не понравилось, что тот дотронулся до его кровати, — вот он и попытался смахнуть его руку. Подобное мог себе позволить лишь его брат-близнец. Флегматично наблюдая за сценой, Брайан попытался еще раз сглотнуть, глядя на стакан с водой, который рябой прижимал к сжатым губам костлявого. Его прозрачное содержимое заманчиво плескалось всякий раз, когда тот отворачивался, словно невоспитанный мальчишка. Подняв руку, Брайан махал до тех пор, пока рябой наконец не прекратил свои шуточки и не повернулся к нему. С широкой улыбкой на губах он зашагал к Брайану, протягивая стакан воды.

Вода придала ему сил. Великан наблюдал за тем, с какой жадностью Брайан опустошает стакан, и хотел было снова наполнить его на тележке, но тут он, повернувшись всем телом, наткнулся на кровать. В ножке загремели таблетки — Брайан решил, что все окружающие бросят свои дела и обратят на него обвиняющий взгляд. Тут же вернулась сухость во рту. Рябой медленно обернулся и посмотрел на край кровати. Он легонько пихнул изножье коленом, но таблетки больше не загремели. Брайан закашлял — медсестра, стоявшая у кровати Человека-календаря, бросилась к нему и похлопала

по спине. Рябой еще чуть постоял и посмотрел, а потом нехотя принес еще один стакан воды, когда того потребовала хрупкая медсестра.

Остаток дня Брайан не смел даже повернуться, хоть у него и было ощущение, что таблетки провалились на самое дно ножки и уже вряд ли будут греметь.

Судя по всему, только здоровяк что-то услышал.

Около полуночи облака закрыли собой луну, и Брайан решил, что сейчас самое время избавиться от таблеток. В ту ночь в палате никто не шевелился, на дверь не упала ни единая тень. Убедившись, что не спит только он один, Брайан выбрался из постели и приподнял правую ножку изголовья. Нижнюю заглушку ни разу не вытаскивали с тех пор, как ее вставил производитель. Брайан так сильно ее крутанул, что содрал кожу с кончиков пальцев. Ему пришлось постоянно менять руки и изо всех сил стараться не пыхтеть. Когда заглушка наконец поддалась, Брайан измучился и едва осознал, что у него все получилось.

Неладное он почуял за долю секунды и схватился за отверстие, до того как из трубки, словно зернышки, посыпались таблетки. Парочка запрыгала по полу. Света было мало, и Брайан пошире открыл глаза.

Одна из таблеток оказалась в центральном проходе, еще несколько — под кроватями. Свободной ладонью Брайан аккуратно собрал оставшиеся таблетки в аккуратную кучку под ножкой кровати — можно собирать. Оттянув подол рубахи, Брайан пересыпал таблетки в образовавшуюся складку, лихорадочно ползая на коленках и на ощупь подбирая с пола белых гаденышей. Убедившись, что больше ничего не осталось, он повернулся и изо всех сил вдавил заглушку. Зашевелившаяся тяжелая туча на мгновение оставила в ночном небе дыру — проникший сквозь нее лунный свет залил все помещение. В изножье кровати по другую сторону прохода медленно поднялась фигура и уставилась на него. Брайан забрался под кровать.

Брайан понял, что это рябой.

Между рядами кроватных ножек улегся мягкий, прохладный лунный свет — по полу палаты наискосок протянулось множество резко очерченных теней. Между ними затесалась черточка толщиной с вязальную спицу, а на ее кончике обнаружилась еще одна таблетка:

предательски преодолев центральный проход, она оказалась прямо в изножье кровати рябого.

Заскрипела кровать здоровяка. Ложиться он и не думал.

Когда вновь надвинулась туча, Брайан отпустил рубаху и осторожно ощупал кровать. Одним движением он стянул на пол одеяло и привстал — так, чтобы в темноте рябой точно не понял, выбирается ли он из постели.

Пока Брайан шел в туалет, рябой неприкрыто и внимательно за ним следил. По сторонам Брайан не смотрел — сосредоточился на кончике рубахи и на том, чтобы ни обо что не споткнуться.

Лишь когда он спустил воду в третий раз, в пенящихся водоворотах унитаза исчезли последние таблетки.

Палату снова залил лунный свет. Теперь рябой уселся, свесив ноги и болтая ими. Широкие кулаки обхватили край кровати — он мог оттолкнуться и быстро вскочить. Верхняя часть тела подалась вперед, прищуренные глаза бдительно смотрят. Очевидно, просто так здоровяк Брайана не пропустит. На миг он показался нормальным.

Почувствовав, что его засекли, Брайан остановился. Секунду он постоял у изголовья кровати: челюсть отвисла, изо рта вываливается язык. Видимо, рябой его внимательно разглядывает и почти не моргает. И вдруг Брайан сделал шаг вперед и наклонился — верхняя часть тела врезалась в кривую коричневую стальную трубку, венчавшую собой кровать. Лица оказались друг к другу так близко, что их дыхание смешалось. Брайан склонил голову набок, как будто вот-вот уснет, и осторожно выставил ногу, ища под кроватью предательскую таблетку. Наконец нащупав ее, он осторожно сжал ее пальцами ног, и в этот момент рябой резко рванулся вперед — они шумно столкнулись лбами. От неожиданности Брайан рухнул на спину, ударившись затылком об пол. Открыв глаза, он почувствовал невыносимую боль.

Падая, он чуть не перекусил себе язык.

Брайан медленно и как можно тише задом пополз по полу на подоле рубашки, подальше от следившего за ним взгляда. Сердце колотилось, и, снова оказавшись в кровати, он попытался убедить себя, что когда-нибудь все будет хорошо. Рябой прекратил наблюдения и скользнул в постель, не ведая о том, что нанес серьезную рану.

В последующий час язык сильно распух и слабо запульсировал. Боль не стихала, он несколько раз простонал — тихонько, чтобы никого не разбудить.

Когда Брайан наконец справился с собой и почувствовал, что ему на выручку идет спасительный сон, он вспомнил о таблетке.

Она все еще валялась на полу.

Он долго пролежал, уставившись в потолок и подумывая о том, чтобы вылезти и поискать ее.

А потом он впервые услышал шепот.

Глава 18

При виде Брайана сестричка Петра пришла в ужас.

Позади ночь боли и страха — постель пропиталась потом, после удара распух лоб. У Брайана дрожали губы и челюсть. На воротнике рубашки и подушке появились пятна крови. Он не спал. Хотя голоса замолкли, оставив пугающую пустоту, тело своим правом на сон не воспользовалось. Теперь, все осознав, он сильно занервничал.

Открытие оказалось ужасным. Кроме них с Джеймсом, в палату попали еще три симулянта. Умные, сообразительные, наблюдательные, непредсказуемые и — в этом он ни секунды не сомневался — опасные. С этого момента неизвестными для Брайана становились ряд обстоятельств. Его главный страх. Неизвестные величины.

В том, что теперь рябой заинтересовался Брайаном, сомнений нет. Вопрос в том, что он успел подметить. Джеймс долго пытался предупредить его насчет симулянтов. Теперь он понял. Накатило осознание, какое бессилие ощущал Джеймс. Чего ему только из-за него не пришлось вытерпеть в последние недели и месяцы! Брайан горячо пожалел, что не обратил на его сигналы больше внимания. «Больше, Джеймс, я не буду добавлять тебе трудностей!» — беззвучно пообещал он. Он взмолился, чтобы теперь Джеймс это понял. Ночной эпизод вряд ли укрылся от его внимания.

Их вновь связала невидимая нить.

Многие пациенты нервно задержались, когда новая медсестра с шумом распахнула дверь и визгливым голосом стала говорить о Гитлере, употребляя слово «Wolfsschanze»^[11]. Брайан не сводил с нее глаз все время, пока она шла по проходу мимо крестившейся Петры и Воннегута — у того отвисла челюсть. Брайан понадеялся, что Гитлера больше нет в живых. Доктор Хольст долго на нее смотрел, слушая, что она говорит. Видимо, ее лепет и воодушевление на него особого впечатления не произвели, а вот Джеймс приподнялся в постели, что случалось редко, — взгляд чересчур оживился, и он выслушал все, что она сказала. Рядом, поглядывая на него, сидел рябой.

Затем доктор Хольст вдруг развернулся к кроватям у себя за спиной, предоставив медсестру, Гитлера и Wolfsschanze самим себе. Прежде всего — работа и больница. Брайан увидел, что объявление, вдруг окончившись, застало Джеймса врасплох — он едва успел провалиться в извечную апатию. Рябой же, напротив, улыбнулся и снял одеяло, чтобы оно не мешало врачу, когда тот до него дойдет.

Несмотря на то что реакции от доктора Хольста не последовало, должно быть, случилось что-то серьезное. Атмосфера накалилась, все было по-другому, не как всегда, и впервые за несколько недель в отделении появился офицер безопасности.

Его они раньше не видели. Почти мальчишка, как показалось Брайану, даже моложе его самого. Обходя кровати, юнец здоровался с каждым по отдельности, протягивая наполовину согнутую руку и кивая в тех случаях, когда приветствие оказывалось взаимным. Каждому пациенту он заглянул в глаза. Коридор, ведущий к туалетам и ванной комнате, он обошел медленными, размеренными шагами, распахивая двери так, что те сильно и гулко хлопали. Судя по всему, присутствие человека в черной форме впечатления ни на кого не произвело. Даже симулянты во время приветствия смотрели ему в глаза, а широколицый улыбался шире обычного, резко вытянул руку и отсалютовал с таким напором, что все вздрогнули. Его тощий сообщник с соседней кровати оказался уже не столь смелым. На узком лице, конечно, возникла улыбка, но руку для приветствия он лишь приподнял. В это время на пол частично сползло одеяло — между кроватями болтался свисавший угол. Под кроватью валялась таблетка, которую Брайан потерял во время стычки с рябым. Брайан сразу же ее увидел и попытался подавить сопровождающий страх глотательный рефлекс.

Если офицер службы безопасности ее найдет, он, естественно, не поймет, откуда она взялась. Но что скажет лежавший рядом симулянт, если его припрут к стенке? А каких только выводов не сделает рябой после ночного происшествия! За одну секунду Брайан осознал, что невзрачная таблетка на много-много шагов приблизила его гибель. Рано или поздно таблетку поднимут, но он этого делать не собирается. Рисковать он ни за что на свете не станет.

У мужчины, лежавшего рядом с тощим симулянтом, было сильно обожжено лицо. Когда они пришли в палату, он там уже был. Теперь,

когда сняли все повязки, изуродованная кожа постепенно стала приобретать обычный, спокойный оттенок. Как и многих солдат, его зажало в горящем танке; в отличие от них, он остался в живых. Выжил с болью, сделавшей его молчаливым и абсолютно невменяемым. Увидев его руку — пациент попытался поднять ее в приветствии, — офицер службы безопасности пошел между кроватями ему помочь.

Едва сделав шаг вперед, носком ботинка он задел таблетку — она врезалась в стену и почти беззвучно от ricoшетила дальше. Брайан тяжело вздохнул, — казалось, опасность миновала. Через две минуты офицер безопасности наступил на таблетку почти у самой двери. Услышав хруст, он остановился.

На крик офицера службы безопасности в палату примчалась медсестра — офицер, встав на колени, довольно спокойно и аккуратно ковырялся в белом порошке. Затем протянул ей испачканный веществом кончик пальца — и заставил попробовать. По выражению ее лица и телодвижениям Брайан решил, что она пытается представить случившееся ерундой и убедить его в собственной невинности или неосведомленности. Молодой офицер службы безопасности задал ей ряд вопросов — в ответ на каждый она мотала головой, но цвет лица неуловимо менялся. Допрос длился несколько минут: взгляд девушки заматался. Казалось, больше всего на свете она желала оказаться подальше отсюда.

Затем офицер наклонился — Брайан за краем кровати его не видел, лишь слышал, как он издает какие-то непонятные звуки. На мгновение он нырнул между кроватями, распластавшись и прижав щеку к полу, и пополз, как ищетка. Вскоре он обнаружил еще две таблетки. Брайан пришел в ужас.

Позвали всех. Медсестер, работавших в дневную смену и дежуривших сегодня ночью — уставших, полусонных. Санитаров, в чьи обязанности входило отвести пациента на сеанс шоковой терапии и обратно, а в редких случаях — помочь с разными поручениями, Воннегута, уборщиц, врача-ординатора Хольста и, наконец, профессора Тирингера; никто не дал происшедшему какого-либо разумного объяснения.

Нетрудно было заметить, что чем больше офицер службы безопасности слышал, тем сильнее убеждался: случилось что-то совсем неладное. Ситуацию объяснили старшему офицеру — тому, что

допрашивал их в спортзале. Из огромного количества грубых слов, что он выплюнул, Брайан понял всего одно.

Симуляция.

В отделении тут же провели тщательный обыск. Несколько солдат СС скинули кители и заглянули во все уголки: на коленках, на животе, на цыпочках. Обшарили каждый сантиметр. От внимания не ушел ни единый тайник. Опустошили шкаф для туалетных принадлежностей, пролистали газеты, ощупали одежду и постельное белье, подняли матрасы, проверили подоконники и ставни. Лежать разрешили лишь тем немногим, кто не мог встать. Остальные босиком выстроились у торцевой стены, удивленно таращась. В суматохе Джеймс незаметно вытащил из-под матраса платочек и завязал на шее — так, чтобы его скрывала рубаша.

Главный врач Тирингер пытался призвать к благоразумию — мрачный и недовольный тем, что не мог контролировать ситуацию. Но он молчал, когда из ножки одной кровати вытащили нижнюю заглушку и на пол со стуком посыпались десятки таблеток.

В палате замерли все. Командующий взводом сержант СС тут же дал знак вытащить заглушки из всех кроватей. Офицер службы безопасности задал Воннегуту вопрос. Как будто его попросили донести на собственного ребенка, он медленно поднял железный крюк и нехотя указал в середину стоящей у торцевой стены группы. Упав перед офицером службы безопасности на колени, костлявый представитель пары сиамских близнецов тут же заголосил и весь затрясся.

Пока из ножек остальных кроватей вытаскивали заглушки, Брайан молился всей душой, чтобы с прошлой ночи в трубе не застряла какая-нибудь мелкая невзрачная таблетка. Лишь когда в палате снова стало тихо и рыдающего костлявого увели, до Брайана дошло, что в чужой беде виноват он. В то же время теперь он точно знал, что из двадцати двух пациентов палаты симулянтами были минимум шестеро. Уму непостижимо — но ведь их могло быть и больше. Костлявый брат-близнец никогда не давал повода для подозрений. Напротив, за прошедшие месяцы сложилось представление, что он сумасшедший, который пусть очень медленно, но верно поправляется. Впервые

Брайан увидел его в грузовике — свою роль тот играл крайне старательно.

Через четыре кровати на краю постели устроился второй брат-близнец и, как обычно, ковырялся в носу. Если он тоже окажется симулянтом, это уже совсем невероятно. В связи с недавним происшествием он не выказал ни малейшего беспокойства или печали. Волновало его лишь то, что окажется на указательном пальце.

И позже, когда костлявого — избитого, бледного — снова привели в палату, на его «брата-близнеца» это, казалось, никакого впечатления не произвело. Он только улыбался и продолжал ковыряться в носу. Брайан не поверил своим глазам. Как костлявому вообще удалось добиться оправдания, он не знал, но занервничал.

Судя по всему, ходом событий все были вполне довольны. Врачи улыбались, а дежурные медсестры вновь стали проявлять дружелюбие. Чувствовалось, что все напряжены.

Наутро костлявого снова увели. Всю ночь он трясся как осиновый лист. Должно быть, понимал, что с ним будет.

В обед в палату вместе с солдатом СС вошел молодой офицер службы безопасности. По его распоряжению пациенты перешли к окнам напротив того ряда кроватей, где лежал Брайан. Спорить никто не стал. Брайан подошел в числе последних, а потому оказался во втором ряду — следить за происходящим можно было, лишь стоя на цыпочках. В этом положении обзор ему закрывали оконные решетки, потому он вытянул шею и положил голову на плечо стоявшего впереди.

Вдоль утеса, начинавшегося в паре метров от стены и шедшего до самой часовни в сотне метров от него, открывался свободный обзор. Узкую, голую территорию украшал лишь обычный столб, — казалось, им поместили какую-то дыру.

У этого столба привязали костлявого — и там его пристрелили на глазах у пациентов, вместе с которыми он больше полугода жил, делил палату и дышал одним воздухом. В момент выстрела Брайан повернулся к Джеймсу: тот стоял поодаль в первом ряду, а рядом с ним высилась фигура рябого. От грохота выстрела Джеймс вздрогнул — тут ошибиться было невозможно, — и на несколько секунд его слишком внимательный и лихорадочный взгляд приковало к себе тело,

подавшееся вперед в последних судорогах. У Брайана на лбу выступил холодный пот, но не из-за казни или реакции Джеймса, а из-за того, что рябой кивнул широколицему, буравя Джеймса взглядом.

Через некоторое время они привязали к столбу и пристрелили следующего. Кем был нарушитель, Брайан не знал. Он был не из Дома алфавита, и его, несомненно, поймали на попытке уклонения от воинской службы. За подобного рода преступления наказывали жестко и безжалостно — и это должно быть известно всем.

Повисшая голова костлявого собрата на близнеца впечатления не произвела — он явно не понимал, что произошло. Никто не попытался его утешить. Никто его не допрашивал. После казни кровать тощего унесли, в палате вымыли пол, напоили всех эрзац-кофе, а Курт принес громкоговоритель, чтобы скрипки и литавры всех успокоили.

В конце концов, в отделении ведь лечились люди.

Глава 19

Со дня казни почти каждую неделю в округе звучали выстрелы. Все было как прежде — только симулянты по ночам больше не шептались, а Джеймс теперь почти не вылезал из своего угла и хоть как-то реагировал, лишь когда в палату приносили еду.

Было очевидно, из симулянтов бдительность проявлял рябой. К другим пациентам он относился с особой заботой. Но если раньше он подмигивал и каждому говорил хоть слово, проходя мимо, то теперь взгляд стал внимательнее, а говорил он меньше. Брайан знал, о чем он думал, — сам думал о том же. Есть ли здесь еще симулянты?

В первую очередь рябой интересовался Джеймсом. Иногда вечерами Брайан замечал, как три симулянта усаживаются в ряд и пялятся на Джеймса с одинаково пристальными выражениями лиц. Очевидно, они за ним следили. Однако двое из них редко сосредоточивали внимание надолго — обычно через несколько минут их взгляд расплывался. Таблетки свое дело делали. Рябой же, в отличие от них, мог бодрствовать часами.

Сначала Брайан думал, что симулянты оставят Джеймса в покое. Зачем бояться того, кто большую часть дня лежит, как будто сознание потерял? Лишь когда Человек-календарь вдруг закричал и замахал руками, указывая на Джеймса, Брайан осознал, что на самом деле все вовсе не так гладко. Тут же прибежала Лили и постучала Джеймса по спине. Побледневший, он пытался сдержать кашель.

Все повторилось уже на следующий день, во время завтрака.

В последующие дни Брайан садился в постели, вместо того чтобы сидеть на краю у прикроватного столика: раньше он ел именно так. Здесь он спокойно наблюдал за попытками Джеймса запихнуть в себя превращенную в пюре еду. Палату наполняли звуки — звон тарелок, чавканье и отрыжка, — а Джеймс сидел неподвижно, уставясь в тарелку, как будто нагуливал аппетит. В конце концов, до того как собрали посуду, у Джеймса опали плечи, он как будто вздохнул и проглотил пару ложек.

И сразу же закашлялся.

Через шесть дней — в это время все повторялось, — когда принесли завтрак, Брайан встал с кровати: тихонько напевая, он высоко поднял тарелку и понес ее к столу Воннегута. Если бы Воннегут или сестра Лили были на месте, его тут же отправили бы обратно в постель. Но в тот день во время сеанса электрошоковой терапии один пациент так взбесился, что и санитарам, и медсестрам до послеобеденного обхода хватило забот. Поставив тарелку на краешек стола Воннегута, Брайан начал есть. Язык пока еще был намного толще привычного, но прекрасно заживал. Симулянты с интересом следили за тем, как он глотает, и иногда переводили взгляд в сторону застывшего тела в углу. Джеймс взгляда не поднял, хоть и отлично знал, что Брайан за ним наблюдает.

Джеймс съел еще ложку, а затем и еще одну. Брайана и Джеймса разделяли лишь несколько метров. Надавив на край глубокой тарелки, Брайан попытался прикинуть, насколько она устойчивая и тяжелая. В тот момент, когда Джеймс зашелся в приступе кашля, Брайан стукнул по тарелке — перелетев через край стола, она врезалась в ножку кровати рядом с ногой Джеймса. От громкого шума все перестали жевать. Брайан виновато бросился за улетевшей тарелкой.

Добравшись до Джеймса, он резко остановился и вяло и виновато хохотнул ему в лицо, указывая на испачканный пол и упавшую тарелку. Джеймс не сводил глаз со своей тарелки. Между кусками свинины и серым переваренным сельдереем лежало что-то непонятное, больше всего напоминавшее человеческие экскременты.

Снова запев, Брайан наклонился и поковырялся там своей ложкой. Появившуюся тошноту подавить было сложно. Посреди порции Джеймса лежал самый настоящий кусок человеческих испражнений.

Рябой открыто заржал, а подбежавший широколицый вырвал у Джеймса тарелку. Затем собрал в нее то, что валялось на полу, и метнулся к туалетам. Как в еде оказались фекалии, для Брайана осталось загадкой. Точно можно сказать две вещи. Это дело рук симулянтов, и они рассчитывали сохранить все в тайне.

Так они издевались над Джеймсом уже несколько дней. В открытую велась неравная и безжалостная борьба, преследовавшая одну-единственную цель: чтобы Джеймс себя выдал. И видимо, им везло. Джеймс среагировал. Есть он не хотел.

Всю вторую половину дня Джеймсу дали спокойно посидеть на краю постели.

Брайан для него ничего сделать не мог.

Хлопнули оконные ставни, и Брайан проснулся. Когда он очнулся, еще не стихло эхо от удара. В соседней кровати тяжело дышал офицер танковых войск. Дальше в ряду кроватей тот самый мужчина, что смотрел на струи воды в душе, пялился пустым взглядом на ряд кроватей напротив, прислонившись к изголовью.

Палату озарял по-летнему мягкий бледный свет. Брайан похолодел, когда в темноте мимо пронеслись силуэты симулянтов. Троица окружила кровать Джеймса. Один встал в изголовье, один — посередине, один — в изножье. Время от времени для удара поднималась рука. О том, что сотворили с Джеймсом побои, нельзя было судить даже по крикам. Лишь позже, когда его наконец оставили в покое, начались стоны.

«Больше вы его не тронете!» — сжимая зубы, грозился Брайан, когда на следующий день Джеймс неуверенной походкой проковылял в ванную.

Но они тронули — когда им того захотелось. Пока на его лице не появилось ни единой отметины, однако из дальнего угла каждую ночь доносились приглушенные звуки ударов.

От страха за жизнь Джеймса Брайан впал в отчаяние. Уже не раз он был близок к тому, чтобы закричать, схватить шнур и позвонить дежурившей в ночную смену медсестре, броситься между Джеймсом и его мучителями. Но за проведенные на войне годы выработались правила выживания, которые в обычное время покажутся абсурдными и противоречащими здравому смыслу. Ощущая глубокое бессилие, Брайан знал, что бессилие — единственное доступное ему состояние.

В ночь перед утром, когда сестра Петра обнаружила Джеймса без сознания в луже крови, он пережил последнее наказание. О серьезности происходящего можно было судить по пораженной и растерянной Петре. Позвали Хольста и врача из терапевтического отделения. «Бога ради, вы же видите дыру в голове — она же не сама появилась», — молча шипел Брайан, когда они осматривали край постели, изголовье, изножье и пол, ища возможные объяснения, откуда

появились раны. «Предатель», — сказал он самому себе и взмолился о том, чтобы Джеймса пощадили.

Несмотря на недовольство врачей, провели небольшое расследование. Молодой офицер службы безопасности внимательно осмотрел глубокие раны, пощупал лоб — как будто сам был врачом — и осмотрел каждый сантиметр кровати. Затем обследовал пол, стены, ножки кровати. Ничего не найдя, он стал ходить от кровати к кровати и срывать с пациентов одеяла, проверяя, вдруг им есть что скрывать. «Пусть у них будут отметины на руках или кровь на рубашках», — умолял Брайан. Джеймс побледнел как простыня — наверняка у него текла кровь. Но офицер службы безопасности ничего не нашел. Потом он поторопил медсестер, плохо понимавших, что и от кого требуется, и бродил, грохоча сапогами, туда-обратно, пока сестра Петра не принесла необходимое.

Прежде чем Брайан осознал серьезность происходящего, Джеймсу в локтевой изгиб воткнули иглу. На расстоянии висевшая над ним бутылка казалась угольно-черной.

«Ну вот, Джеймс, теперь ты умрешь», — подумал Брайан, пытаясь вспомнить, что Джеймс говорил про переливание и группы крови еще давным-давно, когда они ехали в санитарном поезде. «Поступай как знаешь, Брайан, но я сделаю татуировку со второй положительной», — сказал Джеймс, тем самым подписывая себе смертный приговор. По трубке из бутылки капала смертоносная плазма. В искалеченном теле вот-вот смешаются две разные группы крови.

Брайан был уверен, что симулянты не собирались забивать Джеймса до смерти. Это не значит, что они не смогли бы, если бы захотели; но они не захотели. Покойник — кто угодно — опасности не представляет. Но Герхарт Пойкерт — это не кто угодно. Он штандартенфюрер службы безопасности СС. Если выяснится, что его забили до смерти или он умер не своей смертью, начнутся расследование и допросы, и тогда пощады не жди.

Симулянтам были нужны уверенность и контроль. В данный момент у них не было ни того ни другого.

Позже Джеймса раздели, чтобы помыть. Он побледнел как труп. Увидев, что платочка на нем нет, Брайан облегченно вздохнул. Хоть что-то хорошее. За происходящим внимательно наблюдали трое

мужчин. Чем больше открывалось сине-черных отметин и крупных кровоподтеков, тем сильнее сжимались в своих берлогах три подонка.

Сестра Петра попыталась глубже разобраться в том, что стало причиной этой беды, но руководство сразу же решительно сломало ее планы. Юная Петра вносила сумятицу. В отличие от нее, сестра Лили всегда старалась как можно быстрее вернуть в палате нормальную обстановку. Позицию она заняла прагматичную: подозрение о преступлении бросит тень на нее саму. Расследования и допросы могут вызвать недоверие, а недоверие — перевод на другое место. И возможно, в итоге ее ждет служба в госпитале на Восточном фронте.

Несомненно, с воображением у сестры Лили все было в порядке.

Поэтому, несмотря на недовольство Петры, в ближайшие пару дней за Джеймсом ухаживала только сестра Лили. Пострадавшему пациенту вливали плазму. Еще две бутылки. В теле Джеймса оказалось больше литра крови другой группы.

И он остался жив.

Глава 20

Шли дни, и Брайан осознавал, что кошмар вовсе не кончается.

Первый звончок: как-то утром он проснулся и увидел, как на краю постели Джеймса сидит трясущаяся Петра, крепко прижимая его голову к своей груди. Она обнимала его, как будто он плакал.

Чуть позже на неделе Джеймса вырвало, когда он сидел в постели. Вечером того же дня Брайан осмелился пройти мимо него, когда рябой и широколицый ушли за едой. Третий симулянт, по-видимому, крепко спал.

Лицо у Джеймса очень-очень сильно побледнело. Кожа напоминала пергамент, посинели артерии на висках.

«Выздоровливай, Джеймс! — шептал Брайан, все время озираясь. — Скоро сюда придут наши войска. Месяц-два — и мы на свободе, вот увидишь». С виду слова никакого эффекта не произвели. Джеймс улыбнулся и поджал губы, словно пытался заставить Брайана замолчать. Затем произнес несколько слов. Чтобы их разобрать, Брайану пришлось приложить ухо к пересохшим губам. «Не приближайся!» — прошептал он.

Когда Брайан попятился от Джеймса, дернулось одеяло самого тощего симулянта.

Союзники бомбили Карлсруэ еще раз — в безопасный идиллический Шварцвальд хлынул целый поток беженцев.

В середине сентября произошло несколько событий, из-за которых Брайану пришлось пересмотреть меры предосторожности — вероятно, в последний раз.

В одно чудесное утро, когда сквозь ставни проникал ясный свет осеннего солнца, оказалось, что Джеймс опять весь в крови. С него сорвали все повязки, открылись почти зажившие раны на голове — крови в них не осталось. Кожа Джеймса по цвету сливалась с простыней. От свернувшейся крови почти почернели руки. Из-за слепой веры в то, что эти раны Джеймс нанес себе сам, ему крепко связали руки, чтобы подобного больше не случилось.

А потом ему еще раз перелили кровь.

Вновь увидев над изголовьем Джеймса болтавшуюся там стеклянную бутылку, Брайан не знал, что и делать.

С симулянтами Брайан держал вооруженный нейтралитет, но глаз они друг с друга не спускали. Когда они вот так устанавливали баланс сил, доктор Хольст употребил по отношению к Джеймсу слово «кома» — тот провалился в глубокое беспамятство. Покачив головой, доктор с улыбкой повернул голову, прощаясь с соседями Брайана, — они лежали сбоку от него и напротив; обоих наконец выписали, поставив зеленый штамп.

Брайан впервые видел кого-то из обитателей палаты не в ночной рубашке. С первого дня они в прямом смысле слова ходили с голыми задницами в одеянии, доходившем им до коленок, с завязками у шеи. Редко — крайне редко — на них были трусы. Два офицера светились от счастья, авторитет и важность им вернули свежевыглаженные галифе, высокие прямые фуражки и всякая дребедень, болтающаяся на жестких мундирах. Доктор Хольст пожал обоим руки, а медсестры поклонились. Всего несколькими днями ранее те же медсестры шлепали их, если они не хотели идти мимо них голыми после ванной. Когда сосед Брайана решил пожать Воннегуту руку, тот в конце засмутился и вместо здоровой левой руки протянул железный крюк.

Сложно было понять, каким образом врачи отличали больных от здоровых. Однако на то, чтобы стать пушечным мясом, здоровья им хватит.

Обоих распирало от гордости и наивного веселья. Они упоминали Арнем.

Вероятно, туда они и отправятся.

Когда сосед Брайана попрощался и посмотрел ему прямо в глаза, Брайан не смог узнать в нем того пациента, кто на протяжении восьми месяцев днем и ночью пыхтел у него под боком.

Пришли первые известия о победах немцев под Арнемом, атмосфера в отделении стала беспокойной. Кто-то из пациентов, стоявших в очереди на выписку, выпрямил спину и не упускал случая показать, что чувствует себя лучше. Остальным обитателям отделения стало едва ли не хуже: они чаще кричали по ночам, сильнее раскачивались вперед-назад, опять начались странные судороги, стал кривиться рот, вернулась привычка неаккуратно есть.

Последовала и реакция симулянтов.

Рябой проявлял такое усердие, что медсестры на несколько дней отстранили его от работы, чтобы он не ошпарил никого кипятком или не сшиб врачей, когда будет метаться между поручениями. Широколицый каждый день разыгрывал спектакль — вскидывал руку, здороваясь с Воннегутом и другими пациентами. Порой дежурной медсестре из-за него приходилось прибегать по ночам в отделение: в приступе радости он громко пел и барабанил по каркасу кровати.

Брайан поступал, как самый тощий из симулянтов: съеживался, натягивал на голову одеяло и, как обычно, молчал.

Несомненно, высокое звание, большая ответственность, его слабость и сомнительное улучшение состояния сохранили Брайану жизнь и дали гарантию, что он, в отличие от своих соседей сбоку и напротив, на фронте не окажется. Должно быть, просто никто понятия не имел, куда его определить.

За себя Брайан не боялся. Только за Джеймса и за то, что с ним задумали сделать симулянты.

Он пришел в себя, превратившись в собственную тень, ослабел душевно и изголодался физически. Встать с кровати он сможет не сразу.

Уже больше четырех месяцев мысли Брайана бродили вокруг того, как устроить побег.

Первая связанная с побегом проблема — одежда. Помимо ночной рубашки, в распоряжении Брайана были носки — каждый третий день их меняли на еще более застиранную пару. Поскольку Брайан стал ходить в туалет сам, еще у него был халат. По плану, ему предстояло защитить его от резких порывов ветра.

И вот халат пропал. Один из санитаров давно бросал на него взгляды. Тапочек не было уже давно.

Добраться до границы со Швейцарией вполне реально: вряд ли до нее больше пятидесяти-шестидесяти километров. Небо оставалось полетному чистым, из-за чего окрестные пейзажи приобретали ясные, четкие контуры, но по ночам было холодно.

Несколько недель назад с запада поднялся ветер, принесся новый звук. Словно эхо спасения, прозвучал прерывистый свист и низкий гул железнодорожного состава. «Мы у самых гор, Джеймс! — думал

он. — Недалеко железная дорога! Запрыгнем в поезд и доедем до границы! Мы так уже делали. И еще раз сделаем. Мы до самого Базеля доедем, Джеймс! Мы в поезд запрыгнем!»

Но Джеймс сам по себе был проблемой.

Казалось, синие круги у него под глазами не пройдут никогда.

Сестра Петра выглядела все более серьезной.

Как-то ночью Брайан осознал, что бежать придется одному. Резко проснувшись, он не мог отделаться от ощущения, что разговаривал во сне. Рябой стоял у своей кровати и смотрел на него. В его взгляде сквозило подозрение.

Откладывать побег больше нельзя.

Временами он играл с мыслью о том, чтобы вырубить санитару и украсть его одежду. Еще оставалась вероятность, что врач оставит свой гражданский костюм в отделении или в каком-нибудь кабинете. Но мечты и реальность сближаться не торопились. Развернуться Брайану было особо негде. Изнутри ему были знакомы только палата, смотровая, кабинет, где проводились сеансы электрошоковой терапии, а также туалет и ванная. Толку ни от одного из этих помещений не было никакого.

Решение проблемы нашлось, когда один из пациентов помочился на дверь в ванную, стал орать и ныть, — уgomонили его с помощью укола. Пока Воннегут, лежа на полу, вытирал мочу тряпкой, Брайан, трясая головой, боком вошел в туалет.

Дверь напротив кабинок была открыта настежь. Брайан сел на унитаз, закрыв деревянную дверь не до конца. Изнутри он кладовую никогда не видел.

На деле это оказался просто-напросто большой шкаф, где на полках или на полу разместились тряпки, мыльная стружка, метлы и ведра.

Сбоку в помещение падал узкий луч света. Снаружи все еще возился с полом Воннегут, высказывая вслух, где он желал оказаться самому себе и всем остальным. Сделав несколько шагов, Брайан подобрался к шкафу. Осмотрел дверной косяк. Гнилой. Замок едва держался за трухлявую древесину, металлический крепеж уже давно разболтался. Дверь открывалась внутрь — достаточно посильнее толкнуть дверную ручку и поднажать коленом.

На фаянсовом крючке с другой стороны двери висел выношенный коричневый халат. Когда Воннегут распахнул дверь, Брайан вздохнул. У него заколотилось сердце, перехватило дыхание — в таком состоянии Брайана, крепко держа за запястье, привели обратно к его постели.

Когда зашла луна и палата погрузилась в полную темноту, Брайан бесчисленное количество раз перечислил то, что увидел на складе. Четыре раза за ночь он вставал с постели и полз в туалет. Регулярные приступы диареи для палаты не редкость. Сказывалось все более и более скудное питание.

Когда Брайан пришел в туалет первый раз за ночь, он пробрался на склад и снял две верхние полки.

В кладовой обнаружилось маленькое окошко. Добраться до него непросто, но размер подходящий. В отличие от узких щелей под потолком в ванной и туалете, решеток на нем не было.

Шпингалеты открывались беззвучно.

Решение Брайан принял быстро. В следующий раз или чуть позже он предпримет попытку. Наденет халат, залезет наверх и выберется из окна — с надеждой на то, что, упав на землю, не попросится с жизнью и здоровьем. Затем проберется к площади и перелезет через колючую проволоку. Против такого плана говорило все. Поступок опрометчивый — как и большинство миссий, с которых они с Джеймсом вернулись живыми. А теперь Джеймс опять неподвижно лежит в палате. Такова суровая реальность. Его мучила мысль, что раскаиваться за этот поступок придется до конца своих дней.

Но что еще он мог поделать?

До того как оказаться в кладовой, Брайан сходил в туалет еще три раза. Во второй ему помешал маленький человечек с красными глазами. Дернув за цепочки и спустив воду в унитазах, они рука об руку побрели к своим уютным гнездышкам.

Лишь на третий раз Брайан, ощутив уверенность, натянул халат. Слабая защита от холода.

Полка угрожающе закрипела, когда Брайан, оттолкнувшись, схватился за оконную раму. Окно оказалось чуть уже, чем он рассчитывал. Из палаты не доносилось ни звука.

Он высунулся из окна ровно настолько, чтобы не рухнуть вниз. Несмотря на темноту, в пугающих подробностях предстала

расстилавшаяся под ним бездна. Прыжок будет равен самоубийству.

Благодаря прыжкам с парашютом и тренировкам, как действовать в случае аварии в воздухе, Брайану было не так страшно. Целых шесть метров свободного падения — вероятность остаться целым и невредимым становилась очень и очень слабой. В темной бездне не было ничего, что могло бы смягчить удар. Если падение его убьет, случится это, к счастью, быстро. Если же он получит травмы и его схватят, служба безопасности сурово ему воздаст.

Здание кухни, склонившееся к отвесной скале, казалось темным и мирным. Вдоль стен скользили знакомые звуки, предупреждая о ночном обходе часовых. Из их ртов вырывался пар, и снизу до Брайана долетел приглушенный смех.

Когда они миновали здание, один разразился громким хохотом. В ту секунду, когда до Брайана долетел гогот, сзади раздался треск, и полка отвалилась от стены.

С губ Брайана сорвались лишь тихие проклятия. Отталкиваясь локтями от стены и пытаясь выбраться, он безуспешно искал опору для ног.

Несмотря на холод, Брайан весь взмок. Часовые еще не скрылись за площадью, а развеселившиеся собаки, как бы играя, пританцовывали друг перед другом у ног своих хозяев.

Через мгновение они вернутся.

В кладовой раздался непонятный шум. Пока он лихорадочно пытался преодолеть оставшееся расстояние, кто-то железной хваткой вцепился в его лодыжки.

Поздно.

Глава 21

Сопровождавшие переливание крови тошнота и неприятные ощущения Джеймса пока не отпустили. За ними появился страх. Сбивая его с толку, сливались голоса. Силы его покидали.

Потеря сознания украла у него время, а у дневных фантазий появились пределы.

Злую шутку с памятью Джеймса сыграли многочисленные сеансы электрошоковой терапии, суровое лечение и последствия переливания крови. Большинство фильмов и книг потерялись совсем или перемешались. Осталась лишь классика литературы и кинематографа. И страх, естественно.

Джеймсу было паршиво, страдали и тело и душа; он оказался один, измученный, даже слез не осталось. Повсюду бессилие и безумие. Унылые лица, уже не столь явные странности, неуклюжие, удрученные позы. А еще — его мучители. Ну и, наконец, Брайан.

Теперь, когда симулянты выбрали себе другую жертву, Джеймс оставался безучастным и по большей части притворялся, что он без сознания.

Труда ему это не составляло.

Брайана остановили симулянты. «Берите его живым, — прошипел Крёнер, когда они его схватили. — Смойте кровь со стен и повесьте полку на место». Что примечательно, подчинились они быстро.

В палате волнение выказал один лишь сиамский близнец: взгляд его метался от пола к шнуру для звонка, висящему у него над головой. Крёнер, словно дикий кот, что-то ему шикнул — тот запищал и свернулся калачиком под одеялом.

Когда Брайана повели в палату, он пошел безвольно. Из рук текла кровь. Склонившиеся над ним симулянты засыпали его вопросами — в это время в комнату проник приглушенный утренний свет. Есть еще симулянты? Есть ли у него сообщники? Что ему известно?

Но Брайан молчал, и симулянты засомневались. Он симулянт? Он пытался убежать или совершить самоубийство?

Проверку на следующее утро Брайан тоже выдержал. Но было очевидно, что он в отчаянии.

Уборщица обнаружила полосы на стене. Она забила тревогу и подергала болтавшуюся полку, не произведя заметного впечатления на работавшую в отделении медсестру.

Утренний туалет давно завершился. Симулянты косились на Брайана с удивительной смесью облегчения и злости, когда он, весь оцепеневший, сходил в ванную и смыл следы ночи с рук, рубашки и тела.

Но царапины на кончиках пальцев, появившиеся при попытке вылезти из окна, просто взять и смыть он не мог. Санитар увидел на его пальцах кровавые полосы и, показывая на Брайана, поделился подозрениями со сменщиком.

И Джеймс видел, что Брайан все понял.

Лишь к обеду в отделение наконец пришел офицер службы безопасности. Когда он должен был по очереди их осмотреть, санитар вытянул руки Брайана, демонстрируя их офицеру. Брайан только улыбался и кивал. Целая куча мелких заноз торчала из окровавленных кончиков пальцев — они напоминали ежей. Нахмурившийся санитар прощупал руки Брайана, как будто трепал по холке непослушного щенка. Выдернув руки, Брайан несколько раз сильно стукнул по ставням за своей спиной, закатывая от удовольствия глаза.

Своим авторитетом офицер воспользовался так громко, что все вздрогнули. В бешенстве схватив Брайана за рубаху, офицер стащил его на пол. «Я тебе покажу, как с нами шутить!» — рявкнул он, пытаясь поставить Брайана на ноги. Ссутулившись, тот смотрел судьбе в глаза.

Джеймс понимал: это борьба за жизнь.

Сначала симулянты веселились над тем, как перед осмотром Брайан лихорадочно загонял занозы себе в кончики пальцев, водя ими по грубым ставням. Теперь они не смеялись.

Офицер осмотрел все тело Брайана. Ночная рубашка — мятая, серая, все еще тяжеловатая от влаги после утреннего умывания. Санитар пожал плечами:

— Кажется, он не раздевался, когда мыться ходил.

Вместо того чтобы отпустить край рубахи, офицер задрал ее повыше. Аккуратно, чуть ли не ласково он схватил Брайана за яйца и дружелюбно посмотрел ему в глаза:

— Вы по дому соскучились, герр оберфюрер? Можете спокойно мне довериться. Вам ничего не будет.

В таком положении он спокойно замер на мгновение, глядя Брайану в глаза и не разжимая руку.

— Вы, разумеется, не понимаете, что я говорю, герр оберфюрер?

Когда офицер сжал пальцы еще сильнее, у Брайана на лице отразилась боль, но от Джеймса не укрылись бессилие и растерянность. Для Брайана вопросы оказались столь же непонятными, как и для сумасшедшего Арно фон дер Лейена, которым он прикидывался. В эти мгновения непонимание оказалось намного важнее понимания. Офицера раздражало молчание. И оно же поколебало его уверенность.

На пятом вопросе он сдавил так сильно, что крики Брайана потонули в приступе рвоты. Издавая булькающие звуки, он опрокинулся на спину. Поясница напоролась на кровать, а головой он сильно ударился о ставни. Молниеносно — словно сработал рефлекс — офицер разжал руку и отступил в сторону, чтобы его не забрызгало. Он громко орал, пока не прибежал санитар и не вытер начисто пол у его сапог.

Рвота забрызгала и соседнюю кровать. Кто-то из пациентов встал и обошел заляпанное изголовье, вытягивая палец и указывая на стену.

Джеймс мало что о нем знал. Его звали Петер Штих, и глаза у него всегда были красными.

А теперь он еще и спас Брайану жизнь.

Офицер службы безопасности хотел оттолкнуть его руку, но проследил за тем, куда указывает палец. За спиной Брайана — сутулясь, он все еще стоял у окна — приоткрылись ставни. В прожилках дерева на светлой древесине виднелись длинные, неровные коричневые полосы. Офицер подошел ближе, провел рукой по неструганому дереву и снова осмотрел пальцы Брайана. Резко развернувшись на каблуках, он выбежал из палаты — красноглазый даже отлетел в сторону.

Затем Брайану вкололи успокоительное, заменили дверцу ставней.

Полку на место так и не вернули.

Возобновились ночные перешептывания.

Дитер Шмидт был уверен, что оберфюрер Арно фон дер Лейен все знал о них и их планах на будущее. Он требовал принять соответствующие меры.

Но рябой Крёнер твердил, что впредь в палате убивать нельзя. Скоро их положение изменится. На войне союзникам сопутствовала удача. Может, война закончится, а они об этом не сразу узнают.

Если ликвидировать Арно фон дер Лейена, допросы буду длиться бесконечно. И он сам, и Ланкау знали, что такое допрос. Смолчать никому не удастся — и выйти на свободу тоже.

В том числе и им.

— Если захотите что-то узнать, ткните его в глаз, но не сильно, — постановил он. — Можете ущипнуть за язычок в гортани или потянуть посильнее за ухо. Но не оставляйте на его теле отметин. А еще следите, чтобы он никому не стукнул. Ясно?

В последующие ночи Брайан плакал и хрипел. Но им не удалось заставить его произнести ни слова. Симулянты растерялись. Джеймс ничего сделать не мог. Игра в кошки-мышки закончится — это он по своему опыту знал.

Крёнер выпячивал губу и переводил взгляд с Брайана на Джеймса:

— То ли сумасшедшие, то ли нет. Но раз они понимают, что мы их убьем, если они не будут благоразумны, мне совершенно плевать, что они там не понимают.

Тощий помотал головой:

— Говорю вам, Арно фон дер Лейену все известно! Почтальон потребует его убрать! Поверьте!

— Вот как! — удивился Крёнер. — И как же это произойдет? — язвительно спросил он. — При помощи телепатии?

Крёнер не улыбался. Почтальон напоминал призрака — со всеми вытекающими преимуществами.

— А тебе не кажется, что он давным-давно смылся? Не забыл ли он про своего маленького верного оруженосца? Да и зачем вам это, герр гауптштурмфюрер? Вам бы только евреев грабить, вы же просто глупец. Мы же все такие, верно?

— Погодите, сами увидите!

В глазах Дитера Шмидта мелькнула искра.

«„Дэвид Копперфилд“! Сегодня будет „Дэвид Копперфилд“!» Джеймс вдавил голову в подушку. В палате тихо. С первого знакомства в детстве Джеймс считал «Дэвида Копперфилда» главным произведением Диккенса. В памяти Джеймса остались Виктор Гюго, Свифт, Дефо, Эмиль Золя, Стивенсон, Киплинг и Александр Дюма. Но самый яркий след принадлежал Чарльзу Диккенсу и «Дэвиду Копперфилду».

После обеда, когда у медсестер было полно работы, в тишине и покое он вызывал в памяти утешительную историю.

А для этого нужен был покой. Его злейшими врагами стали растерянность и сбивчивые мысли. Таблетки — гадкий, содержащий хлор препарат — влияли на память сильнее, чем сеансы электрошоковой терапии.

Еще в самом начале истории Джеймс осознал, что закончить ее у него не получится. Забылись имена персонажей «Дэвида Копперфилда». Как звали вторую жену Копперфилда, его подругу детства? Вспоминал Джеймс долго. Первую жену звали Дора. Значит, вторая — Эмили? Нет, это не она. Элизабет? Бред!

Джеймса прервали в тот момент, когда он с грустью и нарастающим ужасом решил, что память непоправимо повреждена. Два санитары, хлопнув в ладоши, вытащили медкарты.

— Вас отсюда переводят! Собирайте вещи и идите наверх!

После переключки пациентов вывели в коридор, а на их места привели новых. Слегка покраснев, сестра Петра улыбнулась Джеймсу.

Вести их поручили Воннегуту. Группа получилась отвратительная. Всего семь человек. Трое мучителей, они с Брайаном, красноглазый и Человек-календарь. Пять симулянтов в одной палате.

— Доктор считает, дела у вас идут хорошо. — При этих словах на покрытом глубокими морщинами лице Воннегута отразилось сомнение. — Вас отделяют от остальных. Он говорит, так вы выздоровеете. Наверху есть свободная палата. Там никого.

Всех на фронт отправили!

Глава 22

Первым делом Человек-календарь повесил на стену свой маленький блокнот. На нем значилось 6 октября 1944 года.

Комната оказалась намного меньше прежней палаты. Звуки заглушались, делая невидимым творившееся этажом ниже безумие.

С постели Джеймса — она стояла в гордом одиночестве у короткой торцевой стены — открывался превосходный вид. Справа от него, по бокам от Вернера Фрике, Человека-календаря, притаились Дитер Шмидт и широколицый. В конце палаты от сквозняка хлопнула дверь.

Джеймс вяло оглядел место Брайана — между красноглазым и Крёнером. Когда Брайан через несколько часов вернется с сеанса электрошоковой терапии — без сознания, слабый, — он, как и сам Джеймс, окажется в полной власти симулянтов. Ждущие их впереди дни покажутся годами. Протест выражала каждая часть его тела. Внутри еле теплилась жизнь. Опустошенный, он лишился сил.

«Я тебя отсюда вытащу, Брайан!» — вяло подумал он.

Но сейчас ему надо прийти в себя.

Хорсту Ланкау хотелось поговорить, но Крёнер уже несколько раз предупредительно от него отмахивался. Крёнер способен вспотеть — такое Джеймс увидел впервые. Его взгляд внимательно обшаривал палату. Ему казалось, что за ним подглядывают.

Лишь после дневного обхода Крёнер осмелился произнести хоть слово. Прослушки в палате не было.

Судя по всему, ходом выздоровления заведующий отделением был доволен. С этого момента лечить их стали более интенсивно. Вероятно, лишь через несколько месяцев их признают годными для службы фюреру.

— Тирингер ничего не подозревает, — тихо заговорил Крёнер, попеременно глядя то на Ланкау, то на Шмидта. — Но перспектива не радужная. Не успеем мы оглянуться, как опять вернемся на службу. И что из этого получится, как вы думаете? Почтальон эту проблему тоже решит — а, Шмидт?

— Я уж, черт побери, позабочусь, чтобы на фронт не вернуться. Это и в ваших силах! — забормотал Ланкау, понизив голос. — Помоему, у нас есть проблемы посерьезнее.

Поднявшись, Ланкау спокойно встал перед Человеком-календарем.

— Вставай, Фрике. Здесь будешь лежать, — сказал он, похлопывая рукой по своей постели.

Человек-календарь не вполне оценил серьезность намерений широколицего и даже не сдвинулся. После третьего хлопка Ланкау сжал кулак и погрозил Человеку-календарю:

— В следующий раз руку я распрямлять не буду, ты понял? Вот так! Ты идешь?

— И как, по-твоему, к этим перемещениям отнесутся медсестры? — устало произнес Крёнер. — Ты теперь еще сам решать будешь, где лежать?

— Они и не заметят, если медкарта лежит где положено. Всё!

Открыв держатели для карт, он повернулся к Дитеру Шмидту, снова оказавшемуся его соседом:

— Итак, гномик, мы опять стали маленькой семьей! И теперь, собрат, ты ответишь на наши вопросы! Выкладывай, где Почтальон и что, во имя дьявола, тебе известно о его планах. Потом можешь рассказать, что нам с этими двумя ублюдками делать!

Не сводя глаз с Дитера Шмидта, широколицый указал на пустую постель Брайана и вытянул большой палец в сторону Джеймса:

— Эти два ублюдка слишком много знают, тут я согласен. В данный момент именно они наша главная проблема. — На мгновение он перевел взгляд на Джеймса — тот лежал с закрытыми глазами и неглубоко дышал. — А что делать, если этот глупец фон Лейен опять попытается сбежать? Думаешь, Почтальон мне это расскажет?

— Естественно.

Дитер Шмидт смотрел на него холодно.

— А я, черт возьми, считаю, что об этом ты нам должен рассказать!

Ланкау предупредили раздавшиеся в коридоре шаги. Когда к ним вошла сестра Петра, все лениво разлеглись. На то, что Ланкау оказался на другой постели, она внимания не обратила. Интересовал ее только Джеймс.

В ту же ночь симулянты возобновили перепалку про ценности в грузовом вагоне и Почтальона. И про Брайана.

Дело приняло скверный оборот. Джеймс едва мог пошевелиться. Казалось, тошнота не уйдет никогда. У него началась лихорадка. Раньше Брайана никогда не забирали на процедуры так надолго. Заволновалась вся палата. Естественно, по разным причинам.

С одной стороны, Джеймс от всей души желал, чтобы Брайан поскорее вернулся — целым и невредимым. Обычно сеанс шоковой терапии занимал столько времени, если у пациента начинались судороги. В таком случае на него уходила еще пара часов. Но с другой стороны, Брайана могли перевести в другое отделение. И хотя это означало разлуку и неизвестность, в конечном счете для Брайана так лучше.

Проходили часы, и симулянты все больше настраивались убить Арно фон дер Лейена, как только его приведут. Перешептывание действовало Джеймсу на нервы. Сам он тоже стал предметом их тихой дискуссии, но в данный момент они явно чувствовали, что он под надлежащим контролем. Красноглазого и Человека-календаря они вообще не замечали.

Вопреки обыкновению, самым молчаливым оказался Крёнер. Ланкау предложил обмотать вокруг шеи Брайана простыню и вытолкать его из окна. Крёнер заворчал и помотал головой. Перевели их всего несколько часов назад. Самоубийство в маленькой палате — сомнительное предприятие.

— Допрашивать будут всего шестерых, — произнес он наконец. — Вы правда уверены, что выдержите перекрестный допрос?

А потом застыл Крёнер. Ответ пришел с неожиданной стороны.

— Я выдержу!

В темноте раздался новый голос — властный и ледяной. В палате даже как будто стало светлее.

— А вот выдержите ли вы, уже сомнительно.

Заговорил лежавший ближе всего к Джеймсу человек — сосед Брайана, невзрачный, угловатый, с красными глазами — Петер Штих.

— Господа, рад вас поприветствовать: наше знакомство долгое время было односторонним.

Судя по звукам, доносившимся с кровати Крёнера и Ланкау, они уже сели. Джеймс не сводил глаз со Штиха.

— Стойте где стоите, герр штурмбаннфюрер!

Услышав обращение по воинскому званию, Дитер Шмидт остановился перед кроватью Джеймса.

— Вы прекрасно справились. Я очень доволен вашей верностью и немногословностью. Благодаря вам мы сильно продвинулись к цели. Возвращайтесь на свое место. А что касается вас, господа, — произнес он, отмечая, что к нему приковано внимание всей палаты, — раз уж мы так далеко зашли, разрешите представиться. Вы уже наверняка поняли: я и есть тот самый человек, кто столь долгое время преследовал вас в мыслях как Почтальон.

Эффект он произвел неожиданно слабый. Доносившееся с кровати Хорста Ланкау ворчание тут же прервал Крёнер:

— Вот как! Глядите-ка! Отборное общество у нас тут образовалось!

Крёнер кивнул красноглазому без малейшего удивления:

— Личину сбросил сам предводитель. Надо сказать, замаскировался он занятно. И очень хорошо!

— Так будет и впредь. — Иронию Крёнера Почтальон проигнорировал. — Как уже было сказано, общество у нас отборное. Нужно ли напоминать, что у того, кого вы, господа, намереваетесь препроводить в другой мир, в этой палате самое высокое звание? Разумеется, я ваше мнение разделяю. Арно фон дер Лейен ведет себя не как сумасшедший. На самом деле я тоже уверен, что он абсолютно здоров, как вы, господа, да и я сам. Я видел, как он делает то, чем ему заниматься не следовало бы. Например, таблетки прячет! Но если говорить о фон дер Лейене, нам стоит учесть другую загвоздку. Сомневаюсь, что заслуги оберфюрера фон дер Лейена известны вам так же хорошо, как и мне.

— Да он тот еще козел! — Ланкау фыркнул. — Умненький мальчик: из тех, что стоят и смотрят, как другие дерутся, а себе потом заслуги присваивают!

Насмешка Ланкау касалась всех, кто был выше его по званию. В палате единственным таким человеком оказался Арно фон дер Лейен.

— Этого козла поймать было легко. Как испуганную собачонку!

— Может быть. Но да будет вам известно: он тот еще приспособленец. Задницы лизать он, естественно, умеет, но, кроме того, он преданный — настоящий нацист. И что немаловажно, должен я добавить, одно из доверенных лиц Гитлера. Для Берлина — святой. Но несмотря на весь этот внешний блеск, я остаюсь при своем мнении: вам надо радоваться, что поймать его оказалось так легко, герр штандартенфюрер Ланкау. Тот Арно фон дер Лейен, кого я знаю, не только вундеркинд — он и убивать прекрасно умеет.

Красноглазый медленно огляделся и утвердительно кивнул. На него с сомнением и неодобрением смотрел Ланкау.

— Да-да, дорогой мой штандартенфюрер. А как, по-вашему, этот парень оказался там, где он сейчас? Могу вас заверить: Арно фон дер Лейен еще бриться не начал, а уже дослужился до места в личной охране нашего фюрера. «Мертвая голова», и все такое. Не всем в столь юном возрасте удастся так высоко забраться. Каков юноша! А еще — герой войны. Как и полагается, на его орденах есть кровь. Из-за положения ему оказывают особое внимание. Без него вряд ли кто-то из нас оказался бы здесь. Это мы ничего не значим, а вот он человек важный. Мы всего лишь его соседи по палате, декорации! Понимаете, господа?

Джеймса ужаснули холод и невыразительность голоса Почтальона. Целыми месяцами он в тишине оценивал своих врагов и друзей. Он был кукловодом. Джеймс даже вздрогнул от мысли, что мог чем-то выдать себя.

— Мне известны не только заслуги Арно фон дер Лейена, — подчеркнул Почтальон. — Однажды я его видел, но это было давно, и тогда я почти не обратил на него внимания. А теперь самое интересное! Не могу утверждать, что Арно фон дер Лейен, которого я видел, и тот, кто здесь лежит, — один и тот же человек. Я совсем не уверен, что эта физиономия мне попадалась до того, как мы оказались в больнице. Как вы понимаете, у меня есть сомнения!

Он шикнул на пытавшегося вмешаться Крёнера. Джеймс затрясся. Простыня пропиталась потом. Хуже и придумать нельзя. Появились сомнения насчет Брайана. Даже Крёнера заставили притихнуть.

Неприятно то, что он вообще такое позволил.

— Итак, рассуждать надо здраво и все учесть. И вам, господа, стоит быть крайне внимательными! Что хуже? То, что он совершит

самоубийство с нашей помощью и тем самым исчезнет — и впоследствии, возможно, нас будут пытаться? Или то, что однажды выяснится, что он предатель и симулянт? Если мы оставим его в живых и он действительно тот самый Арно фон дер Лейен, то все в порядке. Ну, за исключением того, что он слишком много знает о наших планах, — все потому, что вам, господа, очень надо было по ночам пошептаться. Если он не Арно фон дер Лейен, то все равно слишком много знает. Если окажется, что он притворяется, вряд ли служба безопасности не начнет и нас подозревать. Будут в нашем прошлом копать. Поэтому мне и пришлось выручить его из истории со ставнями! Уверен: если бы его тогда разоблачили, он бы поквитался за то, что вы, господа, сорвали его побег. И наши судьбы снова самым неподходящим образом переплелись бы с его судьбой.

Он огляделся. Слушатели стиснули зубы.

— Да-да! В общем, та еще дилемма. Я за ним с первого дня наблюдаю. По-моему, он неуравновешенный, молодой, растерянный. Сложно определить, Арно фон дер Лейен это или нет, но если это не он, не думаю, что он продержится до самого конца.

Он оглядел всех:

— Скажу по себе: боль — это возбуждающий танец новых ощущений, если можно так выразиться. Помогает исследовать тело. Но это же не значит, что у всех так.

Побледневший Дитер Шмидт пожал плечами.

— Я прав? — завершил беседу Почтальон.

Очевидно, Ланкау, в отличие от Дитера Шмидта, Почтальоном не восхищался. Но Крёнер с положением вещей смирился.

— Молчи, Ланкау! Нам известно, что у тебя на уме, — призвал Крёнер, когда Ланкау заворчал. — С этого момента мы вместе. Ты с нами?

— Давайте договоримся, — ровно предложил Почтальон, — что так называемого фон дер Лейена из нашего несчастного мира проводит именно герр штандартенфюрер Ланкау — человек действия.

Когда Брайана привели в палату, к его убийству фактически все было готово.

— Ланкау, его простыню брать нельзя! Они же все увидят, когда будут укладывать его в постель. Бери свою, если непременно хочешь

сейчас подготовиться, — шипел Крёнер. — Потом всегда поменять успеешь!

— Давайте подождем, пока он вернется. И возьмем его простыню.

Почтальон с улыбкой смотрел на Джеймса:

— Верно, герр штандартенфюрер Пойкерт?

Джеймс не ответил и продолжал пялиться в никуда. У него кровь стыла в жилах.

— Мне не нравится, что он все видит. — Ланкау с ненавистью посмотрел на Джеймса.

— Он нас не сдаст. Не знаю почему, но не сдаст, — кивнул красноглазый. — С ним вы, господа, отлично справились.

Джеймс смотрел на елки и стал неосознанно их пересчитывать. Закончив, начал считать сначала. Столь необходимое ему спокойствие являться не спешило.

Как он и предполагал, после сеанса электрошоковой терапии у Брайана начались судороги. Наблюдали за ним всю ночь. Пройдет немало времени, прежде чем он сможет защищаться. Джеймс понятия не имел, что делать. Он едва не терял сознание. Истощенный и измученный — как душевно, так и физически.

Пока медсестры разносили ужин по палатам дальше по коридору, Ланкау отжал в раковине простыню Брайана. Тонкая и тугая, она лежала у Брайана под одеялом, одним концом привязанная к изголовью.

Медсестры его кровать уже заправили. Пока Арно фон дер Лейен не очнется, подходить к нему они не будут.

— А разве это правильно? Ну, самоубийство. Может, нам его просто вышвырнуть? — задумчиво спросил Ланкау. — Как будто он сбежать пытался. Отсюда же недалеко до елок по другую сторону забора. Если как следует от подоконника оттолкнуться, вполне можно там приземлиться.

— И? — Казалось, ответа Почтальон не ждет.

— И разумеется, прыжок окажется неудачным.

Почтальон пожевал щеки изнутри:

— Если из нашей палаты кто-то попытается сбежать, будет расследование. И это не говоря уже о том, что окна будут на замке. Если вдруг потребуются, этот путь для нас окажется закрыт. А что,

если он после падения выживет? Нет уж, когда стемнеет, мы его повесим.

Только у Джеймса над изголовьем не было шнура для звонка. По центру шестиместной палаты его разместили временно. Дело приобрело удручающий оборот. Если он попытается помешать их планам, то закончит как Брайан. А сейчас все силы уходили на то, чтобы не потерять сознание.

Требовалась помощь из внешнего мира. Вот о чем он должен думать.

Но если обнаружат импровизированную веревку, немедленно начнется расследование, и целиком исполнится мрачное пророчество красноглазого. Лишь сестра Петра могла предотвратить катастрофу и высказать правильные сомнения.

Но сестра Петра приходила не каждый день.

В тот день стемнело рано. Уже после обеда стали опускаться сумерки, словно олицетворяя собой жизнь Брайана.

Неожиданно в палате появилась Петра. Очевидно, включив свет, она тем самым застигла Крёнера врасплох. Наполнив чайник под краном в раковине, она обошла все кровати и налила воды в стаканы на тумбочках.

Когда она добралась до Джеймса, он попытался привстать.

— Ну что вы, герр Пойкерт! — сказала она, мягко укладывая его на место.

Джеймс откинулся назад — так, чтобы ее голова заслонила его от остальных. Но слова не шли. Отчаяние в глазах Джеймса и его неуклюжие телодвижения были ей в новинку и поставили в тупик.

Потом она привела старшую медсестру.

Властная женщина, редко радовавшая работников больницы и пациентов деликатностью, внимательно осмотрела Джеймса. Едва она над ним склонилась, ее лицо засияло. Снисходительно покачав головой, она протиснулась к окну мимо волнующейся Петры и чуть-чуть надвинула шторы на ставни. Потух маленький серый кусочек света, плясавший на щеке Джеймса. Тут же возликовав и обрадовавшись простому решению проблемы, она повернулась к Брайану и сильно хлопнула его по щеке, что было весьма неожиданно.

Брайан вяло заворчал и отодвинул голову от того края, откуда прилетел удар.

— Он скоро очнется, — сказала медсестра и вышла из палаты, даже не удостоверившись, идет ли Петра с ней. — Уже пора, — в завершение донеслось из коридора.

Наклонившись к Джеймсу, Петра нежно провела рукой по его волосам. У него вырвался тихий, неразборчивый шепот. Глаза Петры улыбались. Услышав писк, она восхищенно приоткрыла рот.

Потом ее окликнула старшая медсестра.

Следующие секунды тянулись целую вечность.

— Ну, дружок, — улыбнулся Человеку-календарю Ланкау, — сейчас мы немного поиграем. Иди сюда! — позвал он, надевая простыню на голову своей жертвы.

Как и планировалось, узел закрыл пульсирующую сонную артерию. Падение будет недолгим, и все пройдет гладко. При повешении ломается шея.

Симулянты свое дело знали. Джеймс тяжело дышал, а Человек-календарь смеялся, как заигравшийся ребенок. По указанию Ланкау он поднял Брайана на плечо. Шлепнув Брайана по голым ягодицам, он запрыгал от радости — широколицый, посмеявшись, настежь открыл окно за кроватью Брайана. Остальные симулянты лениво за ними наблюдали.

От шлепка, бормотания и неловких движений Человека-календаря Брайан открыл глаза. Сбитый с толку тем, что оказался на холодном, жестком подоконнике, он поднял голову и дико, невнятно завопил — как будто свинью резали.

— Да держи ты ему руки, черт возьми, — прошипел Крёнер, выпрыгнул из кровати и сильно ударил Брайана по плечу.

Человек-календарь резко замер и разжал руки, сбитый с толку тем, какой оборот вдруг приняла игра. Обернувшись, он завыл и стал вяло поколачивать Ланкау и Крёнера тыльной стороной ладони. Стоя по обе стороны от Брайана, они боролись с ним. Теперь у отчаявшейся фигуры одна нога высунулась в окно, а вторая зацепилась за подоконник.

Почтальон не сдвинулся с места, а подлетевший тощий с ненавистью ударил Брайана под дых. Действие произвело неожиданный эффект. Заревев, Брайан рванулся вперед: его лоб

врезался в макушку тощего — казалось, ударил молот. Дитер Шмидт беззвучно рухнул на пол.

— Прекратите! — крикнул Почтальон, приказывая симулянтам вернуться на свои кровати.

Он раньше других услышал, как кто-то бежит по коридору.

Обнаружив Брайана на полу, два санитар резко затормозили. Глаза у него горели безумным огнем, а стоны заглушала натянутая простыня.

— Да он вообще спятил! Подержи его, — попросил один, закрывая окно. — Я смирительную рубашку принесу.

Но он не успел: завывли сирены.

Глава 23

Всех спешно эвакуировали в подвал — санитарам было чем заняться. Шли дни, Брайан убедился, что о том происшествии они так и не доложили, и благодарил Бога за то, что на него не успели надеть смирительную рубашку. В таком случае он стал бы легкой добычей.

В результате бомбардировок Фрайбурга окрестности не пострадали.

У самой площади стали возводить бараки поменьше — судя по всему, чтобы разгрузить отделения. А значит, бежать в ту сторону и думать нечего. Кроме того, на всех заборах появились фарфоровые изоляторы и таблички с предупреждениями. За исключением этого и напряженных лиц работников больницы, все было по-старому. Для всех, кроме самого Брайана.

Следующие двое суток он не спал. Несмотря на тот жуткий случай и осложнения после сеанса электрошоковой терапии, он чувствовал прилив сил и решимости. Хотя симулянты все время не спускали с него глаз, говорили с ним злобно и угрожали, в сложившейся безнадежной ситуации Брайан не чувствовал ни страха, ни бессилия.

Лежащий на соседней кровати красноглазый участливо и дружелюбно ему улыбался, час за часом лежал на боку, веселился и с любопытством его рассматривал. Когда Брайан попытался вспомнить ту историю, ему показалось, что именно красноглазый, вмешавшись, спас ему жизнь. Эхо крика до сих пор отдавалось у него в голове.

Красноглазый уже во второй раз пришел ему на выручку. Во время обхода Брайан обратил внимание на его имя. Звали его Петер Штих. Брайан улыбался в ответ, как будто их связывал утешительный и многообещающий союз.

Сестричка Петра постоянно поглядывала на Джеймса. Брайан редко ловил его взгляд, но чувствовал, что ему плохо. Но Петра тем не менее казалась довольной.

На следующий день во время обхода врачи долго что-то обсуждали в изножье кровати Джеймса. Потом его не раз водили на

осмотр в кабинет чуть дальше по коридору.

Вопреки обыкновению, тем вечером врач весело пожал Джеймсу руку. Возле него как-то игриво переминалась с ноги на ногу Петра, скрестив руки на груди и смущенно улыбаясь. Они говорили с ним как обычно, а он не отвечал, хотя и смотрел им в глаза, будто все понимал.

Изменениям Брайан радовался. Стала появляться вера в то, что скоро на Джеймса можно будет рассчитывать при побеге.

Следующим вечером симулянты устроили вдумчивый и оживленный спор. Говорили все. Высказался даже красноглазый, а потом лег, уставившись в потолок и бесстрастно комментируя слова остальных. Брайану показалось, что он над всеми насмеяется и что его решили оставить в покое из-за его болезни и грубых выходок. Каждый раз, когда Брайан смотрел на Джеймса, тот казался ему недовольным.

Брайан не придавал этому значения.

Новенькая медсестра включила в палате свет, из-за чего шепот мгновенно стих. Затем она придержала дверь перед незнакомым офицером — за ним, широко улыбаясь, шел доктор Тирингер. Молодой офицер обратился к палате с краткой речью, а потом пожал руку медсестре и врачу. Потом щелкнул каблуками и вскинул руку в нацистском приветствии. Они снова вышли из палаты.

Судя по всему, случившееся имело отношение к симулянтам, и они продолжили тихо перешептываться — что удивительно, эти звуки Брайана буквально усыпили.

Молодой офицер поступил в госпиталь одновременно с ним. Ему стало заметно лучше, и теперь его можно отправлять на поле боя — скорее живого, чем мертвого, скорее здорового, чем больного. Хороший пример для них всех.

Мысли сливались в одну, растворялись голоса. Перерезаны все линии связи. Висевший над ним шнур для звонка сорвали. У Джеймса его вообще не было. Когда Брайан уже почти проваливался в сон, молодой офицер вскинул руку в последний раз.

А затем Брайан уснул.

Каждый металлический звук о чем-то рассказывает. Когда от бомбардировщика В-17 отваливается крыло, звук не такой, как когда

трескается фюзеляж. Тяжелый молот бьет по маленькому гвоздику не так, как маленький молоток по большому гвоздю. Полностью растворяясь в металлических предметах, звук рассказывает о своем путешествии. Но этот звук — металлический и звонкий, но новый — расшифровать было трудно. Веки у Брайана отяжелели — ему пришлось некоторое время потерпеть, не получив ответа. По беловатому свету он понял, что снова наступил день и что ночь он пережил. Казалось, комната изменилась.

По мере того как навязчивый, резкий звук становился все четче, у него перед глазами возникла пыхтящая и гудящая машина времени. Как выдумка Уэллса или космический аппарат — из тех, что он, распираемый детским любопытством, исследовал в вагончиках у уличных артистов или на ярмарках, заплатив всего пенни.

Брайан открыл глаза. Комната была ему незнакома.

Рядом с его кроватью стояла еще одна. Больше кроватей в палате не было. У края второй кровати висела прозрачная колба, соединенная с трубкой. По ней непрерывно скользили мелкие бело-желтые капли. Емкость была заполнена на четверть. Накрытый одеялом человек прерывисто и неровно дышал. Лица Брайан не разглядел — его наполовину скрывала маска.

По другую сторону соседской кровати стоял кислородный баллон, подсоединенный к маске. Над кроватью — выкрашенная зеленой краской полка; стоявший на ней вентилятор выпускал тепловатый, влажный воздух. Его искривленная лопасть и была источником металлического звука.

Казалось, это помещение изолировано от больничной жизни — нет неприятных запахов, безумств и обычной для больницы скудной обстановки.

Брайан осмотрелся. В палате их всего двое. На полу — ковер. Стены увешаны картинами. Гравюры с религиозными сюжетами контрастировали с убранными в рамки фотографиями манерных молодых людей и девиц Третьего рейха, стоящих в изысканных и гордых позах.

Перевод в другую палату Брайану показался странным. Несомненно, ему досталась кровать, которую освободил недавно выписанный офицер. Но почему ему? Неужели кто-то, почуяв

неладное, убрал его подальше от мучителей? Или он теперь под особым наблюдением?

Палата располагалась напротив той, откуда его перенесли. Лица персонала были ему знакомы.

В лице сестры Петры он не увидел ни единого повода для беспокойства. Она была, как всегда, веселой и услужливой, улыбалась и трепала его по щекам, уважительно и весело болтая без умолку, — все это говорило о том, что его выздоровление шло полным ходом. Брайан принял решение. Признаки улучшения она заметит. А двигаться он сможет свободнее.

Но случится это не слишком резко.

Во время визита в туалет ему открылся новый мир. Ширина коридора, проходившего мимо палаты Джеймса, — целых три метра. Двери располагались не очень далеко друг от друга, — наверное, кроватей в каждой палате немного. С его стороны коридора их палата располагалась ближе всего к торцу здания. За ней шла маленькая палата, а потом — еще одна двухместная. Дальше по коридору — смотровая, туалеты и душевая. Там проходила граница его мира. До самого конца коридора он не добирался. По другую сторону коридора была еще одна палата — по размерам такая же, как у Джеймса.

В старой палате распределение ролей, очевидно, осталось прежним. Крёнер опять занял место услужливой сиделки, — судя по всему, никто не возражал. А значит, он мог свободно ходить по палатам как сотрудник.

Брайан предпочел бы, чтобы это был кто-нибудь другой.

Глава 24

Петра Вагнер была дальней родственницей гауляйтера Вагнера. Сообщать этот факт необходимости не было: фамилия довольно распространенная.

Получив назначение, она полюбила Шварцвальд и его окрестности. В больнице она обрела свое место, хотя грубые манеры военных для нее все еще оставались чуждыми. Все ее немногочисленные подруги, которых позволяла иметь тяжелая работа, тоже работали в госпитале, и в спокойные минуты, проведенные в корпусе для персонала за вязанием кружев и девичьими беседами, ей казалось, что она дома, — Петра редко ощущала, что идет война.

В отличие от нее, почти все подруги грустили по ушедшим на войну возлюбленным, по умершим, пропавшим и искалеченным родным. Жили они в ненависти и страхе. Но хоть на плечи Петры и не давила грусть, нельзя сказать, что она не жила. Даже совсем наоборот.

В госпитале часто случались нарушения, и Петре это не нравилось. Эксперименты с новыми лекарствами, скоропалительные решения, странные диагнозы и неприкрытые притеснения. Здесь действовал один порядок, подразумевавший субординацию и подчинение законам военного времени; хоть это ее и мучило, его частью были казни дезертиров и симулянтов — точно так же как и время от времени случавшиеся убийства из жалости. С этой реальностью ей доселе соприкасаться напрямую не доводилось, хотя она ухаживала за пострадавшими бедолагами.

Петра не переставала удивляться тому, что пациенту, которого прозвали сиамским близнецом, удалось так долго и безнаказанно симулировать болезнь. Она никогда его не подозревала — словно маленькая обезьянка, он бродил, держа своего брата-близнеца за руку. Когда его разоблачили и случилась та история с таблетками, ей пришлось посмотреть на окружающих другими глазами.

Отделение предназначалось для пациентов с расстройствами психики, большинство из них были серьезно больны и, вероятно, не поправятся уже никогда. Эффект от жестких сеансов электрошоковой терапии был непостоянный и сомнительный. Тех пациентов, что

выписали с момента ее появления в больнице, ждало туманное будущее: истощенные, они медленно реагировали и не вылечились до конца. Она знала, что врач думает точно так же, но их кровати требовались другим больным — с этим всем приходилось считаться.

А скоро выпишут сразу нескольких ее пациентов.

Некоторые не реагировали на обращения, потеряли речь, — например, Вернер Фрике занимался исключительно своими делами и не интересовался ничем, кроме листочков с датами. Даже знаменитый Арно фон дер Лейен, судя по всему, вообще не понимал, что она говорила, а вот Герхарт Пойкерт понимал все — это она знала, хотя поговорить с ним ей пока не удалось.

Многие симптомы, наблюдавшиеся у Герхарта Пойкерта, нельзя было объяснить одной лишь контузией, от которой он до сих пор не оправился. Наблюдаемые у него симптомы скорее указывали на те заболевания, с которыми она сталкивалась в терапевтическом отделении. По сравнению с остальными он сильно ослаб физически, был хилым, а если судить по необъяснимым симптомам, у него как будто был аллергический шок. Врачи не обращали на это внимания, из-за чего она беспокоилась еще сильнее и чувствовала собственное бессилие.

Человека красивее она не видела. Она поверить не могла, что он и правда такой мерзавец, как написано в досье. Либо это сильное преувеличение, либо его документы перепутали с чужими.

Так она тогда разбиралась в людях.

Но вот зачем Герхарт Пойкерт наносил себе такие тяжелые увечья, она понять не могла. У нее вызвали подозрение следы многочисленных ударов и серьезных кровопотерь. Но самоистязание бывает непредсказуемо. Корни у страха глубокие, и возникает он в тот момент, когда его меньше всего ждешь. Она часто это видела. Уму непостижимо, как человек мог практически перекусить собственный язык, как недавно случилось с Арно фон дер Лейеном. И тем не менее это случилось. Так чем Герхарт хуже? Утешением служило то, что потом ему стало легче, хоть он и был слаб.

Когда он, отозвавшись на ее нежность, впервые попытался произнести несколько слов, она поставила себе цель бороться с его страхом: Герхарту Пойкерту не придется повторить судьбу многих других.

Если бы это зависело от нее, он остался бы в госпитале до конца войны. Мощным бомбардировкам подвергались Мюнхен, Карлсруэ, Мангейм и десятки других немецких городов. Оккупирован Нанси. Налеты делались даже на Фрайбург. Продвигались вперед американцы, на немецкой территории собирались союзники. И когда все это кончится, она хотела, чтобы Герхарт Пойкерт остался жив.

Ради самого себя и ради нее.

— Из Берлина новые директивы пришли. Руководство санитарной службы вермахта наконец-то обобщило выводы августовского собрания.

У Манфрида Тирингера задралась рукава халата, обнажив тонкие запястья.

— Требуют усиленной бдительности на случай симуляции. Резервный госпиталь в Энзене уже отреагировал — выписал на фронт всех, у кого случай неоднозначный.

Тирингер медленно обвел маленькое помещение взглядом. Когда выросла нагрузка на отделение, он сам принял это решение — переделать прежний зал для собраний в палату. Строительство барачных их нужды уже не удовлетворяло. После боев на Восточном фронте и битвы за Ахен хлопот прибавилось. Лишь теперь появится возможность вернуть привычные условия.

Пришедшие из Берлина директивы освободят место.

За толстыми стеклами очков глаза доктора Хольста казались маленькими.

— В резервном госпитале Энзена в основном лечат неврозы. Мы-то здесь при чем?

— Притом, доктор Хольст, что если мы не поступим как они, окажется, что результаты у нас плохие. Потом нас попросят сделать оставшимся пациентам инъекции или дать большую дозу ваших же, доктор Хольст, любимых хлораля, трионала и веронала. Ну а потом можно и нам самим на фронт отправляться, да ведь?

Манфрид Тирингер внимательно смотрел на врача-ординатора:

— Вы же понимаете, доктор Хольст, какими преимуществами мы пользуемся? Если бы жена Геббельса не убедила своего мужа, что в госпиталях должны лучше лечить пациентов, то сейчас нашей основной задачей была бы ликвидация сумасшедших. Больше убийств

из милосердия, так? «Причина смерти — грипп». Можете себе такое представить? Теперь, по крайней мере, проблемы нам доставляют только крикуны в подвале. — Он покачал головой. — Что ж, сделаем то, чего от нас ждут. Начнем потихоньку выписывать. Иначе, доктор Хольст, конец экспериментам в Доме алфавита. Конец вашим опытам с препаратами хлора и всем таким прочим. Конец изучению воздействия от различных видов электрошоковой терапии. Конец нашей относительной комфортной жизни! — (Доктор Хольст опустил взгляд.) — Ну, нам еще повезло, что фрау Геббельс убедила мужа защитить солдат элитных войск! Благодаря им у нас кое-какая работа есть. Мы можем и дальше поддерживать имеющуюся у немецкого народа иллюзию о несокрушимости войск СС.

Манфрид Тирингер перевел взгляд на Петру и остальных медсестер отделения. До этого момента он не удостоил их и взглядом. Но этот взгляд просил их не обращать внимания на его последние высказывания. Он схватил стопку медкарт:

— Итак, нужно снижать дозировки в палате. С сегодняшнего дня прекращаем инсулиновую терапию. К декабрю полностью снимаем с терапии Вильфрида Крёнера и Дитера Шмидта. Думаю, скоро можно будет Вернера Фрике бросить. Разумнее мы его не сделаем. Он же из богатой семьи, правильно?

Никто не ответил. Врач дальше перебирал карты:

— За Герхартом Пойкертом еще понаблюдаем, но он, кажется, поправляется.

Петра сжала руки.

— А еще ведь Арно фон дер Лейен, — продолжил он. — Нам сообщили, что на Рождество к нему приедут высокопоставленные гости из Берлина. Придется приложить все усилия к тому, чтобы ему стало лучше. До меня дошли слухи, что он пытался покончить жизнь самоубийством. Кто-нибудь может это подтвердить?

Переглянувшись, медсестры помотали головой.

— Рисковать мы ни в коем случае не можем. Мне выделили двух пациентов — их выписывают из терапевтического отделения, а долечивать будут у нас. Они смогут стоять в карауле, чтобы этого не повторилось. Их можно продержать три месяца. Наверное, этого будет достаточно?

— Они будут круглые сутки стоять? — Как обычно, старшая медсестра хотела убедиться, что ее подчиненным не достанутся дополнительные ночные дежурства.

Тирингер покачал головой:

— По ночам Деверс и Лейен спят. Это ваша забота.

— А как там сосед Арно фон дер Лейена? — неуверенно сменил тему доктор Хольст.

— Группенфюрер Деверс вряд ли поправится. Из-за газа у него слишком серьезные повреждения легких и мозга. Нам нужно приложить все усилия, но он и дальше будет получать полную дозу. Друзья у него влиятельные. Ясно?

— А это правильно? Ну, что он лежит в одной палате с Арно фон дер Лейеном. Я просто... — Доктор Хольст плохо понимал, как это сказать, и заерзал на месте под взглядом Тирингера. — Он же просто лежит.

— Да, я считаю, все прекрасно. Также должен подчеркнуть, что ни Хорст Ланкау, ни еще кто-то из палаты три в палате Арно фон дер Лейена и группенфюрера Деверса находиться не должен.

— Но ведь Вильфрид Крёнер выполняет всякие поручения. К нему это тоже относится? — спросила сестра Лили.

— Крёнер? — Манфрид Тирингер выпятил нижнюю губу и замотал головой. — Ну почему же? Дела у него идут хорошо. А вот поведение штандартенфюрера Ланкау, я полагаю, меняется в нелучшую сторону. Он нестабилен. Пока мы его не выпишем, нам лучше позаботиться о том, чтобы он был спокоен и не смущал других пациентов.

Поскольку о Герхарте Пойкертe на собрании уже говорили, Петра хотела получить ответ всего на один вопрос:

— Господин врач, а как нам быть с гостьей группенфюрера Деверса? Мы можем предоставить ей питание, раз она так часто приезжает?

— Насколько часто?

— Несколько раз в неделю. Мне кажется, чуть ли не каждый день.

— Да, можно предложить. Спросите ее. Может, она и Арно фон дер Лейена развлечет.

Он спокойно посмотрел на врача-ординатора:

— Да, это было бы прекрасно. Я с ней поговорю, когда увижу.

Петра завидовала супруге группенфюрера Деверса с первой встречи. Не из-за ее лица и даже не потому, что жизнь, судя по всему, от нее ничего особо не требовала, — только из-за одежды. Когда она прямо и гордо шла мимо, Петра дружелюбно кивала. Замечала она лишь ее чулки и наряд.

— Все из бембергского шелка, — рассказывала она подружкам, придя наверх в комнату.

Такого никто из них даже не мерил.

Петра украдкой прикоснулась к Гизеле Деверс, когда та сидела у постели мужа и читала. Ткань оказалась поразительно гладкой, почти прохладной.

Петра заметила, что Арно фон дер Лейен не сводит глаз с супруги группенфюрера Деверса. Про себя она тихо поблагодарила Создателя за то, что Герхарт такого не видит.

Свежеиспеченные часовые были два бледных юноши, в чьих взглядах, как и у многих других, читалась глубокая горечь. Отглаженная форма роттенфюрера СС сияла новизной, но знаки различия стерлись, значит они повидали немало боев. На значке дивизии — две перекрещенные ручные гранаты. Петра такие раньше видела. Не сказать, что они людям к лицу.

При появлении Гизелы Деверс юные часовые вытягивались и смотрели пристально. Элегантная супруга высокопоставленного офицера СС — единственная из близких, допущенная в отделение.

Но когда она впервые прошла мимо, они, улыбаясь, заговорили. Все остальные, в том числе врачи, оставляли их равнодушными. Свою задачу они знали, выполняли ее четко и не возмущались. Пока они справляются с задачей, они в безопасности. Лучше уж 18-часовая вахта каждый день, чем час на фронте.

Петре пришлось признать правоту главного врача Тирингера. Хорст Ланкау уже не такой, как раньше. Его румяное, обветренное, жизнерадостное широкое лицо больше не улыбалось. Казалось, остальные пациенты его боятся. А еще главный врач прав в том, что он несколько раз заходил в палату к Деверсу и герою отделения Арно фон дер Лейену, хотя делать ему там было нечего.

Когда ему запретили выходить из своей палаты, его ярости не было предела. Что удивительно, протесты стали выразительными и нешуточными, и ему вкололи успокоительное.

Потом к нему отчасти вернулось прежнее обаяние.

Событий было много. Вильфриду Крёнеру становилось значительно лучше, и он свободно бродил по всему Дому алфавита. Ко всеобщему огромному удовольствию, он таскал в подвал грязное белье и возил по всем этажам тележку с едой. Если не брать в расчет хронические судороги, вызывавшие неконтролируемое мочеиспускание, а порой и произвольные подергивания — в результате у него замедлялась речь и иногда немела шея, — в целом казалось, что его лечение подходит к концу.

Петер Штих прекратил странно, почти сардонически улыбаться — как и пялиться в струи душа во время мытья; вместо этого он неистово ковырялся в носу, словно надеялся таким способом избавиться от головных болей, которые его, очевидно, преследовали. Во время таких приступов у него порой шла кровь. Петра это терпеть не могла. Он все пачкал, а кроме того, портил настроение медсестрам. А еще во время активного ковыряния в носу раздавалось хлюпание.

Петру от него тошнило.

У часовых появился еще один повод проявлять бдительность. В палату рядом с той, где лежал Арно фон дер Лейен, положили обергруппенфюрера с нервным расстройством. Хотя санитары, которые его принесли, описали его довольно подробно, никто, кроме нескольких сотрудников и самого Манфрида Тирингера, его настоящего имени не знал. Петре было известно лишь, что он приятный мужчина среднего возраста — и, кажется, совсем потерял разум.

Без главного врача входить в его палату никому не разрешалось. Говорили, ему нужен покой, чтобы восстановить силы. Поднимется большой скандал, если станет известно, что там лежит опора Третьего рейха.

Гизела Деверс воспользовалась всей своей хитростью, пытаясь добиться разрешения зайти к нему поздороваться, но безуспешно. Кто-то намекал, что таким образом она добилась и своего нынешнего положения. Петра в этом сомневалась. У посетительницы была сумочка с эмблемой «И. Г. Фарбен». Поговаривали, она состоит в

родстве с владельцами — что вполне вероятно, если судить по одежде и мужу. Приемлемое объяснение, почему ее свободно пускали в отделение.

Глава 25

Ланкау вдруг перестал приставать к Брайану.

Снаружи главными были часовые. Зачем их туда поставили, он не знал, но пациент в соседней палате явно лежал непростой.

Два солдата СС, наверное, были моложе его, а взгляды у них — холоднее, чем у покойников.

Пару раз за день они оставляли дверь в палату открытой настежь, чтобы проветрить коридор. В такие минуты мимо часто проходил рябой, беседуя с кем-то.

Брайана излучаемая им доброта обмануть не могла. Внутри прятались настороженность и бесчувственная решимость.

Страшное сочетание.

Приходя к ним в палату, первым делом он всегда слегка поправлял подушку соседа и гладил его по щеке. Затем, как правило, с мрачным лицом поворачивался к Брайану и медленно проводил указательным пальцем по горлу, делая вид, что перерезает его. Потом снова мягко трепал по щеке лежащего без сознания пациента и продолжал обход — на честном лице играла спокойная улыбка.

Тощий тоже постоянно его рассматривал — мельком, когда была открыта дверь. Большого не позволяло присутствие часовых.

Его манеру поведения они презирали.

По ночам Брайан оставался один. Его лежащий без чувств сосед мог издать всего лишь стон — и Брайан резко вскакивал с постели.

Как правило, его лекарства оставляли на тумбочке и он принимал их сам. После наступления темноты пойти в туалет он не мог: запирали ведущую в коридор дверь. Раковины в палате не было. Он предпринял пару попыток избавиться от таблеток, растворив их мочой в ночном горшке, но от этого метода пришлось отказаться. Поэтому он всегда ждал, пока в отделении не воцарится полный покой. Лишь тогда он подходил к своему соседу, сдвигал маску и крошил таблетки ему в рот. Когда Брайан подносил к его губам стакан воды, он покашливал, но спустя какое-то время всегда сглатывал.

Медсестры тоже давали его соседу лекарства. Зачем была нужна микстура — чтобы он спал дольше или проснулся, — Брайан не знал,

но, естественно, боялся, что сочетание препаратов приведет к тяжелым последствиям. Но ничего не произошло. Только дышать он стал спокойнее и ровнее.

Если симулянты за ним все еще охотятся, то им придется атаковать ночью. Поэтому, чтобы быть начеку, Брайан превратил ночи в дни, а дни — в ночи.

Он окажет им сопротивление. Комната дежурного недалеко — помощь придет вовремя, если кричать громко.

Кричать он будет — очнутся даже покойники и его сосед.

А потом появилась Гизела Деверс и прервала его отдых.

Перерыв оказался опасный, но пленительный.

Ее присутствие напоминало о вечерах, которые его семья устраивала в дуврском доме, когда лето подходило к концу и горожане разъезжались кто куда на зиму. Там он узнал, что такое пьянящий запах женщины.

Фрау Деверс была лишь на несколько лет старше его. Спину она держала прямо, одевалась всегда к лицу. Впервые ее увидев, Брайан не стал плотно закрывать глаза.

Его приковали прелестный профиль и мягкие волосы, выбившиеся из прически. Тихо дыша, он чувствовал запах ее духов и ощутил, как его охватывает вожделение. Запах нежный и воздушный, как у свежих фруктов.

Села она чуть наискосок, и подол очертил изгибы бедер.

На Брайана никто не обращал внимания. Ожидалось, что он полностью придет в себя только на четвертый день. Значит, можно было лежать и рассматривать Гизелу Деверс в приятной полудреме, почти проваливаясь в сон.

К вечеру третьего дня Гизела затряслась, как будто вот-вот заплачет. Склонилась над постелью мужа, голова нависла над книгой у нее на коленях. Печальное зрелище. Брайан ее понимал.

Дрожать она на мгновение перестала, после чего наступила разрядка — ее медленно охватил странный, сдерживаемый приступ смеха. Когда она вдруг громко рассмеялась, Брайан забылся и засмеялся вместе с ней.

Гизела Деверс резко обернулась. О существовании Брайана она совсем позабыла и никогда на него не смотрела. Его глаза засияли от

смеха.

И от этого яркого сияния она замерла.

В последующие дни Гизела подходила к кровати Брайана все ближе. Судя по всему, ее завораживали молчаливость и отстраненность Брайана. Столько слов на немецком Брайан никогда не слышал. Говорила она обстоятельно, аккуратно подбирая слова, и медленно, словно понимала: чтобы пробить этот барьер, требовалось что-то исключительное.

И ей это удалось.

Со временем благодаря повторению слова обрели смысл. В итоге он начал подавать знаки, что все понимает. Ее это веселило. Он усердно кивал, а она похлопывала его по руке. Позже она стала нежно ее поглаживать, если он не кивал.

Она была очаровательна.

Тоший уже долго злил часовых. Бродя по отделению и извечно проявляя любопытство, как-то раз он слишком наплевательски отнесся к их оклику. Один из часовых схватил его сзади в дверях палаты Брайна, а второй глубоко засунул ему пальцы в тощую глотку — когда его вырвало, раздался гортанный звук. Затем его толкнули в лужу собственной рвоты и приказали вытереть все рукавами. Во время послеобеденного обхода Брайан явственно услышал, как старшая медсестра ругает его за то, что он развел грязь.

Гизела озадаченно смотрела на ухмылявшихся часовых.

Молодая фрау Деверс не особо понимала, что происходит в отделении. Насколько Брайан мог судить, по большей части она с воодушевлением говорила о самой себе. Хотя Брайан ни секунды не сомневался, что, едва узнав о нем правду, она его выдаст, но тем не менее страстно ее желал. Она пленила его — точно так же ее саму очаровал Арно фон дер Лейен.

Несмотря на обман, ему было приятно, когда она просовывала руку под одеяло, шепча ему на ухо нежные слова на незнакомом языке.

Как-то раз, когда Брайан меньше всего ждал попыток сближения, сестра Петра удивительно долго простояла в дверях, увлеченно болтая и украдкой поглядывая на черное платье Гизелы Деверс.

Фрау Деверс лишь дружелюбно кивала ей в ответ, не слишком-то стараясь проявить участие, не говоря уже об интересе.

Как только Петра побежала на оклик из комнаты дежурной, Гизела Деверс повернулась к Брайану. Приоткрыла рот. Книга упала на пол, и она осторожно затворила дверь. Прислонившись к дверному косяку, она недолго смотрела ему в глаза. Выкинув вперед колено, она тяжело задышала — ее было слышно.

Напряжение ушло, когда по телу Брайана пробежал озноб, а затем его охватил жар. Затем она сделала шаг вперед, встав так близко, что у него перед глазами оказались лишь складки ее платья, демонстрирующие линии бедер. Склонившись над ним, она оперлась коленом о край кровати. Когда Брайан привстал, она обвила рукой его шею. Вся ее одежда оказалась скользкой, упругой и прохладной, а кожа — влажной.

Подобного рода объятия, хоть и недолгие, случались регулярно. Ритм жизни отделения постоянно менялся. Выкроить спокойное время стало сложно. У каждого были свои причины проявлять осторожность.

В конце концов, они могли часами просто смотреть друг на друга. Физическая близость была редкостью. Ее голос сам по себе — уже занятия любовью. Все остальные женщины меркли на ее фоне.

В один из таких дней ее обычное воркование окрасил новый оттенок. Появились четкость и прямолинейность.

Тревога у Брайана проснулась медленно. Сначала он подумал, что скоро к группенфюреру Деверсу приедут другие гости.

А потом сообразил, что она говорит о нем, об Арно фон дер Лейене. Что она им восхищается и уверена: на Рождество он вернется домой. Что скоро к нему из Берлина приедут важные гости.

Что она будет по нему скучать.

Она презрительно посмотрела на мужа.

Если он все правильно понял, новости были отвратительные.

После переезда в другую палату Брайану стало сложнее следить за временем — он проклинал себя за собственную неаккуратность. Когда он услышал громкие отголоски последнего налета на Карлсруэ, он досчитал до 5 ноября — через два дня у него был день рождения. А с него прошло, должно быть, еще две недели.

На бои на другом берегу Рейна уже невозможно было не обращать внимания, но кому именно сопутствовала удача, Брайан знать не мог. И

напротив, ему было абсолютно ясно, что пациентам госпиталя грозит переезд, поскольку продвижение союзников представляет угрозу для всех окрестностей.

А если учесть, что к нему в любой момент могли нагрянуть гости, план побега приобрел особую актуальность.

На этот раз у него все получится.

Бодрствуя каждую ночь, он строил планы и думал о Джеймсе.

Ему было что обдумать. Одежда и обувь. Как незаметно выбраться из здания и уйти. Патрульные с собаками и новый забор, способный ударить током. Темные скалы. Путь по дорогам в долину — и это когда все вокруг в полной боевой готовности. Поднимающийся от влажной земли и ручьев холод. Плоские виноградники, растянувшиеся до самого Рейна минимум на десять километров. Неизвестность: собирают ли еще в эту пору виноград.

А еще есть деревни, где его могли подстергать самые невероятные стечения обстоятельств. Нужно было все это учесть.

Брайан знал, что на юг ему теперь нельзя. Наверное, теперь нигде в мире нет столько военных, сколько у швейцарской границы. Ему придется двигаться кратчайшим путем на запад и попытаться пересечь железную дорогу, идущую по долине Рейна у самых гор. И наконец, он попытается добраться до реки.

Судя по тому, что в последние недели все чаще слышались отголоски военных действий, войска союзников, должно быть, находились на противоположном берегу реки. Но как туда добраться?

Должно быть, сейчас в мире ни одну реку не охраняют так же тщательно, как ту, по которой Брайан так часто ориентировался во время налетов. И думать не надо, что произойдет с тем, кого там поймают. Линия фронта совсем рядом — любое подозрительное гражданское лицо примут за дезертира и немедленно расстреляют.

И в конце концов — как пересечь лежащий перед тобой Рейн? Какие у него ширина и глубина? Насколько сильное течение?

А главный вопрос из тех, что он себе задавал, ему самому не нравился. Допустим, он переберется на другой берег — а что дальше? Вдруг свои сразу же откроют по нему огонь? Вдруг они расстреливают все, что движется?

Получается, шансы невысоки. Еще ребенком Брайан слышал от отчима, что глупые люди не понимают важности подсчета шансов. По

этой причине люди бесчисленное количество раз предпочтут мечты, фантазии и иллюзии, из которых никогда ничего не выйдет, более надежным, хоть и, наверное, более банальным жизненным рамкам. Таким образом, зачастую они теряют способность действовать. Шансы, к которым они столь презрительно относятся, заводят их в тупик, оставляют жалкие возможности, а их самих превращают в неудачников.

И тем не менее на этот раз Брайан, вопреки своему хорошему воспитанию, решил пренебречь имеющимися шансами. Еще один компонент его воспитания — умение учитывать неблагоприятные перспективы.

Извечная мудрость: проблемы существуют лишь для того, чтобы их решать.

Разумеется, местность вокруг незнакомая, язык он знает плохо — это тоже бесспорно. Но в этом-то и суть побега. Раз оставаться на месте уже нельзя, придется приложить все усилия, причем быстро.

Когда и если это наконец случится, крайне важно добраться до Рейна до рассвета.

Вопрос лишь в том, будет ли с ним Джеймс.

Брайан отдал бы свою правую руку за прогулку вокруг здания или за то, чтобы обзор из его окна был получше.

Первое препятствие — забор, пропускавший электрический ток. Забор окажется на его пути, даже если он решит двинуться в сторону утесов. А если он каким-то образом все же преодолеет утесы, чтобы дойти до дороги, ведущей на запад, придется незаметно обходить всю территорию больницы.

Проще всего пройти через ворота. Этот вариант Брайан отмел. Так его и пристрелить будет проще.

Следующий вариант — подкоп. Но везде, где была открытая местность, стояли бараки. Спокойно копать там не получится. И насколько Брайан мог судить, остальные секции забора стояли на скалах.

Значит, надо перелезть через забор, не задев его.

В памяти не меркло воспоминание о том, как они шли по холоду в день рождения Гитлера от площади мимо высоких елок, клонившихся

к забору с восточной стороны. Небольшая прогулка — и он точно узнает, далеко ли придется прыгать.

Был же еще один способ это узнать. Если ему удастся зайти в палату Джеймса и посмотреть в окно, он за несколько секунд прикинет расстояние до елок.

Брайан решительно кивнул. Так он и поступит.

Джеймса в любом случае надо при первой же возможности посвятить в план.

Когда Гизелу застали врасплох, она, схватив сумочку, выбежала в коридор. За секунду до того, как поцеловать Брайана, она услышала скрип двери. Возмущенно поглядывая на улыбавшегося Крёнера, она прошла мимо. Он за ними подглядывал и их ласки видел. Брайан и Крёнер смирив друг друга ледяными взглядами. Когда после шелка и мягких форм он вдруг увидел перед собой резко контрастирующую с ними улыбку рябого, у него внутри поднялись и смешались ненависть и жар.

Когда Брайан угрожающе встал с постели, Крёнер засмеялся. Рябой отступил в коридор и улизнул, все еще смеясь и прикрывая лицо рукой. Брайан удивил часовых, когда пошел следом за ним. В тот момент, когда Крёнер ускользнул от своего упрямого преследователя, зайдя в туалет и заперев за собой дверь, их бдительность угасла. Брайан и сам не знал, чего он хотел. За дверью туалета все еще кудахтали Крёнер. А что он мог поделать? Ждать целую вечность и наброситься на него, когда выйдет?

Хотя желание так поступить лишь росло, смысла в этом было мало.

Забормотали часовые. Все отделение, как обычно, затихло. Рядом с дверью туалета, за которой постепенно угомонился Крёнер, хлопнула дверь в ванную. Она была приоткрыта — как и дверь в паре метров дальше по коридору. Брайан и не считал этот светло-зеленый лоскуток дверью — он скорее напоминал стену, после которой шла ведущая на черную лестницу стеклянная дверь.

Часовые даже не шевельнулись, когда Брайан туда вошел. И он сразу же понял почему.

Оказалось, это еще один туалет.

Вечером того же дня Крёнер опять заржал, когда вместе с медсестрами вез тележку с едой. Глядя на Брайана, он добродушно приподнял брови. Затем подошел поближе и с дьявольской серьезностью прошептал несколько слов. Их значения Брайан не понял. «Bald, Herr Leyen! Sehr bald... Sehr, sehr bald!»^[12]

Теперь одна из связанных с побегом проблем решена. В обнаруженном туалете имелось окно. Тонкие решетки, естественно, крепко привинчены, так что открыть окно не получится, но вот вид из него открывался многообещающий.

Сам туалет примыкает к черной лестнице. Оттуда открывается свободный обзор на фасад: ванная комната, туалет, смотровая, двухместная палата, таинственная одноместная — и так до самого угла здания, где располагалась палата Брайана. Прекрасный вид, каждые три или четыре метра — водосточная труба. Большими креплениями его особенно заинтересовала труба у палаты, куда заходил только главный врач. Не потому, что труба спускалась к маленькому отсеку в цоколе здания, скрывавшему мусорные баки и ненужный хлам, а потому, что на уровне последнего этажа она крепилась к эркеру в скате крыши.

Окно чердачной комнатки оказалось открыто — солнце освещало полки и разложенное на них белье.

Брайан полезет наверх, а не вниз.

На следующий день Гизела Деверс к ним не приехала.

Брайан мучительно и сладостно тосковал по ее присутствию.

Две кошмарные ночи и два наполненных глубоким одиночеством дня — и вдруг она снова появилась в отделении: на третье утро она читала, сидя возле своего мужа, как будто ничего не случилось. За несколько часов она не вымолвила ни слова и даже не подошла к нему. Уже собираясь уходить, она на секунду присела у постели Брайана. Без всякой страсти она похлопала его по руке и гордо кивнула. Несколькими предложениями она сумела объяснить: она слышала, что фюрер находится где-то поблизости. Говорила она тепло, упомянула наступление в Арденнах, в голосе звучал оптимизм, а называя Брайана по имени, она улыбалась.

Затем она ему подмигнула. Скоро к герою Арно фон дер Лейену приедут гости. Если не сам фюрер, то во всяком случае кто-то из его

приближенных.

В памяти у Брайана остался исполненный глубокого почтения взгляд Гизелы Деверс.

Глава 26

«А теперь спи, друг мой», — подумал Брайан. Как оказалось, весил герр Деверс немало, из кровати Брайан его вытащил с трудом. На его кровати одеяло было откинута в сторону — ждало товарища по палате. Затем он положил халат Деверса в пустую постель, аккуратно придавал ему очертания лежащего человеческого тела, укрыл одеялом, надел свой халат и вышел из палаты, предварительно убедившись, что по коридору никто не бродит.

Еще не было семи вечера. Разваренные овощи, поданные на ужин, он проглотил быстро. Большую часть дня работники просуетились из-за аварийных учений. Сначала Брайан всерьез решил, что сейчас всех будут эвакуировать. Отругав сам себя, он зачертыхался, что не успел сбежать.

Но санитары улыбались. И даже Воннегут, просунув голову в палату, ухмыльнулся. Лекарства раздали на несколько часов раньше обычного.

Пора.

Когда, выйдя в коридор, Брайан с потерянными видом почесал в затылке, стоявшие там часовые едва сдержали улыбки. Затем его взгляд вдруг прояснился, и он, равнодушно пожав плечами, двинулся в сторону семиместной палаты.

Останавливать его они не стали и, казалось, вместе с ним испытали облегчение.

Все симулянты, кроме Крёнера, уже растянулись на постелях — он насмешливо глянул на Брайана, едва тот вошел. Крёнер бесшумно приподнялся на локтях. Джеймс теперь лежал там же, где раньше Брайан, — между ним и красноглазым.

В постели у торцевой стены из-под одеяла выглядывало незнакомое лицо, пассивно наблюдая за перемещениями Крёнера. Широколицый заворчал, когда Крёнер его затряс, но проснулся одновременно с Джеймсом.

Во взгляде Джеймса чувствовалась скорее какая-то апатия, а не усталость.

Больше никаких сведений Брайану не требовалось.

Джеймс не сможет бежать с ним.

Пройдя мимо кроватей Крёнера и Джеймса, Брайан выглянул в окно. Елки, растущие на южной части утесов, стояли минимум в шести метрах от стены здания, а от этого окна и чуть дальше вдоль стены корпуса расстояние оказалось гораздо короче.

Темно-зеленые сочные ветви, гибкие и густые. Есть за что ухватиться — осталось только угол прыжка рассчитать.

Лежа в кровати этажом ниже, Брайан каждый день наблюдал, как у него перед глазами многообещающе пляшут огромные тени. Мелкие фрагменты тихой, нормальной жизни, глухо покачивающиеся за окном. Пленительные и недостижимые.

И теперь картинка наконец сложилась.

За спиной Брайана Ланкау и Крёнер встали между кроватями, перегородив ему путь. Крёнер спокойно выжидал, а Ланкау дрожал от нетерпения. Под кривой улыбкой шее рябого украшал платочек Джилл. Заметив, что Брайан его увидел, Крёнер погладил того тыльной стороной ладони и злобно ухмыльнулся. Теперь симулянты лишили Джеймса остатков уверенности. Брайан перевел взгляд вниз, на Джеймса; с соседней кровати их с невинным любопытством разглядывал красноглазый.

Брайан криво улыбнулся Джеймсу, но тот даже не моргнул.

Затем Брайан задрал рубашку и показал всем голую задницу. Крёнер с Ланкау заржали, пока Брайан не нагнулся и не напрягся, протяжно и дерзко пернув им прямо в лицо. На секунду замер гогот рябого — тот отступил на шаг, — но Ланкау смеялся заразительно, и, когда Брайан, глядя наивными глазами, обернулся через плечо, Крёнер снова заржал.

Брайан посмотрел на Джеймса. Даже не заметно, приоткрыл ли он хоть чуть-чуть глаза. Лицо бледное, истощенное. Он отвернулся. Секунду помедлив, Брайан сделал шаг вперед и подошел вплотную к Крёнеру — они даже лбами столкнулись — и рыгнул ему в рожу.

У рябого мгновенно сменился цвет лица. Ненадолго он растерялся, и глухой удар Брайана пришелся ему в висок — удивленно отступив на шаг, он попал прямоком в объятия Ланкау. В симулянтах мгновенно закипел безудержный гнев: оба бросились на Брайана, не обращая внимания на крики красноглазого.

Но Брайан добился чего хотел.

Едва Ланкау сдал его посильнее, Брайан дико заорал, как будто собирался поднять из могил покойных предков. Все, кто находился в палате, стали живыми свидетелями, как рухнули три тела, а напоминающие мрачные тени часовые примчались в палату и тут же бросились разнимать дерущихся. Распалились и рябой, и широколицый. Один часовой оттаскивал Брайана, в это время на него градом сыпались бессмысленные удары Ланкау.

И вдруг наступила тишина — плачущий Брайан уселся на пол, расставив ноги. Красноглазый потянул за шнур от звонка; услышав крики медсестер, бегущих по коридору, тощий упал на подушку, разочарованно и раздраженно вздохнув.

Бросив на Джеймса последний взгляд, Брайан, плача, попятился к двери. Но Джеймс уже повернулся на бок и закутался в одеяло.

Брайан несколькими шагами быстро пересек коридор. Прежде чем медсестры распахнули дверь от лестницы, он уже захлопнул за собой дверь и сразу же перестал плакать. Теперь он оказался в средней палате, где лежал загадочный и важный пациент.

Там было темно.

Брайан не шевелился, пока его глаза не привыкли к мраку. Крёнеру и Ланкау, наверное, уже дали успокоительное. Ближайшие пять-десять минут медперсонал точно проведет в палате Джеймса.

Он услышал, как за стенкой открылась дверь его собственной палаты. Ясно доносились голоса часовых — в них слышалось облегчение. Они решили, что Брайан уже улегся.

Значит, его сосед герр Деверс, лежащий без сознания в кровати Брайана, не повернулся. Дозу снотворного он принял достаточную.

В темноте на постели медленно нарисовались контуры тела — на него таращился человек.

Под его равнодушным взглядом Брайан занервничал. Отсутствие какой-либо реакции казалось непонятным — как и многое другое в отделении. Приложив палец к губам, Брайан присел на корточки у его постели. Тяжелое, горячее дыхание больного участилось, как будто он собирался закричать. Дышал он все глубже. Задрожала нижняя губа.

Затем Брайан убрал подушку из-под локтей мужчины и толкнул его обратно в постель. Казалось, тот даже не удивился, когда Брайан прижал подушку к его лицу.

Все равно что наблюдать со стороны, как их дуврский слуга мистер Джонс медленно выдавливает из голубя жизнь. Мужчина абсолютно не сопротивлялся, даже не дернулся. Вялое, беззащитное тело казалось покинутым, одиноким.

Чуть приподнявшиеся тонкие руки убили в Брайане желание довести дело до конца. Откинув подушку в сторону, он заглянул в испуганные глаза, только что видевшие, как мимо прошла смерть.

Брайан с облегчением потрепал его по щеке. На улыбку Брайана ответил кроткий взгляд.

На крючке висел только обычный халат. Надев его поверх собственного, Брайан крепко завязал пояс. Очень хотелось зажечь свет, чтобы внимательнее осмотреться и поискать что-нибудь полезное, но на это Брайан не решился.

Окно открывалось наружу и перегораживало путь к водосточной трубе. Когда Брайан снял оконную раму с петель и осторожно поставил за занавеской у раковины, пациент в постели еле слышно заворчал.

Переполох в отделении улегся. Стихли голоса медперсонала. Из коридора доносились приглушенные смешки часовых. Они свою задачу выполнили.

Как им казалось.

По расчетам Брайана, если с этого момента все пойдет обычным порядком, его побег не обнаружат еще как минимум семь-восемь часов.

И еще не додумав мысль до конца, он замер.

Повинуясь непонятному, почти незаметному предчувствию, уже собираясь занести ногу на подоконник, он выпустил занавеску. Наверное, ему просто послышалось, как в кармане брюк звякнули ключи.

Еще не успел кто-то снаружи взяться за дверную ручку, как Брайан бросился к двери и чуть было не потерял равновесие. Пульсирующую лодыжку жгло, глаза смотрели безумным взглядом. По его ногам скользнул узкий луч света.

Меньше чем в десяти сантиметрах от него в палату просунул голову часовая. Свет за спиной окутывал его зловещим сиянием. Малейший звук или движение — и Брайану конец. Лежавшая в постели фигура мягко улыбалась, все сильнее вдавливая затылок в

подушку. Колыхнулась занавеска. Брайан почувствовал, как предательски хлынул свежий воздух, и — к своему ужасу — увидел, как луч света выцепил оконную раму за занавеской. Поворчав, часовой посильнее приоткрыл дверь, его глаза привыкли к темноте, и он смог рассмотреть лежавшего — лишь тогда он остановился. У Брайана так разболелась лодыжка, что он чуть не упал на бок. Может, это было бы и к лучшему. Упасть. Мыслимо ли ему теперь выпутаться из этой истории? Отогнав от себя эту мысль, Брайан восстановил равновесие. В кровати Деверса найдут халат, в постели Арно фон дер Лейена — самого Деверса. И Брайана — в двух халатах.

Объяснить все это будет трудно.

Обергруппенфюрер резко сел. Казалось, он все прекрасно осознает. «Gute Nacht»^[13], — сказал он. Спокойно, мягко и четко — даже Брайан все понял. «Gute Nacht!» — повторил часовой и тихо, совершенно по-человечески, прикрыл за собой дверь.

Вечер выдался влажный, уже ощущалось колючее дыхание зимы. Внизу, на площади, не было ни души. Водосточная труба была крепкой, но оказалась более гладкой, чем Брайан сначала думал.

А еще болела лодыжка.

Поэтому подъем к эркеру был тяжелым и утомительным. Расстояние от водосточного желоба до окна — всего с ладонь, но окно оказалось закрыто. Брайан осторожно надавил. Запотевшее стекло замазка держала непрочной, но пружинило оно плохо, отнимая тем самым время. Сильный удар — осколки стекла вырвали из руки кусок плоти размером с монетку. Шпингалет находился слишком высоко. Крепко ухватившись за раму, Брайан потянул. Верхнее стекло вывалилось и упало на мусорный бак в десяти метрах под ним. У Брайана в ушах резко раздался звон разбитого стекла — словно небеса рухнули.

И тем не менее услышал его он один.

Несмотря на эту удачу, сильно он не продвинулся. По горькой иронии судьба вновь решила его подразнить. Хоть оконная рама ему уже не мешала, придется искать другой путь внутрь. Два дня назад он разглядывал окно снизу — теперь возле него поставили какую-то мебель.

Что-то очень большое.

Подумав о перспективе опять спуститься, он, отчаявшись, стал прикидывать, какие возможности и ловушки кроет в себе черепичная крыша. Блестяще-гладкая крыша отражала слабый свет, идущий из-за кухни от фонарей, напоминая киноплёнку с мерцающими миражами. На черной поверхности обнаружилось несколько чердачных окон в железных рамах.

На северо-северо-западе полыхнули вспышки и раздались приглушенные взрывы. В последнее время бои за Рейном становились все ожесточеннее. Судя по всему, под натиском союзников пал Страсбург.

Из эркера в паре метров слышались высокие голоса. Брайан решил, что тут совсем рядом живут медсестры. С чердака донеслись приглушенные звуки — вечерняя смена устраивается на ночлег. Обнаружить его могут очень быстро. Достаточно хоть одной обитательнице этих комнат проветрить помещение или посмотреть, откуда идут грохот и вспышки, — и Брайана заметят. Его увидят, мельком взглянув на крышу. Несмотря на холод, Брайан вспотел, и руки стали медленно соскальзывать с оконной рамы. Нужно прямо сейчас найти другой вход. Через несколько мгновений из-за угла выйдут ссутулившиеся патрульные.

Пока он так висит, заметить его нетрудно.

Стык за стыком, черепичку за черепичкой Брайан обшаривал крышу в поисках входа. Когда в темноте возникла железная рама — она пряталась за крышей эркера, — вспыхнула надежда. Он до нее дотянется, если упрется ногами во внутренний угол кровли.

Самым сложным оказалось первое движение. Ужасно холодная поверхность крыши была скользкой от сгнившей листвы, принесенной ветром со всей округи. Едва Брайан всего на шаг соскользнул назад, к пропасти, и торопливо вытянулся параллельно скату крыши, раздался лай, всегда предупреждавший о появлении патрульных и их собак.

Обычно они ходили по двое. Но, видимо, в этот раз встретились две пары, решив устроить собрание как раз под тем местом, где оказался Брайан.

Пожилые мужчины что-то бормотали, сдвинув головы и механически роясь в нагрудных карманах в поисках сигарет. Стояли они под фонарем — благодаря свету было видно, что им весело. С их плеч тяжело свисали винтовки, собаки усердно тянули за поводки.

Лишь когда Брайан снова едва не отцепился и впечатал ногу в эркер, животные заподозрили неладное.

Сорвавшись с водостока, склизкая листва приземлилась на мусорные баки. Тут же залаяли собаки. Мужчины удивленно оглядывались. Затем помотали головой, нехотя затушили сигареты о землю и разошлись.

Едва голоса стихли, Брайан подтянулся на крышу. Еще пара секунд — и ногу свело бы судорогой.

Ничего хорошего комната на чердаке предложить ему не могла. На пыльных досках обрели последний приют сваленные в кучу старые кровати и рыхлые матрасы. Деревянная стружка и комки пыли — рай для мышей: тут они могли спокойно плодиться. Если бы Брайану не пришлось оставить следы, указывающие, каким путем он ушел, он бы пробыл здесь несколько дней, пока не распогодится и ради побега не придется так рисковать.

По ходу дела стало понятно, что надо сразу же двигаться дальше. Но сначала нужно поискать какую-нибудь обувь, а здесь он ее не найдет.

Лестница, ведущая на нижний этаж, упиралась в дверь. Наверное, когда-то ее запирали, но теперь от ее прочности остались лишь влага и грязь. Под ним оказалась пустая комната. Здесь гул бомбардировок слышался иначе. Вибрировала наклонная крыша. В хаотичном приближении разрушений ощущалась серьезность и мрачность.

По обеим сторонам узкого коридора, проходящего сквозь все здание, были двери. Весь в холодном поту, Брайан стоял посередине в лучах неяркого света. Мужчина в халате — там, где живут женщины. Ни у кого и сомнений не возникнет, что пациент просто забрел не туда.

В комнату на чердаке, куда он не сумел попасть с крыши, наверняка вела одна из трех дверей перед ним. По доносившимся из-за правой двери звукам, а также расстоянию до остальных двух дверей он понял, где, судя по всему, находятся ванная и туалеты. Дверь посередине, видимо, ведет в помещение над смотровой, а дверь слева — в комнату на чердаке.

За дверью туалета кто-то спустил воду и высморкался. Брайан исчез в чердачной комнате в тот момент, когда женщина открыла дверь. Двигалась она мелкими усталыми шагами. Проходя мимо

следующей двери, она постучала и что-то крикнула. Через секунду в коридоре началась суматоха: послышались шаги и разговоры.

В щели над огромным шкафом на фоне ночного неба пульсировали вспышки света. Со двора донеслось эхо от завоющих машин.

Обычно в такое время суток было гораздо спокойнее.

Брайан осмотрелся. Каждая вспышка освещала стопки аккуратно сложенного белья. Но никакой обуви. Одно белье. Пригодилась бы какая-нибудь майка или что-то из исподнего.

Но взять было нечего.

По мере того как стихал шум в коридоре, усиливалось жужжание и бормотание в комнатах. Исчезли бесформенные тени, мелькавшие в замочной скважине. Возможности у Брайана были очень сильно ограничены. Подняться по лестнице и попытаться добраться до елок с крыши — в имеющемся обмундировании. Полет предстоял долгий. Или попытаться незаметно проникнуть в комнату с другой стороны коридора. Может, там отыщется одежда, и добраться до деревьев можно будет с меньшим риском. От обоих вариантов Брайана бросало в дрожь. «Сейчас ты бы знал, что нам делать, Джеймс!» — думал он.

Скрутило живот.

От оглушительного грома раздавшихся одновременно взрывов завибрировали оконные стекла и стихли голоса в комнатах. Тут же распахнулось несколько дверей на противоположной стороне, и девушки побежали в комнаты с окнами на запад, где открывался хороший обзор. Не раздумывая и не колеблясь, Брайан открыл дверь и рванул по коридору. Вдалеке суетились несколько молоденьких медсестер. До здания снова докатился грохот. Никто и не заметил, как Брайан проник в ближайшую каморку.

Маленькая и темная комната, из постели кто-то совсем недавно встал. Окно занавешивала затемняющая иссиня-черная штора с редким узором. В шкафу у двери Брайан нашел кое-что из того, что искал. Выцветшая майка, длинные шерстяные чулки и кое-какое нижнее белье. Не раздумывая, он открыл окно и бросил все вещи на ближайшую елку, время от времени освещаемую фейерверком, как на Новый год. Чулки попали на ветки и исчезли по другую сторону забора.

До того как Брайан спрыгнул, он вдруг задумался, обнаружит ли обитательница комнаты открытое окно за задернутыми шторами.

От удара, когда Брайан схватился за влажные, безжалостно хлеставшие его ветви, вскрылась рана на ладони. Прыжок вышел кошмарный. Вдруг он пролетел еще пару метров, лицо беззвучно царапали иголки. Затем он на мгновение повис в гуще колючих ветвей — и рывками заскользил дальше, пока наконец не высвободился окончательно.

Ударившись затылком, он тем не менее приподнялся и огляделся. Всего метр в сторону, и он задел бы острый утес. Рядом валялись нижнее белье и одежда. Впереди отсвечивал серый забор. Лишь полосы неяркого света говорили о том, что в расположенном за ним здании есть кто-то живой.

Вокруг ни души — лишь в окне третьего этажа Брайан, как ему показалось, разглядел нечеткий, но знакомый силуэт.

Глава 27

У Брайана не сразу нашлись силы на то, чтобы натянуть украденную одежду. Чулки он потерял. От холода ступни горели огнем. Он согреется, как только под ногами будут не скалы. Хоть поврежденная лодыжка и распухла, боли он не чувствовал. Холод оказал ему услугу.

Вокруг было беспокойно.

От деревень по узкой дороге, ведущей на запад, курсировали грузовики — Брайану пришлось бежать по обочине.

Поначалу он двигался вдоль ручья, темного и холодного — как в аду, только наоборот. Лишь здесь Брайану верилось: собаки его не выследят.

Такая уверенность стоила мучений.

В воздухе звенели доносящиеся со всех сторон нескончаемые голоса солдат. На северо-северо-западе низко гудели зенитки. Той ночью воздух жил своей жизнью.

Показались крыши, предупреждая о близости деревни, и Брайан вернулся к склонам. В такую ночь спать никто не станет. Любой грохот — признак того, что сыновья, мужья и отцы домой не вернутся.

В такую ночь молиться научишься.

С другой стороны деревни расположился город, а за ним до самого Рейна тянулись виноградники. Идиллический пейзаж портила лишь его важнейшая артерия — широкая бетонная дорога, рассекающая долину.

Эту местность ему и предстоит преодолеть.

Вдоль ведущего из города шоссе были разбросаны здания. Непокойные животные, стоящие в стойлах, сохнувшее на веревках белье, лопаты — их вот-вот снова воткнут в картофельные грядки. Все это говорило о том, что жизнь неумоимо движется вперед, к новому дню, за которым настанет еще один. Затем показались новые здания, брошенные домики, разрушенные сараи, канавы.

За спиной Брайана от Шварцвальда эхом отдавался грохот зенитных орудий. Так близко к бою на местности Брайан еще не был. Орудийные позиции, обустроенные на этом берегу Рейна, безуспешно

пытались отплатить противнику тем же. Окрестности казались подрагивающей бездной смерти и катастрофы, хоть Брайан не заметил ни единой гранаты.

А ведь он дошел только до форпоста этого ада.

Воплощая собой контраст с разумом и человечностью, противоположный берег реки казался нереальным.

И вот наконец дорога.

Задача перейти через нее незамеченным казалась Брайану почти невыполнимой.

От влажной дороги, расстилавшейся перед ним, отражался свет узких автомобильных фар. На длинной прямой бетонной полосе его будет слишком хорошо видно. Перевешивал риск, что его заметят, хоть фонари и не горели.

В район боевых действий и обратно курсировали один грузовик за другим, перевозя войска и оснащение. В нескольких сотнях метров от него одетые в длинные шинели связные на мотоциклах пытались притормозить движение потока. За ними над правой полосой склонился огромный ободранный знак. В свое время он оповещал о подъездной дороге, ведущей с гор, в паре километров отсюда.

Брайан подошел поближе к знаку: время от времени впереди мелькали лучи неяркого света, пересекая главную трассу снизу в той точке, где стояли связные. Если под трассой могли проехать машины, то и он там пройдет.

Дорогу скрывала темнота. Лишь временами ее освещали перегруженные фургоны и частные автомобили, увозящие гражданское население из деревень у самого Рейна. Издалека донеслись приглушенные голоса — почуяв неладное, Брайан попятился к шоссе. Вдоль дороги, пересекающей главную трассу, перед своими домами стояли одетые лишь в самое необходимое люди: поеживаясь и скрестив руки на груди, они наблюдали за происходящим.

Раздался ряд взрывов — от ярких вспышек небо посветлело, как перед рассветом, — и сбитый с толку водитель грузовика проигнорировал указание мотоциклистов снизить скорость. Завизжали тормоза: в последнюю секунду он заметил согнутый знак, а мотоциклисты с громкими криками бросились на обочину — Брайан даже услышал в их голосах панику. Когда водитель был над виадуком,

заклинило тормоза, и грузовик двинулся наискосок. Под инерцией тяжелого груза машина, несмотря на маневр, заскользила и врезалась в знак, потом в ограждение — и остановилась. Едущие сзади машины оказались так близко к месту аварии, что дать задний ход оказалось уже невозможно. Возник затор: транспортный поток на мгновение остановился, а вместе с ним замерло и точечное освещение дороги.

Брайан перевел взгляд на юг. Через несколько секунд временный простой в движении окончится и дорога будет забита. Придется ему сидеть на месте. С севера дорога была свободна. За этот короткий перерыв он, благодаря удаче, быстро перебрался на другую сторону.

На секунду он обернулся — убедиться в том, что его бегство не заметили ни мотоциклисты, ни жители деревни. Тут ему показалось, что дорогу перешли еще какие-то тени.

Виноград уже давно собрали. Взрыхленная почва между лозами была покрыта многочисленными обрезками ветвей, предательски торчавшими отовсюду, из-за чего при каждом шаге приходилось удерживать равновесие, чтобы не разодрать ноги до крови. Ради пары ботинок Брайан был готов на все.

Пронизывающий холод. Пальцы ног жаловаться перестали. Как и лодыжку, их просто-напросто поглотила общая боль.

Когда по непонятной причине на севере стих грохот бомбардировки, с противоположного берега реки послышались щелчки мелкокалиберного оружия. Огонь на секунду прекратился, и в кустах у себя за спиной Брайан слышал шелест. Резко выпрямившись, он стал изо всех сил вглядываться в полуголые, поникшие лозы. Меньше чем в десяти рядах он вновь увидел шевелящиеся серые тени.

Он пошел быстрее.

Вдалеке, там, где виноградник заканчивался, у границы высились тени деревьев, высаженных для защиты от ветра, — качающихся, с виду непроходимых и бесконечно густых. По ландшафту Брайан вскоре понял, что река уже близко. Все четче становились хлюпающие звуки. Из-за скользкой почвы под ногами ему пришлось выставить руки в стороны, чтобы удерживать равновесие. Брайан приостановился, когда перед ним взмахнула крыльями испуганная птица. Словно запоздавшее эхо его собственных нетвердых шагов, за спиной раздался тихий, дрожащий звук. Развернувшись, он присел.

Он здесь не один.

Уперев руки в боки, меньше чем в десяти шагах стоял его преследователь. Лица его Брайан не разглядел, а силуэт узнал. По спине пробежал холодок.

Ланкау.

Он и не собирался его отпускать.

Широколицый молчал, но нападать не стал, хоть до Брайана было всего несколько шагов. От него веяло уважением, но не только. Он просто выжидал.

Брайан наострил уши. За его спиной зашуршали кусты.

Ничего подобного он раньше не видел. Местность, тянувшаяся до самого Рейна, одновременно напоминала болото и джунгли. Вода и лес создали произведение ботанического искусства. Идеальное место для исчезновения — и идеальная ночь. Очевидно, эти обстоятельства его преследователь учел.

Они долго друг друга разглядывали. Если учесть всю серьезность ситуации, даже чересчур долго, а потом Брайан осознал: у Ланкау в распоряжении времени сколько угодно. Брайан вновь посмотрел через плечо. Опять зашуршал кустарник. И тут он все понял. Где-то там прятался кто-то еще, готовясь наброситься на него. Вместо того чтобы искать укрытия в темных зарослях на пересеченной местности, Брайан рванул вдоль границы виноградника на юг. Сбитому с толку Ланкау пришлось перескочить несколько рядов виноградных лоз — и вот он оказался там, где только что стоял Брайан.

Неожиданно Брайану удалось выиграть солидное преимущество. Заметив просвет, Брайан вошел в странные заросли. Сделав несколько шагов, он провалился в воду по пояс. Дно оказалось твердым, но скользким. Вопрос в том, удастся ли им отрезать ему путь с другой стороны, но что еще важнее — надежно ли дно. От мысли о мучительной смерти в трясине он стал терять время и ощупывать поверхность дна кончиками пальцев перед каждым шагом.

Сзади слышались возбужденные голоса. Значит, все верно: Ланкау не один. Они его потеряли, и Брайан попытался бесшумно пройти подальше. Долго он в холодной воде не продержится, тело откажется ему повиноваться.

В зарослях у него за спиной один из преследователей издал глухой, пронзительный вопль. Значит, теперь они тоже в ледяной воде.

Грохот пулеметов, раньше доносившийся спереди, в зарослях раздавался уже не так четко. У немцев была легкая мобильная защита, и в данный момент атака на защитную насыпь у Рейна не велась.

Хорошо бы оказаться тут летом. Птицы и цветы, все вокруг пестрит. Сейчас здесь катастрофа.

Брайан побрел по илистой отмели, где зацепившиеся ветки пустили новые побеги.

Время поджимало. С момента его побега прошло, должно быть, часов шесть-семь. Наверное, уже три или четыре часа утра.

Брайан молился о том, чтобы еще не было пяти. Иначе рассвет уже через два часа.

Совсем рядом с ним проехала машина — будто пронеслась по воздуху. К защитной насыпи он подошел совсем близко.

Звуки изменились, став намного отчетливее. До насыпи максимум двести-триста метров. Брайан нервничал по поводу того, как перебираться через укрепления дальше к реке, и ужасался: на противоположном берегу — кипящий котел вытесняемых войск. Собравшись с силами, он аккуратно проскользнул в последний участок болота.

Как при взрыве, воздух вдруг потемнел от машущих крыльев и громких птичьих криков. Его мгновенно настигла вонь. Едкая гниль. Один из многих сотен бакланов не мог взлететь и стал его клевать. Он спокойно стоял в воде в бледном лунном свете и наблюдал, как стая собирается высоко над деревьями, медленно распадается, а птицы по очереди садятся. Клювы всех птиц были направлены вверх, как будто они ждали оттуда нападения врагов. Кроны деревьев стали их крепостью, а экзотичные лианоподобные наросты, свисающие с ветвей, — их щитом. Как в девственном лесу.

Вероятно, жуткий шум в округе слышали все, и тем не менее ничего необычного Брайан не заметил. Прежде чем идти дальше, он долго стоял и прислушивался. Едва он сделал шаг к камышам, на него, словно из ниоткуда, набросился Дитер Шмидт. Брайан вскрикнул. Тощий тут же схватил Брайана за горло, безуспешно пытаясь пнуть его в пах под водой. Его тело двигалось механически и бесшумно. Когда они потеряли равновесие, птицы вновь поднялись в воздух. Перекатившись на бок, Брайан наткнулся ухом на грязную сломанную ветку. От боли он заорал и изо всех сил оттолкнулся от дна — на

поверхность тут же вынырнули оба. Вzbесившись оттого, что разжал хватку, тощий замолотил обеими руками по воде, как злобный и недовольный мальчишка, подходя все ближе. Брайан нервно оглянулся. Ланкау нигде видно не было.

Когда тощий вновь рванулся вперед, Брайан схватил плывущую ветку и рубанул его по лицу. Тот даже не вскрикнул. Ветка криво торчала у него изо рта и проткнула левую щеку, но это несколько не утихомирило бешеный приступ ярости Шмидта. Брайан отпрыгнул в сторону, где почва была потверже. Быстро сделав еще два шага, он оценил ситуацию. Тощий, оскалясь, стоял по колено в воде. Так он выжидал и собирался с силами. При каждом вдохе в трясущейся щеке шевелился обломок ветки. Несмотря на всю серьезность ситуации, выглядел он забавно. Как и Брайан, он был одет в мокрый серый халат. Ноги — голые и тонкие, иссиня-черные, как и вода. Они с широколицым удирали быстро. Трудно было не восхититься их решительностью.

И теперь Брайану предстоит сломить волю, благодаря которой те двое сюда и добрались, причем вела их одна-единственная цель — убить его.

Неподалеку раздался крик Ланкау. Брайан зажмурился и оскалился, как загнанный зверь, — тощий тут же бросился вперед, широко расставив руки. Брайан уже не боялся. На какое-то мгновение тощий пошатнулся, резко рванув в мутной воде, и наклонился вперед, пытаясь вернуть равновесие. В этот момент Брайан пнул его в гортань.

Упавшее навзничь тело почти не булькало. И когда Брайан изо всех сил удерживал его под водой — тоже.

Когда жизнь уже почти покинула тощее тело, из зарослей выскочил Ланкау, высоко вскидывая колени и неуклюже шлепая по илу. Вновь защелкали пулеметы. На этот раз они оказались довольно близко друг к другу. Ланкау и Брайан — оба молчаливые и решительные — стояли лицом к лицу, вода закрывала им икры.

Ланкау не издал ни звука. В выставленной левой руке был длинный нож с неровным матовым лезвием. Подобный нож Брайан держал в руке бесчисленное количество раз. Обыкновенный нож из больничных столовых приборов. Непонятно, как широколицый умудрился его стащить. А вот как он его наточил — это уже и вовсе тайна.

Нож был острым как бритва.

Ланкау долго и оценивающе рассматривал Брайана, а потом тихо заговорил. Очевидно, он очень уважал стоящего напротив человека. Но почтение не помешает Ланкау исполнить свои намерения.

Неизбежен неравный бой.

Если бы они ничего не предприняли, то окоченели бы. Никто не хотел ни отдавать инициативу, ни брать ее на себя. Брайан собрался благодаря почти неслышному звуку, раздавшемуся в лесу. Тощий слегка повернулся и перекатился в воде на бок, из его рта вырвался последний выдох. Бесшумные пузыри напомнили Брайану, что вода — его союзник. На его стороне были вода, темнота и разница в возрасте.

У широколицего — все остальные преимущества.

Над головой Брайана покачивалась паутина причудливых лиан. Длинные, тонкие корни в спутанных ветвях. Линии жизни, ищущие внизу подпитку и опору. Прямо перед ним они сплелись в пористый гордиев узел. Мягкая подстилка притормозила прыжок Брайана — она же помешала Ланкау рвануть вперед.

Перехватившись руками всего три раза, Брайан оказался верхом на противнике, готовясь броситься на него. Когда Брайан всем весом навалился на крупную, откинутую назад голову, послышался хруст. Тело Ланкау осело, как тряпка. Сопротивления Брайан не почувствовал. Безвольная, мягкая плоть, повалившись на бок, осталась под водой.

Борьба окончилась, еще не успев начаться. Брайан отступил на пару шагов и рухнул на склон, наблюдая за тем, как утихают водовороты над телом Ланкау. Постепенно проступали отдельные черты окружавшей его местности. Рассветет в течение часа. На пару секунд Брайан отключился. Когда он стал удивляться тому, что от тела Ланкау перестали подниматься пузыри, было уже поздно.

Прежде чем появиться на поверхности, широколицый распахнул глаза. Все ресницы в грязи — за этой маской прятался безумный взгляд. В руке он по-прежнему сжимал нож, и сжимал крепко. Брайан вскочил раньше, чем Ланкау довел до конца свой дьявольский маневр.

Измученный Брайан рефлекторно выбросил вперед левую руку, приняв удар Ланкау — глубокий и болезненный. Нож вошел над локтем по самую рукоятку. Брайан резко выдернул руку, и Ланкау споткнулся. Широколицего подвел его же собственный немалый вес.

Пальцами Брайан ткнул его в глаза, и Ланкау взвыл от боли. Широколицый рухнул на землю, прижимая руки к лицу. Совершенно беззащитный, он лежал в грязи, молотил ногами и вопил, наполовину погрузившись в грязную воду. Довольно близко застрекотала пулеметная очередь. Не оборачиваясь, Брайан полез вверх по склону, предоставив противника его собственной судьбе.

Лишь пройдя последний ряд деревьев, высаженных для защиты от ветра, Брайан обессиленно упал на колени. Когда он аккуратно вытащил нож, кровь из раны, вопреки его опасениям, хлынула не так сильно. Ему повезло: разрез оказался чистым.

Чтобы сделать хоть какую-то повязку, Брайан оторвал лоскуток от надетого сверху халата — ничего получше у него не нашлось. Было ужасно холодно — настолько, что ему не внушала страха даже опасная река. И тем не менее с насыпи открывалось зрелище одновременно ужасающее и загадочное.

Внизу, по берегу, проехал бронетранспортер. Были открыты стоящие вдоль колеи шлагбаумы, давая дорогу колоннам, двигавшимся на север.

Брайан вытянулся на земле. Надо уходить. Укрытия на насыпи не было. В темноте он разглядел противоположный берег, несколько сотен метров тянувшийся на север, а затем растворявшийся в еще более широком водяном потоке. Значит, он вышел на вытянутую, заросшую отмель, разделяющую Рейн пополам.

Брайану повезло: реку он сможет переплыть в два этапа. Можно будет отдышаться на песчаной отмели. Еще до того, как автомобильные фары осветили кучи торфа в нескольких метрах от него, он скатился к воде — она и вернет его к жизни.

Брайан ошибался. От холода можно было окоченеть насмерть. Было так холодно, что даже халат, несмотря на то что сковывал движения и немало весил, дал какое-то преимущество. Переохлаждение стало почти критичным, Брайан узнавал эти сигналы. Он сам видел переохладившихся парашютистов — они падали на землю, даже не пытаясь уклониться от удара. Когда подкрадывается такой холод, воля и желание жить не могут ему сопротивляться.

Отказывает организм.

А еще течение. Хоть это было невозможно, казалось, что начал таять снег и сюда хлынули нескончаемые потоки воды. Брайан сдался течению. Больше ничего сделать он не мог и увидел, как отмель, проскользнув мимо, пропала из виду.

В этой точке Рейн был широким. Находясь в воде, Брайан не мог оценить, насколько широким, но, во всяком случае, в полутьме с берегов никто не разглядит его то замирающее, то плывущее тело. Если только его не выцепит один из лучей света, порхающих по поверхности.

Как из ниоткуда, на середине реки появились трупы. Их раздуло, — должно быть, в воде они пролежали долго. Лицо какого-то солдата разорвало, несмотря на холод, а второе тело опустилось поглубже — его плохо было видно.

На западном берегу почти непрерывно шел бой. Схватившись за труп, Брайан попытался найти на берегу хоть какой-нибудь признак жизни. Температура его тела сильно упала — до берега надо добраться за несколько минут, чего бы это ни стоило. В нескольких сотнях метров от него возвышался первый мост. Судя по неярким огонькам, чуть дальше на севере был еще один. Между ними инженерные войска могли навести понтонные мосты. В такую ночь очень пригодятся дополнительные переправы через реку.

Почти без остановки сверкали вспышки минометных обстрелов. Дрожал воздух. Порой Брайан слышал крики.

Когда Брайан выпустил мертвого солдата, тот перевернулся на спину и тихонько закачался. Он сам только сейчас понял, почему тот не поплыл дальше по течению. В темной воде показались черные узкие вертикальные прутья, образуя узор. Труп застрял в решетке. Наверное, это вышло случайно, но именно здесь казалось, что преграда разделяет реку пополам на всей длине. Когда стало рассветать, возле застрявших ветвей и мусора появилась рябь.

Его могут увидеть с берега, пока он будет перелезать через решетку. На восточном берегу спокойно, а вот на западном вполне мог скрываться его убийца. Положиться Брайан мог только на зрение; сквозь грохот орудий нельзя расслышать ни один звук, издаваемый человеком.

Крепко ухватившись за подточенные водой штыри, Брайан плюхнулся спиной вперед в направлении спасительного берега.

Тяжело дыша и цепляясь за решетку, он осматривал местность.

Здесь он попытается вылезти на сушу. На ветру качались ветви деревьев. Со стороны растительность казалась густой — в ней можно найти укрытие. Там он согреется, прежде чем идти дальше.

Опасность почуял бы только зверь. Брайан оказался совсем не готов к тому, что кто-то вдруг крепко схватит его руку, — так же внезапно старики падают замертво от инфаркта.

Ощущение, что кто-то восстал из мертвых, чтобы его поймать, — ничто по сравнению с тем, что почувствовал Брайан, когда увидел наполовину обезображенное звериное лицо широколицего. Брайан смог лишь сдавленно вскрикнуть. Ему сдавили горло и потянули вниз, над головой сомкнулась водная гладь. Здесь и завершится его жизнь. Так захотел его противник. Обессилевший Брайан упрямо искал опору для ног на перекладинах решетки — и оттолкнулся от нее. Широколицый и не думал его отпускать и заорал от боли, когда его подмышка застряла в разделявшей их решетке. Это и спасло Брайана.

С берега слышались выстрелы — широколицый заревел еще громче. Затем замолчал, слегка осел и наконец разжал руки. Брайан поплыл к берегу, а за ним, цепляясь за штыри, наблюдал широколицый — с виду совершенно обыкновенный, уязвимый человек. Простой смертный. Очередь выстрелов смолкла так же быстро, как и началась.

На берегу немецким солдатам было чем заняться.

Неподалеку от берега Брайан решил сдаться. Сил больше не осталось. Течение на мелководье его уже не держало. Хоть спасительный берег был уже близко, Брайан опустил ноги. Из-за водоворотов он начал барахтаться в воде. А потом стал тонуть.

Позже Брайан вспоминал, что тогда он засмеялся. Когда его уже чуть было не поглотила вода, ноги достали до дна.

На последние неуклюжие шаги до берега пришлось прохладные объятия рассвета. С юга неожиданно донеслись щелчки выстрелов. Кое-где заросли были очень густыми, но, судя по картине на берегу, ночные бои не обошлись без жертв. При виде военной формы Брайана начало трясти.

Берег оказался ровным. Американского солдата застигли врасплох там, где предательски закончились заросли. У него до сих пор был

удивленный вид. Брайан лег поближе к трупам и потер замерзшие пальцы, пытаясь их согреть.

Униформа солдата согреет его.

Брайан огляделся. Речная отмель оказалась далеко позади. Ее мыс украшали баржи. Чуть выше по течению у западного берега была пришвартована еще одна, груженная навозом. До Брайана добиралась вонь, напоминая о давних временах. Грохот на севере вернул его к реальности и вытеснил из головы тихие мгновения, о которых могла бы поведать баржа.

Лицо широколицего осталось лишь пятном на поверхности.

Глава 28

— Не могли бы вы еще раз рассказать мне про обергруппенфюрера? Он был под охраной? Его держали взаперти, он был сумасшедшим? Вам что-нибудь точно известно?

Кончики пальцев у офицера разведки — его звали Уилкенс — были совсем желтые. Он снова затянулся. Наверное, товарищи его предупредили: Брайан Андервуд Скотт Янг не особо разговорчив.

Когда дым добрался до его ноздрей, Брайан наморщил нос.

— Я не знаю, сэр! Думаю, он был сумасшедшим. Но я не знаю. Я не врач.

— Вы провели в больнице больше десяти месяцев. Наверняка у вас сложилось свое мнение, кто болен, а кто здоров.

— Вы полагаете? — Брайан опять закрыл глаза.

Он устал. Капитан Уилкенс снова и снова задавал ему одни и те же вопросы. Ему требовались простые объяснения. Он вновь сделал глубокую затяжку и надолго задержал дым в легких, поглядывая на опустившего голову Брайана. Подняв руку с зажатой между пальцами сигаретой, он резко махнул в сторону Брайана, как бы призывая того заговорить. На край кровати Брайана посыпался пепел.

— Я уже несколько раз говорил, что генерал был сумасшедшим! По крайней мере, я так думаю. — Посмотрев в пол, Брайан спокойно договорил: — Я был в этом уверен.

— Как у нас тут дела? — в палату вошел заведующий отделением, однако никто из них этого не заметил. — Мы делаем успехи, мистер Янг.

Брайан пожал плечами. Уилкенс откинулся на спинку стула. Он умело скрыл раздражение из-за того, что их прервали.

— Говорить мне неприятно. У меня с языком все еще что-то не то.

— Ничего удивительного. — Заведующий отделением улыбнулся и кивнул капитану — тот уже собирал свои записи.

Брайан вновь опустил голову на подушку. Родным языком он пресытился с тех пор, как почти три недели назад его подобрала американские пехотинцы. Допрашивали его целую вечность. Проведя

столько месяцев в языковой изоляции, он стал очень чувствителен к вопросам. Казалось, в ответах нет никакого смысла.

Хоть врачи и внушали ему, что непоправимого вреда пребывание в лечебнице для душевнобольных ему не нанесло, он знал, что это не может быть правдой. Наверное, затянутся раны на теле, наверное, закончатся непонятные перепады настроения, а ткань мозга восстановится после сеансов электрошоковой терапии, наверное, наконец ослабит кошмарную хватку нескончаемый страх лишиться жизни. Но реальная рана — чувство, что он совершил предательство, — с каждым днем становилась все глубже. Они не могли, да и не пытались ее залечить.

Ночи были долгими.

Еще когда он лежал в американском госпитале в Страсбурге, появились сведения, что от центра Фрайбурга остались одни руины. С гордым уточнением: «Меньше чем за двадцать минут». С того момента ни днем ни ночью Джеймс не покидал мыслей Брайана.

С тех пор как их сбили, они с Джеймсом считались пропавшими без вести. Все эти месяцы их семьи были безутешны. Тяжелее всего будет смотреть в глаза мистеру и миссис Тисдейл. Они своего сына больше никогда не увидят. В этом Брайан был уверен. Во всем остальном уверенности не было.

— Вот увидите, в дальнейшем с языком у вас сложностей не будет. Это вопрос практики. А если бы во время этих бесед вы говорили побольше, дело пошло бы чуть быстрее. Мистер Янг, вам надо заставить себя говорить — иначе ничего не выйдет.

Небольшой снегопад сменился дождем; в запотевшее окно врачу ничего не было видно. Стоя спиной к Брайану, он протирает стекла и говорил:

— Вас представили к медали за храбрость. Насколько я понимаю, вы хотите от нее отказаться. Верно?

— Да.

— Вас еще преследует то, что случилось с вашим товарищем?

— Да.

— А разве вы не понимаете, что вам придется сотрудничать с офицерами разведки, если вы надеетесь снова увидеть друга?

У Брайана поползли вниз уголки рта.

— Что ж. Я решил пока оставить вас в больнице. Физические повреждения заживут за пару недель. Я абсолютно уверен, что сухожилия в руке не так уж сильно пострадали. В целом ваши раны прекрасно затягиваются.

Заведующий отделением чуть искусственно улыбнулся, из-за чего сомкнулись кустистые брови.

— И душе нужен шанс сделать то же самое, верно?

— Так выпишите меня домой.

— Но в таком случае, мистер Янг, мы не получим ответы на наши вопросы. Кроме того, еще ведь рановато.

— Может быть.

Брайан перевел взгляд на окно. Снова запотели стекла.

— Но мне больше нечего сказать. Я сообщил все, что знаю.

От стоявшей напротив кровати повернулась высокая молодая девушка — там лежал ее тяжело раненный брат. Простая валлийская девушка, густые волосы собраны в пучок на затылке. Она внушала ему доверие и спокойствие. Улыбнулась она с надеждой.

Через несколько дней после Нового года стали говорить, что скоро Брайана отправят домой. Рождество он провел в одиночестве. Желание выздоравливать в окружении близких становилось навязчивым.

Скучать он будет только по девушке из Уэльса.

Через две недели после Нового года прекратились допросы. Брайан стал ходить. Ему больше нечего было рассказать.

В последний раз офицер разведки Уилкенс пришел к нему во вторник. Накануне вечером Брайану сообщили, что завтра, 16 января 1945 года, в двенадцать часов, его выпишут. Предполагалось, что он явится на базу в Грейвли 2 февраля, в два часа дня. Остальные распоряжения пришлют ему домой в Кентербери из Касл-Хилл-Хауса.

Во время допроса Брайан отвечал автоматически. Он противился самой мысли о том, чтобы вновь подняться в воздух. Сомневался, что сможет.

— Мы хотели бы еще раз уточнить расположение больницы, мистер Янг.

— Зачем? Я уже как минимум десять раз рассказывал.

Брайан оглянулся. Офицер принял к сигарете, докуренной до самых ногтей, — Брайана замутило, и он, отвернувшись, вышел в

коридор. Там было людно. Трудно сказать, где пациентов было больше — в палатах или в коридорах. С этого этажа прямая широкая лестница шла на следующий этаж, где стоял еще ряд кроватей — так плотно, что одну от другой не отделить.

— Зачем нам это знать, мистер Янг? — Уилкенс шагал следом, без всякого интереса проследив за его взглядом. — Потому что хотим убедиться: это осиное гнездо мы разорили!

— Что вы имеете в виду? — Брайан повернулся к нему, наткнувшись на холодный взгляд.

— Что вчера Фрайбург-им-Брайсгау бомбило сто семь «летающих крепостей». Они сбросили двести шестьдесят девять тонн бомб — мне эти цифры ничего не говорят, но это много. В этой связи могу также сообщить вам, мистер Янг, что парочку тонн приготовили для госпиталя, где вы лежали. Поэтому не думаю, что надо опасаться, что из этой психушки на фронт еще какие-нибудь свиньи вылезут. Верно?

Нарочно это получилось или нет, позже Брайан и сам объяснить не мог. Валлийская девушка лишь смогла рассказать, что в тот момент Брайан упал с лестницы. Врачи говорили, он на каждой ступеньке ломал по кости.

В его досье происшествие отразили как несчастный случай.

Часть II

Пролог

1972 год

Больше получаса на запад тянулся транспортный поток. В подсобке громко играло радио. Ему нестройно подпевала домработница. За час в комнате стало жарко. В то лето солнце не знало пощады.

Она снова посмотрела в зеркало.

Утро выдалось неровное. Уже долгое время ее муж смотрел на нее с тоской, которую некоторые психологи сочли бы началом кризиса среднего возраста, но ей-то лучше знать. Зеркало не врет. Она постарела.

Кончиком пальца она аккуратно оттянула уголок рта. Кожа гладкая, но недостаточно. Вновь смочив губы, она склонила голову набок.

Просто время шло.

Этим утром она встала одна. Тело в постели у нее за спиной долго лежало, разглядывая углы комнаты. Ей были знакомы эти периоды бессонных ночей и повторяющихся кошмаров.

Эта ночь тоже оказалась долгой.

Спустился он только после завтрака. Недолго постоял, как будто задумался. Спокойный взгляд не прояснился — он не совсем проснулся. Появилась извиняющаяся улыбка.

— Мне пора, — сказал он.

На какое-то время гостиная показалась ей огромной.

Зазвонил телефон — она нехотя взяла трубку.

— Лорин слушает! — произнесла она и ощупала затылок, как будто оказалась лицом к лицу с женой своего брата.

Волосы были убраны в тугую прическу.

Глава 29

— Нет, не могу сказать, когда мистер Скотт будет. Да, все верно, обычно он приходит до десяти.

Положив телефонную трубку, секретарша с извиняющимся видом улыбнулась двум мужчинам: они с 9:29 сидели и терпеливо смотрели в одну точку. И тоже стали поглядывать на часы. «Ролекс», отметила секретарша, переводя взгляд на широкие брючины того, что был помоложе. «Щеголь!» — подумала она.

Наконец на переговорном устройстве перед ней спасительно замигала крохотная красная лампочка.

— Мистер Скотт готов вас принять.

Ее начальник припарковался в гараже на Кеннингтон-роуд и решил подняться по черной лестнице. Наверное, на Брук-драйв опять пробка.

Своим посетителям мистер Скотт оказал крайне формальный прием. Он их не знал и к себе не приглашал. Неделя, как обычно, выдалась беспокойная. Разумеется, количество работы говорило об успехах его фирмы, но все это становилось невыносимым. Спал он на этой неделе мало.

— Господа, прошу меня простить, но на М2 сегодня какой-то кошмар.

— Вы с востока приехали. — Тот, что постарше, улыбнулся. — Значит, до сих пор в Кентербери живете?

Мистер Скотт изучающе посмотрел на гостя, слегка прищурившись. Затем снова кинул взгляд на ежедневник и проверил имена. Директор Кларенс У. Лестер и младший партнер У. У. Лестер. «Уиском & Лестер & сыновья», Ковентри.

— Да, верно. Я только там всегда и жил.

Улыбаясь, он сильнее прикрыл глаза. Многие находили привлекательными его глубокие морщины в уголках глаз.

— Может, мы раньше встречались, мистер Лестер?

— О, думаю, да. Много лет назад и при совершенно других обстоятельствах.

Мистер Скотт поднял указательный палец:

— Но судя по тому, что я слышу, вы сами не из Кентербери. Дайте угадаю. Вулверхэмптон?

— Очень близко. Родился я в Шрусбери. А всю молодость прожил в Шеффилде.

— А теперь, как я понимаю, вы в Ковентри живете. — Он снова посмотрел на календарь. — Мы с вами раньше дела вели, мистер Лестер?

— Нет, раньше нет. В Англии любое связанное с медициной предприятие рано или поздно сталкивается со сложностями с одной из ваших лицензий, но мы с вами до сих пор не имели удовольствия встретиться по делам.

— Ротари? Олимпийский комитет? Итон? Кембридж?

Младший, улыбнувшись, поправил портфель. Мистер Лестер замотал головой:

— Мистер Скотт, мы же здесь не для того, чтобы предаваться воспоминаниям, — думаю, надо приоткрыть завесу тайны. Знаю, человек вы занятой. Понимаете ли, мы с вами давно встречались. Правда, имена у нас тогда были другие. Естественно, это сбивает с толку.

— Вот как. Да, верно, я сменил имя. Моя мать развелась с отчимом. Я об этом уже не думаю. Раньше у меня была фамилия Янг. Брайан Андервуд Скотт Янг, а теперь — просто Скотт. А вы?

— Лестер — фамилия моей жены. Она считает, у меня фамилия провинциальная. Уилкенс, сэр.

Брайан внимательно посмотрел на пожилого господина. Хоть время и наложило на Брайана свой отпечаток, он-то воображал, что в целом не изменился. А вот отыскать резкие черты лица жесткого капитана Уилкенса в спокойном, почти лысом мужчине было трудно.

— Я старше вас, мистер Скотт. — Тот кивнул, погладив жидкие седые волосы. — Но вы в очень даже приличной форме. Вижу, после того кошмарного падения вы восстановились.

— Да, восстановился.

Когда-то Брайана Андервуда Скотта стали считать ледяной глыбой: он никогда не выказывал неуверенности, никогда не сводил глаз с собеседника и всегда улаживал споры с помощью обоснованных

аргументов. Ему были незнакомы такие вещи, как память о былом и призывы к дружбе.

Получив степень, он специализировался на болезнях желудка, а в последующие годы все меньше работал как спортивный врач и ученый и все больше — как предприниматель. Присущие ему отчаянная, волевая решительность и отсутствие сентиментальности имели свои издержки. Но не финансовые. Четыре года назад, на момент смерти матери, он уже скопил значительное состояние и едва заметил получение наследства в шесть миллионов фунтов — их он разделил с братьями и сестрами.

Ключевое слово — лицензии. Права на производство медицинских товаров, хирургических инструментов, компонентов для сканеров и запчастей для японских и американских мониторов. Все на благо здоровья. Глубокая, как океан, область, где, судя по всему, британская сдержанность ни на что не распространялась.

Брайан Андервуд Скотт пережил немало потрясений. Но они не шли ни в какое сравнение с этой ситуацией — неожиданно вновь оказаться лицом к лицу с капитаном Уилкенсом. Питать к этому человеку теплые чувства у Брайана оснований не было.

— Разумеется, капитан Уилкенс, я вас прекрасно помню.

— Другие обстоятельства, другое время. — Скрестив руки на груди, Кларенс У. Лестер откинулся на спинку стула. — Всем нам в то время пришлось непросто.

Он приподнял брови:

— Вы все-таки выяснили, что случилось с вашим товарищем, мистер Скотт?

— Нет.

— И вы, наверное, испробовали все?

Кивнув, Брайан посмотрел на дверь. Дело Тисдейла отправили в архив еще до капитуляции немцев. Лишь через восемь месяцев разведка нехотя сообщила, что архив гестапо находится у русских, а потому судьба офицера СС Герхарта Пойкерта оставалась неизвестной. Брайан ничего не мог поделать. Джеймс Тисдейл — лишь один из многих. Даже политический авторитет и многочисленные связи его отца не помогли добыть новых сведений. Напрасно Брайан пытался получить информацию за деньги. Постепенно нечистая совесть перестала его мучить. С тех пор прошло уже двадцать восемь лет.

Уилкенс попытался изобразить участие.

До двери всего несколько шагов. Брайан прикидывал, не уйти ли, хлопнув дверью. Внезапно накатила тошнота. Вернулись ночные кошмары.

— Я буквально сегодня утром рассказывал сыну, с каким упорством вы пытались найти сведения о своем друге. А вы с тех пор бывали в Германии?

— Нет, не был.

— Поразительно, мистер Скотт, если учесть ваш род занятий.

Брайан не ответил.

— Надеюсь, мистер Скотт, я вас не расстроил, когда стал ворошить прошлое?

Уилкенсу казалось, что он знает ответ, но он ошибался. Встреча окончилась еще до того, как часы пробили полчаса. Посетителям нужно было разрешение на производство по лицензии Брайана. Они его не получили. Только ничего не значащие обещания. Запрос передали на рассмотрение Кену Фоулсу, ассистенту мистера Скотта. Казалось, отец и сын расстроились.

Они ожидали большего.

Теперь «Пэлл-Мэлл» без фильтра для Брайана стали редкостью.

Он поднял воротник пальто, хотя было тепло. Прислонившись к стене, разглядывал киоск. Увеличивался поток людей, шедших со станции «Элефант-энд-Касл». Обеденный перерыв кончился.

— Миссис Шустер, я сегодня уже не вернусь, — предупредил он секретаршу.

Такое на него было не похоже. Лорин тут же начнет подозревать неладное. Хоть супруга никогда не проявляла интереса к его перепадам настроения и взбрыкиваниям, она обладала одним необъяснимым качеством: она всегда знала, когда в их тихую гавань вторгались проблемы. И когда она, прислушиваясь к интуиции, позвонит в контору, миссис Шустер не сможет скрыть удивления. Лорин много чего умела. И по этой причине могла поставить себе в заслуги немалую долю успехов Брайана. Без нее он потонул бы в душевных муках и жалости к себе.

Вполне обыкновенная, простая девушка из Уэльса — она улыбнулась ему и не сдалась, когда он не улыбнулся в ответ.

После падения в британском госпитале она обратила на него особое внимание. Звали девушку Лорин Мур. Густые волосы она стягивала в пучок на затылке. Долгое время он раздумывал, что же там внутри. Иногда пучок казался мягкой подушечкой. А порой — клубком проводов.

Война забрала восемь ее ближайших родственников. Один брат умер в больнице у нее на руках — и на глазах у Брайана. Двоюродные братья и два родных, дядя, а еще отец, о котором она всегда говорила с грустью во взгляде. Она знала, что такое тоска, и не мешала тосковать Брайану. Важной частью ее характера была способность понимать, что нужно жить дальше и с уважением относиться к прошлому.

Именно это — и многое другое — Брайан в ней любил.

Но за это пришлось заплатить: Брайан оставался один на один со своим прошлым, кошмарами, пережитыми событиями и печалью. В гости к Тисдейлам они никогда не ходили. Несмотря на то что семьи жили всего в нескольких улицах друг от друга, Брайан никогда не упоминал о Тисдейлах и том, что с ними случилось. Таким образом, Лорин оставалась при своих мыслях, а Брайан — при своих.

Внешний мир она, напротив, понимала даже очень хорошо — справлялась за двоих.

— Брайан, ну зачем тебе думать о диарее и кишечной непроходимости у богачей, если тебе не хочется этим заниматься? — Так много лет назад она начала новую эпоху в их жизни. — Они же всегда на тебя злятся, когда ты запрещаешь им дорогой шоколад, сигары и крепкий алкоголь, — просто сказала она и со смехом признала: есть риск, что впредь им придется жить скромнее.

Меньше чем через неделю Брайан выставил практику на продажу.

Поначалу исследования не приносили дохода, но Лорин ни разу не пожаловалась. Наверное, в глубине души она была уверена: если понадобится, им поможет мать Брайана. Но без Лорин будущее оказалось бы другим.

И наконец пришел успех — настоящий успех.

— Ой, папа! — вздыхала его дочь, когда он наконец обосновался в Лондоне. — Контора в Ламбете? В такой квартал никто просто так не заглядывает. Почему не Тюдор-стрит или Чэнсери-лейн?

Очаровательная, непосредственная Энн активно интересовалась легкой атлетикой, в особенности длинноногими спортсменами

противоположного пола, что неизбежно означало: параллельно с исследованиями и бизнесом он все еще практиковал — и на протяжении многих лет применял свой богатый опыт на благо спорта.

Диета и лечение острых желудочных расстройств. Когда проблемы со здоровьем касались живота, спортсмены обращались к нему, а не к федерациям или специалистам с Харли-стрит.

В общем, славная жизнь.

Брайан закурил еще одну «Пэлл-Мэлл» и вспомнил, какие желтые пальцы были у Уилкенса во время допросов. Сам он тогда не курил. Он сделал глубокую затяжку. Уилкенс пришел именно сегодня — какое-то сверхъестественное совпадение.

Со своим прошлым он сталкивался максимум несколько раз в год. Кошмар сегодняшней ночи его еще не отпустил. Хотя сны ему снились разные, суть у них всегда одна и та же. Он предает Джеймса! В последующие дни появлялось чувство стыда. Если оказывался на работе, то шел в Имперский военный музей — от конторы надо было пройти всего несколько сотен метров — и тонул в том, что там видел. На фоне огромного количества лишений и страданий личные беды казались непростительно мелкими. Столетия ошибок и пролитая кровь сотен тысяч людей — вот что символизировало собой монументальное бахвальство этих зданий.

Но сегодня он этого не вынесет.

Вчера вечером ему домой в Кентербери позвонили делегаты Национального олимпийского комитета — просили его поработать консультантом медицинской бригады на Играх в Мюнхене.

Вот ему и приснился кошмар. Он годами отказывался от любых приглашений, предполагавших поездку в Германию. Отметал все, что могло поворошить печальные события. Все его попытки разузнать побольше о том, что произошло много лет назад, кончались одинаково и не приносили результатов. Джеймс умер.

Так зачем снова себя мучить?

И вот в течение нескольких часов — приглашение, кошмар и визит Уилкенса. На этот раз комитет дал ему на раздумья восемь дней. До открытия Игр еще целый месяц. Четыре года назад он в качестве консультанта по острым желудочным расстройствам ездил на Игры в Мехико — тогда времени на раздумья было побольше.

Харпер-роуд, Грейт-Саффолк-стрит, Кат. В городе повсюду кипела жизнь, по нему словно проносился безумный ураган.

Брайан ничего не замечал.

— Ты хочешь сказать, что шлялся в такую погоду в такой одежде, да еще в Саутуорке, потому что раздумывал, ехать ли тебе в Мюнхен? Да, Брайан? И что здесь такого особенного? Можно было и дома подумать.

Еще одна капля, и из чашки Лорин перельется чай.

— Конечно, я бы попыталась тебя отговорить. Но тебе ведь этого все равно не избежать, правда?

— Ну да.

— После Мехико я этих дискуссий вести не хочу.

— Дискуссий?

Брайан посмотрел на нее. Она ходила в парикмахерскую.

— Слишком жарко, слишком много людей. Расписание дурацкое.

Она заметила его взгляд. Брайан опять отвернулся.

— В Германии не жарко.

— Не жарко, зато там много всего другого. Это же Германия!

Через край чашки все же перелилось несколько капель.

Что у них всегда было общим, так это нежелание путешествовать. Лорин боялась того, чего не знает. Брайан боялся воспоминаний о том, что он хорошо знает. Если они куда-то ездили, то, как правило, поездка проходила в изолированной среде, в деловой обстановке, где говорили по-английски.

Если Лорин не могла помешать Брайану уехать, то старалась поехать с ним и, действуя организованно, покончить с делами как можно скорее. Так у Брайана проходили многие командировки — того же она хотела и на этот раз.

На следующий день она — как обычно, с неохотой — показала ему маршрут и билеты. И почти не удивилась, когда Брайан сообщил, что решил отказать Национальному олимпийскому комитету. В Мюнхен он ехать не хочет.

В ту ночь он спал хуже, чем когда-либо за все эти годы.

Глава 30

С самого утра Лорин развила бурную деятельность.

Радуюсь, что ехать никуда не придется, она носилась по дому и прикидывала размеры новых занавесок — осенью у них серебряная свадьба. Брайан тихо ушел на работу. Через два часа ему опять позвонили. Он махнул рукой миссис Шустер — та тут же встала и тихо закрыла дверь в его кабинет. Запрос у комитета был необычный. Они решили сделать еще одну попытку.

— Прошу прощения, но в данный момент мы заняты выпуском нового быстродействующего обезболивающего средства от язвы желудка на территории всей Европы. Мне придется поучаствовать в разработке стратегии продаж и выборе партнеров.

На том разговор и кончился. В целом все так и есть; действительно планировалась рекламная кампания — нужны новые агенты. Но Брайан с самого начала работы фирмы не присутствовал на собеседованиях продавцов и распространителей.

Он чувствовал, что в этой ситуации обязан сделать исключение — хотя бы для того, чтобы превратить невинную ложь в правду.

На собеседование Кен Фоулс, отвечавший в фирме за логистику, из пятидесяти потенциальных распространителей пригласил всего десятерых. В итоге их должно было остаться четверо — каждому предназначался определенный регион.

В глазах Брайана хороши были все, и во время собеседований замечания он отпускал редко.

Хоть в краткие перерывы Фоулс из вежливости интересовался мнением начальника, едва ли у кого-то возникало сомнение в том, что последнее слово останется за ним.

На второй день пришел соискатель по имени Кит Уэллес. Веселый господин слегка болезненного вида — несмотря на всю серьезность ситуации, к собеседованию он отнесся с юмором. Он прождал большую часть дня и оказался последним. Было очевидно, что на этом румянном мужчине Кен Фоулс выбор не остановит. Ему предназначалась территория Скандинавии и Германии, Австрии и

Голландии. Этот важный рынок нельзя было передать в руки человека, с которым Кен Фоулс не был на одной волне.

— А почему у вас не задалось с прежней территорией продаж? — Брайан опередил своего ассистента.

Уэллес посмотрел в глаза Брайану. Казалось, он ждал этого вопроса, но не отсюда.

— Да, черт возьми, причин много. Когда ты иностранец и живешь в Гамбурге, нужно, чтобы у тебя товар был лучше, чем у других. В противном случае немцы предпочтут вести дела с иностранцем, который живет в Берлине, а еще лучше — с немцем, который за границей живет. Так уж система устроена.

— А ваш товар был не лучше, чем у остальных?

— Лучше? — Пожав плечами, он отвернулся от Брайана. — Да как у большинства. В последние пару лет у меня было слишком ограниченное поле деятельности — крупные открытия и чудеса к ней не относились.

— Психотропные препараты?

— Да. Нейролептики.

Уэллес криво ухмыльнулся, и Кен Фоулс заерзал на стуле.

— И мода пошла другая. Препараты с хлорпромазином — уже далеко не главное средство для лечения психических расстройств. Я все прозевал. В итоге у меня скопились слишком большие запасы, долги все росли, а шансы сбыть товар стремительно уменьшались.

Брайан помнил препарат, который Уэллес назвал по просьбе Фоулса. Ему было известно много названий одного лекарства. Ларгактил, прозил. Но общее наименование — хлорпромазин. Под воздействием весьма похожих на него медикаментов некоторые пациенты Дома алфавита буквально чахли у него на глазах, как подопытные кролики. Хоть он сам на протяжении почти всех десяти месяцев, проведенных в госпитале СС, старался их не глотать, тем не менее побочный эффект предшественника этого препарата еще долгие годы остался для Брайана частью повседневной жизни. От одной мысли о нем он начинал потеть, во рту пересыхало, появлялась тревога.

— Вы канадец, мистер Уэллес, — отважился наконец сказать Брайан.

— Фрейзервилл на реке Святого Лаврентия. Мать — немка, отец — англичанин, франкоговорящая среда.

— Для карьеры в Европе — хорошее начало. И Францией вы пока не занимаетесь. Почему?

— Слишком трудно. Моя жена, мистер Скотт, хочет хоть иногда меня видеть. Она умнее меня.

— Так вы поэтому поселились в Гамбурге, а не в Бонне?

Фоулс все поглядывал на часы. Он попытался улыбнуться. Биография Уэллеса к их делам отношения не имела.

— Я сюда попал во время высадки в Италию, в бухту Салерно, в сорок третьем году в составе Десятой британской армии под командованием Маккрири^[14]. По образованию я фармацевт, меня приписали к медицинской службе, я был там до конца, а в итоге осел в Германии.

— А она стояла и ждала на границе? — Фоулс улыбался, пока Брайан не осек его быстрым взглядом.

— Конечно нет, мы встретились только через год после капитуляции. Меня назначили в группу, занимавшуюся восстановлением.

Брайан дал ему выговориться. Во время рассказа открылось несколько ранее неизвестных аспектов. При освобождении концлагеря Берген-Бельзен Уэллес входил во 2-ю британскую армию Демпси. Его дважды повышали, а еще на слушаниях, предшествующих Нюрнбергскому процессу, он выступал свидетелем о нацистских медицинских преступлениях в концлагерях. И наконец, перед ним поставили задачу осмотреть нацистские госпитали в рамках экспертной группы, созданной службой разведки.

По всей стране нашлись тысячи госпиталей. Большинство пустовало — необходимость в них отпала. Какие-то перестроили под нужды гражданского населения, и теперь они работали как местные больницы и частные клиники. А еще были такие места, как госпиталь для душевнобольных в Хадамаре. Там пациентов находили в общих могилах. Изуродованных. Искалеченных. Обезображенных. Сумасшедших.

Для экспертной группы время было непростое. Даже если речь шла об обычных пациентах с телесными ранами. Нацистская идеология затронула и ряды собственных сторонников. В последние

месяцы войны вовсе не была необычной ситуацией, когда в питании пациентов содержалось очень мало жира, — проводящим путям причинялся непоправимый ущерб. Из всех госпиталей, что они видели, лишь несколько — на юге Германии и в самом Берлине — придерживались стандарта, который можно было считать приемлемым. В остальном все происходящее там было невыносимым.

Месяцы фиксации подобного эмоционально опустошили Уэллеса. В итоге ему стало все равно, где он бывал, кто с ним рядом и что он пил. Он перестал думать о возвращении домой.

Понятие «родина» ему больше ни о чем не говорило.

Последняя поездка Уэллеса — госпиталь в Бад-Кройцнахе, где он встретил юную медсестру, обладавшую огромной жаждой жизни и чудесным смехом; благодаря ей он очнулся. Брайан помнил, что и сам испытал нечто подобное.

Они влюбились друг в друга, а через пару лет переехали в Гамбург, где у нее была семья и на нее не смотрели косо, потому что она вышла замуж за оккупанта.

Там Уэллес и открыл свое дело — несколько лет все шло хорошо. Теперь у них трое детей. В целом он всем был доволен.

Его рассказ произвел на Брайана сильное впечатление.

Когда вечером того же дня Кен Фоулс предоставил Брайану список выбранных агентов, имени Уэллеса там не было. Кандидатуру обдумали, но сочли его чересчур простым, чересчур старым, чересчур веселым, чересчур гнусавым, ну и вообще он канадец.

Брайану оставалось лишь подписать отказ.

Письмо весь вечер и ночь пролежало на столе у Брайана. На следующий день оно же первым бросилось ему в глаза.

Когда Брайан позвонил, в голосе Уэллеса не было ни следа разочарования или удивления.

— Может, все это к лучшему, мистер Скотт? — спросил он. — В любом случае я благодарен за то, что вы лично нашли время мне сообщить.

— Разумеется, мистер Уэллес, мы возместим вам расходы на поездку. Но, возможно, я все же смогу вам помочь. Сколько вы еще будете в гостинице?

— Через два часа еду в аэропорт.

— Можно с вами увидеться?

Гостиница в Бейсуотере по уровню была далека от жилья, где Брайан поселил бы своих сотрудников. Несмотря на то что на модной авеню гостиниц было больше, чем банков в Сити, Киту Уэллесу удалось выбрать самую вшивую. Даже ведущие наверх ступеньки недвусмысленно говорили о том, что у этого скромного местечка расцвет остался далеко позади.

Когда приехал Брайан, Уэллес собирался выпить. Ему казалось, что на него никто не смотрит, на лице написано разочарование. Лишь когда Брайан с ним заговорил, он вновь надел маску хорошего настроения. Слишком спокойный, слишком уравновешенный.

Неуклюжий и небритый, Брайану он нравился — и был ему нужен.

— Мистер Уэллес, я вам работу нашел. Раз вы с семьей можете переехать в Бонн, с середины следующего месяца она ваша. Будете работать на одного из субподрядчиков нашего субподрядчика — им нужен фармацевт с английским. Фирма ищет именно такого человека, как вы. Служебное жилье на берегу Рейна в паре километров от города. Приличная зарплата и пансион. Заманчиво?

Уэллес фирму знал и даже не понял, что маска с него — сбитого с толку, растерянного — спала. Вообще он не из тех, кто легко соглашается.

— А взамен сделаете кое-что для меня, мистер Уэллес?

— Только если это не незаконно. И если мне не придется петь. — Он попытался пошутить и сдвинул брови.

— Когда вы вчера рассказывали об инспекции немецких госпиталей после войны, вы упомянули, что бывали в госпиталях для душевнобольных, а кроме того — бывали с инспекцией в Южной Германии, правильно?

— Да, и не раз.

— И в районе Фрайбурга тоже?

— Фрайбург-им-Брайсгау? Да, я весь Баден-Вюртемберг объездил.

— Меня отдельно интересует информация об одной лечебнице, скорее даже госпитале, к северу от Фрайбурга, на окраине Шварцвальда, неподалеку от городка под названием Хербольцхайм.

Госпиталь принимал только солдат СС. Было и отделение для душевнобольных. Вам это о чем-нибудь говорит?

— Лечебниц во Фрайбурге много. И тогда тоже было.

— А к северу от Фрайбурга? Большая такая. В горах. Целый госпиталь, минимум десять крупных зданий.

— А вы не знаете, как она называлась?

— Ее иногда называли Домом алфавита — вот и все, что мне известно. Туда клали только солдат СС.

— Кажется, мистер Скотт, я вынужден вас сразу же разочаровать. Во время войны открывали множество резервных госпиталей. А кроме того, уже столько лет прошло. Иногда я за день инспектировал несколько больниц. И было это очень давно. Многого я просто-напросто не вспомню.

— А может, все же попытаетесь?

Подавшись вперед, Брайан посмотрел ему прямо в глаза. Увидел он живой и умный взгляд.

— Возвращайтесь в Германию и поговорите с семьей, за пару дней приведете дела в порядок. Затем, если понадобится, съездите во Фрайбург, за пару недель разузнаете для меня кое-что. Успеете до того, как приступить к новой работе. Я вам все компенсирую и возмещу все расходы. — Брайан кивнул. — Вот и окажете мне ответную услугу.

— Что мне искать? Только госпиталь, о котором вы говорили?

— Нет, госпиталь уничтожили в начале сорок пятого года. Я ищу человека, которого там видел.

— В госпитале?

— Именно. Да, я был в том госпитале, сбежал двадцать третьего ноября сорок четвертого года. Подробности расскажу вам позже. Но этот человек остался в госпитале и затем исчез. Я бы очень хотел узнать, что с ним стало. Госпитализировали его под именем Герхарт Пойкерт. В течение пары дней я предоставляю вам все прочие сведения, которые могут вам пригодиться: звание, внешность и так далее.

— А вам известно, жив ли он?

— Полагаю, что нет. Вероятно, во время бомбардировки он находился в госпитале.

— А стандартные источники развединформации и архивы? Вы все перепробовали?

— Можете быть уверены! Полностью.

Хоть Брайан во время той встречи рассказал лишь самое необходимое, удивленный Кит Уэллес согласился взяться за дело. У него было время, и он не мог поступить иначе. Несмотря на то что Брайан подробно рассказал про местоположение, остальных пациентов и персонал, назвал их имена и описал черты лица, в первом отчете Киту Уэллесу не удалось приподнять завесу над судьбой Герхарта Пойкерта. Прошло почти тридцать лет. Он жаловался, что задача оказалась практически невыполнимой. Следа не оставили ни госпиталь, ни человек, которого они разыскивали. А кроме того, по всей вероятности, всех, кто оказался в госпиталях для душевнобольных в последние дни Третьего рейха, ликвидировали. Когда дело касалось таких пациентов, убийство из жалости становилось самой надежной формой лечения.

Брайана охватило разочарование. Случившиеся за последние недели совпадения — встреча с Уэллесом и Уилкенсом и приглашение на Олимпийские игры — подарили ему надежду разобраться с этим делом и наконец обрести душевный покой.

— Не хотите приехать сюда на пару дней, мистер Скотт? — предлагал Уэллес. — Уверен, вы бы мне очень помогли.

На третий день Брайан позвонил в Национальный олимпийский комитет и сказал, что у него есть дела в Южной Германии. Он сможет дать консультацию в экстренных случаях, если в Олимпийской деревне для него найдется квартира. Комитет согласился. В Мехико было пять золотых медалей, пять серебряных и три бронзовые — на этот раз их будет больше.

Любой ценой.

Лорин была недовольна. Не потому, что Брайан все же решил ехать, а потому, что она об этом узнала за день до отъезда.

— А нельзя было об этом хотя бы вчера сказать? Брайан, ну ты же знаешь, что я с тобой сейчас поехать не смогу. По-твоему, я могу сказать жене брата, чтобы сидела дома в Пенарте, — так вот, скажу тебе: уже поздно! В эту самую минуту Бриджет ждет поезда на вокзале в Кардиффе!

Растерянно бросив взгляд на часы, она сделала глубокий вдох и опустила плечи. Брайан избегал ее взгляда. Он же знал, о чем она

думает. Организовать приезд жены ее брата было непросто. Отмена стала бы сродни катастрофе.

Этого он и добивался.

Глава 31

Дорогу перешел улыбавшийся Кит Уэллес. Движение совсем замерло. То, что Брайан увидел в мюнхенском аэропорту, плохо сочеталось с тем, что обычно говорили о немецком порядке и организованности. В лицо било тепло. Машины стояли так плотно, что даже багажник не откроешь.

— Бардак, полный бардак, — усмехнулся Уэллес и потащил его вдоль дороги.

Ехали только автобусы. Всем хотелось посмотреть открытие Игр. Всем, кроме Брайана.

Город кипел. Сказочное и красочное праздничное зрелище. Оплот культуры. Приглашенные музыканты, художники и танцоры. Каждая улочка свидетельствовала о многодневной подготовке. Либо хорошо, либо никак. И на Брайана накатило странное ощущение.

Он словно оказался в вакууме среди бродивших повсюду, улыбающихся немцев и иностранцев. Отогнать призрак прошлого получилось лишь на мгновение. А потом голоса стали громче, оживляя воспоминания о языке, интонациях и выкриках, от которых в прошлом Брайан вздрагивал. Вперед его тащила рука Уэллеса: он разглядывал многочисленных молодых людей, сидевших в уличных кафе и бегло говоривших по-немецки — естественно, гладко, мелодично, без былых ненависти и угрозы. А еще он видел поток пожилых женщин и мужчин со страшной печатью Каина на лицах.

И он понял, что вернулся.

Уэллесу понадобилось две кружки пива, чтобы посвятить Брайана в ход своих бесплодных поисков. Ему не удалось скрыть неловкость в беззаботной толпе, наполнившей уличное кафе. Он поднял руку, и официант скрылся за пару столиков от них.

— Я отлично понимаю: останься я тут на целую вечность, рано или поздно случайно нападу на след, который сможет привести к тем, кто побывал в той лечебнице во Фрайбурге. Но мне кажется, на это годы уйдут. Я же не профессионал. Вопрос в том — а правильно ли вообще было доверить эту работу мне?

Уэллес сжал губы.

— Мне не хватит времени, мы оба это знаем. Слишком много больниц, слишком много архивов, слишком много историй болезни, да и расстояния слишком большие. А еще — Стена. Кто вообще сказал, что ниточка отыщется в Западной Германии? Если надо в Восточную Германию ехать, нас ждут трудности с визой и все такое. И для этого нужно время и снова время. — Улыбнувшись, он опустил уголки губ. — Вам бы пригодился штат ищеек и архивариусов.

— Это уже испытано.

— Почему вы снова решили попытаться?

Брайан долго смотрел на Уэллеса. Увы, он прав. Все говорит о том, что ему не удастся разгадать тайну, что же произошло с Джеймсом. А еще он мог бы доверить задачу профессионалам — это тоже правда. Просто дело в том, что у Брайана не было намерений копаться в прошлом, до того как Провидение послало ему этого небритого мужчину, сидящего теперь напротив.

Сам он всегда считал, что Джеймс погиб. Но теперь он обязан попытаться узнать правду.

— У меня складывается впечатление, что мне не помешало бы применить смесь уговоров и угроз. Мне было бы ужасно жаль, если вы заранее опустили руки. Настолько жаль, что это могло бы сказаться на вашей новой работе в Бонне.

Реакция Уэллеса не заставила себя ждать. Паршивая вышла бы смесь. И уж точно бесполезная.

— Но я выполняю свои обещания, мистер Уэллес, и вы мне ничего не должны. Вы сами видите, что надежды у меня нет. Мы с вами замахнулись на территорию, где никто ничего и никогда искать не станет. Я очень боюсь, что самому себе окажу медвежью услугу. Понимаете ли, человек, которого мы ищем, был моим лучшим другом. Он англичанин, на самом деле его звали Джеймс Тисдейл. Я бросил его в том госпитале — больше мы не виделись. Если я сейчас не разузнаю что-нибудь о его судьбе, то моя судьба — жить в кошмарном неведении до конца дней. Потому что я уже никогда не найду в себе сил попытаться еще раз.

Пока они беседовали, людей вокруг становилось все меньше. Даже официанты, все это время простоявшие у них над душой, чтобы они либо заказали что-нибудь еще, либо освободили места для других

посетителей, испарились за стойкой. Шла трансляция открытия Игр. Уэллес с интересом смотрел на вновь заговорившего Брайана:

— Подарите мне еще четырнадцать дней, мистер Уэллес. Пока идут Игры. Сосредоточьтесь на территории в определенном радиусе от Фрайбурга. Если ничего не накопаете, буду искать другие пути. За эти четырнадцать дней я заплачу вам еще пять тысяч фунтов. Окажете мне такую услугу?

Из глубины ресторана доносились фанфары и приветственные возгласы тысяч зрителей, в ту же секунду отразившиеся эхом от всех окон. Блик от стакана, который Уэллес постоянно хватал и двигал по скатерти, упал на его серьезное лицо, и в уголках рта появился намек на улыбку. Он спокойно протянул руку:

— Тогда зовите меня Кит!

Несмотря на жару и опасность для здоровья — при скоплении тысяч людей она подстерегает всегда, — в Олимпийской деревне делать оказалось нечего. Случаев серьезных заболеваний желудка не было. Пока что единственный раз Брайан общался с английской сборной по телефону. Уже при заселении ему выдали карту для посещения стадионов и обычные приглашения на различные приемы и вечера. Но хоть время шло медленно, к обществу его не тянуло. Подобно слабому ветру в эпицентре бури, Брайан в полудреме проживал события, за которыми наблюдал весь мир.

— Я вам завидую, — говорил Кит Уэллес, когда звонил по утрам и отчитывался о работе.

— Я тебе не завидую, — говорила в ежедневных беседах Лорин. И лгала.

Олимпийская деревня напоминала кипящий чайник. Возникало ощущение, что все непрерывно перемещались с места на место. Брайана никто не замечал. Те немногие часы, когда Брайан не сидел у себя в комнате, он проводил в городе. В кафе крупных магазинов, в музеях, на скамейках в зеленых парках — они буквально изнемогали от нескончаемого лета, пока не собиравшегося отступить.

Ждать было не в состоянии. Облегчения не приносили даже книги. Сובлазн изучить многочисленные медицинские компании, расположенные неподалеку, оказался недостаточно велик.

Он думал только о Джеймсе.

«Наверное, я старею», — размышлял Брайан, пялясь на выключенный телевизор в дальнем углу гостиничного номера. После этих Олимпийских игр будут другие. Когда настанет их время, он, если захочется, заплатит за просмотр.

На десятый день позвонил Уэллес — его голос звучал по-другому.
— Кажется, Брайан, я кое-что нашел.

Словно прокатилась взрывная волна. Перехватило дыхание.

— Не жди чересчур многого, но я вроде нашел твоего Человека-календаря.

— А ты где?

— В Штутгарте, а он — в Карлсруэ. Встретимся там?

— Я арендую машину. Может, захватить тебя по дороге?

Не ожидая ответа, Брайан болтал скрещенными ногами. Как будто вот-вот накроет приступ диареи.

— Мне надо только предупредить, что я уезжаю. Смогу быть у тебя через три часа.

Было очевидно, что от быстрой езды Уэллес удовольствия не получает. Большая машина не издавала ни звука. Брайан всегда брал «ягуары», но дело было не в любви к скорости — скорее вопрос национальной гордости. И ехать они могли быстро. По мнению Уэллеса, даже чересчур. Он подвинулся к середине и старался не смотреть на дорогу.

— Я поставил себе задачу: найти эдакого чудака, для которого главное в жизни — аккуратно подсчитывать годы, месяцы, недели и дни. Вопрос лишь в том, жив ли еще этот Вернер Фрике. Если да, он точно где-то всплывет — надо только побольше мест обзвонить. Вроде бы все просто, но я на это не один день потратил. Наверное, профессионал подошел бы к задаче по-другому, но я обзвонил все медучреждения, какие смог найти. Думаю, перед этим я их перебрал больше пятидесяти.

— А Герхарт Пойкерт?

Устремив взгляд вдаль на дорогу, Брайан сжал руль.

— Прости, Брайан, о нем я пока ничего не разузнал.

— Не волнуйся, я не жду сразу много. Ты отлично поработал, Кит. Шаг за шагом, верно? — Брайан попытался улыбнуться. — Как ты

понимаешь, мне не терпится его увидеть. Дорогой Человек-календарь все еще жив.

Брайан смотрел в одну точку.

— Если он жив, у Джеймса тоже есть надежда.

— Если хотите, можете его о чем-нибудь спросить. Но не обещаю, что он ответит.

Как и вся больница, кабинет у заведующей отделением был яркий и светлый. Тут всех подряд держать не будут — это дорого.

— Семейю Вернера Фрике оповестили о том, что вы придете. Родственники не возражают. — Говорившая с эффектным акцентом доктор Вюрц не улыбалась. — Наверное, мистер Уэллес сможет вам попереводить, мистер Скотт.

— Можно нам его медкарту посмотреть?

— Я знаю, что вы врач, мистер Скотт. Вы бы ее дали?

— Вероятно, нет.

— У нас есть личное дело. Там все самые важные сведения.

Брайан попросил Уэллеса опустить психиатрические термины. Фрике болен, и лечили его соответствующим образом. Интерес представляли сведения о госпитализациях, а не то, есть ли у Фрике шанс когда-нибудь стать здоровым человеком.

Записи велись с марта 1945 года. Ни слова о том, откуда он и что послужило причиной болезни. Фрайбург даже не упоминался. 3 марта 1945 года Вернер Фрике словно из ниоткуда появился в больнице Карлсруэ. Больше года он считался пропавшим без вести, затем его перевели из временной базы СС в Тюбингене. Вот и все сведения о предыстории болезни. Военные документы ничего не сообщали о годе, вырванном из личной летописи Человека-календаря.

Во время наступления союзников временное пристанище Вернера Фрике разгромили, и всех пациентов перевели в эту клинику. В начале шестидесятых клиника перешла в частные руки, и большинству пациентов пришлось переехать. Сегодня от изначального состава остался он один. У семьи Человека-календаря были средства оставить его на месте.

Имелся также список остальных пациентов, поступивших в тот момент. Брайан не смог вспомнить ни одного имени.

Несомненно, из Дома алфавита сюда попал только Человек-календарь.

Брайана вдруг охватило волнение. Он увидел коротконогое, плотное туловище и добродушные глаза. Словно и не было всех прошедших лет. Все прочие эмоции перекрыла удивительная нежность. Едва Брайан встал между ним и телевизором, Человек-календарь произнес: «Ах-х-х» — и приподнял кустистые, абсолютно белые брови. Брайан кивнул Человеку-календарю, почувствовав, как подступают слезы.

— Он всем так говорит, — заметила между делом Вюрц.

Несмотря на то что тело осунулось от многолетнего безделья, этот человек был не лишен достоинства. В рубаше без рукавов и в брюках с расстегнутой ширинкой, перед ним все же сидел офицер СС и с любопытством смотрел ему в глаза. Вдруг с поразительной четкостью перед глазами предстало все, что произошло в госпитале во Фрайбурге.

Человек-календарь жив — смотрит на крошечном черно-белом экране трансляцию с Олимпийских игр в Мюнхене. Естественно, на блокноте, висящем над экраном, значилась верная дата.

4 сентября 1972 года. Понедельник.

— Что мне ему сказать? — спросил Уэллес, садясь рядом на корточки.

— Не знаю. Расспроси его про всех, чьи имена я тебе назвал. Про сестру Петру и Воннегута. И спроси, помнит ли он меня, Арно фон дер Лейена. Того, кого он чуть в окно не выбросил.

Попрощались они быстро. Они еще не ушли из палаты, а Вернер Фрике опять приклеился к телевизору и вернулся к просмотру финала соревнований по бегу на 200 метров — спортсмены занимали стартовые позиции.

— Знаю, Брайан, ты разочарован, но это того не стоит. Я много запросов про Воннегута сделал. Не думаю, что найду его в живых, если вообще найду. Сам понимаешь, имя у него не сказать чтобы необычное.

— А Фрике только на имя Воннегута отреагировал?

— Да. Ну и естественно, на твою шоколадку. Увы, мне кажется, не стоит придавать этому такое значение.

Кит Уэллес долго ждал, когда Брайан заговорит. Пока они сидели в машине, с парковки почти все уехали. Многие удивленно рассматривали их через лобовое стекло. Брайан молчал.

— И что теперь? — подал голос Уэллес, когда с парковки уехала последняя машина.

— Да, что теперь?

Ответ прозвучал так тихо, что Уэллес засомневался, правильно ли уловил интонацию.

— Брайан, у меня до начала работы еще десять дней осталось. Я с удовольствием уделю тебе еще пять дней. Многое еще может случиться.

Уэллесу стоило немалых усилий произнести эти слова с оптимизмом.

— Кит, тебе же обратно в Штутгарт надо, правильно?

— Ну да, там у меня бумаги, и машина, и багаж.

— Ты сильно расстроишься, если я попрошу тебя взять напрокат машину и вернуться на ней? Я оплачу, естественно.

— Нет. Но почему, Брайан?

— Думаю, может, мне во Фрайбург поехать? Прямо сейчас.

В частной клинике в Карлсруэ в маленькой комнатке на стуле качался туда-сюда мужчина, которого Брайан знал как Человека-календаря. Его реальность была очень сильно ограничена. Телевизор уже выключили. Скоро стемнеет. Губы двигались слегка не в такт с его подергиваниями. Никто его не слышал.

Брайан проехал шестьдесят километров на юг — дороги были забиты, и с шоссе он свернул. У него было два варианта. Проехать либо вдоль Рейна, по красивой дороге, либо у подножия Шварцвальда.

Он выбрал Шварцвальд.

Он просто не сможет проехать через то место, где словно сумасшедший убегал от широколицего и тощего.

Не сейчас.

Глава 32

Пока Брайан вспоминал, где находится, становились все громче незнакомые звуки — от низкого жужжания до нежных полутонов. Накануне вечером его уже поприветствовали фрайбургские трамваи — теперь они желали ему доброго утра.

В его номере все еще горел свет. Лежал он полностью одетым. И не уходила усталость.

Еще до того, как Брайан открыл глаза, над ним нависло отвратительное чувство — точно как перед экзаменом. Наверное, если бы рядом с ним в постели лежала Лорин, все было бы по-другому. Стоявшая перед ним задача предназначалась одному человеку.

На вывеске значилось: отель «Розенек». «Урахштрассе, 1», — дополнительно сообщала визитная карточка, выданная портье. Брайан понятия не имел, где именно в городе он поселился.

— Телефон есть? — Последнее, что он спросил вечером.

Портье ответил недовольно, указав на телефон-автомат напротив крутой лестницы.

— Деньги разменяете? — добавил Брайан.

— Да, завтра утром!

Поэтому Лорин он пока не позвонил.

Теперь его ждали улицы. А еще — горы и вокзал. Город гипнотически на него действовал. В месяцы, проведенные в госпитале, на возвышенности за городом, он цеплялся за собственные фантазии. О жизни дома, в Кентербери, о свободе и городе, который был так близко.

И вот он здесь.

Отель расположился на углу, напротив маленького оазиса шепчущихся деревьев. Вход в ветхое здание с витиевато украшенным крыльцом и коваными лампами находился в переулке, который и вел к небольшому парку. Урахштрассе — не самый престижный адрес, но, что удобно, она была ответвлением Гюнтерташтрассе, а та через улицу Кайзера Йозефа врезалась в ворота Мартинстор, самое сердце города.

Неподготовленный, лишенный всякого желания что-либо делать — а растерянность вовсе не способствовала приведению мыслей в порядок, — он отправился наудачу бродить по большому городу. Люди шли, бежали, ехали на велосипедах и в автомобилях, торопились или ждали на трамвайных остановках. Казалось, он перемещается за кулисами среди товарищей-актеров, в пестрой толпе, где кого только не было — от полных, седеющих домохозяек до улыбчивых мальчишек, засунувших руки в карманы.

Богатый город.

Может быть, он ждал, что фасады городских зданий до сих пор обезображены бомбардировками. Может быть, думал, что перерезаны нервы городского прошлого. Но город оказался чарующим и оживленным, отреставрированным и отстроенным, многоликим и доброжелательным.

Универмаги ломились от товаров, и у людей были на них деньги. И Брайана это корбило. Долг к прошлому был еще слишком велик, чтобы вести себя с подобным легкомыслием. Издержки оказались не вполне заметны.

У входа в магазин группа женщин вытаскивала вещи из грозившей вот-вот рухнуть стопки. Летние шорты на будущий год. Естественно, по разумной цене. Перед ними на одной ноге проковылял пожилой темнокожий мужчина и натянул пару шорт поверх своих длинных мятых брюк — проверить, годятся ли они ему. Проходя мимо, Брайан мельком увидел новый мир.

Брайан бесцельно бродил.

Бертольдштрассе привела к вокзалу. На вымощенной брусчаткой улице под ярким солнцем сияли рельсы — четыре линии вели по мосту через железную дорогу, в отдалении виднелись две башенки.

Толпу на вокзальных перронах можно было охватить взглядом. Раскрасневшийся гид пытался собрать свою группу — из его рта непрерывным потоком вырывались увещания. У всех женщин были рюкзаки и бриджи, демонстрировавшие голые лодыжки. Лорин на них засмотрелась бы, подумал Брайан.

Чужой мир. Он обвел взглядом семь путей и семь перронов, но не узнал их. Казалось, бесследно растворились страшные часы, проведенные в мороз на перроне уже почти тридцать лет назад.

Вероятно, в какой-то момент все сооружение разрушили до основания и разбомбили его же товарищи из Королевских ВВС.

Расфокусированный взгляд скользнул под мост, в южном направлении, где город заканчивался. В отдалении возле железнодорожного полотна, за сортировочными путями, стояла пристройка — темная, тяжеловесная и явно выбивающаяся. Дышал Брайан глубоко и прерывисто.

Значит, старое здание вокзала на месте.

От товарного вагона до стены, сложенной из крупных, широких кирпичей, было примерно четыре метра. По воспоминаниям Брайана, места там было как минимум в два раза больше. Вот здесь, на перроне, он и лежал. Закрыв глаза, Брайан увидел силуэт Джеймса, лежавшего в паре метров, у ободранной опорной балки. Где они теперь — полуживые люди, трясущиеся на носилках? Давно похоронены или же просто дома у своих родных, где их поглотила ничейная территория забвения?

В отдалении виднелась цепь холмов — вечнозеленых и нежных, обширных и многослойных, как кулисы кукольного театра. На них криво указывала заржавевшая стрелка. Возник силуэт железнодорожного рабочего с железным шестом на плече — его тогда прогнали. А еще из капризного лабиринта воспоминаний вышли солдаты с болтающимися противогазами — веселые, спокойные молодые люди, едущие домой в отпуск. Старые товарные вагоны, неизменившееся здание, цвета и тишина — почти как в тот раз, когда перрон молчаливо укутывал снег, — все это разбередило ту часть разума Брайана, которую, вообще-то, было непросто расшевелить.

Он сел и заплакал.

Остаток дня он провел в отеле «Розенек», предоставив заботу о себе портье. Расположенное неподалеку кафе снабжало его не пойми какими сэндвичами с ветчиной и увядшими листьями салата. В самом отеле ресторана не было. Несмотря на щедрые чаевые, улыбался портье кисло. В тот вечер звонить домой Брайан тоже не стал. У него не было аппетита, ничего не хотелось. Вопрос лишь в том, сможет ли он собраться с силами и встать с постели на следующий день.

И этот день настал. Некоторые детишки глазели на «ягуар», когда Брайан проезжал Вальдкирх, после чего он оказался в той части горных цепей Шварцвальда, где возвышался Хюнерзеделъ. Если бы он объезжал горный массив с запада, то точно потерялся бы среди отвлекающих деталей. Попросту говоря, заблудился. А прежде всего его цель — найти, где располагался госпиталь. Опыт подсказывал Брайану, что лучше забраться наверх, — вероятно, с плато Ортошванден откроется хороший обзор на запад.

Каменистые склоны и скопления деревьев казались нескончаемыми даже из окна быстро едущей машины. Бесчисленные тропы и ручьи усиливали бессмысленность продвижения наобум. Брайан стал искать ориентиры.

Искал он Кайзерштуль, стоящий посреди плоских виноградников, пышный и выделяющийся. И для Брайана значимым оказался даже тот самый угол, под которым гора впервые открылась ему под хлопающим брезентом в грохочущем грузовике.

На то, чтобы найти то самое место и добраться до него, ушло много времени. Как и в прошлый раз. Их везли в объезд, чтобы не было свидетелей. Неудивительно, что в прошлый раз брезент захлопал именно в том месте. С долин налетал нескончаемый теплый бриз, пахнувший перегноем и озоном. Вот и Кайзерштуль, прямо как в прошлый раз, а в нескольких сотнях метров ландшафт расчерчивает поток воды, образованный узкими дренажными каналами.

К югу от него дорога поуже шла к гребням холмов. На вершинах с противоположной стороны — только лес. Вдоль дороги тянулись канавы, за которыми текли мелкие ручейки, — по ним он тогда убежал.

Сильное открылось зрелище, величественное, красивое, — как раз то, что ему нужно.

Какое-то время он побродил по лесным тропинкам — лес становился все гуще. Осмотревшись, Брайан попытался вспомнить ландшафт. Ни следа того, что он искал. По сравнению с деревьями, стоящими сейчас вокруг, деревья тогда были моложе — высокими, но в половину ниже тех, среди которых он бродил сейчас. Не осталось ни единого признака, говорящего о том, что неподалеку когда-то кипела жизнь и стояли большие здания. Кустарник в подлеске рос густой.

Лишь небольшая заросшая тропинка позволяла предположить наличие кого-то живого, кроме растений. Брайан заправил штанины в носки и стал пробираться в заросли, где-то сгибаясь, где-то оступаясь. Посреди небольшой поляны над ним качалось несколько старых елей. Меньше чем в десяти метрах, прямо перед ним, на пару метров над землей возвышался небольшой утес. Брайан сел на корточки и медленно осмотрелся.

Ничего не осталось — и тем не менее это было именно здесь.

Кухня, здание для медперсонала, помещение для охраны, пять зданий высотой в несколько этажей, часовня, спортзал, гаражи, столб, возле которого устраивали казни.

Все это полностью сровняли с землей.

На обратном пути Брайану попадались деревушки, сообщавшие свои названия. Он медленно ехал последние километры до болота. Порой чувствовал, как мерзнут босые ноги и накатывает страх, слышал грохот орудий. И вот все это перед ним. Последний девственный лес Европы, Таубергиссен. Дикая местность, где он чуть не погиб. Склоны, насыпь, речная отмель, заросли на противоположном берегу. Всё вместе. Нет только грохота орудий, покойников да широколицего с тощим.

Все это давным-давно в прошлом.

Даже расстояния сжались, сократились. Но атмосфера не изменилась, несмотря на спелый виноград и птиц, оставшихся здесь мягкой осенью.

Здесь он точно убил человека.

Город проносился мимо Брайана как в тумане. Должны быть, утренние события удовлетворили потребность, сдерживаемую долгие годы. В свете внезапного решения поехать во Фрайбург вдруг возникло море ожиданий и надежда обрести покой. Брайан посмотрел фактам в лицо. Это оказалось не так уж просто. Прошлое существует само по себе, а возникающие в голове картины никогда не потускнеют, хоть их коробит и искажает течение времени. Отсюда сложно двигаться дальше.

Людей на улицах Фрайбурга почти не было. На почте все вели себя странно. Женщина, проводившая его к кабинке с телефоном, казалась измученной. У многих из тех, кто ждал у стойки, глаза были

пустые. Брайан долго не клал трубку. Иногда Лорин очень медленно откладывала в сторону кроссворд.

— Да? — только и произнесла она, когда наконец подошла к телефону.

— Лорин? Ты?

— Брайан! — (Уже в этом восклицании Брайан услышал ярость.) — Какого черта ты не звонил? Разве ты, мать твою, не понимаешь, что я волновалась!

Она годами не ругалась.

— Лорин, я не мог позвонить.

— С тобой что-то случилось? Ты во что-то впутался?

— Ты о чем? Да во что я могу впутаться? Просто я был занят.

— Где ты? — Конкретный и деловой вопрос. — Ты же не в Мюнхене?

— Конкретно сейчас — нет. Я вчера во Фрайбург уехал.

— По делам?

— Наверное, да.

Секунду на другом конце было тихо. Брайан не успел осознать последствия своей лжи.

— Как такое может быть, что ты не знаешь, почему я волновалась? — Голос смягчился, она пыталась взять себя в руки. — Это все знают! Брайан, газеты даже разворачивать не надо. Это же во всем мире на первых полосах!

— Не знаю, о чем ты. У нас золотую медаль увели?

— Хочешь узнать? — Голос у нее спокойный. Лорин не ждала ответа. — Вчера большую группу израильских спортсменов взяли в заложники в их квартирах в Олимпийской деревне. Палестинцы. Все следили за новостями. Мерзкий и отвратительный поступок, а теперь они мертвы. Все заложники и все террористы.

Брайан был не в состоянии заговорить, даже когда она сделала паузу. Он лишился дара речи.

— Об этом все говорят. Понятно? Их весь мир оплакивает. Брайан, почему ты об этом ничего не знаешь? Что происходит?

Брайан попытался вернуться к реальности. Он утомился. Может, стоило сейчас рассказать Лорин об истинных целях поездки в Германию и во Фрайбург. Будучи женой и другом, Лорин принимала Брайана таким, какой он есть, ничего не выпытывая и не проявляя

недоверия. Она знала, что он был летчиком и его сбили над Германией. Вот и все, что ей известно. И узнала она давно.

Даже знай она историю о Джеймсе, она бы не поняла его стремление покопаться в прошлом. Что было, то было.

Такая уж она.

Может, он ей все расскажет, когда вернется домой.

Подходящий момент он упустил.

Он ничего не сказал.

— Позвони мне, когда в себя придешь, — тихо попросила она.

Когда Бертольдштрассе во второй раз привела Брайана к железной дороге, его опять стали одолевать вялость и крутившиеся в голове мысли. После краткой беседы с Китом Уэллесом дальше он не продвинулся. Там, где Человек-календарь переворачивал листочки с датами, был тупик.

Городские кварталы возле моста снабжали город воздухом. В парке у озера возле Энсисхеймерштрассе народа почти не было. Лодки пришвартованы, и только на скамейках наблюдались признаки жизни — их полностью заняли старики, углубившиеся в газеты. Если бы он хотя бы бегло посмотрел на какую-нибудь первую полосу, он тут же понял бы: что-то случилось. Так вот что он заметил на почте. У людей шок. «16 tote!»^[15] — значилось крупным шрифтом. «Alle Geiseln als Leichen gefunden!»^[16] — вероятно, газета «Дас Бильд» понимала, как привлечь внимание. Для таких слов, как «Blutbad»^[17], обширные языковые познания не требуются.

В свете событий прошлого случившееся в Мюнхене не казалось Брайану невероятным. Всего лишь пример того, что бывает, когда в предсказуемой цепи непредсказуемостей ненависть порождает ненависть. Сегодня жители города вместе со всем миром носят маску скорби. В былые дни те же самые лица носили маску ужаса.

Вихрем новых жилых кварталов Брайана вынесло на окраину города. От своих неосознанных блужданий и мучительных мыслей он наконец очнулся посреди тротуара. Он спокоен, взгляд прикован к серой дороге. На противоположной стороне улицы сливалась с окружением скучная вывеска.

«Пансион „Гизела“» — значилось там. «Гизела». Неказистое имя на неказистой улице. Брайан замер.

Вдруг открылась возможность посмотреть на дело под другим углом.

Он годами лелеял романтические воспоминания о Гизеле Деверс. Единственное, что он время от времени вспоминал о той поре.

От этой мысли Брайана передернуло. Несмотря на слабую вероятность что-то найти, он понадеялся на судьбу.

Гизела станет следующим ключом, открывающим шкаф забвения.

Деверс — не самое необычное имя. В отеле Брайану весьма любезно предоставили местный телефонный справочник и даже поставили рядом с телефоном-автоматом чашку чая. В следующие два часа кучка пфеннигов заметно уменьшилась. Сейчас, когда рабочий день кончился, он застал почти всех, кому звонил. Большинство не говорили по-английски. Никто не знал Гизелу Деверс, которой за пятьдесят.

— Может быть, ее нет в живых, может быть, она не живет во Фрайбурге, может быть, у нее нет телефона, — чуть ли не по-дружески попытался утешить его портье.

И хотя он был прав, утешение оказалось излишним. Через несколько минут после того, как сменился портье, а к кучке пфеннигов добавилась новая партия, при звуках тихого голоса дыхание у него участилось, а он нащупал еще несколько монет в лежащей перед ним кучке.

— Мою маму звали Гизела Деверс, и да, скоро ей исполнилось бы пятьдесят семь лет, — ответила молодая женщина.

По-английски она изъяснялась без ошибок, но тем не менее нескладно. Брайан застал ее за обычными вечерними заботами.

Звали ее Марианна Г. Деверс. Судя по имени, она точно жила одна.

— Почему вы спрашиваете? Вы ее знали?

Спрашивала молодая женщина скорее из вежливости, чем из любопытства.

— Она умерла?

— Да, уже больше десяти лет назад.

— Мне жаль. — На мгновение Брайан замолчал. Сочувствие не было деланым. — Тогда не буду мешать.

— Вроде бы мама мне не говорила, что у нее есть знакомые англичане. Откуда вы ее знаете?

— Я с ней познакомился здесь, во Фрайбурге.

Ощутимое разочарование. Дело не только в Джеймсе. Гизела Деверс умерла. Прошрое схлопывалось. Больше он ее не увидит. Как ни странно, он стал терять надежду. До сих пор его память с мучительной ясностью хранила швы чулок на ее красивых икрах. Красивая, она страстно целовала его в преддверии кошмара.

— Когда? Когда вы с ней в последний раз разговаривали?

— Послушайте, у вас наверняка есть мамина фотография. Я хотел бы на нее посмотреть. Понимаете ли, мы с вашей мамой когда-то были близки.

Марианна Деверс оказалась на несколько лет старше, чем Брайан себе представлял. Во всяком случае старше, чем ее мать, когда Брайан ее встретил. Совсем другая женщина. Не накрашенная и далеко не такая красивая, как та деятельная высокая женщина с прямыми швами на чулках. А вот скулы у нее напоминали материнские.

Квартира походила на обувную коробку — пестрая, с огромным количеством плакатов на стенах, она прекрасно соответствовала непринужденным манерам и странному наряду Марианны Деверс. Она была бедна, а привыкла, казалось, к лучшей жизни. Брайан принес цветы — им тут же нашлось место.

— Значит, вы во время войны родились? Но в таком случае вы уже были, когда я с вашей мамой познакомился.

— Я родилась в сорок втором.

— В сорок втором? Правда?

— Говорите, вы моего отца видели?

Марианна Деверс непринужденно поправила многочисленные платочки на шее и темные волосы.

— Да.

— Расскажите мне о нем.

Взгляд Марианны Деверс прояснялся, и Брайан приукрашал правду. Она так мало знала о своем отце.

— Отца убило во время бомбардировки, я знаю. Должно быть, он погиб в том самом госпитале, о котором вы рассказываете. Не знаю. Мама говорила: какая разница, где это случилось.

— Она здесь жила? Понимаете ли, по какой-то необъяснимой причине я так и думал. Насколько я знаю, родом она не отсюда.

— Нет. Но после войны многие переехали. Пришлось.

— Пришлось? О чем вы, мисс Деверс?

— Иски, конфискации. Семья моей матери все потеряла. Об этом ваши земляки позаботились.

В ее тоне, хоть и язвительном, горечи не было.

— Как же она выкарабкалась? У нее было образование?

— В первые годы выкарабкаться у нее совсем не получалось. Она об этом никогда не говорила. Не знаю, где и на что она жила. Я жила у двоюродного брата мамы в Бад-Годесберге. Когда она забрала меня сюда, мне было почти семь.

— Она во Фрайбурге работу нашла?

— Нет, она нашла нового мужа.

Хотя при слове «муж» Марианна несильно ударила по столу, получилось эффектно. Очевидно, из такой же ситуации Марианна Деверс нашла бы другой выход. За ниспадающей челкой скрывалась кислая улыбка.

— Она во Фрайбурге замуж вышла?

— Вышла, боже правый, да! Она вышла замуж, и здесь, во Фрайбурге, она и умерла, и жизнь она прожила убогую, если хотите знать. Несчастливую жизнь, ее ждало множество разочарований и душевных терзаний. Она вышла замуж ради денег и положения — лучшего она и не заслуживала. После войны ее семья обеднела. С этим она смириться не смогла. Он с ней обращался отвратительно.

— А с вами?

— Да пошел он! — (Брайана ошеломила вспыльчивость Марианны Деверс.) — Ко мне этот кусок дерьма даже не прикасался! Пусть бы только попробовал!

Коричневый, жесткий, потертый фотоальбом, заполненный фотографиями: на фоне пейзажей юная девушка с искоркой в глазах, едва ли старше дочери самого Брайана, бегают и позируют, прячась за стволами деревьев, а на каких-то снимках — растянувшись на луговой траве. Как Гизела Деверс рассказывала своей дочери, на этих фотографиях — самое счастливое лето в ее жизни.

Девушка демонстрировала юношескую беспечность и на последних страницах. На своего отца Марианна Деверс указала с плохо скрываемой гордостью. Красивый мужчина в военной форме — к нему льнула Гизела Деверс. Давно это было.

— Знаете, мисс Деверс, вы очень похожи на родителей.

— Да, знаю, мистер Скотт. А еще знаю, что мне завтра рано вставать. Не хочу показаться невежливой, но вы же увидели то, за чем пришли?

— Прошу прощения, мисс Деверс. Извините, что задержал вас. Да, увидел, спасибо. А у вас нет более поздней фотографии вашей мамы? Не хотелось бы уходить, так и не спросив. Понимаете ли, я по-разному ее представлял.

Пожав плечами, она встала на колени перед кушеткой. Судя по пыли на плетеной корзинке, выдвинутой из хранилища, в ушедшие годы хватало других забот. Перед ним появилась огромная куча фотографий — с ними пронеслись десять лет. Другие прически, другие позы и другие наряды. Быстрые перемены, заметные изменения.

— Вот она, — сказала она, протягивая ему фотографию увядающей женщины.

Самой обыкновенной. Марианна Деверс заглядывала через его плечо. Вероятно, она на фотографию много лет не смотрела — вряд ли представлялся случай. Лицо Гизелы Деверс оказалось совсем близко к камере. Черты лица расплывчаты: снимок сделали спонтанно. Раскинув руки в стороны, она что-то кричала фотографу. Ей улыбались все окружающие, за исключением маленькой девочки, заползшей среди ног взрослых и улегшейся животом на траву, — она смотрела на мать сзади. Марианна Деверс была прелестным ребенком. Над ней, скрестив на груди руки, стоял мужчина. Единственный, кто отвернулся от происходящего. Казалось, остальные ему неинтересны. В том числе маленькая девочка, лежащая рядом. С виду прекрасный человек, чья поза свидетельствовала о его положении и самоуверенности. Из-за множества царапин на фото лицо было нечетким. И тем не менее на Брайана накатило отвращение. Не от мысли о том, что юная девушка попыталась отомстить отчиму, выцарапав его с семейной фотографии. А от чего-то еще. Присутствия чего-то почти знакомого.

Извинившись, Марианна Деверс стала уверять, что, к сожалению, фотографии получше, чем та, что Брайан держит в руках, у нее нет.

Вот и все, что ей удалось вырвать из рук материного мужа, когда она наконец обрела покой.

— Но в городе ваш отчим был человеком известным, разве нет? — (Она равнодушно кивнула.) — Наверняка по разным поводам делали официальные снимки, как думаете? На этой фотографии я вашу маму с трудом узнаю.

— Есть огромное количество официальных фотографий. Огромное. Но ее на них никогда не было. Видите ли, он ее стеснялся. Она пила.

Сев рядом с ним на подлокотник, Марианна Деверс поджала губы. Под мышками — дырки. Брайан вновь отметил, что у него внутри зашевелилось непонятное беспокойство. Обстановка стала неприятной. Все из-за только что увиденной фотографии.

А еще его стала мучить совесть за его требования. Поправив жилетку, хозяйка выпрямила спину.

— Вы были влюблены в мою мать? — вдруг спросила она.

— Наверное.

Сидевшая рядом с ним женщина прикусила губу. Брайану снова пришлось задать себе этот вопрос.

— Я не знаю, — прозвучало через какое-то время. — Ваш отец был очень серьезно болен. В тех странных обстоятельствах, в которых мы все оказались, тяжело было разобраться в своих чувствах. Но она была очень красивой. Я вполне мог влюбиться, если бы уже не был влюблен.

— О каких обстоятельствах мы говорим? — Марианна Деверс не отводила взгляда.

— Мисс Деверс, это ужасно трудно объяснить, но можно сказать, что обстоятельства были несколько необычными, поскольку я оказался в этой стране во время войны.

— Моя мама просто не могла вами заинтересоваться.

Она засмеялась. Она как раз осознала весь абсурд.

— Других таких же убежденных нацистов, как мама, я не знаю. Она всю эту дребедень любила. Не думаю, что проходил хоть день, когда ей не снился Третий рейх. Форма, марши, парады. Она любила это. А вы англичанин. И она проявила к вам интерес? Очень странно.

— Ваша мама не знала, что я англичанин. Но об этом никто не знал, когда меня положили в госпиталь.

— Вы что, шпион? Должно быть, с неба в костюме Санта-Клауса упали?

Она засмеялась. Правда ее не сильно интересовала.

— Знаете что? Я тут подумала, что у меня, наверное, есть еще одна фотография, если вам так нужно. Моя, с окончания школы. Мама сзади стоит, но тот снимок лучше, чем этот.

На этот раз она перевернула корзину. Фотография в раме, но с разбитым стеклом. На краях рамы и дне корзины до сих пор валялись осколки. Та Марианна Деверс отличалась от той, что теперь перед ним сидела. Волосы гладко зачесаны, вместо брюк клеш — белое платье, по которому едва можно было заподозрить, что это женщина. Гордая, она стояла в середине.

На нее смотрела мать. С виду — холодная и сдержанная. И опустошенная. Прошедшие годы обошлись с ней неласково — это даже на расстоянии было заметно. Брайан был потрясен. Не безжалостностью времени, даже не страданиями и разочарованиями, скрывавшимися в женских глазах. Все дело в мужчине, стоявшем за ее спиной и тяжело опустившем руки на ее плечи. Лицо этого мужчины Марианна Деверс почти полностью выцарапала с другой фотографии.

— Ее муж?

Марианна Деверс отметила, что, когда Брайан показал на фотографию, у него дрогнула рука.

— Да, ее муж и мучитель! По ней видно, разве нет? Счастливой она не была.

— А ее муж еще жив?

— Жив ли он? От него так просто не отделаться. Да, он жив. Жив и здоров, можно сказать. Известный в городе человек. Новая жена. Деньги в банке. И много, черт бы его побрал!

Внезапно у Брайана кольнуло в груди. Он пару раз сглотнул, забыв сделать вдох:

— Можно у вас стакан воды попросить, мисс Деверс?

— Вам плохо?

— Нет-нет! Ничего страшного.

Брайан, несмотря на то что побледнел, отклонил вежливое предложение Марианны Деверс остаться еще ненадолго. Ему надо было на воздух.

— А ваш отчим, мисс Деверс...

Она стала помогать ему надевать пальто, но бросила свою затею — он даже фразу не успел договорить.

— Буду признательна, если вы перестанете его так называть.

— Он взял фамилию жены или просто вы оставили девичью фамилию матери?

— Слава богу, мама оставила свою фамилию, а он — свою. Его зовут так же, как звали всегда. Ханс Шмидт. Оригинально, а? Герр директор Ханс Шмидт, как он любит себя именовать.

И правда оригинально. Брайана удивила безликость имени. Необычная черта для этого человека, подумал он. Должно быть, Марианна Деверс удивилась, когда он спросил у нее его адрес. Но теперь он у него есть.

Дом оказался не огромным — чтобы такой оценить, нужен наметанный глаз. Ни единая деталь не упущена из виду и в то же время не выпячивалась. Сдержанная архитектурная красота. Материалы свидетельствовали о вкусе, чувстве стиля и наличии средств. Настоящий дворец — и переулочек соответствующий. Имя владельца красовалось на маленькой латунной табличке. «Ханс Шмидт» — сообщала она. «Лжец!» — подумал Брайан, ощущая желание исцарапать гравировку. Его охватила дрожь при мысли о том, что этот самый человек завладел объектом его юношеского романтического флирта, красоткой Гизелой Деверс, и испортил ей жизнь.

На втором этаже, в южной части дома, постоянно горел свет. На занавесках вяло мелькнула тень — может быть, ветер. А может быть, тень мучителя Гизелы Деверс. Силуэт прошлого, вторгшийся в действительность. Мерзавец и предприниматель Ханс Шмидт, также известный как подлец оберштурмбаннфюрер Вильфрид Крёнер, рябой.

На следующее утро квартал быстро утих. Брайан с рассвета наблюдал за предпринимателями, выходящими к своим «БМВ» и «мерседесам». Зрелище ему было хорошо знакомо. По сравнению с его родиной здесь было лишь два существенных отличия. Марки машин и жены. Как и здесь, у него дома женщины махали на прощание, но в Кентербери представительница высшего класса скорее лишится своей банковской ячейки, чем покажется на улице в таком же виде, как

местные женщины. Переступая порог своего дома, Лорин всегда была безупречно одета. А тут зрелище повсюду одинаковое. Вне зависимости от размеров дома и стоимости мужниного костюма, женщины повсюду в халатах и бигуди.

Но в доме Крёнера ничего не происходило.

Не отпускала мысль, что подготовиться надо было получше. Может, даже оружием обзавестись. Столкновение с самым ловким мучителем ушедших лет разбудило не ослабевшую с юности злость.

Он очень хорошо помнил зверства Крёнера. Сморщенное лицо шептало ему об оружии, насилии, мести и снова мести. А порой в мыслях у Брайана возникали иные картины. Мелькали Джеймс, мгновения надежды, напряжение, напоминавшее об осторожности.

Лишь около десяти часов что-то стало происходить. В сад вышла пожилая женщина и начала вытряхивать плед.

Выйдя из укрытия, Брайан направился к ней.

Казалось, она испугалась, когда Брайан обратился к ней по-английски. Помотав головой, она собиралась побыстрее уйти внутрь. Расстегнув пальто, Брайан с улыбкой помахал рукой перед лицом. Уже стало пригревать солнце — жарковато для пальто. Это она поняла. Посмотрев на него еще раз, она снова замотала головой, на этот раз чуть приветливее:

— I speak no English^[18], leider nicht^[19].

— Герр Шмидт? — вопросительно развел руками Брайан.

Женщина снова помотала головой. Затем вдруг ни с того ни с сего хлынул поток слов на немецком и ломаном английском. Их нет дома — ни хозяйки, ни хозяина, это Брайан понял. Но они вернутся. Позже.

Может быть, сегодня.

Глава 33

Тем же утром Бриджет вела себя совершенно невыносимо. «У тебя менопауза, дорогая». Лорин как можно мягче попыталась сделать так, чтобы невестка посмотрела фактам в лицо.

Ей самой было о чем подумать.

Без Брайана в Кентербери было непросто. Не потому, что его отсутствие что-то означало само по себе. Дом был ее территорией, и ее особо ничего не тяготило. Тоска появилась из-за Бриджет. Брайану достаточно было лишь посмотреть на невестку своей жены — она мгновенно утихомиривалась. Но без этого жена старшего брата Лорин делалась совершенно несносной.

— Твой жалкий брат — подлец! — могла выпалить она, швырнув вилку на тарелку.

Пока Бриджет в гостях, пользоваться можно только обычным сервизом.

— Ну не надо! — Как правило, Лорин больше не успевала ничего сказать.

Невестка начинала рыдать, потеть, у нее распухало лицо, а тараторила она без умолку. Однако трудно было не признать, что ее жалобы на измены мужа и недовольство меняющимся телом производили сильное впечатление.

— Ты подожди! — плакала она. — С тобой такое тоже может случиться!

Лорин равнодушно кивнула.

Брайан с Лорин знали: они оба не такие уж особенные. Им не было свойственно стремление к разнообразию.

Но интуиция подсказала ей: что-то не так.

За долгие годы Лорин усвоила, что в любом начинании первым делом необходимо собрать сведения о рынке, конкурентах, издержках и спросе. То же самое — их с Брайаном личное маленькое предприятие.

Спрос, как она считала, ей известен. Остальное придется выяснять.

Секретарша Брайана непонимающе посмотрела на Лорин, когда та прошла мимо, властно кивнув, и скрылась в кабинете Кена Фоулса. Миссис Скотт пришла в контору в Ламбете в отсутствие своего мужа — такого еще не бывало.

— Миссис Скотт, по тому, что я знаю, даже не представляю, чем мистер Скотт занят во Фрайбурге. — Кен Фоулс внимательно на нее посмотрел. — А что случилось? Я ему в понедельник звонил, и он еще был в Мюнхене.

— А потом? Кен, когда вы с ним в последний раз разговаривали?

— С понедельника у меня не было необходимости с ним связываться.

— А кто ваши партнеры в Германии? Можете мне рассказать?

Услышав вопрос, Кен Фоулс склонил голову набок. Он не понимал, почему она проявляет интерес и общается в непривычно приятельском тоне.

— Но сейчас у нас нет постоянных деловых связей с Германией. Пока нет. Не более чем пару недель назад мы вели переговоры по поводу нового лекарства от язвы желудка. Несколько дней назад наняли торгового агента — он будет заниматься нашими делами в Северной Европе.

— И кому же так повезло?

— Питеру Мэннеру из компании «Хайнц В. Бинкен и Брюманн», но они еще в Германии не устроились.

— Почему?

— Почему? Потому что «Бинкен и Брюманн» — фирма из Лихтенштейна, а Питер Мэннер — англичанин, как мы с вами, он сейчас в Портсмуте.

— Лиззи, мне надо кое-что для Брайана сделать, — сказала Лорин, снова прошагав мимо миссис Шустер.

Воздух у Брайана в конторе тяжелый и сладковатый. Письменный стол Брайана — его архив, и архив немалый. Об успехе свидетельствовала каждая стопка бумаг. В некоторых ждали публикации исследования длиной в целую жизнь. Научный сортировочный центр. Взгляд у миссис Шустер был неодобрительный, ей неудобно было сидеть, перегнувшись через острый край стола.

Все ящики оказались заперты. О них Лорин думать было не надо. Ни в одной стопке бумаг не было ничего ни о Фрайбурге, ни вообще о Германии. На тяжелую мебель хозяина кабинета со стен веяло консерватизмом Брайана. Их изящества не портил даже календарь. Совсем мало картин, каждой не меньше двухсот лет, несколько латунных светильников — и больше ничего. Никаких пробковых досок, никаких графиков встреч, никаких заметок на перекидном блоке. Лишь мелкий штрих не вписывался в тщательно продуманную, чуть старомодную рабочую обстановку кабинета начальника. Маленький штырь — на такие накалывают неоплаченные счета. Между тремя телефонами высилось крохотное орудие убийства — из тех, что Лорин запрещала Брайану ставить на письменный стол дома, — не заполненное заметками даже на четверть.

Лорин знала: это банк идей Брайана. Обыкновенная мысль, внезапно посетившее коллегу озарение, замысел — все фиксировалось округлым почерком и крепилось на маленький штырь. Как она видела, в данный момент рассчитывать там было особо не на что. Осталось лишь пять заметок, и ее внимание привлекла нижняя. «Кит Уэллес! 2000 фунтов перевести в Коммерцбанк, Гамбург», — нацарапано быстрой рукой. На секунду задержав на ней взгляд, Лорин вышла в приемную:

— Ой, Лиззи, ты не могла бы мне рассказать, что это такое?

Она положила листочек перед секретарем — сощурившись, та искоса рассматривала смятую бумажку.

— Почерк мистера Скотта.

— Да, Лиззи, это я и сама вижу, но что это значит?

— Вероятно, что он перевел Киту Уэллесу две тысячи фунтов.

— Лиззи, кто такой Кит Уэллес?

— Думаю, на этот вопрос лучше ответил бы Кен Фоулс, но он только что ушел.

— Лиззи, постарайся, ну пожалуйста. Поделись со мной тем, что знаешь.

— Да просто таких, как он, много было. Ну то есть я помню, что он был последним из соискателей, которых мистер Скотт и мистер Фоулс пригласили на собеседование больше месяца тому назад. Давайте я посмотрю в ежедневнике мистера Скотта.

Миссис Шустер имела привычку напевать, выполняя какую-то работу. Лорин не понимала, как Брайан это выдерживал. По его словам, он ничего не слышал. Даже странно, если учесть, что петь она совсем не умеет, подумала Лорин и оценила прочие достоинства секретарши.

— Да, вот оно. Тридцать третья неделя. Все верно, мистер Уэллес беседовал с ним последним.

— А какова цель беседы?

— Найти новых распространителей для лекарства от язвы желудка. Но Кита Уэллеса на работу не взяли.

— За что же ему тогда две тысячи фунтов?

— Не знаю. Может, возместить расходы на поездку? Он сюда прилетел из Германии и ночевал в гостинице.

К перекрестным допросам Лиззи Шустер не привыкла. Поэтому, когда ее забрасывали вопросами, она чувствовала неуверенность. Наняли ее семь лет назад — с тех пор отношения у них с Лорин всегда были прохладные. Даже в повседневном недолгом общении, когда секретарша лишь соединяла ее с мужем, от телефонного разговора веяло ледяным холодом. До этого момента Лорин ни разу ей не улыбалась. Теперь улыбка в итоге получилась даже излишне сияющей.

— Ой, Лиззи, будь добра, дай мне номер Кита Уэллеса.

— Номер Кита Уэллеса? Не знаю... Могу поискать. Но разве не разумнее вам позвонить мужу в Мюнхен и спросить у него?

Лорин снова улыбнулась, но в ее взгляде ясно читалось: «Я жена работодателя». Даже сам Кен Фоулс сделал бы то, что она велела.

Лорин сложила бумажку и, не оборачиваясь, вышла из конторы. Слова «спасибо» миссис Шустер не дождалась.

Дочка Кита Уэллеса говорила по-английски лучше, чем его усталая жена, снявшая трубку первой. Девочка оказалась сообразительной. Нет, ее папы нет дома. Он в Мюнхене, но уже оттуда уехал или вот-вот уедет. Она точно не знает. Хотя телефон безостановочно щелкал, предупреждая о высоком тарифе, Лорин терпеливо ждала, пока девочка наконец принесет номер отеля Уэллеса.

Через две минуты тот же вопрос она задала портье. Он выразил сожаление: мистер Уэллес только отошел от стойки. У тротуара портье как раз видел такси. Оно уехало.

— У меня проблема, — медленно произнесла Лорин. — Возможно, вы мне поможете. У Кита Уэллеса есть телефон моего мужа во Фрайбурге. Я абсолютно уверена, что он несколько раз звонил моему мужу из вашего отеля. Моего мужа зовут Брайан Андервуд Скотт. Можете мне помочь? Нет ли в отеле списка телефонных разговоров?

— Мадам, у нас телефоны с прямой линией. Подобного контроля мы не ведем. Но, может быть, бармен что-то знает. Мистер Уэллес с ним разговаривал. Понимаете ли, бармен у нас канадец. Одну секунду, мадам, я его спрошу.

До уха Лорин издали долетали почти неслышные голоса. Несколько раз их прерывал металлический скрежет и краткие фразы. Только что приехали новые постояльцы. Пару минут было совсем тихо — только на линии слышались щелчки, как будто работал таймер. Рядом с Лорин стояла Бриджет в верхней одежде, переминаясь с ноги на ногу и показывая на свои часы. С улицы посигналило такси.

Лорин отмахнулась свободной рукой и сосредоточенно смотрела вдаль, сжимая трубку.

— Спасибо вам, — произнесла она с улыбкой. — Очень любезно с вашей стороны.

Когда через несколько часов водитель такси поставил их багаж у двери отеля «Коломби» в Роттекринге, более фешенебельном районе Фрайбурга, сначала Бриджет робко осмотрела белоснежный фасад, затем — сияющие панорамные окна, а затем, наконец, медленно повернулась к парку. Уже забыты трудности, возникшие после прибытия в Евроаэропорт Базель-Мюлуз-Фрайбург, откуда они на автобусе доехали до фрайбургского вокзала — лишь там им подтвердили бронь отеля.

Наклонившись над одной из многочисленных белых кадок с цветами, которыми отель украсил дворик, она осторожно провела пальцем по ее краю, после чего тщательно осмотрела кончик пальца. Обычная женщина из Уэльса в деле.

— Как думаешь, Лорин, в этом городе добывают уголь?

Глава 34

В то утро, что Брайан провел перед домом Крёнера, в каждом его вдохе присутствовала сдерживаемая, копившаяся все эти годы злость. Бывали минуты, когда на улицу въезжала незнакомая машина и он, словно дикий зверь, испытывал непреодолимое желание броситься на выходящих из нее людей.

Но пассажиры оказывались не теми, кого он ждал. В иные моменты он испуганно озирался: вдруг домработница Крёнера увидит, что он до сих пор стоит на тротуаре.

Казалось, дом вымер.

От раздражения по поводу того, что на протяжении всех этих лет рябой вел беззаботную, удобную, спокойную жизнь, в голову лезли безумные мысли. «Я его уничтожу, — думал Брайан. — Я у него все отберу: его дом, его жену, его домработницу и его фальшивое имя. Я буду его преследовать, пока он не начнет умолять о пощаде. Он оплатит за содеянное. Он о многих своих поступках пожалеет.

Но сначала он мне расскажет про Джеймса!»

Беззвучно подъехала машина. За тонированными стеклами Брайан не мог ничего разглядеть. Через мгновение она оказалась на подъездной дорожке. Вышедшие из нее трое мужчин смеялись и переговаривались, отряхивая брюки и поправляя одежду. Их лиц Брайан не видел, но слышал голос Крёнера. Любезный, низкий, вкрадчивый и приятный, как и раньше. Властный, мужской, до ужаса знакомый.

Брайан дал себе еще два часа. Если за это время Крёнер не выйдет на улицу, он позвонит в дверь.

Этого не понадобилось.

К дому подъехала еще одна машина. Поменьше, чем у Крёнера. Последовало некоторое промедление — открылась задняя дверца, и показалось чье-то личико. Белокурый мальчишка. Короткие ножки осторожно ступали по гравию. За ним, покачиваясь, шла молодая худощавая женщина, нагруженная пакетами. Мальчик засмеялся, когда

мама подтолкнула его коленкой. Смех из прихожей было слышно на улице.

Через несколько минут приехавшие первыми мужчины вышли из дома и постояли на подъездной дорожке, весело прощаясь с молодой женщиной, — та вышла, держа мальчика за руку.

Последним вышел Крёнер. Он поднял и обнял мальчика. Секунду малыш сидел у него на руке, прижимаясь к его щеке, как обезьянка. При виде их взаимной ласки у Брайана перехватило дыхание. Затем Крёнер — совсем не по-отечески — поцеловал молодую женщину и надел шляпу.

К тому моменту, когда Брайан успел осознать увиденное, все мужчины уехали на «ауди» Крёнера. Все случилось так неожиданно, что Брайан не успел сообразить, как ему поступить в этой ситуации. От долгого ожидания затекло все тело. Прежде чем Брайан сел в свой «ягуар», «ауди» докатился до конца улицы.

Прошло слишком много времени.

Он потерял их из виду на первом же светофоре. Колеса его машины крутились вхолостую — с тротуара ему погрозил какой-то пешеход, а сбитые с толку голуби взлетели на крыши киосков. Конец рабочей недели — на большинстве улиц движение было очень плотным. Многие семьи готовились к выходным.

Брайан бесцельно объезжал квартал и через полчаса каким-то чудом снова увидел ту самую машину — уже припаркованной.

Меньше чем в пяти метрах, на другой стороне дороги. Крёнер и один мужчина из утренней компании вернулись к машине и, стоя рядом с ней на тротуаре, тепло беседовали.

Некоторые прохожие улыбались Крёнеру — он каждый раз тянулся к шляпе и почти незаметно кивал. Очевидно, его любили и уважали.

Рядом с Крёнером стоял своеобразный прототип идеального человека — такие, как правило, получают должности в органах государственной или местной власти. Он был красивее Крёнера, но внимание к себе привлекал именно Крёнер, несмотря на рябое лицо и чрезмерно любезную улыбку. Он был полон сил и прекрасно это осознавал. В госпитале Брайану так и не удалось понять, сколько ему лет. Теперь это стало проще. Ему точно меньше шестидесяти, похоже, где-то пятьдесят.

Впереди еще много славных лет.

Внезапно — Брайан даже не успел отвести взгляд — Крёнер оглянулся и посмотрел прямо на него. Раскинув руки, рябой радостно хлопнул в ладоши. Затем положил руку на плечо своего собеседника и выразительно продемонстрировал ему, что его так поразило. Пряча лицо, Брайан вжался в сиденье.

Восторг Крёнера вызвал «ягуар» Брайана. Он объяснил жестами, что хотел бы подойти и посмотреть, как только на дороге будет поспокойнее. Брайан лихорадочно глянул через плечо. Когда поток машин иссяк, он тут же выехал на проезжую часть — удрал прямо у них из-под носа. В зеркало заднего вида он видел двух мужчин — те стояли посреди дороги, качая головой.

«Фольксваген» он увидел на Бертольдштрассе. Очевидно, когда-то давно его красили в психоделические цвета. Еще можно было рассмотреть былую расцветку. Теперь он почти черный. Перекрашивали его наспех. Краска лежала неровно.

На заднем стекле висело объявление. Приемлемая цена и очень длинный номер телефона. Машину припарковали перед низким желтоватым зданием с плоской крышей. «Рокси» — шикарная и помпезная вывеска, украшавшая в целом выхолощенный фасад. Окна заведения состояли из стеклоблоков. Если бы не темная дверь и не реклама пива — «Lasser Bier» и «Bitburger Pils», — грязные стеклоблоки покрывали бы весь фасад здания. Жутковатая пивная победила беспощадное стремление к так называемой городской гармонии.

В заведении оказалось на удивление светло. Владельца машины было легко узнать. Старомодный хиппи выделялся среди тихих барменов и тощих, красных лиц. Только он и заметил, что Брайан вошел. Брайан кивнул в сторону оргии цвета на вязаном жилете и выцветшей, чересчур облегающей футболки.

Пока они договаривались, хиппи как минимум двадцать раз отбросил на спину длинные волосы. Цена была вполне приемлемой, но хиппи настаивал на бессмысленном торге. Когда все наконец закончилось, Брайан выложил деньги на стол и попросил документы на машину. Формальности он уладит позже. Если себе машину оставит.

А если не оставит, припаркует ее там же, где она сейчас стоит, оставит ключ в замке зажигания, а документы и их наскоро набросанный договор — в бардачке. В таком случае парень сможет ее назад забрать.

Новое приобретение Брайан припарковал напротив дома Крёнера ровно в час дня, когда, вероятно, большинство жителей квартала устраивали себе обеденный перерыв. На этот раз Крёнер вышел из дому всего минут через пять. Вот-вот начнется второй акт рабочего дня.

В последующие часы Брайан получил полное представление о многочисленных делах Крёнера. Шесть остановок по различным адресам. Все — в хороших районах города. Каждый визит длился меньше десяти минут. Каждый раз Крёнер выходил с небольшой стопкой писем. Постепенно Брайан изучил процедуру.

Он сам уделял внимание множеству вещей.

Крёнер повсюду чувствовал себя свободно и непринужденно. Он делал покупки в супермаркете, ходил в Спарда-банк и на почту, а один раз остановил машину и, опустив стекло, поздоровался с прохожими.

Вероятно, в городе он знал всех, а все знали его.

В одном из более удаленных от центра кварталов рябой остановился перед большой виллой, заросшей девичьим виноградом, поправил одежду и спокойно вошел — данный визит отличался от остальных. Несмотря на протесты «фольксвагена», Брайан включил заднюю передачу и миновал подъездную дорожку виллы, окруженную колоннами.

Оказалось почти невозможно прочесть надпись на потрескавшейся эмалированной табличке, сделанную готическими буквами и почти истершуюся от ветра, влаги и времени. Но обычной ее не назовешь. На ней значилось: «Kuranstalt St. Ursula des Landgebietes Freiburg im Breisgau»^[20].

Пока Брайан ждал рябого возле аккуратного здания, поражающего своим увядающим великолепием, в его голове хаотично бродили мысли.

У визита Крёнера в ветхую больницу могло быть бесконечное количество причин. Может, у него там родственники. Может, он и сам болеет, хоть со стороны это незаметно. Может, визит связан с местной

политикой. А с другой стороны, вполне возможно, есть и другие причины, не столь очевидные.

Брайану с трудом удалось додумать мысль до конца. По другую сторону улицы самшитовые кусты в глиняных кадках обрамляли дверь с латунным орнаментом. Как оказалось — непонятный гибрид между закусочной и вполне приличным рестораном. Оттуда открывался вполне сносный вид на клинику. За исключением угла, где стояли телефонные будки.

Звоня в первый раз, Брайан удивился. Пусть Лорин самой нет дома — в таких случаях можно было бы оставить весточку их домработнице миссис Армстронг. Но раз и ее тоже нет, почему он не смог хотя бы на автоответчике сообщение оставить? Брайан выругался. Лорин сама настояла на покупке этого чуда, которое она отчасти с пиететом поместила на семейную реликвию: ее же она иронично звала «самым дорогим бруском орехового дерева, когда-либо оказывавшимся на английской земле». И раз он есть, почему она им не пользуется? Бог его знает, подумал он и снова позвонил. Лорин могла покапризничать, когда они друг друга не совсем понимали. Может, она вместе с Бриджет в Кардифф поехала.

Третий звонок оказался более удачным. Как они и договаривались, Кит Уэллес был на месте — терпеливо ждал звонка Брайана.

— Не думаю, что тут стоит чего-то ждать, — разговор он начал спокойно, — но вообще в данный момент Герхарт Пойкерт находится в доме престарелых в Агно.

— Боже мой, Кит! А где находится Агно?

Брайан барабанил пальцами по полке. Один из посетителей заведения, подойдя к нему сзади, нетерпеливо на него поглядывал. Обернувшись, Брайан замотал головой. Он и не думал никому уступить место.

— Да совсем близко, — неохотно продолжил Уэллес. — Агно всего в тридцати-сорока километрах от Баден-Бадена, я сейчас там. Но...

— Так поезжай!

— Да, но, видишь ли, просто Агно во Франции.

— Во Франции?

Брайан попытался выстроить в голове логичные причинно-следственные связи. Это оказалось непросто.

— Ты разговаривал с заведующим?

— Я ни с кем не разговаривал. Вообще-то, сегодня пятница. Разговаривать не с кем.

— Так поезжай туда. Но сначала окажи мне услугу.

— Если смогу. Пятница, вторая половина дня.

— Позвони в больницу Святой Урсулы во Фрайбурге.

— Да я же туда обращался еще несколько недель назад. Один из первых частных госпиталей, куда я вообще звонил.

— Да, но, насколько я понимаю, ничего не узнал. Мне нужно осмотреть эту больницу. Я видел, как туда заходит один из тех, кого мы ищем.

— Бог мой! Кто?

— Крёнер. Его я называю рябым.

— Ничего себе! Ты говоришь, Вильфрид Крёнер? — Уэллес помолчал. — Я хотел бы попросить: если можно, я в понедельник закруглюсь. Очень хотелось бы пару дней побыть с семьей, до того как я поеду работать в Бонн.

— Тогда, Кит, нам надо поторопиться. Я чувствую, мы вот-вот что-то нароем. Окажи мне услугу и позвони сейчас в больницу Святой Урсулы, скажи, что у тебя есть в городе агент и ты очень хотел бы его к ним направить. Скажи, что у него есть подарок.

Брайан продиктовал номер телефона и, не убирая трубки от уха, опустил руку на рычаг телефона. Очередь за ним рассосалась. Когда меньше чем через пять минут зазвонил телефон, посетитель, до этого момента проявивший терпение, наградил Брайана убийственным взглядом. Кит Уэллес извинился. Агентов, о которых так поздно предупреждают, в клинике видеть не желали. Кроме того, в выходные дни в клинике обычно никого нет. Заведующая подчеркивала: администраторам больницы время от времени тоже надо отдыхать.

Как профессионал, она поставила точку.

Брайан расстроился. Множились догадки о том, какие дела у Крёнера могут быть в той крупной больнице. Чтобы войти внутрь, Брайан сделает все что угодно, но, пока их с Китом Уэллесом любительское расследование не завершилось, лучше ему не привлекать к себе внимания. Пару часов назад Крёнер решительно сделал несколько шагов в сторону «ягуара» — этот случай до сих пор

остался в его памяти как крайне неприятный. Подходить к своему учителю ближе Брайану не хотелось. Пока что.

У завсегдатаев пивной выходной уже начался. Видимо, обеспеченные люди, они только что вышли с работы — вероятно, с одной из окрестных модных улочек. Через мелкие тонированные оконные стекла Брайан мог незаметно наблюдать за подъездной дорожкой. Крёнер из здания еще не выходил. Меньше чем через час после последней беседы с Уэллесом Брайан сам позвонил в больницу Святой Урсулы. Забившись в уголок телефонной будки и прикрыв трубку рукой, он сделал глубокий вдох. Шум пивной заглушить было трудно. Затем он посмотрел на часы. Половина пятого.

Заведующая больницей Святой Урсулы удивилась, когда он представился по-английски.

— Не понимаю, фрау Реман, — продолжил, сжимая телефонную трубку, Брайан, когда она отказалась с ним разговаривать. — Вы говорите, что только что с моим начальником разговаривали, но тут наверняка какая-то ошибка. Наверное, это был другой человек.

По молчанию Брайан понял, что завладел ее вниманием.

— Видите ли, я звоню с медицинского факультета в Оксфорде, я его декан. Меня зовут Джон Макриди. Я звоню по просьбе исследовательской группы врачей-психиатров, заведующих отделениями, они в данный момент находятся на конференции в Баден-Бадене. Завтра они едут на экскурсию во Фрайбург, и поэтому один из участников конференции, мистер Брайан Андервуд Скотт, попросил меня узнать, можно ли в какое-то время завтра посетить вашу клинику, лучше в первой половине дня. И естественно, ненадолго.

— Завтра?

Вопрос и грубый голос выбили Брайана из необычной роли. Пришлось сделать секундную паузу, прежде чем он снова нащупал неестественный тон Макриди. Пара новых посетителей распахнули входную дверь пивной, громогласно переговариваясь. Брайан понадеялся, что положенная на трубку рука заглушила фоновый шум. Фрау Реман наверняка покажется странным, что в знаменитом Оксфорде так говорят по-немецки.

— Да, я прекрасно понимаю, что предупреждаю очень поздно, фрау Реман, — продолжил он, — но это полностью моя вина. Мистер Андервуд Скотт еще несколько недель назад попросил меня сообщить вам о его просьбе. Но, к сожалению, я закрутился с делами и не успел. Может, вы меня выручите?

— Извините, мистер Макриди, но я вам помочь не смогу. Кроме того, субботний визит в принципе невозможен. Нам тоже нужны перерывы на отдых.

Отказ окончательный. Несколько поздно пришедших посетителей пивной ошалело перевели взгляд с верхней одежды, которую они собирались повесить, на Брайана, раздраженно швырнувшего трубку и тихо ругавшегося у себя в уголке, — готового сражаться, но абсолютно безоружного.

Значит, надо просто-напросто сунуться в пасть льва — посмотреть, что получится. На следующий день он зайдет с улицы и представится как Брайан Андервуд Скотт, за которого так упрашивал мистер Макриди. Оставалось только надеяться, что заведующая будет у себя дома, в служебной квартире, которая, согласно плану, располагалась в левом крыле.

Уже давно начало темнеть.

От вечернего ветра закачались деревья на аллее возле больницы, когда в матовом свете кованых ламп над главным входом показался силуэт Крёнера.

Он посмеялся с женщиной в дверях, а потом, взяв под руку сгорбленного мужчину и беседуя с ним, спокойно пошел по дорожке. Спрятавшись за одним из вязов, Брайан почувствовал, как заколотилось сердце и задрожали ноздри.

Двое мужчин прошли совсем рядом с ним. Крёнер относился к этому мужчине с трогательной заботой. Должно быть, член семьи, но вряд ли отец рябого. Не настолько старый, хотя было непонятно, какого он возраста: слабое тело, морщинистое лицо и почти белоснежная борода.

Старик, с виду больной и усталый, ничего не говорил. Как показалось Брайану, силы у него на исходе. Наверное, Крёнер сюда из-за него пришел — а теперь забирает его домой на выходные.

Поэтому Брайан не мог не удивиться, когда эти двое прошли мимо машины Крёнера и продолжили прогулку под шепчущимися кронами

деревьев в сторону района Баслер-Ландштрассе и Тингенерштрассе.

Какое-то время двое мужчин тихо переговаривались на трамвайной остановке. Рядом с ними встала стайка веселых молодых людей, предвкушающих первую вечеринку выходных. Они в шутку толкались и хохотали — им вторило отражающееся от фасадов эхо. Брайан перешел дорогу к остановке и затесался среди юных шутников. До Крёнера и старика было меньше двух метров. Беседовали они тихо, но голос у старика был хриплый, и он — понапрасну — через слово откашливался.

Потом подошел трамвай.

Не оборачиваясь к спутнику, Крёнер скрылся в том же направлении, откуда пришел. Какое-то мгновение Брайан смотрел вслед рябому, но в итоге вошел в трамвай вместе со стариком. Сгорбленный мужчина спокойно огляделся и наконец заметил свободное место в глубине, рядом с каким-то смуглым парнем.

Он встал возле сиденья, даже не попытавшись сесть. До следующей остановки он стоял лицом к лицу с молодым человеком. Пока они друг на друга смотрели, лицо парня неуловимо менялось. Вдруг он встал и быстро прошел мимо старика, не дотронувшись до него, и встал у задней двери, тяжело дыша.

Трамвай покачивало; старик сделал шаг, тяжело опустился на двойное сиденье и пару раз покашлял. Он стал смотреть в окно.

Они пересели на другой трамвай, а в итоге оказались в центре города — старик вышел и медленно двинулся вдоль светящихся витрин.

Немного постояв перед кондитерской, предлагающей соблазнительный товар, старик слегка отклонился от маршрута — благодаря этому у Брайана появилось время подумать. У него был выбор: возобновить наблюдение за домом Крёнера или и дальше следить за пожилым мужчиной. Брайан посмотрел на часы. Кит Уэллес позвонит рассказать про поездку в Агно только через сорок пять минут. Отсюда до отеля идти максимум минут десять.

Когда старик с довольной улыбкой вышел из магазина, Брайан последовал за ним.

До самой Хольцмаркт в его вялом запястье покачивался маленький бумажный пакетик. На элегантной площади он недолго побеседовал с парой гуляющих, затем откашлялся и наконец скрылся в

обветшалом, но красивом здании, стоящем чуть в глубине боковой Луизенштрассе.

Брайан прождал почти десять минут, пока на третьем этаже включат свет. Пожилая женщина подходила к окнам и задерживала шторы. Из-за больших комнатных растений дело это было хлопотное — и, наверное, бессмысленное. Брайан заметил, что в этом большом доме на каждом этаже только одна квартира. Они, должно быть, огромные. В остальном здании царила темнота. Комната, залитая холодным светом люстры, показалась Брайану старомодной столовой. Туда вошел старик с белой бородой — встал за спиной у женщины и нежно обнял ее за плечи.

Брайан посмотрел на крепкую, узкую латунную табличку, разместившуюся между резной дверной рамой и современным домофоном. Напротив третьего этажа значилось: «Герман Мюллер инвест».

Глава 35

— Эй, Лорин. Видела, как тот господин на меня смотрит?

— Какой, Бриджет? Я никого не вижу.

Лорин оглядела ресторан отеля «Коломби». Примерно сто человек собрались насладиться тем коротким промежутком времени в начале вечера, когда вот-вот подадут ужин. Она не замечала бряцания столовых приборов и разговоров на бесчисленном количестве языков. Она думала лишь о Брайане и о том, что заставило ее сделать столь решительный шаг — поехать во Фрайбург. Инстинктивно вернулось ощущение беспокойства.

Прежде она ничего подобного не испытывала.

— Вон там! За пустым столиком с лиловой скатертью. Он сейчас на нас смотрит. В клетчатом пиджаке. Смотри!

— Ах да. Теперь вижу.

— Красивый мужчина, верно?

— Да, точно.

Лорин поразила слепота Бриджет. «Красивый» тут, наверное, не самое подходящее слово.

— Интересно, а?

Опираясь рукой на край стола, Бриджет слегка наклонилась вперед. Вокруг ее рта, выдавая волнение, собирались мелкие морщинки. Она чуть махнула головой — как будто поправляла выбившуюся прядь волос. Однако этому помешала бы половина пузырька лака для волос, который она вылила на себя в их двухместном номере.

План у Лорин был следующий: завтра, в субботу, рано встать и караулить Брайана возле его отеля, пока он оттуда не выйдет. Потом тайком пойти за ним и посмотреть, что будет. Незаметно следить за собственным мужем уже непросто, но была еще одна проблема — Бриджет. Тащить ее с собой нельзя ни в коем случае.

— Бриджет, почему бы тебе не взять бокал и не познакомиться с ним?

Невестка мгновенно покраснела и вновь взяла себя в руки.

— Лорин! — с нажимом произнесла она. — Ты же сестра моего мужа. О чем ты думаешь?

— Не о том же, о чем и ты. Но разве не все равно?

— Боже мой, что же он подумает!

— Кто?

— Тот мужчина!

Бриджет снова покраснела.

— Однозначно то же, что и ты, дорогая Бриджет.

Лорин отметила, что сильнее Бриджет уже не покраснеет, хоть она и была к этому близка.

На следующий день Лорин встала в четыре пятнадцать. Спала она отвратительно, постоянно крутилась, обнимая подушку и пытаясь заснуть. Кровать у окна осталась нетронутой. Лорин уже слышала, как жена ее брата раскаивается, рассыпаясь в бесчисленных заверениях и просьбах проявить понимание.

В то утро выпала обильная роса. Вокруг ни трамваев, ни такси — город еще не проснулся. Между «Коломби» и отелем Брайана Лорин оказалась единственным живым существом.

И тем не менее ей не пришлось долго ждать, пока хоть что-то произойдет. Если бы она догадалась, она бы спряталась за одним из каштанов, высаженных вдоль дорожки ко входу в отель. Там она смогла бы незаметно наблюдать за входом в глубине и при этом вовремя среагировать, если Брайан, выйдя на улицу, решит обойти отель. Если он решит сейчас так поступить, то запросто уйдет незамеченным — с той точки Урахштрассе, где она сейчас стоит, она его даже не заметит.

Проблема решилась еще до того, как она ее осознала. С посыпанной мелким гравием дорожки послышались шаги — и вот на улицу вышел Брайан. Лорин спрятаться было негде. Кроме них с Брайаном, на улице не было ни души. Прежде чем повернуться спиной к дороге, она мельком увидела обеспокоенное лицо Брайана, поднимавшего воротник. Он углубился в собственные мысли и не заметил ее. Ему это было не свойственно.

Быстрым шагом Брайан направлялся в центр города. Хорошо одетый и элегантный. Лорин на цыпочках кралась за ним по брусчатке,

молясь, чтобы появилось побольше людей и они поскорее вышли на дорогу поровнее, более пригодную для высоких каблуков.

Человек, шедший в сотне метров от нее, казался моложе того мужчины, с которым она прожила целую вечность. Он него веяло живостью, почти юношеской независимостью, свидетельствовавшей о том, что он вырвался от повседневной жизни. Идя по незнакомому городу в безумно ранний час, когда большинство людей крепко спят, он казался чужаком.

В субботу дорожные работы не велись, и Брайан шагал, не обращая внимания на щебень, стаптывая свои ботинки от «Ллойд». Замешкавшись, Лорин потеряла его из виду. В панике она стала озираться по сторонам. Трамваи бесшумно не ходят. Но Брайан исчез.

«Вот черт!» — подумала она. Ей стала смешна ее дилетантская попытка выполнить столь простую задачу — проследить за человеком на улице, да еще днем. Прodelав весьма долгий путь, результатов она добилась жалких.

Лорин решила идти в сторону центра.

Она испытала огромное облегчение, вновь обнаружив Брайана, целеустремленно шагавшего в паре сотен метров впереди. Болели щиколотки. Теперь по улицам ходило больше людей. Лорин чувствовала, что на нее все смотрят: она сломя голову неслась по улице крошечными шагами — движению мешали высокие каблуки, ноющие щиколотки, одежда, возраст и ее плохая физическая форма.

Когда она почти догнала его, застройка стала плотнее. Как только она обрела уверенность, что справится с задачей, он вдруг рванул к остановке посреди проезжей части и запрыгнул в трамвай. Хоть Лорин и слышала, что сзади идет трамвай, она не обратила на него внимания.

А теперь она на него не успеет.

В памяти медленно всплыли самые грязные ругательства из далекого детства. Она посмотрела на себя. Зачем она вообще носит на высоких каблуках, да еще с дамской сумочкой, где лежит помада и прочая ерунда, которая ей никак не пригодится? О чем она вообще думала, когда утром одевалась? Надеть облегающий костюм и светлое пальто! Неужели в глубине души она думала, что надо хорошо одеться на тот случай, если они вдруг столкнутся?

Она кивнула этому объяснению собственной глупости.

Посмотрела вслед грациозно удалявшемуся трамваю.

А может, все-таки стоило взять с собой Бриджет. Тогда Брайан нас бы точно заметил, и теперь все бы уже кончилось, думала Лорин, идя той же самой дорогой, что и час назад, но в обратном направлении.

По другую сторону канала трамвай остановился, чтобы высадить начинающих рабочий день ранних пташек и подобрать других пассажиров. Она прищурилась. Снова Брайан. На трамвае он проехал всего одну остановку.

В этот раз Лорин было наплевать на удивленные взгляды. Подобрав юбку, она побежала.

На большом расстоянии было почти непонятно, в какой переулок свернула машина или человек. Поражал простор города и его улиц. Взгляду открывалось все больше улиц, издали казавшихся аккуратными и обыкновенными.

Лорин была абсолютно уверена в том, куда Брайан свернул в первый раз, но уже во второй возникли сложности. Поэтому пришлось аккуратно подходить к углу, чтобы иметь возможность незаметно за него заглянуть. Пара пешеходов с сомнением косилась на нее. Маленькая девочка с красной игрушечной сумочкой зачарованно шла за ней пару улиц, пока вдруг не очнулась и не побежала обратно в булочную, откуда и вышла.

Лорин заметила Брайана на углу Луизенштрассе и Хольцмаркт. Он стоял посреди улицы, прислонившись к стене и глядя на большие решетчатые окна. Здание классическое, мещанское, в плачевном состоянии. Он никуда не торопился. И курил.

По мере того как город оживал, принимаясь за субботние хлопоты, когда все нужно успеть в два раза быстрее, на Лорин вновь накатила тревога. Брайан точно занимался чем-то таким, во что не хотел ее посвящать.

Если бы Лорин плохо знала своего мужа, ей бы не составило труда вообразить, что тут замешана женщина, потому как постепенно происходящее становилось все более непонятным и бессмысленным.

Представив себе лицо Бриджет, она замотала головой.

«Мы ничего не знаем об окружающих, мы ничего не знаем о самих себе!» Лорин буквально слышала, как ее дочь пропевает это примитивное философское утверждение. Только это все чушь. И она

это всегда знала. Вопрос в том, хватает ли смелости честно и со всех сторон посмотреть на своих близких.

Если этого не сделать с самого начала, потом можно получить неприятный сюрприз.

В данный момент Лорин была готова к тому, что сама она смотрела на мужа недостаточно трезво. Конечно, Брайан способен ее предать, и, конечно, в нем могли открыться неизвестные для Лорин стороны. По крайней мере, под ее окнами он не стоял часами — в свое время.

И тем не менее она чувствовала: тут дело в чем-то другом.

Такой человек, как Брайан, если уж за что-то взялся, обычно сразу переходит к делу.

И вот он просто ждет и курит. Заняв оборону.

Время от времени шум центральной улицы уносило утренним ветром. Поразмыслив, Лорин покинула свой пост. Прежде чем продолжить слежку, ей придется вооружиться. Нужны другая одежда и обувь. Судя по всему, какое-то время Брайан с места не сдвинется.

А до главной улицы лишь несколько сотен шагов.

Надев джинсы, она увидела продающиеся со скидкой кроссовки — коробки с ними почти загораживали вход в универмаг. Ровно в ту секунду, когда она их надела, она увидела своего мужа, идущего мимо по тротуару на противоположной стороне.

Их взгляды ненадолго пересеклись. Лорин прикусила нижнюю губу и уже хотела застенчиво ему помахать, как неуклюжая школьница, но он отвернулся и пошел дальше.

Он ее не узнал.

Только у окружной дороги она догнала его настолько, что обрела уверенность: он от нее не сбежит. На пешеходном мосту он остановился и посмотрел на парк на другой стороне. Штаттпарк, насколько Лорин известно. Она поставила огромный пакет с юбкой и пальто и зашнуровала кроссовки. Ходить в них удобно, лодыжкам стало легче, но они новые. В конце дня у нее все пальцы будут в волдырях.

А потом Брайан заметил другую женщину.

Глава 36

Брайан начал мерзнуть.

Хотя утром небо было ясное, а температура — обычная для второй половины лета, улицу продувал ледяной ветер.

Пытаясь хоть как-то во всем разобраться, на пару часов он провалился в полусон.

Накануне вечером Кит Уэллес ужасно разочаровал его по телефону. Тот Герхарт Пойкерт в Агно — не Джеймс. Если бы Уэллес как следует подумал, он бы сначала выяснил возраст этого человека, прежде чем пересекать границы. Когда он наконец туда добрался, ему хватило одного-единственного взгляда. Герхарту Пойкерту, живущему в Агно, за семьдесят, он совсем седой. С живыми карими глазами. Ужасная ошибка, стоившая их расследованию целого дня.

А сегодня суббота, и Уэллес сильно не продвинется — тут Брайан был уверен. Значит, с этого момента всё исключительно в его руках.

Он думал, что первым пунктом дневного расписания станет визит в больницу, но после беспокойной бессонной ночи он, не успев оглянуться, оказался перед домом старика на Луизенштрассе, не преследуя при этом никакой конкретной цели. Бессмысленный поступок. Пытаясь убить время, он искал себе хоть какое-нибудь занятие. Наверное, надо было забрать машину от больницы или покараулить возле дома Крёнера, но тут уж как получилось.

Впечатлений было слишком много. Его терзало воспоминание о маленьком хрупком мальчике, которого обнимал Крёнер. Что Брайан вообще знал об этом человеке? Почему Крёнер оказался во Фрайбурге? Что было после госпиталя?

Множество вопросов без ответа. Казалось, дом старика вымер. Шторы так и не открыли. Никто не заходил и не выходил, а было почти десять. В итоге он ушел.

Через несколько часов он нанесет визит в больницу.

На главной улице все как обычно. Звуки — приятные и успокаивающие. Женщины с мужьями, магазины открыты —

заманивают покупателей товарами со скидками и глупой подсветкой. Обычная утренняя атмосфера.

Цвета — прозрачные, чистые, приятные.

В универмаге напротив, где пару дней назад мигрант натягивал шорты прямо на длинные синтетические брюки, женщина мерила вещи, которые сегодня продавали со скидкой. Она быстро надела выбранные кроссовки и ритуально потопталась, проверяя их точно так же, как оценивают новую машину, пиная покрышки. На секунду подняв глаза, она показалась ему слегка похожей на Лорин. Брайан часто ходил с женой по магазинам и ждал в духоте возле примерочной, не снимая пальто. Та женщина напротив торопилась. С Лорин такого никогда не бывало.

Хотел бы он, чтобы это была она.

Собор на Мюнстерплац — нагромождение архитектурных стилей, дополнявших друг друга на протяжении трехсот лет. Готический шедевр, почти восемь столетий наблюдавший городские печали и радости. Уникальное место для горожан — и превосходная цель для бомбардировщиков союзников, которые тридцать лет назад пытались уничтожить все, что составляет собой стержень города.

На этот раз центр показался ему меньше. От рыночной атмосферы церковной площади до оживленного Леопольдринг и дальше к Штадтгартену, расположившемуся на холмах на востоке, дойти можно меньше чем за две минуты.

Каким-то чудом длинный бетонный пешеходный мост изящно вписывался в цветовую гамму парка. По другую сторону узкого моста покачивались оранжевые полосатые кабинки канатной дороги, направляясь к вершине Шлоссберга. На середине пути романтично расположился ресторан. На мгновение остановилось время. Должно быть, оттуда открывается великолепный вид на город, на Эммединген и горы.

На середине моста через Леопольдринг Брайан остановился и посмотрел по сторонам. Взаправду это все или нет. Казалось, город его отталкивает. Не хочет видеть. Не замечает. Неизменный звон колоколов собора — как в прошлый раз, когда он боролся за собственный разум и жизнь меньше чем в двадцати пяти километрах отсюда.

Теперь они разносили весть о мире.

Проходившие мимо люди его не замечали. Под ним гудел проносящийся транспорт. За исключением высокой женщины поодаль — у ее ног стоял огромный пакет, — прислонившейся к ограждению и смотревшей в сторону Шлоссберга, город не поглотил только его.

В его сторону шагали веселые детишки — за ними шли родители, болтая на ходу. Зайдя через несколько секунд в парк, они направились в сторону канатной дороги. Еще до того, как родители прошли мимо Брайана, слышались энергичные шаги — по мосту застучали каблуки.

Невысокая женщина шла выпрямившись, одета она была в бежевый свитерок, в тон ее светлым волосам.

Во второй раз за тот день женщина пробудила в Брайане воспоминания. Но в этом случае четких ассоциаций не было.

Она была не очень молода. Из-за одежды — черный плащ и длинная юбка из пестрого индийского хлопка — определить возраст было трудно.

Сначала его внимание привлекло именно это, а во вторую очередь — темп ходьбы.

Развернувшись, Брайан наблюдал за тем, как она подходит все ближе. Она из тех женщин, кого ты как будто видел где-то раньше. Причем где угодно: двадцать минут назад в автобусе, двадцать лет назад в университете, в каком-то фильме или на вокзале, засмотревшись на минуту. Результат, как правило, всегда одинаковый.

Никогда не вспомнишь, где ты ее видел и кто это.

Когда она прошла мимо, Брайан, держась на расстоянии, спокойным шагом последовал за ней. По парку она шла медленнее. Пройдя билетную кассу у канатной дороги, на секунду задержалась, поглядывая на радостно визжащих детишек. Застыла, став частью общей картины, воскресившей воспоминание. Ряд вариантов Брайан сразу отбросил. Затем она двинулась по тропинкам туда, где деревья и кустарники росли гуще. Брайан был тут в третий или четвертый раз. Он не очень хорошо ориентировался. Женщина свернула налево от озера и скрылась в направлении улицы Якоба какого-то.

Когда деревья остались за спиной у Брайана, она уже ушла. На газоне перед ним мельтешило множество людей, занятых своими делами. Перед кучкой любопытных, которые смотрели уличное

представление, он остановился и огляделся по сторонам. Его начал тревожить ее образ, вдруг возникший у него в сознании.

Он пошел дальше, добрался до отдаленного, безлюдного уголка парка, снова остановился и обернулся, повсюду ее высматривая.

Внезапно за его спиной раздался резкий звук. Когда женщина вышла из кустарников, росших у подножия деревьев, ее лицо пылало гневом. Подойдя вплотную, бросила на него оценивающий секундный взгляд и остановилась всего в паре шагов:

— Warum folgen Sie mir nach? Haben Sie nichts besser zu tun?^[21]

Брайан не ответил. Не смог.

Перед ним стояла Петра.

На мгновение ему показалось, что сейчас он упадет в обморок.

— Извините! — сказал он.

Она удивилась, что он говорит по-английски. В те секунды, когда он перестал дышать, почти замер и пульс. С лица схлынул жар, кожа побледнела. Борясь с внезапно подступившей тошнотой, он несколько раз сглотнул.

Она изменилась, а вот ее тревожное лицо оставалось до боли прежним. Никогда не меняются мелкие, приятные черты и жесты. Их, несмотря ни на что, не смогла уничтожить даже нелегкая жизнь, судя по всему, потрепавшая ее и превратившая в обычную женщину средних лет.

Какое невероятное совпадение. По его спине катился холодный пот. Прошлое ожило, вытесненные впечатления с непостижимой точностью стали единым целым. Он даже ее голос вдруг вспомнил.

— Ну что, может, на сегодня хватит? — спросила она.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и решительным шагом направилась прочь.

— Петра! — сдавленно крикнул Брайан, не успев даже подумать.

Женщина замерла.

Снова повернулась к нему, глядя недоверчиво:

— Кто ты? Откуда знаешь мое имя? Объясни.

Она очень внимательно его разглядывала. Долго. Молча.

От волнения у Брайана колотилось сердце. Перед ним стоял человек, вероятно способный приподнять завесу тайны над судьбой Джеймса. Женщина слегка наморщила лоб, как будто ей в голову пришла какая-то мысль, а затем резко замотала головой:

— Знакомых англичан у меня нет. А значит, тебя я тоже не знаю. Объяснись.

— Ты меня узнала! Я по тебе вижу!

— Да, может быть, я тебя видела раньше. Но я многих людей видела. По крайней мере знакомых англичан у меня нет.

— Посмотри на меня, Петра! Ты меня знаешь, но виделись мы много лет назад. Ты ни разу не слышала, как я разговариваю. И вообще я говорю только по-английски, я ведь англичанин. Просто раньше ты этого не знала.

С каждым произнесенным словом черты женщины становились все более открытыми и узнаваемыми. По цвету ее лица угадывалось слабое волнение.

— Петра, я не собираюсь тебе докучать. Поверь. Я даже не думал, что ты до сих пор живешь во Фрайбурге. И там, на мосту, я тебя случайно увидел. Тогда я тебя тоже не сразу узнал — мне только показалось, что мы знакомы. Поэтому мне и стало любопытно.

— Кто ты? Откуда мы друг друга знаем?

Она сделала шаг назад, как будто правда могла сбить ее с ног.

— Из госпиталя СС. Он был здесь, во Фрайбурге. Меня туда положили в сорок четвертом. Ты знала меня под именем Арно фон дер Лейен.

Если бы Брайан не подскочил, она бы упала. Он придержал ее, но она вырвалась и отпрянула. Смерив его взглядом с макушки до пяток, она снова чуть было не осела на землю. Схватившись за грудь, она прерывисто и глубоко задышала.

— Прости! Не хотел тебя пугать!

Брайан, замороженный происходящим, смотрел на нее и ждал, когда она хоть немного успокоится.

— Я приехал во Фрайбург искать Герхарта Пойкерта. Поможешь мне?

Брайан широко развел руки в стороны. Воздух стал почти осязаемым.

— Герхарта Пойкерта?

В последний раз сделав глубокий вдох, она секунду постояла, собираясь с мыслями и опустив глаза. Когда их взгляды встретились, ее щеки снова порозовели.

— Герхарта Пойкерта, говоришь? А он умер.

Глава 37

На небе собирались облачка. Гостиную освещал мертвенно-холодный свет. Вильфрид Крёнер не выпускал из рук телефонную трубку. Так он просидел уже больше двух минут. После разговора с Петрой Вагнер он лишился дара речи. Растерянная, путаясь в мыслях, она рассказала невероятные вещи. Выпрямившись, он сделал пару пометок в блокноте, а затем набрал номер.

— «Герман Мюллер инвест!» — прозвучал бесстрастный голос.

— Это я.

Человек на другом конце провода промолчал.

— У нас тут проблема рисуется.

— Вот как.

— Я только что с Петрой Вагнер разговаривал.

— Опять она?

— Нет, слава богу! Она у нас покорная, как овечка.

Выдвинув ящик стола, Крёнер вытащил таблетку из маленькой фарфоровой мисочки.

— Дело в том, что она сегодня во Фрайбурге встретила Арно фон дер Лейена.

На другом конце линии долго молчали.

— Твою мать! — произнесли там наконец. — Арно фон дер Лейен? Здесь, во Фрайбурге?

— Да, в Штадтгартене. Говорит, случайно встретились.

— Уверен?

— В том, что они случайно встретились? Она так говорит.

— Ну а потом что было?

— Он представился. Говорит, она абсолютно уверена. Это он! Петра смогла его узнать, когда он объяснил, кто он. Она сильно нервничала.

— Да, черт бы его побрал!

На другом конце провода снова все стихло. Боль появилась в первый раз за несколько недель.

— Этот человек — убийца, — произнес он.

Казалось, старик отвлекся, затем медленно прокашлялся.

— Да. Бедняга Дитер Шмидт, мой славный товарищ. С ним он разобрался, — сказал старик и сухо засмеялся.

Крёнер счел смех неуместным.

— Петра мне еще одну тревожную весть сообщила, — продолжил он.

— Наверное, он до нас хочет добраться. Да?

— Он ищет Герхарта Пойкерта.

— Герхарта Пойкерта? Вот как. А что он про него знает?

— Очевидно, только то, что ему рассказала Петра Вагнер.

— Тогда я очень надеюсь, что она не очень много наговорила.

— Только то, что Герхарт мертв. Кажется, его это ошеломило.

Крёнер коснулся щеки. Допустить подобную ситуацию ему бы очень не хотелось. Впервые за много лет он почувствовал себя уязвимым.

От Арно фон дер Лейена надо избавляться.

— А потом он решил узнать, где тот похоронен, — наконец сказал он.

— Этого, я полагаю, она ему сказать не могла. — Старик чуть было не засмеялся, но опять сухо и глухо закашлялся.

— Она с ним договорилась, что попробует выяснить, а потом ему сообщит. Они встречаются в два часа в баре отеля «Раппенс». Она ясно дала понять, что вряд ли сможет ему помочь.

Старик задумался — на другом конце линии даже послышался скрип.

— Что думаешь? Пойдем туда?

— Нет! — тут же прозвучал ответ. — Позвони ей и скажи, чтобы она сообщила Арно фон дер Лейену, что Герхарт Пойкерт похоронен на мемориальном кладбище возле смотровой площадки на Бургальдеринг. У колоннады.

— Там нет мемориального кладбища.

— Правильно, Вильфрид, нет. Но кто об этом знает? А чего нет, то появиться не может, верно? И скажи Петре Вагнер, чтобы Арно фон дер Лейен канатной дорогой воспользовался. Пусть объяснит ему, что от Штадтгартена у Карслплац туда добираться всего пару минут. И наконец, Вильфрид, попроси ее сказать ему, что раньше трех часов туда нельзя.

— И зачем? Проблему это не решит.

— Не решит. Я пока думаю, надо нам с Ланкау переговорить. Лучше его с этой задачей никто не справится, как думаешь? На вершине Шлоссберга бывает весьма тихо.

Крёнер взял из ящика еще одну таблетку. Через год его сын пойдет в школу. Родители будут говорить детям, что с ним надо играть. Ему будет легко — этого Крёнер и хотел. После войны жизнь была к нему благосклонна. Так будет и дальше. Отказываться от некоторых вещей он был не готов.

— Мне в этой ситуации кое-что другое не нравится, — сказал он.

— А именно?

— Он убедил Петру, что он англичанин. Он с ней разговаривал только по-английски.

— Надо же! — Старик на мгновение замолчал. — Ну и что?

— Да, ну и что? Кто он вообще такой? Он здесь один? Зачем ищет Герхарта Пойкерта? Зачем Арно фон дер Лейену выдавать себя за англичанина? Мне это не нравится. В этой истории слишком много всего неизвестного.

— Предоставь неизвестное мне, Вильфрид. Разве я в этом деле не спец? Разве я все это время не говорил, что с этим человеком что-то нечисто? Разве я еще тогда не сомневался в том, что он именно тот, за кого себя выдает? Да, именно об этом я и говорил! А теперь видишь? Неизвестное — это мой конек, ты же знаешь.

Пытаясь засмеяться, он сдерживал кашель.

— Я буквально живу неизвестным. Разве мы были бы там, где сейчас, если бы я не обладал способностью извлекать из неизвестного пользу? — натужно произнес он.

— И какой же конек у Арно фон дер Лейена? Если учесть, что ему известно из наших разговоров в госпитале, он знает, что искать.

— Хватит, Крёнер! — Петер Штих заговорил грубо. — Он бы сюда много лет назад заявился, если бы подозревал, что мы здесь. Он об этом не знает. Нас теперь зовут по-другому. Не забывай, время не стоит на месте. Есть огромная разница между красноглазым пациентом, которого он видел в госпитале, и стариком Германом Мюллером с белой бородой. Но его, само собой, надо убрать. А теперь успокойся и позвони Петре Вагнер, а я пока найду Хорста Ланкау.

Наконец добравшийся до квартиры на Луизенштрассе Ланкау пребывал в бешенстве. Одет он был странно. Свитер на нем сидел криво, как будто на плече все еще болталась сумка для гольфа. Он даже не поздоровался.

— Вам что, непонятно? — рявкнул он.

Крёнер нервно на него посмотрел. Широколицый весь побурел. В последние годы он сильно поправился, из-за чего подсакивало давление. Взяв у него пальто, Андреа Штих скрылась в коридоре. В большой квартире ярко горел свет, хотя солнце стояло высоко. Старик погладил бороду и любезно указал ему в сторону дивана в углу, где уже сидел Крёнер.

— Черт возьми, я по субботам в гольф играю! Фрайбургский гольф-клуб — мое убежище! А обедаю я всегда в «Коломби» со своим партнером, между девятой и десятой лункой, так?

Ланкау не ждал ответа.

— Даже когда рожала моя старшая дочь, я и то не хотел, чтобы меня беспокоили. И вы это, черт побери, знаете! Какого хрена вы меня сегодня дернули?

Он рухнул на сиденье.

— побыстрее, пожалуйста! — рявкнул он.

— Успокойся, Хорст, у нас интересные новости.

Прокашлявшись пару раз, Петер Штих посвятил в ситуацию широколицего холерика. Сидящий напротив него крепкий мужчина побледнел на глазах. Лишился дара речи. Сложив руки, он наклонился вперед. Силы у него по-прежнему есть.

— Вот видишь, Хорст! Хочешь сберечь свое убежище на дорожке для гольфа — ну или любое другое убежище, — придется позвонить партнеру по гольфу и сказать, чтобы он в оставшиеся девять лунок мячик сам забивал. Скажи, к тебе в гости вдруг старые приятели нагрянули, ага?

Старик снова закашлялся, а не засмеялся.

— Все прочие дела мы пока откладываем в сторону, — сказал Крёнер, пытаясь не замечать недовольный взгляд Ланкау. За долгие годы между ними выстроилась субординация. — Пока все не кончится, предлагаю нашим семьям на пару дней уехать.

Ланкау нахмурил брови, почти совсем закрывая больной глаз. При последней встрече Арно фон дер Лейен оставил ему сувенир на

память.

— Думаешь, этот козел знает, где мы живем?

Он повернулся к Крёнеру, выпятив нижнюю губу. Крёнер точно знал: Ланкау больше боится за имущество, чем за свою семью. Как бы то ни было, результат есть. Ланкау стал слушать.

— Я уверен, что Арно фон дер Лейен хорошо подготовился, а прямо сейчас намерен сделать последний ход. Штих со мной не согласен: он в совпадения верит.

— Я не знаю, что мне делать. Как вы поступите со своими семьями, ваше дело. Только будьте аккуратнее. А вообще, я не думаю, что заставлю Андреа хоть с места сдвинуться, — так ведь, Андреа?

Маленькая фигурка молча замотала головой и поставила чашку на стол. Крёнер оглядел ее. Приложение к собственному мужу. В его глазах — человек несамостоятельный, но грубый и жесткий. В отличие от нынешней жены Крёнера — сама невинность, — Андреа Штих много чего повидала. Долгая жизнь с мужем сделала ее нечувствительной к тревогам и боли. Жена коменданта концлагеря не хранит в душе наивность. Если у ее мужа есть враг, надо его уничтожить — все очень просто. Вопросов она не задавала. Это все мужские дела. А она позаботится о доме и самой себе. Но в это дело Крёнер свою семью впутывать не может. Не может и не станет. Ланкау поворчал и подвинулся.

— А теперь мне надо его убрать! Это вы мне хотите сказать? Да, с радостью. Я этого много лет ждал. Но нельзя было выбрать место получше, чем Шлоссберг?

— Не переживай, Ланкау. Место отличное. В три часа школьники оттуда уйдут. В такое время в сентябре у колоннады ни души не будет. Сможешь спокойно отомстить.

Старик опять засмеялся и обмакнул печенье в кофе. Субботняя радость, которая его врачу не понравится. Крёнер все это по своему сыну знал. Диабетики часто не слушаются.

— А пока, Вильфрид, отправь обе ваши семьи куда-нибудь на выходные. Предлагаю встретиться в «Даттлере» в пять часов, когда все кончится. От тупа вместе избавимся. Эту проблемку я решу. Но пока что нам делать нечего. А для тебя, Вильфрид, есть еще одно срочное дельце.

Крёнер рассеянно на него посмотрел. Он на минуту отвлекся, раздумывая, что сказать жене. Она начнет задавать вопросы. Петер Штих накрыл его руку своей:

— Прежде чем что-то делать, Вильфрид, навести Эриха Блуменфельда.

Глава 38

Радость и тоска, напряжение и облегчение, страх и смелость — на Брайана непрерывно накатывались совершенно противоположные чувства. Сначала он задыхается и жмурится — и вот уже, открыв рот, дышит полной грудью.

От слез расплывались контуры предметов.

Джеймс не справился. Он не удивлялся — скорее жаловался.

Не ослабевало ощущение, что он совершил предательство.

— Ты могилу видел? — спросил по телефону Уэллес.

Брайан даже мог представить его недоверчивый взгляд.

— Еще нет.

— Но ты знаешь, что он умер?

— Да, так медсестра сказала.

— Но ты же еще не видел могилу! Я доработаю выходные, как мы договаривались?

— Поступай как знаешь, Кит. Думаю, мы своей цели достигли.

— Ты *думаешь*. — Кит Уэллес подчеркнул оговорку Брайана. — Ты не уверен?

Брайан вздохнул:

— Уверен? — Он потер затылок. — Да, вполне. Я тебе сообщу, когда что-то узнаю.

На Брайана недовольно поглядывали официантки. Телефон-автомат перекрывал им путь из кухни в зал. Все они кивками показывали на объявление на стене: Брайан его не понимал, но предположил, что оно перенаправляет посетителей к телефонам-автоматам на первом этаже универмага. Брайан пожимал плечами всякий раз, когда они, качая головой, протискивались мимо с полными подносами. У него уже третий звонок. Или, вернее сказать, попытка.

Позвонив несколько раз, он был вынужден признать, что дома, в Кентербери, он Лорин не застанет. Судя по всему, она поехала к Бриджет в Кардифф.

Следующий разговор — с Мюнхеном. В Олимпийской деревне его не искали. Разговор вышел короткий. Говорили только о победе в женском пятиборье. Вероятно, все заслонил триумф. Мэри Питерс

волшебным образом всего на один балл преодолела рубеж в 4800 очков. Сенсация. Мировой рекорд. Несмотря на возникающие в ходе беседы паузы, ни одна из сторон не коснулась недавних трагических событий. Об осквернении Игр уже прекратили говорить, кричать и писать, хотя жертв даже не успели похоронить. Таков спорт. Полная концентрация.

Когда он оказался у входа в бар на Мюнстерплац, у него ужасно громко и быстро колотилось сердце. Бар почти полон. Брайан не видел никого, кроме Петры. Села она прямо у двери, выходящей на площадь, и, не сняв верхнюю одежду, тянула из большого бокала пиво. На бокале застыла пена. Значит, она его ждала. Поэтому не страшно, что он пришел раньше.

Без десяти два.

Когда стали бить часы, она лишила его последней надежды. У Брайана задрожали губы. Петра смотрела в стол, качая головой. Недолго посмотрев на него, она накрыла его руку ладонью.

Таксист переспросил три раза, прежде чем понял, куда Брайану надо. Он уже пожалел, что не остался с Петрой: могли бы вместе попытаться осознать прошлое. Но по-другому он не мог.

Ему надо было уехать.

Она подтвердила, что Герхарт Пойкерт мертв. Потрясение снова накатило быстро. Джеймса похоронили в общей могиле на мемориальном кладбище. Брайан практически впал в ступор. Во время бомбардировки 15 января 1945 года погибло немало людей. Многих даже не опознали. Эта мысль только теперь пришла ему в голову. Джеймса похоронили без имени, без надгробья и без знаков отличия. И это хуже всего.

Ясно вспомнились беседы с капитаном Уилкенсом — из-за них госпиталь атаковали бомбардировщики союзников.

Мучительно ясно.

Когда Брайан наконец оказался на аллее и увидел побитый «фольксваген», который накануне запарковал перед больницей Святой Урсулы, внутри у него все перевернулось.

Когда в напряженной ситуации приходится испытывать свое терпение на прочность, все люди реагируют по-разному. Брайан хорошо помнил, что Джеймсу в таких ситуациях всегда хотелось спать

и он старался где-нибудь прилечь. Так всегда было, когда они отдыхали перед вылетами, — то же самое происходило в былые дни, во время экзаменов в Итоне и Кембридже. Не раз суровому экзаменатору приходилось приводить спящего Джеймса в чувство, чтобы тот мог сесть возле покрытого зеленым сукном стола.

Прекрасная способность — можно только позавидовать.

Но с Брайаном такого никогда не было. Ожидание вызывало у него тревогу. В мучительном ожидании он без конца подсакивал и снова садился. Ему хотелось размять ноги, выйти на воздух, полистать учебник, помечтать о свободе. Хоть что-то сделать.

Впервые его одолело это чувство. Охватила лихорадка ожидания. Оставался еще час до того, как он поднимется на Шлоссберг и увидит могилу лучшего друга. Во время ожидания править им будут тревога и необдуманные порывы. В непростой ситуации он начинал нервничать.

Он еще раз посмотрел на побитый «фольксваген». Он стоял неровно по отношению к другим запаркованным на улице машинам. Хоть в это было и трудно поверить, машина стала еще грязнее. Буквально не осталось не покрытого пылью места. Из черной машина стала серой.

Теперь надо отогнать «фольксваген» к маленькому бару у моста через железную дорогу, чтобы его забрал прежний владелец, как они и договаривались.

Опираясь руками на крышу «фольксвагена», он посмотрел через дорогу, в сторону больницы Святой Урсулы. Он даже не заметил, как почернели рукава. В окнах зданий напротив горел свет.

Как и у всех психиатрических лечебниц, у больницы Святой Урсулы, разумеется, были свои секреты. Вот бы оставалась надежда, что один из них — Джеймс. А теперь он знал: этого быть не может. А вот рябой, убийца Крёнер, напротив, был составляющей этого места. Неизвестной составляющей. И мог оказаться кем угодно.

«Фольксваген» слегка затрясся, когда Брайан стукнул по крыше. Решение он принял быстро.

Ожидание свое дело сделало.

Заведующая фрау Реман появилась через несколько минут. Упрямый санитар пытался его выгнать. Но Брайан предъявил ему букет, тем самым расчистив путь к приемной фрау Реман. Глядя на

букет, из-за жары уже начавший вянуть, Брайан порадовался собственной находчивости.

Цветы предназначались для могилы Джеймса.

Приемная была абсолютно пуста. Ни единой бумаги. Брайан одобрительно кивнул. Единственной безделушкой в комнате оказалось фото молодой женщины, смотревшей в камеру поверх макушки маленького темноволосого мальчика. Поэтому Брайан решил, что секретарь фрау Реман — мужчина, и ждал с ее стороны самого худшего.

Он оказался прав, но лишь отчасти.

В жизни фрау Реман оказалась столь же неприступной, как и в телефонном разговоре. Она изначально решительно настроилась выставить Брайана за дверь. Она уже собиралась вежливо его вывести, но Брайан резким движением всучил в ее протянутую руку букет — она ненадолго утихомирилась, а Брайан успел сесть на краешек секретарского стола и одарить ее широкой, но категоричной улыбкой.

Надо вести переговоры — тут Брайан специалист, хоть сам понятия не имел, какую цель он преследует, да и какие у него мотивы — тоже.

— Фрау Реман! Простите меня! Должно быть, я неправильно понял мистера Макриди. Мне в отеле от него сообщение передали, что первая половина дня вам не подходит. Я решил прийти после обеда. Мне уйти?

— Да, спасибо, мистер Скотт, я была бы вам очень за это признательна.

— Жаль, раз я тут. Комиссия будет очень разочарована.

— Комиссия?

— Да. Нам ведь, разумеется, прекрасно известно, что ваша клиника работает согласно лучшим управленческим принципам. И тем не менее я уверен — а вы, фрау Реман, со мной согласитесь: от финансовой поддержки ни одна организация не откажется.

— Финансовой поддержки? Не понимаю, о чем речь, мистер Скотт. О какой комиссии вы говорили?

— Я сказал комиссия? Ах да, это сильно сказано: ее еще не создали; назовем это комитетом комиссии. Это более подходящее выражение.

— Вот как. — Фрау Реман кивнула. — Комитет комиссии.

Даже властной заведующей овладело любопытство.

— И вы в этот комитет входите, мистер Скотт?

— Ну да, меня выбрали. Я, если можно так выразиться, своего рода председатель. В комитете у всех примерно одинаковые полномочия. Может, будем меня представителем называть?

— Да, конечно, мистер Скотт, если вы считаете, что так лучше.

Брайан разволновался. Обольщение стоявшей перед ним художавой женщины само по себе сыграло роль терапии. Он посмотрел на часы. Половина третьего. Теперь он не успеет запарковать «фольксваген» перед баром хиппи.

— Да, речь о фонде Европейского экономического сообщества, его как раз учреждают — позволю себе заявить, что это вот-вот случится. Все частные клиники, такие как ваша, фрау Реман, могут претендовать на весьма серьезное финансирование.

— Ах да, Европейское экономическое сообщество! — неуверенно произнесла она. — М-да. Кажется, я про это где-то читала.

Актриса из фрау Реман никудышная.

— Говорите, вы в комитете состоите. Мистер Скотт, а когда учредят комиссию? То есть когда примут решение о выделении средств и размере суммы?

— О, решить будет непросто. Отчасти это зависит от членства некоторых стран после Нового года, а отчасти — от нашей работы. Всегда есть какие-то препятствия. Глупые мелочи, которые все портят и тормозят. Взять, например, Макриди. Он нас слегка запутал, верно?

Сидевший Брайан наклонился к ней — его лицо оказалось почти на уровне с ее угловатыми плечами.

— Признайтесь, фрау Реман. Вы не хотите мне рассказывать, что для вас это все новость? Меня это удивляет.

— Да, тут я должна вам признаться.

Фрау Реман как-то неловко рассмеялась. Брайан понял: она в его власти.

Проводя экскурсию по клинике, фрау Реман вела себя доброжелательно и много всего рассказала. Брайан вежливо и с интересом кивал и задавал совсем мало вопросов, — кажется, его сопровождающей это очень нравилось. Несмотря на профессиональные знания, большинство понятий психиатрии,

которыми так и сыпала фрау Реман, пролетели мимо ушей Брайана. Его эмоции остались в другом месте.

Современная больница. Светлая и радующая глаз, неяркие цвета и улыбчивый персонал. В одном крыле почти все пациенты сидели в общей комнате. Повсюду — телетрансляции финальных соревнований, завершающих Олимпийские игры.

В первом отделении у подавляющего большинства пациентов была сенильная деменция, — как правило, они сидели вялые, накачанные лекарствами, на грудь им стекала слюна. Другие тихо, но непрестанно чесали в паху.

Женщин было совсем мало — и это бросалось в глаза.

Несмотря на удивление фрау Реман, Брайан настоял на том, чтобы посмотреть все палаты.

— Фрау Реман, я такого никогда не видел. Отсюда и мое любопытство. Неужели так бывает?

Заведующая заулыбалась. Она была на полголовы выше всех мужчин, встретившихся им по дороге. Разницу в росте объясняли длинные ноги, однако в немалой степени — прическа, все время грозившая развалиться. Каждый раз, когда Брайан делал ей комплимент, она хваталась за свою невероятную укладку. И вот снова схватилась.

Когда они миновали стойку регистратуры в приемной по дороге в другое крыло, было уже три часа. По обе стороны от входа стояло крепкое и загадочное экзотическое растение, тянувшее ветви к лампе в потолке. Растения не только служили украшениями, но и прикрывали две жуткие вешалки, куда и Брайану тоже пришлось повесить свою верхнюю одежду.

За гигантскими растениями и металлическими вешалками прятался человек — лицо его было покрыто оспинами. Он тихо и размеренно втягивал воздух сквозь зубы. При виде гостя фрау Реман он сжал кулаки.

Лишь когда они подошли к последней палате, фрау Реман позволила себе слегка отвлечься. Ее уже несколько раз вызывали по внутренней связи, однако она почти не обращала на это внимания.

Брайан осмотрелся. Обстановка такая же, как и в предыдущем отделении.

Но пациенты другие. Огромная разница по сравнению с тихой смертью от связанных с возрастом психических заболеваний.

По спине Брайана стекал холодный пот. Больше всего это отделение напомнило ему психиатрическое отделение госпиталя СС. Речь и позы. Ужасная апатия и ощущение оглушенности.

Хоть Брайан нигде не увидел совсем молодых пациентов, их средний возраст вряд ли превышал сорок пять лет. Кто-то на первый взгляд казался вменяемым и любезно приветствовал заведующую, отвечавшую коротким кивком, — прическа вынуждала ее здороваться аккуратно.

А еще были пациенты, на жесты и телодвижения которых явно наложила отпечаток шизофрении. Вялая, странная мимика, запавшие глаза, тревожный взгляд.

Все смотрели телевизор. Большинство уселись в ряд на модных светлых дубовых стульях, некоторые — на разноцветных диванах, а пара человек — в больших, тяжелых креслах с ушами, спинкой ко входу.

Скользивший по телезрителям взгляд Брайана наткнулся на серьезное лицо фрау Реман у переговорного устройства. Сказав кому-то пару слов, она подошла к Брайану и любезно взяла его под руку:

— Простите, мистер Скотт, но нам нужно поторапливаться. Вам придется меня извинить, но нам еще второй этаж осматривать, а там возникли кое-какие обстоятельства, и они требуют моего присутствия.

Несколько пациентов вяло наблюдали за тем, как они выходят из комнаты. Совсем никак не отреагировал лишь один человек. Он неподвижно сидел в кресле с ушами — за годы оно стало его постоянным местом. Он вообще не шевелился — только чуть-чуть двигались глаза.

Его захватило происходящее на экране.

Глава 39

В то же самое мгновение, когда они вышли из комнаты, сидевший в кресле мужчина вернулся к своим занятиям. Сначала он, как обычно, поболтал ногами. Потом растопырил пальцы на ногах, пока они не заболели, сделал глубокий вдох и расслабился. Напряг бедра, пока и они тоже не заболели, а затем — внешнюю часть голени и мышцы бедра. Он по очереди напряг и расслабил мышцы всего тела, а затем начал сначала.

Зернистый экран безостановочно менял цвет. У него перед глазами постоянно злились вспотевшие люди. Он уже в третий раз наблюдал за тем, как одни и те же спортсмены готовятся к одному и тому же забегу. Хлопают в ладоши и вскидывают ноги. У одних было три полосы на кроссовках, у других — только одна. Прозвучал выстрел — во время забега все они дико размахивали руками, сначала вперед-назад, а затем, пересекая черту, поднимая их вверх. Все мускулистые. Особенно цветной. Все тело. От макушки до пяток.

Затем мужчина осторожно встал и высоко поднял руки. Остальные пациенты не сводили с экрана глаз. Его никто не замечал. Затем он вновь начал напрягать мышцы — каждую группу по очереди. Тело у него, как у цветных, сложено гармонично, от макушки до пяток.

Кто-то из бегунов рухнул на газон. Цветных среди них не было, но все — в светлых шортах. Следовательно, у большинства — светлые шорты. Вытягивая руки к потолку в десятый раз, он пересчитал официальных лиц, выстроившихся у ограждения лицом к зрителям. Каждый раз, когда менялся кадр, он пересчитывал их снова. Двадцать два.

А затем он сел и начал все сначала.

Бегуны долго ходили, уперев руки в боки. Этот забег он тоже уже видел. Никто из спортсменов не смотрел друг на друга. У большинства из них — кроссовки с тремя полосками. Лишь один удовольствовался горизонтальной чертой. Затем он посчитал официальных лиц у ограждения. Во время этого забега их осталось мало. Восемь. Он пересчитал их еще раз.

В перерыве между репортажами он снова встал. Наклонился вперед, взялся за лодыжки и потянул верхнюю часть тела к бедрам. Закрыв глаза, он прислушался к звуку в помещении. Зрительский гул сменила тишина, предвещающая появление очередных бегунов. То же самое он видел накануне.

Он с силой потянул за ноги — даже лоб ударился об коленки — и стал считать в обратном порядке. Сто, девяносто девять, девяносто восемь, девяносто семь... Снова выстрел. Продолжая обратный отсчет, он отвел взгляд в сторону — мимо пронеслась общая комната. Лицо человека на стуле рядом с ним смазалось из-за быстрых движений. Все слилось. Смешались цвета, а затем он услышал крик зрителей. Низкий протяжный, гармоничный звук — но слов не разобрать. Выпрямившись, он мельком взглянул на экран, запечатлев целую кучу рук и красок. Вновь закрыв глаза, он стал пересчитывать по памяти головы. Стихали звуки на заднем плане. Во время тренировок всегда наступал момент, когда начинала кружиться голова. Последние тридцать повторов он выполнил на автомате. Торопливо сделав пару вдохов, он снова выпрямился. Мышцы шеи свело судорогой — затем он потянулся к потолку и сел лишь тогда, когда зернышки на экране вновь собрались в картинку.

Он сделал несколько глубоких вдохов — в последний раз он задержал дыхание. Вознаграждение, завершавшее каждый подход. Полная концентрация и покой. Все поры открылись. В эти мгновения общая комната становилась реальной.

Закрыв глаза, он вспомнил в обратном порядке весь подход, каждое движение. Дойдя до начала, он услышал за спиной шаги посетителя. Он вспомнил каждое движение.

У ботинок незнакомца жесткая подошва. Семенящая походка — шаги часто стучали по полу. Когда заведующая подошла к переговорному устройству, он стоял не шевелясь. А потом они опять заговорили.

Мужчина в кресле с ушами быстро свел колени, его взгляд расплылся. Выдохнул через рот и снова набрал воздуха в грудь, сделав резкий, глубокий вдох. Они поговорили. Теперь, когда он стал вспоминать, произнесенные обоими звуки показались назойливыми и резкими. Открыв глаза, он увидел новую партию бегунов, сосредоточенно готовившихся к старту. У пятерых — кроссовки с

тремя полосками. У двоих — всего одна. Затем он пересчитал официальных лиц у ограждения. В этот раз — только четверо. Пересчитывая в третий раз, он задышал быстрее и поднял взгляд.

Некоторые слова не желали уходить из памяти.

Вновь посмотрел на экран, он опять начал болтать ногами. На этот раз половину программы он пропустил, встал с кресла и обхватил лодыжки. Услышав в коридоре шаги, он разжал руки и резко выпрямился. За этими занятиями его не поймали ни разу.

Лишь когда рябой сел рядом с ним, он пошевелил головой. Он позволил гостю провести рукой по своей спине и, как раньше, сосчитал, сколько раз. На этот раз его гость вел себя тише, чем обычно.

— Пойдем, дружок, — сказал он. — Поедем к Герману Мюллеру. — Затем он сжал его руку. — Пошли, Герхарт, кофе выпьем.

В первый раз за много лет Джеймсу показалось, что имя какое-то не то.

Глава 40

Лишь идя по тропе Штаттгартена, Брайан сообразил, что цветы, предназначавшиеся для могилы Джеймса, теперь стоят в кабинете заведующей Реман. После перерыва в экскурсии она вела себя гораздо сдержаннее, и это было заметно.

Через несколько минут они попрощались.

Вся затея оказалась напрасной. Ему так и не удалось ничего разузнать о Крёнере, или Хансе Шмидте, как он себя теперь называл. Ему так и не представилась возможность задать нужные вопросы. Попытка установить связь между финансовой поддержкой и ответами на вопросы полуличного характера была бы опрометчивым поступком. Удивленная фрау Реман мгновенно заподозрила бы неладное. А скоро это и до ушей Крёнера дошло бы. Брайану такое было не нужно.

В свое время он заглянет к рябому в гости.

В конечном счете визит в клинику был бессмысленной затеей. Напрасно потраченное время.

Уже на площади у парка Брайан, наклонившись, сорвал цветок — длинный, какой-то жалкий, похожий на крапиву и уже наполовину отцветший; выдрал он его с корнем, и неудовольствия сторожа парка это не вызвало. Он поправил лепестки. Невзрачное растение говорило о его тоске и намерениях лучше, чем любой букет.

Очередь на канатную дорогу ему показалась бесконечной. Кабинку покачивало, и его затошнило. Дурнота еще не прошла, когда он, следуя указаниям Петры, наискосок пошел к колоннаде по дорожке из брусчатки. Подобно некоему анахронизму, в склон холма врезались искусственные греческие колонны. Окружали их низкие стенки с металлическими перилами.

Несмотря на благие намерения, сооружение выглядело уродливым и запущенным. Унылая затхлость — атмосфера и предназначение этого места в высшей степени соответствовали друг другу.

В Германии военные мемориалы, как правило, не отличаются анонимностью. Гигантская угловатая колонна, стоящая внизу, служила тому превосходным доказательством. Со времен Первой мировой войны мемориал отдавал долг павшим, а часть колонны — из чисто

практических соображений — осталась без гравировки. Пройдет всего пара десятилетий, и Вторая мировая война даст случай использовать предусмотрительно оставленное место. Можно было только надеяться, что больше места не понадобится.

Подобные памятники стояли повсюду. И общей у них была одна черта: по ним было абсолютно ясно, зачем их ставили. Поэтому Брайан удивился тому, что, даже обойдя колоннаду несколько раз, не нашел нигде даже какой-нибудь мелкой латунной таблички или любого другого указания на причину возведения этого сооружения или на присутствие захоронения.

Сев на корточки, он долго отдыхал, уперев руки в бедра. Затем опустился на колени и взял горсть земли.

Влажной и темной.

Глава 41

Ровно сорока пятью минутами ранее тот же путь вверх проделала широкая и тяжеловесная фигура.

Шагая по зарослям, Хорст Ланкау дышал с трудом. В последний раз он был здесь по меньшей мере пять лет назад, а до этого — очень давно. Эти колонны повидали немало мгновений любви. Если бы Ланкау вырос в городе, он бы наверняка по-другому относился к этому месту.

Сейчас он его ненавидел.

Целых три лета его старшая дочь Патриция вздыхала по юноше, чья семья, к несчастью, имела обыкновение проводить пару недель своего скромного отпуска в кемпинге к югу от Шлоссберга. От хлопающих на ветру палаток сладкая парочка, очевидно, взбегала по лестнице от ворот Швабертор и шла дальше по тропинке к греческим колоннам, где теперь оказался Ланкау.

Третье лето, проведенное вместе с его дочерью, стало для юноши последним во Фрайбурге — больше Патриция о нем не заговаривала.

Ланкау застал любовников на месте преступления. Так сказать, со спущенными штанами, и с тех пор парень вряд ли сможет что-нибудь подобное сотворить. Ланкау это дорого обошлось, но родители парня удовлетворились возмещением ущерба.

Этот глупец хоть образование получит.

Теперь-то Патриция замужем, а остальные две дочери слишком умны, чтобы подобное повторить.

Его сын мог делать что хотел.

О том, что есть и другие люди, регулярно ищущие приключений на платформе, составлявшей крышу колоннады, где он теперь находился, красноречиво свидетельствовали углы: использованные презервативы валялись у стен.

Мощный контраст с их упоительным предназначением.

Почти половина четвертого. Для Хорста Ланкау ожидание ничего не значило. Он годами мечтал о мести.

В ту судьбоносную ночь на Рейне Арно фон дер Лейена неожиданно поглотила неизвестность. Несмотря на то что Ланкау имел хорошие связи и приложил немало усилий, любые следы этого человека неизменно обрывались у темной глади Рейна.

День за днем Ланкау приходилось жить с физическим недостатком, подаренным судьбоносной стычкой с Арно фон дер Лейеном. Красивым он уже не был. Лицо из-за прикрытого глаза перекосило. Женщины к нему интереса не проявляли и отводили взгляд, когда он пытался знакомиться. Он сам себе казался жалким. Слепой правый глаз мешал на площадке для гольфа. Из-за компрессии шейных позвонков не проходило и месяца без головной боли, отравлявшей существование и ему самому, и его близким. Огнестрельное ранение в грудь разорвало мышцы — ему было трудно поднять левую руку выше талии, да и мешало катить мяч по фервею^[22].

И наконец, мучила душевная рана по имени ненависть, способная вечно истязать и разрушать.

Чтобы за все это отомстить, он вполне мог еще немного подождать.

Ланкау заметил свою жертву, когда Брайан срывал цветок у пешеходного моста. С трудом опустившись на крышу колоннады, он положил бинокль рядом с пистолетом.

Его пистолет — один из худших видов оружия, запущенных в массовое производство. Говорили, он погубил больше друзей, чем врагов. «Тип 94», или «Сики Кэндзю 94» (таково правильное обозначение), — один из немногих примеров того, что, когда дело касается мелких механизмов, ошибаются даже японцы.

Пистолет ненадежный. Если обойма полная, бывало, пистолет срабатывал, когда его просто снимали с предохранителя: тот расположен удобно, но в очень заметном месте, над рукояткой.

Однако в коллекции Ланкау это был единственный пистолет с глушителем.

Впервые он его увидел у одного давнего делового партнера. Японец, для которого время остановилось: сам он соблюдал традиционные ритуалы. Прохладным летним днем в Тоёхаси он, будучи хозяином, с гордостью вынул его из старой тряпицы и стал

рассказывать, как надежно пистолет защищал его на протяжении жизни, несмотря на дурную славу.

Ланкау столь откровенно ему позавидовал, что уже через месяц получил его в подарок в партии разнородного груза.

Хозяин совершил этот жест из свойственного японцам гостеприимства, чтобы его честь не пострадала.

Но с тех пор совместных дел они больше не вели.

Должно быть, японец ожидал, что Ланкау с вежливой формулировкой подарок вернет.

Но он этого не сделал.

Оружие он регулярно смазывал и испытывал. Звук выстрела с глушителем не был похож на тот хлопок, что обычно бывает в кино. Звуки напоминали выстрелы — пусть краткие и очень сильно приглушенные, но все же выстрелы. Ланкау огляделся. В тридцати метрах, в пределах слышимости, — никого. В «Даттлере», городской достопримечательности и одном из лучших ресторанов региона, все совершенно как всегда. В это время года редко кому хотелось гулять на окраине Шлоссберга.

Тут Ланкау пришлось согласиться с Петером Штихом.

Широколицый смотрел вниз, прижимая больной глаз. Ему в этот день движение канатной дороги тоже показалось очень медленным.

Когда кабинка скрылась за деревьями, он схватил пистолет и растянулся на крыше. По его опыту цель должна оказаться близко, чтобы не осталось сомнений: «сики кэндзю» нанесет меткий и смертельный удар. Это он на животных проверил. За прошедшие годы он огрузнел, и гоняться за добычей ему стало не по силам.

Надо, чтобы жертва сама подошла к нему. И вот она совсем рядом.

Секунду мужчина оставался в поле зрения, а затем скрылся под кронами деревьев. Арно фон дер Лейен еще не утратил юношеской гибкости. Разумеется, он изменился — Ланкау его другим запомнил, но это он. Ланкау почувствовал в своем дыхании сладость, как будто уже утолил жажду крови. Человека, который стоит так близко, он уже давно хотел встретить при подобных обстоятельствах.

Ничего не подозревающего и на расстоянии выстрела.

Под Ланкау медленно и глухо раздавались шаги. Судя по всему, Арно фон дер Лейен ищет могилу Герхарта Пойкерта. Ланкау сделал

протяжный вдох. С таким человеком, как Арно фор дер Лейен, ничего невозможно знать заранее. Это их последняя встреча, и на этот раз Ланкау рисковать не станет. Как только он отнимет жизнь у этого подлеца, из-за которого потерял зрение и благопристойный вид, вопрос будет закрыт. Выстрелит он без колебаний.

От тропинок с разных сторон слышались голоса. Юные, но не детские. Ланкау беззвучно выругался. Молодые люди могут очень неожиданно нарушить покой. Для них не существует ни уважения к личному пространству, ни естественных преград. Не успеешь оглянуться, а они вдруг вылезают из кустов.

Шорох шагов под ним стих.

Глава 42

Постепенно росли влажные пятна на коленках. Вновь сев на корточки, Брайан тоскливо вздохнул, вглядываясь в раскинувшийся под ним пейзаж. Сливались крыши домов и зеленые оазисы плоской долины. Так горько он уже много лет не плакал. Затем он рухнул на колени.

Доносившийся сверху беззаботный детский смех, острый запах смолы, расстилавшийся перед ним опрятный пейзаж вызвали чувство тоски, подобного которому он прежде не испытывал. Не было и следа могильной плиты, под которой лежал его лучший друг.

Закусив верхнюю губу, он поднял взгляд, проклиная себя за то, что не спросил у Петры адрес. Может, он ее указания неправильно понял. Наверное, она неточно выразилась или специально его запутала.

Он встал. Опустил плечи. В аккуратном пейзаже и кипящем суматохой городе растворилось его желание во всем разобраться.

Он был уверен: здесь Джеймс обрел последний покой.

В наступившей на мгновение тишине он склонил голову, вспоминая друга. Затем аккуратно разгладил лепестки увядшего цветка и огляделся, ища, куда бы его положить. Будь здесь надгробный камень, он бы положил его туда.

В конце колоннады он на секунду задержался, оглядывая закрытое маленькое здание посреди мемориала. В паре шагов среди листвы, огибая мемориал, пряталась небольшая тропинка. Судя по коричневой земле и истоптанным обнаженным корням, по ней постоянно ходят.

Там он еще не искал.

Он сделал несколько шагов, и вдруг раздался неожиданный звук. Легкий, почти неслышный щелчок. Здесь он точно казался чужеродным.

Подозрения редко встречают сопротивление. В отличие от положительных эмоций подозрение возникает само собой и без предупреждения — и даже без оснований. Но в данном случае оснований вполне хватало.

Петра Вагнер, Марианна Деверс и фрау Реман — все они в тот или иной момент имели какое-то отношение к Крёнеру. Человеку, который когда-то покушался на его жизнь и не имел ни малейшего желания ворошить прошлое.

И этот звук. Почти неслышный щелчок. Под реальное и убедительное подозрение можно все что угодно подогнать.

Поэтому Брайан остановился, незаметно спрятался в зарослях, окаймлявших тропу, и стал ждать.

В поле зрения Брайана — меньше чем в пяти метрах — появился дьявол, как будто не желающий возвращаться в преисподнюю. На платформе, спускавшейся с крыши здания, на мгновение замерла фигура, внимательно смотревшая на тропу у ног Брайана. А затем Брайан узнал этого человека.

С земли поднималась влажность, но его самого как будто высушили. Он и не думал, что когда-нибудь вновь увидит это отвратительное широкое лицо. На этой земле никто не смог бы удивить его сильнее. Он ведь уже почти тридцать лет как в могиле — в ледяном Рейне. Брайан вспомнил, как широколицый исчезает в волнах, раненый и неспособный сопротивляться.

Его присутствие воплощало собой ночной кошмар, который Брайану даже привидеться не мог.

Этот человек был сильнее, чем когда-либо прежде, а годы благосклонно обошли его стороной. Люди с гладкой кожей и румянцем на щеках порой до самой старости похожи на детей. Таким был бы и широколицый, если бы не почти пустая глазница и белые костяшки пальцев, крепче сжавшие оружие.

Вероятность, что этот гигант пройдет мимо Брайана, не обратив на него внимания, была незначительной. Он осторожно сдвинул ногу в кусты, приник лицом к земле и поставил руки под грудью, готовясь в любую секунду выпрямиться, словно пружина.

Брайан увидел ботинок Ланкау лишь в тот момент, когда он оказался возле его руки. Несмотря на точный удар, Брайану не удалось сбить этого человека с ног, хоть он на это и надеялся. В ту же секунду Ланкау резко развернулся к Брайану. Он пытался встать к нему лицом, но пришлось сделать с ровной тропы шаг назад — не потеряв равновесия, Ланкау неловко заскользил вниз.

И тем не менее он выстрелил.

Пуля застала Брайана врасплох — как и произведенный выстрелом грохот. Он совершенно не почувствовал боли и даже не знал, куда его ранило. Едва смолкло эхо глухого выстрела, Брайан бросился на шатающуюся фигуру, теперь застывшую чуть ли не в шпагате: одной ногой — на тропе, а второй — упираясь в склон. Прозвучал второй выстрел — его приняло дерево за спиной Брайана: кору вскрыла желтая трещина. Протянув руки к лицу Ланкау, Брайан одновременно сильно пнул его в грудь.

Крупный мужчина ошеломленно пялился на него, открыв рот. Он не издал ни звука, несмотря на болезненный пинок. Скрючившись, он упал спиной на склон, не отпуская Брайана. Брайан не потерял сознание лишь благодаря мягкой поросли. Когда тяжелый соперник перекатился через него несколько раз, сцепившиеся тела застряли в зарослях возле тропы в конце колоннады. Не имея возможности пошевелиться, они лежали в кустах и, учащенно дыша, смотрели друг другу в глаза. Из царапин на голове у Ланкау по лицу стекали тонкие струйки крови, добираясь до ресниц здорового глаза. Падая, Ланкау лихорадочно прижал пистолет к лицу — прицел даже содрал кожу. Он не переставая моргал. Непрерывно встряхивал головой, но это не помогало — из-за крови он почти ничего не видел. В полушаге на вытоптанной земле валялось оружие.

Не раздумывая, Брайан откинул затылок и наградил широколицего несколькими ударами головой, пока его собственный мозг чуть не взорвался, будто от электрических разрядов.

Тогда его соперник впервые издал какой-то звук. Перебравшись через крупное тело, Брайан схватил пистолет. В этот момент его голову неожиданно потянули за волосы назад.

Спасение Ланкау пришло сзади. Их окружили несколько молодых людей, выкрикивающих непонятные ругательства. За ними стояли с виду польщенные девушки. Они искали приключений, и укромное местечко с колоннадой их не разочаровало.

Двое молодых людей стали поднимать Ланкау, отряхивая ему спину. Он хватался за заляпанное кровью лицо и потерянно оглядывался по сторонам, ища оружие. Параллельно без умолку говорил с молодыми людьми. Затем кто-то выпустил волосы Брайана — мышцы шеи расслабились. Брайан молчал все время, пока неловко

карабкался по склону спиной вперед, скрестив ноги. Никто не заметил, как он прикрыл собой пистолет.

Брайан понятия не имел, что Ланкау сказал молодым людям. Но растворился он в мгновение ока.

Вокруг Брайана образовался полукруг — он просто так не исчезнет.

Брайан осторожно вытянул руку назад и дотронулся до пистолета. Тот оказался тяжелее, чем он думал. Над рукояткой он нащупал спусковой крючок. Никто не услышал, как он вернул его на место. Затем он аккуратно засунул дуло за пояс брюк сзади и натянул сверху куртку. Когда он вновь провел рукой по брюкам, впервые дала о себе знать боль. Он завопил, и все на него уставились. Когда Брайан поднял окровавленную руку, какая-то девушка ахнула, приложив руки ко рту.

— Он в меня стрелял, — произнес он, не ожидая, что его поймут.

Одна из девушек закричала. Из-за спин остальных вышел светловолосый юноша и осторожно помог Брайану встать. На его заднем кармане все увеличивалось красное пятно, хотя он опасался, что будет хуже. Пуля навывлет прошла *gluteus maximus*, самую мясистую часть большой ягодичной мышцы, в обиходе называемой ягодницей. Края обеих ран — входного и выходного отверстия — почти сомкнулись. Кровопотеря оказалась незначительной. У Брайана подгибалась левая нога.

А затем полукруг отступил.

Светловолосый выкрикнул пару слов, и все мгновенно разошлись. Все, кроме кричавшего, побежали туда, куда скрылся Ланкау. Затем светловолосый повернулся лицом к Брайану.

— Идти сможете? — помедлив, спросил он.

Какое облегчение, что он говорит по-английски.

— Могу, спасибо.

— Они постараются его поймать.

Молодой человек посмотрел вниз, где по громким крикам было понятно, что там происходит. Брайан сильно сомневался, что они найдут того, кого ищут.

— Простите. Мы ошиблись. Он на вас напал?

— Да.

— Вы знаете почему?

— Да.

- Почему?
- Денег хотел.
- Мы вызовем полицию.
- Нет! Не надо! Не думаю, что это повторится.
- Почему вы так не думаете? Вы его знаете?
- Да, вроде того.

Хотя большую ягодичную мышцу образует группа мышц, из-за своего размера способных выполнять свои функции даже при наличии повреждений, при первых шагах Брайану пришлось искать опору.

Светловолосый ушел от него, не попрощавшись, и побежал к своим товарищам.

Через пять минут их оживленная переключка смолкла.

Обратный путь к канатной дороге показался Брайану длиннее. Каждые десять шагов он останавливался и осматривал ноги. Темные пятна на брючинах не увеличивались.

Когда над кронами деревьев показался тонкий трос канатной дороги, он понял, что кровотечение остановилось. Больше не надо думать о повязке или обращении в больницу — ни как врачу, ни как пострадавшему. Ему и так было о чем подумать.

Первое: сохранить себе жизнь. Откуда и когда именно ждать угрозы, предугадать невозможно. Он знал только одно: это неизбежно. Его пытались убить, а в ловушку его заманила Петра Вагнер.

Второе: зачем?

Зачем Петра Вагнер соврала и почему им так важно от него избавиться, раз они так рисковали среди бела дня?

Третье: сломанные ветви, как-то слишком странно и неряшливо висевшие на кустах. За ними пряталось почти незаметное углубление. Сверху ветви смыкались, но на слабом ветру шевелились листья. Осторожно взявшись за рукоятку, Брайан вытащил пистолет. Прежде чем произнести хоть слово, он еще раз посмотрел по сторонам. Даже у канатной дороги было тихо.

— Выходи! — сказал он и с силой пнул носком ботинка гравий — в листву полетели мелкие камешки.

Ланкау тут же встал. Листья размазали кровь по его лицу — теперь оно почти все было коричневым.

Он пробормотал пару слов. Брайан слишком хорошо знал его голос. Несмотря на возраст, его противник до сих пор не так уж

глубоко скрывал собственную безудержную подлость.

— Говори по-английски! Умеешь ведь?

— Зачем?

Пылая отвращением, широколицый смотрел на пистолет. Как только Брайан снял его с предохранителя, лицо Ланкау перекосило и он тут же отпрыгнул в сторону. Брайан перевел взгляд с него на пистолет. Реакция Ланкау поставила его в тупик.

— Будь уверен, я выстрелю, если ты еще хоть раз дернешься! А теперь ты спокойно пойдешь со мной. Любое неверное движение — намеренное или нет — станет для тебя последним.

— Ты родной язык забыл, козел? — Широколицый в недоумении следил за губами Брайана.

По-английски он говорил четко, как настоящий делец. Но вот акцент оказался неистребим.

Стоявший перед Брайаном мужчина следил за перемещением пистолета. Выйдя из кустов, выглядел он жалко: рубашка выбилась из брюк, на коленках — темные пятна, жидкие волосы сбились в сторону. Несмотря на внешний вид, Брайан не стал полагаться на удачу. Опытный врач, он нанес врагу два удара точно в солнечное сплетение — тот чуть не потерял сознание. Когда Ланкау вновь поднялся на ноги, Брайан поставил его в метре перед собой.

Подойдя к канатной дороге, он засунул пистолет в карман и подошел к Ланкау так близко, что тот, даже будучи упитанным, спиной почувствовал прикосновение дула.

— Когда мы зайдем в кабинку, ты себя будешь вести тихо! Пошли!

Демонстрируя серьезность своих намерений, Брайан еще раз ткнул пистолетом ему в спину. Стоящий впереди Ланкау что-то бубнил. Затем осторожно обернулся и посмотрел Брайану в глаза. Мертвый глаз был приоткрыт.

— Эй, говнюк, ты поаккуратнее с «кэндзю». Он когда угодно может выстрелить.

Непонятно, был стоящий у кабинки человек билетером или нет. При виде окровавленного лица Ланкау он, ужаснувшись, отвернулся к стене и замер.

— Прошу прощения, мне надо отвезти его в больницу. Я врач.

Стоящий перед Брайаном человек нервно помотал головой. Он не понял, что ему сказали. Брайан толкнул Ланкау в кабинку:

— Видите ли, он упал.

Лишь когда качающаяся кабинка миновала первую опору, мужчина вышел из тени и посмотрел им вслед.

— В твою машину! — с нажимом произнес Брайан, когда они наконец спустились.

Ланкау сразу же стал переходить улицу и достал ключи. «БМВ» выписали штраф за неправильную парковку. Чуть поодаль стоял «фольксваген» Брайана. На нем тоже обнаружилась бумажка, казалось закрывшая собой почти все ветровое стекло. Теперь это проблема хиппи.

Ланкау разрешили сесть за руль. Брайан наблюдал за заклятым врагом в будничной обстановке, пока они медленно выезжали из города. Ему стало казаться, что перед ним открылось человеческое нутро. Если не обращать внимания на изуродованное лицо, с виду Ланкау — самый обыкновенный отец семейства. По салону машины разбросаны свидетельства его повседневной жизни: пачки сигарет, фантики от конфет и многое другое, что наводило на мысли о спокойном и беззаботном существовании. Рядом с Брайаном сидел рядовой гражданин, обычный потребитель и гедонист. Валявшаяся на заднем сиденье сумка для гольфа говорила сама за себя. В ту минуту, когда включилось зажигание, в салоне зазвучала музыка Вагнера. Убийца, садист, симулянт, любитель Вагнера — и это тоже Ланкау. Неужели человек создан по образу и подобию Божьему — и при этом в глубине души способен быть таким многоликим, таким бесчестным, таким мерзким? И кто скажет, что в нем нет ничего от Ланкау?

— Надо найти место, где нам никто не помешает, — сказал Брайан, приглушая финальные аккорды увертюры.

— Наверное, чтобы ты мог спокойно меня убить.

Казалось, он даже не волновался.

— Да, чтобы я мог спокойно тебя убить, если понадобится, — сказал Брайан, стараясь запомнить дорогу.

Город остался у них за спиной. На улицах до сих пор сияло солнце. Юный житель города, насквозь промокнув, беззаботно носился по сточной канаве, по которой вдоль тротуаров лился словно

нескончаемый поток воды. Молодая женщина пыталась его поймать и, толкнув монахиню, не успела перед ней извиниться.

— Зачем ты вернулся? Зачем нас преследуешь? Из-за денег?

Широколицый опустил уголки рта, не сводя ледяного взгляда с дороги.

— Каких денег?

— Петра Вагнер говорит, ты спрашивал про Герхарта Пойкерта. Он должен был тебя к нам привести? Он должен был тебе наше добро показать?

— Так Герхарт Пойкерт жив?

Брайан следил, не дернется ли лицо Ланкау. Однако оно осталось непроницаемым. Тот медленно повернулся к Брайану.

— Нет, фон дер Лейен. — Он смотрел вперед и улыбался. — Его нет в живых.

Когда среди виноградников, рассекавших ландшафт, стали все реже попадаться дома и фермы, Брайану пришлось принять решение. По словам Ланкау, у него есть сведения. И он знал место, где они могли спокойно побеседовать. Слишком многое говорило в пользу того, что Ланкау заманивает его в очередную ловушку. До центра города всего пара километров — и здесь как будто никого. Вокруг — многочисленные грунтовые дороги и возвращающиеся домой водители, но, несмотря на все это, каждый дом, стоящий поодаль от шоссе, мог хранить секреты, от которых Брайан предпочел бы держаться подальше.

При виде окаменевшего лица Ланкау Брайану пришла в голову мысль, что Крёнер или Петра разработали запасной план, согласно которому Ланкау должен был привести жертву прямо в пасть льва.

Брайан развеселил Ланкау, спросив про ферму.

— Господи, нет, это не мой дом. Я с семьей в городе живу. Но если они тебе нужны, там ты никого не найдешь. Они уехали. — Затем он засмеялся. — Это, так сказать, мое пристанище.

Табличка у дороги запрещала проезд посторонним.

В отличие от близлежащих ферм, дом был одноэтажный, однако некоторые его части вытянулись в разные стороны, напоминая бунгало.

Если это маленькое убежище, то Ланкау — человек очень обеспеченный. Дом стоял поодаль от дороги в окружении рядов виноградных лоз, чье количество подчеркивало, что это лишь хобби.

Площадка перед домом квадратная, с закругленными краями. Пригнувшись, Брайан воткнул пистолет в бок Ланкау. Замолчал двигатель — теперь его жизнь зависит от бдительности. Если это ловушка, нападения можно ждать откуда угодно.

— Да успокойся ты, кобель трусливый! — бормотал Ланкау, открывая дверь. — Люди здесь появляются, только когда собирают урожай и охотятся.

Еще в коридоре, ведущем ко входу в гостиную, Брайан ударил своего пленника по затылку рукояткой пистолета — тот рухнул навзничь. Комната оказалась поразительно уродливой. Стены украшало как минимум пятьсот пар оленьих рогов, свидетельствуя о страсти Ланкау к охоте. Резные посудные шкафы, толстые книги с широкими корешками, охотничьи ножи и старые ружья, громоздкая дубовая мебель с полосатой обивкой и темные картины, по большей части с одним и тем же предсказуемым сюжетом: пейзажи и мертвые животные.

Воздух затхлый. Люди здесь не каждый день бывают.

Обмякшее тело неподвижно пролежало у ног Брайана всего мгновение. Брайан еще раз его ударил. Важно, чтобы он не сразу пришел в себя.

Прислушивался Брайан долго. Издалека доносились собачий лай и шуршание шин по шоссе — в остальном в доме и снаружи было тихо.

Они были одни.

Напротив расположился вытянутый сарай длиной во весь двор. Там тоже обнаружились рога, содранные шкуры, черепа, кинжалы и ножи всех размеров и форм.

Задняя стена поистине напоминала склад строительного магазина: полки прогибались под тяжестью ведерок с краской, остатков обоев, банок клея, ящиков со скобами, гвоздями и шурупами. А еще — веревки. Раньше такими во время уборки урожая вязали снопы.

Брайан крепко привязал Ланкау к стулу с высокой спинкой. Он истратил целый моток веревки, прежде чем убедился: она выдержит

любую попытку освободиться, предпринятую широколицым.

Связанный Ланкау оказался в неудобном положении и сидел криво, но очнулся он с совершенно невозмутимым видом. Осмотрев подлокотники, он, даже не пошевелившись, понял, что руки и ноги привязаны крепко. Затем повернулся лицом к Брайану и стал ждать. На какое-то мгновение он показался стариком.

Для Брайана вопрос того, как избрать лучшую стратегию для выживания, всегда был тесно связан с возможностью правильно оценить действия окружающих. В госпитале СС симулянты посягали на их с Джеймсом жизнь, ведь они могли их разоблачить. Поступили они вполне логично. Точно так же как и Брайан, они понимали, что с ними будет, если кто-нибудь узнает об их притворстве.

И тут логика заканчивалась. Для сидевшего перед ним человека все это потеряло всякий смысл. С чего бы ему рисковать жизнью из-за той старой истории? Что такого могло с ним случиться теперь? Брайан оглядел Ланкау. Уголки рта у широколицего сползли почти на дородный подбородок. Взгляд холодный и выжидающий. Обернувшись, Брайан уперся взглядом в стеклянные глаза трофейного оленя. Двое симулянтов рисковали собственными жизнями, когда пытались догнать его зимней ночью 1944 года. Вряд ли стоит сомневаться, что у них были на то свои причины, но Брайан так и не понял, что именно заставило их так поступить. А ему их поступок чуть не стоил жизни.

Больше он ошибок не совершит.

— Расскажи мне все, — сказал он. — Если хочешь жить, расскажи все.

— Что — все?

Дышать крепкому мужчине было не очень просто.

— А ты наши деньги прикарманишь? — Он непонятно закричал. — Ты их все равно не получишь. Они же не по сундукам в этом доме разложены.

— Деньги? Какие деньги? Плевать мне на тебя и твои деньги. — Повернувшись, Брайан посмотрел Ланкау в глаза. — Думаешь, мне деньги нужны? И дело все это время было в деньгах?

Он шагнул к широколицему:

— Их что, правда так много?

Остановившись, Брайан спокойно посмотрел на Ланкау. Тот и бровью не повел. Напоминал ведущего переговоры дельца. В таком случае он ненамеренно зашел на территорию Брайана. Склонившись над связанным пленником, Брайан заглянул ему в глаза:

— Ланкау, денег у меня достаточно. Твоих грошей, наверное, даже на моих домашних животных не хватит. Хочешь снова увидеть семью — бери себя в руки. Расскажи мне, что тогда произошло и что случилось потом.

Сев напротив, Брайан прицелился в здоровый глаз:

— Думаю, начать стоит с самого начала. С госпиталя.

— С госпиталя! — В голосе Ланкау слышалось явное презрение. — Мне о нем даже вспоминать неохота. Будь моя воля, мы бы тебя еще там прихлопнули. Больше мне сказать нечего.

— Но зачем? Почему нельзя было просто оставить меня в покое? Что я мог вам сделать? Я же был симулянтом, как и вы.

— Ты мог сделать то, что в итоге и сделал. Ты мог исчезнуть! И если бы захотел, мог и нас сдать.

— Но я же не сдал. Зачем мне это?

— Чтобы на вагон лапу наложить, козлина! — прошипел Ланкау, почти не открывая рта.

— Повтори, я не расслышал.

Брайан сделал шаг назад. И Ланкау — в лице сквозило презрение — плюнул в его сторону. В результате неудачной попытки по подбородку потекла слюна.

В ту же секунду Брайан вскинул пистолет и выстрелил совсем рядом с лицом Ланкау — вырвавшееся из дула пламя подпалило бровь над здоровым глазом. Ланкау в ужасе таращился на Брайана, а затем отвернулся, пытаясь разглядеть почти незаметную дырочку, появившуюся на спинке стула в паре сантиметров от его скулы.

— Если ты мне немедленно не расскажешь все, что с тех пор произошло, я тебя, к чертовой матери, пристрелю. — Брайан поднял пистолет. — Я знаю, что Крёнер в городе. Знаю, где он живет. Разговаривал с его падчерицей Марианной. Я видел его с новой женой и маленьким сыном, и я знаю о его перемещениях по городу. Если ты мне не расскажешь то, что меня интересует, значит он расскажет!

Вместо того чтобы повернуть голову и посмотреть на своего надсмотрщика, Ланкау слегка осел. Казалось, осознание того, что

человек, взявший его в плен, знает о перемещениях и месте жительства Крёнера, потрясло его даже больше, чем выстрел. Затем он, по-видимому, взял себя в руки и поднял голову.

* * *

— С чего мне начать? — бесстрастно спросил Ланкау, отворачиваясь от плаката в коричневых и зеленых тонах, на некоторое время приковавшего его взгляд к стене, за которой располагались кухня и прихожая.

«Кордильера-де-ла-Пас» — было написано чересчур яркими оранжево-красными буквами под пейзажем, из-за чего он казался еще более унылым. Ланкау посмотрел на человека напротив. Загадка. «Кэндзю», зажатый в одной руке, расположился на тыльной стороне второй. Предохранитель опущен. Сидит он спокойно. Ланкау понадеялся, что это не изменится.

На данный момент ситуация безнадежная. Ланкау зажмурился. Ныли предплечья.

Если сидевший напротив него человек говорит правду, он не мог ничего знать о роли и прошлом Петера Штиха. И хорошо. Если ситуация и переломится в их пользу, наверное, с этой стороны и подоспеет помощь. Несмотря на дряхлость, Штих станет Арно фон дер Лейену достойным противником.

В любой игре полезно выиграть время; это первое и основное правило. Арно фон дер Лейен свою историю услышит.

Второе базовое правило: держать противника на расстоянии, пока не выяснишь его слабые стороны. Этого Ланкау и ждал. Зачастую главная слабость человека обнаруживается в мотиве его поступков. Значит, вопрос в том, где искать. Арно фон дер Лейен жаждет денег или мечтает отомстить? Время покажет.

Но в любой игре важнее всего — как можно дольше скрывать мощь и масштаб собственного оружия. Третье, и последнее правило, поэтому, пока он будет говорить, ему придется скрывать истинную роль и имя Петера Штиха.

Долгими ночами в госпитале Арно фон дер Лейен наверняка слышал о Почтальоне. А вот того, что Петер Штих и Почтальон —

один и тот же человек, он знать не мог по той простой причине, что Почтальон раскрыл себя в тот момент, когда Арно фон дер Лейена увели на сеанс шоковой терапии.

Держа в голове все три правила, он расскажет свою историю. Вытянув губы, он долго смотрел на противника. Когда молчать уже было невозможно, его надзиратель, наклонившись вперед, разрушил возникшую между ними преграду.

— Можешь с Рейна начать, — сказал он, не сводя с Ланкау глаз, как будто между ними установилось своего рода доверие. — Я думал, тебе конец. Давным-давно утонул и исчез с лица земли. — Фон дер Лейен призывно кивнул. — Расскажи, что было потом.

Ланкау слегка выпрямился. Впервые внимательно посмотрел на своего надзирателя. Исчезла юношеская жилистость. Тело одрябло. Не будь веревок, он бы его быстро уложил. Ланкау еще раз проверил прочность веревок, аккуратно вдавив костяшки в подлокотники.

— Что было потом? И что там случилось?

Подвинувшись поближе, фон дер Лейен снова кивнул.

— Во-первых, у меня справа появилась дыра в груди сбоку, а еще я глаз потерял.

Сидящий напротив мужчина не отреагировал. Ланкау снова вдавил костяшки пальцев в подлокотники.

— Ты, козел, просто-напросто меня в очень поганом положении оставил, и мне пришлось очень несладко. В госпиталь я в таком виде вернуться не мог, да еще и без Дитера Шмидта.

Ланкау зажмурил больной глаз. У его надзирателя на шее кожа тонкая, вся в артериях — у самой поверхности.

— Но благодаря ненависти к тебе, урод, я не умер — ясно? Зима-то была адски холодная, а? Я столько снега никогда не видел. Но Шварцвальд был милосерден. Прошло всего два дня — я знал, что выживу. В тех краях возле каждой фермы и барака для рабочих есть какой-нибудь сарай, — ухмыльнулся Ланкау. — Так что у меня все было в порядке, хоть за нами патрули с собаками выслали. Видишь ли, тяжелее пришлось тем, кто остался. Да, особенно Герхарту Пойкерту.

Ланкау с удовлетворением отметил, как фон дер Лейен чуть отодвинулся назад. Его предательски выдала бдительность, которую он так старался скрыть. Идет игра.

Вот-вот откроются слабые стороны противника.

В следующий час Ланкау оживил прошлое. Сдернул с него завесу.

Ланкау следил за реакцией и каждым движением Арно фон дер Лейена. Рассказывая, он не упустил ничего, кроме личности Почтальона. Если было нужно, он перескакивал через события и заменял их другими.

Но он почти неотступно придерживался правды.

Проснувшись тем ноябрьским утром, Воннегут, к своему ужасу, обнаружил, что на этаже не хватает трех человек. Схватившись за голову, он носился из палаты в палату, но ничего не трогал. Открытые окна в двух палатах говорили сами за себя. Все оставшиеся неподвижно лежали в постелях и, как всегда, улыбались, ожидая, что принесут тазы для умывания, а там и завтрак скоро. Человек-календарь даже встал и поклонился ему.

Меньше чем через десять минут пришли охранники. Раздраженные, грубые, в бешенстве. Даже врачей сурово допрашивали, как будто они преступники или несут за случившееся ответственность. Четверых оставшихся в палате Ланкау на пару суток развели по разным помещениям, а потом одного за другим отправляли в процедурный кабинет. Здесь их допрашивали, избивали палками и пытали имевшимися в помещении инструментами. Чем больше проходило времени, тем жестче становилась пытка — пока мучители не убедились, что допрашиваемые невиновны. Больше всего времени они потратили на Герхарта Пойкерта. Несмотря на то что он занимал высокое положение в СД, солидарности к нему не проявили. Не пропустили никого — ни Петера Штиха, ни Крёнера, ни Человека-календаря. Взяли даже генерала, лежавшего в другом конце коридора. Его отпустили через несколько часов. Он не проронил ни слова.

Герхарту Пойкерту стало плохо. Думали, он умрет.

Кризис продлился несколько дней, но он выжил. Если не брать в расчет физические последствия пытки, вернулся в обычное состояние. Ни Герхарт Пойкерт, ни рыдающий Человек-календарь, ни все остальные не смогли объяснить, что произошло с тремя пропавшими пациентами.

Меньше чем через неделю за офицером службы безопасности, который вел допросы, приехали двое одетых в гражданскую одежду серьезных мужчин. Его вытащили из-за обеденного стола и на

несколько часов заперлись вместе с ним. Затем его вывели во двор перед терапевтическим отделением и повесили, несмотря на громкие и слезные протесты. Неслыханный позор. Он даже столба для казни не заслужил. Роковая ошибка — а также единственная за восемь лет суровой службы — состояла в том, что Арно фон дер Лейен исчез на глазах у всех, а он не доложил немедленно о происшествии в Берлин.

После этого Крёнер и Петер Штих быстро поправились. Уже в первые дни нового года их признали годными к службе и выписали. Некоторое время Герхарт Пойкерт вообще ни на что не реагировал.

Его они спокойно бросили.

На фронтах шли ожесточенные бои. Для Крёнера — реальный риск. Все офицеры, связанные со службой безопасности, СД, попали под перекрестный огонь. Многие получили пулю от своих же. Несмотря на то что Крёнер служил на фронте, где постоянно велось отступление, и выполнял ту же самую грязную работу, что и раньше, тем самым нажив себе немало врагов, ему посчастливилось поставить себя так, чтобы у его людей не было возможности напасть со спины. В тот самый момент, когда сообщили о смерти фюрера в так называемой неустанной борьбе с большевизмом, Крёнер без предупреждения исчез из расположения, не взяв вещи — и не получив ни единой царапины.

Рассказывая о дальнейшей судьбе Петера Штиха, Ланкау долго смотрел в одну точку.

— Про Петера Штиха мы так ничего и не узнали, — сказал он потом.

Арно фон дер Лейен не пошевелился, молча смотрел внимательными глазами.

— В те дни многих убили.

Арно фон дер Лейену не обязательно было знать, что после выписки из резервного госпиталя СС неподалеку от Ортошвандена Штиха отправили в Берлин в прежнем качестве — начальника концлагеря.

На то было две причины.

Во-первых, личный состав и пленные все активнее перемещались между концентрационными лагерями, в то же время все более очевидной становилась необходимость ликвидации этих лагерей. Кому-то нужно было руководить этим процессом, для чего

требовались опыт и хватка. А во-вторых, танковые дивизии, где в последнее время служил Штих, везде несли большие потери. У многих сократилась численность, некоторые были уничтожены. Там он был больше не нужен. А вот в лагерях смерти он пригодился. Там он выложится на все сто процентов.

Таким образом, Штих до самого конца лучше всех сыграл роль симулянта. Оказался в безопасном месте, полномочия у него были.

— Главного у нас звали Почтальон, но вряд ли для тебя это новость, — сказал Ланкау и с недоверием увидел, как сидящий напротив него человек кивнул.

— Что я знаю, а чего не знаю, тебя волновать не должно. Пропустишь что-то — сам за это и ответишь. Ты мне все расскажешь. Ясно?

Улыбнувшись, Ланкау провел языком по уголку рта.

— Его настоящее имя тебе ничего не даст, ведь его больше нет в живых, но нам он в свое время много хорошего сделал.

Арно фон дер Лейен никак не отреагировал.

Слушателя Ланкау захватила история.

Когда высшее руководство Третьего рейха в Берлине доживало последние дни, Почтальон собирал информацию о политических чистках в гау^[23] Берлин, подчиненном Геббельсу. У него были списки депортированных, приговоренных к смертной казни, казненных, пропавших без вести и заключенных под стражу. Он знал, когда придет очередь следующих и за какие провинности.

Ему надо было подобрать четыре личных дела — так, чтобы ему и его поделщикам подошел возраст. Он еще не отбросил мысль о том, что Ланкау и Дитеру Шмидту удалось сбежать.

Три личных дела он нашел без особого труда: недавно «исчезнувшие» противники Третьего рейха без родственников. Когда война наконец завершится, таких будут считать героями и борцами за свободу. Если они займут места этих людей, бояться судебного преследования им не придется.

Почтальон с легкостью уничтожил все следы.

Помучившись бесплодными поисками, Почтальон нашел подходящего человека в потсдамской тюрьме. Этот случай показался ему одновременно забавным и ироничным. Всю войну еврей провел в

городе под вымышленным именем как один из высокопоставленных чиновников. За ним тянулся целый шлейф: коррупция, взятки, мошенничество. У многих были веские основания желать ему смерти еще до того, как закончились допросы и его отправили в концентрационный лагерь. Исполнению этого желания Почтальон с радостью поспособствовал.

Еврей бесследно исчез.

Одним человеком больше, одним меньше — Почтальону особой разницы никогда не было. Ему повезло: он раздобыл личные дела четырех человек, которые отлично подходили им по возрасту, внешности и телосложению.

Когда все рухнуло, Почтальон бесследно исчез.

Через восемь дней после капитуляции, 17 мая 1945 года, Крёнер и Почтальон встретились в самом сердце Германии, на боковой пустынной железнодорожной ветке, неподалеку от какой-то деревушки.

В стране царил хаос. Грабили магазины. Товары, животных и людей раскидывало во все стороны — завершалось судорожное отступление.

Крёнер и Почтальон проделали немалый путь. Каждый дожидался новостей о капитуляции в паре километров от места встречи, где по счастливой случайности остановились войска союзников. Всего в нескольких километрах оттуда железную дорогу контролировали уже советские войска.

Пару дней просидев в укрытии, появился и Ланкау. Тощий и вшивый, как бродяга. Воссоединение вышло удивительным, но приятным. Все трое, как они и договаривались в госпитале, храбро встретили катастрофу и не испугались расстояний. Когда войне наступит конец, они должны были тут встретиться. Их будущее зависело от потрепанного товарного вагона, до отказа нагруженного ценностями, которые они прикарманили, для сохранения тайны истребив множество русских военнопленных.

И вагон стоял там до сих пор. Между моментом, когда локомотив аккуратно подвинул его на это место, и сегодняшним днем, когда вокруг умолкли орудия, прошла целая жизнь, полная событий.

Чуть заросший мхом, но нетронутый — вагон затерялся на проржавевшей боковой железнодорожной ветке у Хёлле, к северу от Найлы, во Франкенвальде. Битком набитый реликвиями, иконами, церковным серебром и прочими ценностями.

Бесценное сокровище.

Всех троих накрыла эйфория. Несмотря на усталость, а в случае с Ланкау и серьезные раны, они были готовы претворить свою затею в жизнь.

Дитера Шмидта убили — эту новость восприняли с сожалением. Но безутешно горевать никто не стал. Значит, одним претендентом на добычу меньше. А Почтальона и Крёнера потрясло, что Арно фон дер Лейену удалось сбежать. Взбесившийся Почтальон выругался. Надо перегнать вагон и немедленно приступать ко второй части плана.

Замок на сдвижной двери вагона хоть и заржавел, но оказался исправным. В самом вагоне на первом ряду ящиков до сих пор лежали останки военнопленного, которого в спешке не вытащили после того, как убили. Напоминал он неряшливо сложенную одежду. За ним рядами от пола до потолка выстроились коричневые ящики. Два ящика в первом ряду отмечал невыразительный крест. Почтальон вскрыл их. Разделив содержимое — американские доллары, консервы и гражданскую одежду, — Почтальон раскрыл свою папку и протянул сообщникам новые документы.

Почтальон хорошо подготовился и высказал свои соображения по поводу дальнейших действий — никто ни разу даже не возразил. С этого момента они другие люди. Впредь свои настоящие имена они смогут упоминать только наедине друг с другом. От своей прежней жизни им придется отказаться. Друг другу они должны полностью доверять.

С этого момента и навсегда.

В тот день Крёнеру пришлось поклясться перед своими товарищами, что впредь он будет держаться подальше от Северной Германии, где он родился и прожил всю жизнь и где у него, по всей видимости, остались жена и трое детей. К этому решению он пришел сам.

Ланкау не пришлось ничего решать. До войны он любил свою жену. У счастливой пары было четверо детей. Теперь его родной

Деммин на реке Пена и места, где жили его родители, заняли русские. Он никогда не сможет туда вернуться.

У Почтальона ситуация была другая. Дома его возненавидели еще до войны. Поддержка нацизма и уважение к новым порядкам Третьего рейха среди простых деревенских жителей были распространены слабо, и Почтальон доносил на противников режима. Из-за него слишком многим женщинам пришлось попрощаться с возлюбленными.

Он тоже никогда не сможет вернуться домой.

Детей у Почтальона не было, но была женщина, которая, молчаливо им восхищаясь, следовала за ним повсюду, что бы ни происходило в его жизни. Ей все они могли доверять — в этом он их убедил.

Перед тем самым вагоном все трое, надев новую одежду, еще раз поклялись, что с этого момента они перечеркивают прошлое и считают своих родственников умершими.

Затем они распределили задачи. Почтальон взял на себя переправку вагона из нечеткой зоны границы в Мюнхен. В это время Крёнер и Ланкау должны были поехать во Фрайбург и разыскать Герхарта Пойкерта — известно, что он знает про их дела, но вот о его дальнейшей судьбе сведений не было.

Если он жив, они должны были его убить.

У Почтальона транспортировка товарного вагона прошла на удивление гладко. Несколько тысяч долларов перешли в другие руки. Потом американский связной офицер, взявший деньги, исчез по дороге из ратуши Найлы на базу.

Кипевший Мюнхен был на грани краха. Незаконная торговля и взятки были в порядке вещей.

Продавалось все — оставалось предложить правильную цену. Разгрузка шла с огромной осторожностью, и еще до конца месяца большинство ценностей разошлись по пяти швейцарским банковским хранилищам в Базеле.

Перед Крёнером и Ланкау стояла не столь простая задача.

Картина вокруг царила безрадостная. Измученная страна, разорванная на части идеей, которую теперь предстояло похоронить любой ценой. На велосипедах они ехали восемь дней. Примерно

четыре-пятьдесят километров по оккупированной территории: неразбериха, подозрительность и тотальный контроль.

И для Ланкау, и для Крёнера поездка во Фрайбург оказалась весьма неприятным делом. Хотя в последние месяцы город и его окрестности почти вымерли, оставалась высокая вероятность, что там до сих пор живут те, кто видел их в госпитале.

Когда они наконец добрались до конечного пункта, тревога рассеялась как дым. От госпиталя, который когда-то уберег их от смерти, остались лишь искореженная арматура, щебень и бетонные блоки. В самом городе царили хаос и неразбериха. Всем хватало забот о себе и близких. Люди предпочитали смотреть вперед.

В близлежащих деревушках — Эттенхайм и Оттошванден — удалось добыть весьма скромные сведения о том, что же здесь все-таки произошло. Немногочисленные свидетельства, оказавшиеся в их распоряжении, составили связный рассказ: во время последней бомбардировки Фрайбурга бомбардировщик сошел с курса и сбросил весь свой груз на возвышенность. Все решили, что произошла ошибка. Гора — это всего лишь гора, а деревья — всего лишь деревья. Кто-то из самых внимательных жителей заметил, что после этого в округе стало меньше техники для перевозки больных.

Тайна госпиталя СС тщательно охранялась и была похоронена вместе с теми, кто погиб во время бомбардировки.

После воссоединения в Мюнхене какое-то время все трое жили скромно. Город был переполнен. Союзники весьма успешно захватили власть над всеми его центральными инстанциями. Жить незаметно становилось все сложнее и сложнее — и тут Почтальону пришла в голову спасительная и поразительная мысль: поселиться во Фрайбурге, красивейшем немецком городе.

Они жили спокойно, пока у Почтальона не появились сведения о том, что перед самым уничтожением госпиталя СС несколько машин все же успели уехать оттуда в резервный госпиталь в Энзене, в районе Порц, рядом с Кёльном. В конце войны здесь исследовали, могут ли определенные военные невроты и спровоцированные психозы иметь органическое происхождение. После поверхностного обследования большинство пациентов оказались негодными в качестве подобных кроликов — их сразу же выписали на службу. Но, судя по имеющимся

у Почтальона данным, кто-то из обитателей Дома алфавита до сих пор находился там.

Там они выяснили, что среди переведенных пациентов Герхарт Пойкерт не числился, а значит, он уже мертв.

Откинувшись назад, Ланкау смотрел на Арно фон дер Лейена. История внезапно завершилась. Он ни словом не обмолвился об истинном лице Почтальона. Он был доволен — если не брать в расчет, что его связали.

Арно фон дер Лейен замотал головой. Лицо у него посерело.

— Говоришь, Герхарт Пойкерт умер?

— Да, я ведь сказал.

— В какой больнице?

— В резервном госпитале у Ортошвандена, черт побери!

— Его ты называешь Домом алфавита? Где мы лежали? Он там во время бомбардировки погиб?

— Да, да, да! — Ланкау скорчился. — И что?

— Я хочу, чтобы ты это повторил. Хочу быть уверенным.

Фон дер Лейен сощурился. Очевидно, он пытался хоть что-то понять по выражению Ланкау. Но тот сидел с каменным лицом.

Внезапно лицо фон дер Лейена посуровело.

— Интересную историю ты мне рассказал, Ланкау, — сухо произнес он. — Уверен, у вас были веские причины держать свои делишки в тайне. Должно быть, денег у вас немало.

Ланкау отвернулся:

— Не сомневайся! Если думаешь, что сможешь нас прижать, то ошибаешься. Денег ты все равно не получишь.

— Разве я чего-то требовал? Единственное, чего я хочу, — узнать, что произошло с Герхартом Пойкертом.

— Тебе же сказали. Он еще тогда погиб.

— Знаешь, что я думаю, Ланкау?

— А мне это должно быть интересно?

Закрыв глаза, Ланкау стал прислушиваться к только что раздававшемуся звуку. Обыкновенный скрип, повторившийся, когда он слегка подался вперед. Фон дер Лейен ударил его в грудь, мгновенно прекратив эксперименты. С лица Арно фон дер Лейена схлынул серый

цвет. Он снова ткнул его стволом пистолета. Глядя на него, Ланкау задержал дыхание.

— Думаю, я тебя прямо здесь и сейчас пристрелю, если ты мне не расскажешь, что происходит на самом деле и при чем тут Петра Вагнер.

Фон дер Лейен снова его ткнул. Ланкау прерывисто задышал:

— Вот как? Теперь меня такими угрозами не очень-то испугаешь.

Крепкий мужчина вдруг дернулся на стуле, как будто пытался ударить своего надзирателя головой.

— А ты как думал? Что заставишь нас отдать то, что мы за много лет наскребли? Разве ты не догадывался, что это окажется не так уж просто?

— Еще десять минут назад я и понятия обо всем этом не имел. И уж тем более о каких-то там деньгах. Я здесь, потому что хочу узнать, что случилось с Герхартом Пойкертом.

Ланкау вновь услышал скрип.

— Да заткнись ты, червяк! — чуть ли не крикнул он, пытаясь понять, как шатается стул. — Ты хочешь, чтобы я так думал. Наверное, ты забыл, что мы много месяцев вместе в госпитале пролежали. Думаешь, я не помню, как ты по ночам в постели ворочался и подслушивал, о чем мы говорим? Думаешь, я забыл, как ты пытался с этими сведениями удрать?

— Сведениями? Я не понимал ни слова из того, что вы говорили друг другу. Я знаю только английский. Я хотел просто оказаться подальше от вас и от этого проклятого госпиталя!

— Да заткнись ты!

Ланкау не верил ни единому слову.

Сидящий перед ним человек десятилетиями вел свою игру. Хитрый, опасный и жадный. Из далекого прошлого эхом донеслись сомнения Штиха в том, что это действительно фон дер Лейен. Силен тот враг, что способен посеять в противнике сомнения. Но еще сильнее тот, кто способен стать невидимым. Ланкау не знал сомнений. Он фон дер Лейена видел. Как тогда, так и сейчас.

Опустив уголки рта, он впервые оглядел себя. Ноги в гетрах ничего не чувствовали. Он попытался их напрячь, но кровообращение восстановить не удалось. Боли больше не было. Резко дернувшись, из-за чего вновь раздался скрип, он широко раскрыл рот и выдал целый

поток непонятных звуков. На секунду сидящий перед ним человек впал в ступор.

— А это, герр фон дер Лейен, вы, наверное, тоже не поняли?

Усмехнувшись, он ненадолго замолчал. Когда его лицо вновь приобрело нормальный оттенок, он закрыл глаза и опять заговорил по-английски — нарочно так тихо, что надзиратель едва мог слышать.

— А про Петру я тебе ни черта не скажу. Я тебе вообще больше ничего говорить не стану. Я от тебя устал! Или пристрели меня, или оставь в покое!

Когда их взгляды встретились, Ланкау понял: жизнь ему пока сохраняют.

Глава 43

Ресторан «Даттлер» на Шлоссберге у Крёнера любимым не был. Несмотря на великолепное меню и, как выражалась его жена, изысканные блюда, порции, как правило, подавали маленькие, а официанты были столь любезны, что их поведение граничило со снисходительностью. Крёнер предпочитал простую и сытную домашнюю еду. Его бывшая жена Гизела не умела готовить. Почти за двадцать лет, прожитых вместе, они сменили множество кухарок, но успеха не достигли. А вот его нынешняя жена, напротив, на кухне воплощала собой идеал. Он ее за это ценил и поощрял. За это и многое другое.

Сидевший напротив него Штих в пятый раз за несколько минут посмотрел на часы. День выдался непростой. Крёнер еще помнил, как его обнимал сын, когда он отсылал его вместе с матерью. Ради этого и всех будущих объятий от Арно фон дер Лейена надо избавиться.

Погладив белую бороду, Штих снова посмотрел в панорамные окна — у их ног лежал весь город.

— Я прямо как ты, Вильфрид. — Посмотрев на Крёнера, он забарабанил тонкими, дряблыми костяшками пальцев по скатерти рядом с кофейной чашкой. — Вот бы все уже было позади. Теперь дело за Ланкау. Будем надеяться, все пройдет как надо. До сих пор нам везло. Хорошо, что ты Герхарта Пойкерта вовремя забрал. Я чувствовал, что так будет надо. Ты уверен, что фон дер Лейен тебя не видел?

— Абсолютно.

— А фрау Реман? Она не смогла рассказать поподробнее про цель его визита?

— Ничего, кроме того, что я тебе уже сказал.

— Она в его историю поверила? Что он психиатр? Что он из какой-то там комиссии?

— Да. Причин сомневаться у нее не было.

Задумавшись на пару мгновений, Штих достал очки и снова стал изучать меню. Время — четверть шестого. Ланкау должен был прийти пятнадцать минут назад. Затем он вновь отложил очки.

— Ланкау не придет, — заявил он.

Крёнер потер лоб, пытаясь выдержать холодный взгляд Штиха. Потом почувствовал, как засосало в груди. В его мысли вновь вторглись объятия сына и его доверчивый, ласковый взгляд.

— Ты же не думаешь, что с ним что-то случилось? — спросил он, снова потирая лоб.

— Я думаю о том, что именно случилось. Арно фон дер Лейен не просто так в больницу пришел. А Ланкау обычно не опаздывает.

Крёнер в третий раз потянул руку ко лбу и провел по шершавой коже.

— Может быть, он решил сам от тела избавиться? — Крёнер посмотрел на канатную дорогу. — Какой же он упрямый!

— Может быть. Но почему он нам не сообщил?

Хоть Крёнер с годами обмяк и стал добрее к окружающим, наивным его назвать было нельзя. Дневные события и опоздание Ланкау заставляли сильно понервничать. За долгие годы симулянты подготовились к тому, что в тот или иной момент может появиться кто-то, кто будет представлять для них угрозу. Поэтому порой Хорст Ланкау поговаривал о том, чтобы продать свое дело и эмигрировать. Аргентина, Парагвай, Бразилия, Мозамбик, Индонезия. Мысли о жарких странах и безопасной, закрытой среде казались заманчивыми. Но его семья была против.

Его стремлений никто не разделял.

Для Штиха и Крёнера комфорт всегда был превыше всего. Теперь все изменилось. Крёнер не хотел ничем рисковать ради комфорта. В последние годы, когда у него появилась семья и он научился проявлять чувства, приходилось принимать во внимание другие, более значимые соображения. Теперь он пожилой человек, переезд нежелателен, но тем не менее возможен. А вот его жена, напротив, молода и жить сможет где угодно. Новый мир взаимных соглашений и мелких детских мечтаний притянул его к себе, не вызвав неприязни.

А теперь и Крёнер посмотрел на часы.

— Петра, — только и сказал он.

— Да, Петра, — кивнул старик. — Второго шанса не будет.

Он еще раз откашлялся и вытер уголки рта.

— Кто знает? Может, она все эти годы ждала подходящего случая.

А это явно он и есть.

- Она ему все рассказала.
- Вероятно, да.
- Тогда Ланкау уже нет в живых.
- Наверное.

Едва Штих подозвал старшего официанта, он тут же оказался у их стола.

- Мы уходим.

Судя по следам на земле у колоннады, здесь явно произошла драка. Убедившись, что они не проглядели следов крови или чего-то еще, говорившего о ее исходе, они сразу же поехали на квартиру Петера Штиха на Луизенштрассе, где чуть ранее оставили Герхарта Пойкерта под присмотром Андреа.

За исключением Петры, только Андреа могла заставить Герхарта улыбнуться. Пусть улыбался он редко и неловко, но тем не менее. И Андреа это доверие доставалось не просто так. Всякий раз, когда Герхарт Пойкерт оказывался в квартире Штиха, она хлопотала вокруг него. Крёнер посмотрел на высившееся перед ними здание. Он не понимал, с чего бы Андреа проявлять подобное великодушие. На нее это было не похоже.

Все те годы, когда муж Андреа и его друзья оплачивали пребывание Герхарта Пойкерта в клинике, Крёнер знал: она его за человека не считала. По ее мнению, обществу необходимо избавляться от отбросов. Такую практику она наблюдала в концлагерях — и ей она нравилась. Активная чистка — меньше затрат и меньше забот. Она проявляла заботу лишь из-за странной привязанности мужа и его друзей к этому сумасшедшему.

Андреа хорошо умела притворяться.

Вообще, по многим причинам Крёнер очень не хотел подпускать близко к ней свою жену.

Андреа заметила, что настроение у них паршивое, едва они вошли в прихожую. Крёнер увидел, как она, словно тень, скрылась в узком коридорчике. Прежде чем ответить на приветствие, она взяла Герхарта Пойкерта за руку и повела в столовую. Здесь он часто сидел в темноте.

На этот раз она включила один настенный светильник.

— Что случилось? — спросила она, указывая на графин с портвейном в буфете.

Штих помотал головой:

— Боюсь, поделать мы все равно ничего не можем.

— Где Ланкау?

— Мы не знаем. В этом-то и проблема.

Вытерев руки о фартук, Андреа Штих молча принесла мужу телефонную книжку со стола в кабинете. Он взял, не поблагодарив.

Они позвонили Ланкау домой и в его загородный дом — ничего. Крёнер прикусил щеку. Нахмутив брови, он попытался вспомнить собственный дом и все, что было вокруг, в тот момент, когда он отсылал жену с сыном. Ничего необычного он не заметил. Его проняла дрожь — даже плечи затряслись. Надо отогнать страшные мысли. Сейчас нужно думать о Ланкау. Тот как сквозь землю провалился.

— Посмотрим, — сказал Штих, вставая за спиной у Крёнера и поглядывая на парковку перед домом и освещенную бледным вечерним светом улицу: на ней кипела жизнь. — В случае если фон дер Лейен убрал Ланкау, нам надо исходить из того, что скоро случится что-то еще. Видимо, Герхарт Пойкерт для Арно фон дер Лейена очень важен. Но почему? Можешь мне объяснить, Вильфрид? Почему это подлец не остановится ни перед чем, чтобы добраться до нашего молчаливого друга?

— Я думаю, тут все наоборот. Уверен, он ищет нас. Пойкерт — это лишь инструмент, с помощью которого он пытается добраться до нас.

— Вильфрид, ну какой в этом смысл? С чего бы ему вообще думать, что он нас через Пойкерта найдет? Что у него общего с Пойкертом — они несколько месяцев пробыли в одном дурдоме. И хочу добавить, сто лет назад.

— Не знаю. Но я почему-то уверен, что фон дер Лейен будет нас шантажировать.

— Тут я согласен. Я тоже считаю, что сейчас он нажиться пытается. Ну, когда-то мы с ним жестко обошлись, но не думаю, что все это ради мести. — Развернувшись, Штих стал смотреть в огромное окно. — Думаю, он слишком хладнокровный, чтобы мстить. Месть — для тех, кто мыслит нерационально. А по-моему, фон дер Лейен вовсе не таков. О нем можно сказать что угодно, но только не это!

Очевидно, Штиха мучили оставшиеся без ответа вопросы. В лице читалось раздражение.

— У тебя нет ощущения, что Пойкерт каким-то образом сможет нам помочь, Петер?

Штих повернулся к жене. Крёнер понимал, почему она ушла в дальний конец комнаты. В таком настроении муж мог наброситься на нее с кулаками, едва они останутся одни. Хотя потом он, как правило, жалел о содеянном, да и удары явно наносил не столь решительно, как раньше, Крёнер подозревал: ей хотелось бы, чтобы они доставались кому-то другому. Например, сидевшему при тусклом свете идиоту.

Да и она с возрастом стала слабее.

Сделав несколько телефонных звонков, Штих сощурился. Повернувшись к Крёнеру, он помотал головой. Оба смирились с неизбежностью происходящего.

Рябой долго смотрел на телефон. Его жена и сын уже добрались до пункта назначения. Когда он собирался снять трубку, Андреа привела в гостиную человека, напоминающего робота. Он еще жевал. Взяв под руку, Штих осторожно усадил его рядом с собой на диван. Затем погладил по голове. Со временем он приобрел такую привычку. Безумец стал своего рода домашним любимцем. Их маленьким, сидящим взаперти талисманом. Их котенком и обезьянкой. Только Ланкау все эти годы относился к нему по-другому.

— Ну, Герхарт, ты что-нибудь поел? Андреа за тобой поухаживала?

Когда речь заходила об Андреа, лицо безумца всегда буквально светилось нежностью. Вот как сейчас. Улыбнувшись, Пойкерт посмотрел на Андреа — та как раз зажгла люстру.

— Здорово сидеть с нами в гостиной, Герхарт? Можно Крёнер тоже рядом сядет?

Затем Штих взял его руки в свои и растер, словно они замерзли:

— Ну вот, Герхарт, нравится тебе, а?

Старик еще раз похлопал Герхарта по жилистой руке и спокойно ему улыбнулся:

— Мы с Андреа хотели спросить, приходит ли к тебе еще в гости Петра.

Крёнер заметил на губах Пойкерта намек на улыбку. Она говорила сама за себя. Штих снова похлопал его по руке:

— А еще нам нужно знать, не спрашивает ли она тебя о чем-нибудь. Она тебе время от времени странных вопросов не задает? Например, она спрашивает тебя о том, что было раньше, или о том, что мы делаем, когда гулять в лес ходим? Спрашивает, Герхарт?

Герхарт Пойкерт слегка сжал губы и стал смотреть чуть вверх, как будто задумался.

— Может быть, вспомнить трудно. А еще расскажи мне, друг мой, она когда-нибудь говорила с тобой про Арно фон дер Лейена?

Сидевший на стуле молчаливый мужчина, посмотрев на него, снова сжал губы.

Штих встал и выпустил руки Герхарта так же внезапно, как взял их:

— Видишь ли, Герхарт, этот Арно фон дер Лейен меня ищет. И мы не понимаем зачем. А называет он себя по-другому. Знаешь, как он себя называет, если верить Крёнеру?

После вопроса наступила тишина — Герхарт Пойкерт вяло перевел взгляд на Крёнера. Крёнер не мог понять, узнаёт он его или взгляд был случайным.

— Он себя называет Брайан Андервуд Скотт. — Штих сухо хохотнул, а затем откашлялся. — Разве не странно? Он приходил в больницу Святой Урсулы. С нашей дорогой фрау Реман по-английски говорил. Удивительно, а? Странно, как по-твоему?

Крёнер подошел к Пойкерту и наклонился, чтобы рассмотреть его лицо поближе. Как обычно, никакой реакции. Придется им самим принимать меры.

— Я найду Петру, — сказал он, выпрямляясь.

Старик, потягивая спину, не сводил глаз с Пойкерта. Подняв взгляд, он сверкнул глазами.

— Да. А когда найдешь, сделай все, чтобы вытянуть из нее правду, — ладно, Вильфрид? Если возникнет ощущение, что она нас обманывает, убей ее, понял? — сказал он и, вытянув руку, весело обнял Пойкерта.

— А как же то письмо, которым она нас шантажировала?

— У нас нет выхода, Вильфрид. Если ничего не делать, у нас точно будут проблемы! А если ты возьмешь себя в руки и сделаешь то, что должен, — кто знает, что случится потом?

Штих смерил его презрительным взглядом:

— Уже почти тридцать лет прошло, Вильфрид! Кто эту бумажку всерьез воспримет? И кто сказал, что она правда существует? Мы вообще можем Вагнер верить? Иди и делай, как я сказал. Тебе ясно?

— Не обязательно мне приказывать, Штих! Я и сам думать могу!

Но на самом деле это неправда. Думать Крёнер больше не мог. Независимо от того, чем закончится его встреча с Петрой, ситуация теперь другая. Другая и нестабильная. Что совершенно не вязалось с покоем, необходимым для повседневной жизни. Выходя из гостиной, он обернулся и посмотрел на Герхарта Пойкерта. Когда Штих подружески его обнял, его сжатые губы задрожали. Глаза не выражали никаких эмоций. В глубоком взгляде читалась усталость после завершающегося дня.

Надевая шляпу, Крёнер почувствовал, как в комнате встрепенулся Штих. Он обернулся к дверному проему как раз вовремя, чтобы увидеть, как Штих ударил обессиленную жертву в висок. Лежа на полу, растерянный Пойкерт закрывал лицо руками.

— Зачем ты нужен Арно фон дер Лейену, придурок? Может, ты такой важный? — орал он, нанося удары носком ботинка так, что хрустели слабые колени.

Старик охнул и наградил ледяным взглядом скрючившееся у его ног тело:

— Зачем ты нужен этому козлу?

Не обращая внимания на колени, он снова ударил. На мгновение Крёнер сумел разглядеть выражение лица Герхарта Пойкерта. Оно казалось скорее удивленным, чем умоляющим.

— Да что в тебе такое, что этот подлец почти тридцать лет провел за границей и тебя не забыл? Мне бы очень хотелось это узнать! Что скажешь, Герхарт? Расскажешь нам с Андреа?

Он снова пнул его, не дожидаясь ответа.

— Расскажешь нам, что, черт побери, так называемый Брайан Андервуд Скотт от тебя хочет?

Лежащее у его ног тело зарыдало. Такое и раньше было. Нечленораздельные звуки взбесят Штиха, и он снова начнет бить, причем даже сильнее, чем раньше, — Крёнер это знал, хоть и никогда не видел своими глазами.

Войдя в гостиную, Крёнер взял Штиха за плечо. Судя по его взгляду, необходимости в этом не было. Штих и сам знал, что пора

заканчивать. Времени мало. Ему надо уgomониться.

Андреа Штих спокойно прошла мимо Крёнера на кухню и налила в маленькую замызганную рюмку прозрачного, духовитого шнапса. Выпив его одним глотком, ее муж спокойно сел за письменный стол. Через несколько секунд он положил руки под подбородок и стал думать.

Пока Андреа ходила гасить свет в столовой, избитый поднялся с пола и пошел за ней. Не издав ни звука, он сел на свое место при тусклом свете. Перед ним стояла тарелочка — на ней лежали четыре печенья с маслом. Все знали, что он их любит.

К печенью он не притронулся. Он стал качаться взад-вперед на стуле, уперевшись руками в край стола. Сначала еле-еле. Потом все сильнее и сильнее.

Поправив шляпу, Крёнер молча вышел из гостиной.

Глава 44

Раскачиваться вперед-назад Герхарт стал от боли. И дыхание у него участилось из-за мучительного чувства, вызванного отсутствием Петры.

Его броню пробили резкие слова.

Чуть выпрямившись, он начал считать гипсовые розетки, украшавшие оштукатуренный потолок.

Пересчитав их несколько раз, он перестал раскачиваться.

А потом вернулись слова. Попереминавшись с ноги на ногу под столом, он вновь начал считать. На этот раз слова не исчезли. Схватившись за мочку уха, он пораскачивался еще чуть-чуть и замер.

Герхарт осматривал комнату. Она давно окутала его. Заключила в крепкие и искренние объятия, лишив свободы. Когда он считал гипсовые розетки, ел печенье и переминался с ноги на ногу, рядом с ним почти всегда находился старик. Сюда Петра никогда не заходила.

Он снова пересчитал розетки, переминаясь с ноги на ногу. Потом взял печенье и откусил кусочек.

Старик его избил.

Медленно прорастали слова, так разгорячившие старика. Герхарт считал все быстрее и быстрее. Когда комната, набирая скорость, пронеслась мимо, розетка за розеткой, он прекратил жевать.

В мгновение ока он перестал сопротивляться навалившимся мыслям.

Промелькнул кусочек нереального мира. Герхарт прекрасно понимал имя Арно фон дер Лейена. Подобные имена, да еще такие длинные, встречаются нечасто. И имя хорошее. Раньше он бесконечно его повторял, пока не начинала гудеть и кружиться голова. В конце концов он перестал за него цепляться.

И вот оно опять нарушило его покой.

Когда мысли выстраивались в чересчур длинные цепочки, ему становилось нехорошо. Внутри начинался разлад. Слова и чувства вдруг сливались воедино, вызывая новые мысли. Непрошеное вторжение.

Поэтому лучше мыслям жить своей жизнью, без внешнего вмешательства.

А сейчас ему помешали.

В хаосе возник новый пугающий элемент.

У имени Арно фон дер Лейен не было лица. Оно стерлось и пропало много лет тому назад. От имени веяло теплом, а вот от его владельца — холодом. Подобных ощущений не возникало больше ни от чего.

Хотя каждый из троих мужчин, порой навещавших его, был способен его растормошить, из-за них он не нервничал, голова не кружилась. То, что делали эти трое, исчезало в тот самый момент, когда они уходили.

Но с именем было по-другому.

Он опять начал считать. Топот ног под столом опережал подсчеты, но вновь всплывшее имя разрушило извечную тишину. В конце концов поднявшаяся буря разыгралась в полную силу.

Так он просидел долго.

Когда Андреа вошла и насмешливо глянула на тарелку, в его голове крутилось еще одно имя. Оно как будто никуда не исчезало. Его отзвук жил своей жизнью. Далекой и недостижимой. Имя Брайан Андервуд Скотт словно прорезало сознание кинжалом — закровоточили эмоции и воспоминания, оставив его обессиленным, сбитым с толку, испуганным.

И что хуже всего, рябой ушел, чтобы сделать больно Петре.

Как человек, чувствующий себя потерянным без амулета, Герхарту уже не казалось, что он в безопасности. Это чувство пропало навсегда. Теперь, когда он прислушался к этим словам, разбушевались эмоции.

Попытавшись снова пересчитать гипсовые розетки, он ощутил, как в глубине души вскипает ненависть. Хаотично возвращались мысли.

Он был Герхартом Пойкертом, сколько себя помнил. Хоть его еще называли Эрихом Блуменфельдом, все же он был Герхартом Пойкертом. Имена друг другу не мешали. Но в нем было нечто еще. Он был другим человеком. Не просто человеком с двумя или тремя именами, а человеком, жившим параллельно его нынешней жизни. И этот человек несчастен. Он всегда страдал.

Поэтому хорошо, что его так долго не было.

Посмотрев на печенье, Герхарт рассеянно дотронулся до одного — от масла заблестели кончики пальцев.

Сидевший у него внутри несчастливый человек вот-вот возьмет верх благодаря своим скрытым знаниям и сдерживаемой ярости. Молодой человек и его несбывшиеся надежды. Переполненный любовью, не получавшей поддержки. Этого человека взволновало упоминание имени Брайана Андервуда Скотта, но в гостиной сидел Герхарт Пойкерт.

Год за годом он жил своими мелкими занятиями и регулярно принимал гостей. Сначала ему было страшно, посетителей он разглядывал внимательно и испуганно. Его постоянно преследовал страх, что его убьют, — пропали силы, сон и желание жить. Когда этот этап остался позади, он на несколько лет погрузился в заманчивое вялое бездействие. В этот момент он начал считать и устраивать тренировки — так мерно текли дни. И в повседневности он забыл, зачем он здесь, где он находится и почему никогда ничего не говорит. Он просто-напросто ничего не говорил. Он ел, спал, слушал радио — и детские передачи, и радиоспектакли, — смотрел телевизор, когда он появился, порой улыбался и спокойно сидел, в то время как остальные мастерили поделки из ротанга или переплетали книги заведующей. Он мог много часов подряд просидеть сложа руки — с чистым разумом и душой. Он стал Герхартом Пойкертом, а порой — Эрихом Блуменфельдом.

В первые годы пребывания во фрайбургской больнице он жил и дышал ради мелких фрагментов истории, фильма, спектакля или книги. Но всякий раз, когда истории набирали обороты, они стопорились. Он терял связующую нить и не мог двинуться дальше. Все больше деталей сбивали его с толку и уплывали в туман. Сливались герои и люди, имена исчезали и заменялись другими, события теряли смысл. А потом он все это забросил. Над незаконченными и исковерканными историями все эти годы висел лишь один-единственный вопрос, нелепо вновь и вновь приходящий ему на ум и мучивший: как же звали вторую жену Дэвида Копперфилда?

Однажды и этот вопрос канул в прошлое, в туманную дымку бессмысленности и забвения.

Наконец, в истертой личности теплилась лишь одна искра настоящей жизни. Ощущение уверенности и счастья в их гармоничном единстве. Разжечь эту искру могла лишь Петра, всегда находившаяся рядом, — милая девушка, которая незаметно повзрослела и всегда нежно и мягко гладила его по щеке. Только она и оставалась от его мечтаний и радости.

Хрупкая женщина всегда говорила так, словно он был частью ее жизни. Она рассказывала о своей жизни, о своих радостях и печалях. Происходило много всего, чего он не понимал. Она говорила о странах, про которые он никогда не слышал, и людях — актерах, президентах и художниках, — о чьем существовании он и не подозревал.

Она редко оставляла его одного и уезжала в другие страны — домой она возвращалась с удивительными впечатлениями, напоминавшими сказку. Чудесную и приятную. Но она возвращалась — все остальное не имело значения. Скромная и внимательная, жизнерадостная.

И нежно гладила его по щеке.

Он привык к навещавшим его мужчинам. За долгие годы смягчилась их жесткость. Оставшись с ним наедине, они больше не хватили его грубо за руки и не шептали на ухо предостережений. Они стали лишь частью повседневной жизни. И они были очень разными.

Рябой стал ему другом. Не потому, что всегда вел себя дружелюбно, когда приходил в гости. И даже не потому, что всегда угощал его чем-нибудь вкусным, когда он бывал в его красивом доме. А прежде всего потому, что старик и широколицый никогда его не били, если рябой был рядом.

До сегодняшнего дня.

Ланкау был хуже их всех. Старик мог мучить его целый день, но искупал это другими качествами. А еще у него есть Андреа.

Решения принимал старик, а вот исполнял их Ланкау. В первые годы выглядел он мерзко: порой пустая глазница зияла в минуты ярости, когда он его наказывал. Какими бы ни были причины побоев, результат один: Герхарт Пойкерт перестал реагировать на все, что они с ним делали. И в целом с годами все это прекращалось. Удары стали мягче.

До этого момента.

Герхарт снова пересчитал гипсовые розетки, пытаясь отгородиться от слов. В соседней комнате старик уже давно не шевелился. Время от времени слышалось тяжелое, мерное дыхание, как будто он спал.

Постепенно эти трое редко стали бывать у Герхарта все вместе. Иногда они пели песни, хлопали его по спине, предлагали сигару или шнапс, который Ланкау разливал из своей трости или маленькой фляжки, всегда булькавшей в кармане его охотничьей куртки. В таких случаях они порой выводили его на прогулку по улицам или везли в гости к Крёнеру, или к старику, или даже в загородный дом Ланкау. Трое мужчин весело обсуждали дела. Постоянно сталкиваясь с неизвестным, Герхарт начинал считать и скучать по больнице. Как правило, в конце концов он тянулся к машине. Дружески поддерживая Герхарта под руки, его утихомиривали одной-двумя таблетками.

Герхарт Пойкерт, также известный как Эрих Блуменфельд, всегда принимал таблетки. В больницах, во время прогулок и в гостях. Где бы он ни находился, ему давали таблетки. Медсестры, санитары, эти трое мужчин или члены их семей.

Везде были маленькие шкафчики с таблетками.

Лишь однажды его привели туда, где были чужие люди. Петра пришла к ним и обняла его. На авиавыставке они оказались среди тысяч зрителей. Его напугали крики и шум огромной толпы, но выступление околдовало. На протяжении нескольких часов он не показывал пальцем и не шевелил головой, но в глазах читалось огромное удивление — зрелище затронуло нечто в глубине его души. Именно тогда он впервые за пятнадцать лет сказал хоть что-то. Когда наблюдал за истребителями, с ревом разрезавшими небосвод. Эту фразу он повторял, пока он не лег спать.

— So schnell^[24], — звучали одни и те же слова.

Глава 45

День у Лорин выдался странный. Постепенно в ней крепло смутное ощущение, что она вот-вот доберется до того, что на протяжении долгих лет в их с Брайаном совместной жизни оставалось недосказанным. Пока Брайан беседовал с хрупкой женщиной в Штадтпарке, она убедилась, что ее собственная судьба была с ней каким-то образом связана.

И тем не менее это еще не все.

На посторонний взгляд казалось, что он встретился с той женщиной случайно и эта встреча непонятным образом переросла в конфликт и ссору. Но когда они прощались, оба так сильно волновались и их охватило столько эмоций, что Лорин не сомневалась: вскоре они увидятся снова. Она сцепила руки. Произойдет это при других обстоятельствах, подумала она.

Брайан расположился в отеле «Розенек» на Урахштрассе. Для Лорин он был отправной точкой, и там же она сможет с ним поговорить, когда придет время. С этой женщиной связано что-то еще. Нравится это Лорин или нет, но ей ужасно захотелось разузнать о ней побольше. Не за ее ли квартирой Брайан так долго наблюдал этим утром? Кто она? Как могло получиться, что женщина из отдаленного немецкого города — надо заметить, не очень молодая — так заинтересовала ее мужа? Где они познакомились? И насколько близко знакомы? Все это Лорин решила выяснить. Здесь и сейчас.

Поэтому в следующие часы Лорин следила за той женщиной, а не за мужем.

Остановок было много. Два раза женщина заходила в телефонную будку. Время от времени она скрывалась в подъездах — Лорин оставалась на улице. Сбитая с толку, с ноющими ногами. Дел у женщины было много. Когда она наконец вошла в бар на Мюнстерплац и какое-то время просидела там у двери, безучастно глядя в окно, Лорин села неподалеку от нее и разулась, чуть ли не вслух выразив свою радость. Лишь теперь она смогла как следует рассмотреть объект наблюдения.

Женщина, сидящая в паре столиков от нее, привлекательной не выглядела.

Через некоторое время за ее столик сел Брайан, с виду очень напряженный. То, что он вообще пришел, Лорин не удивило — ее мучили их доверительные отношения. Говорила женщина тихо и смотрела в стол. Затем положила ладонь на руку Брайана и осторожно погладила. Брайан пробыл в заведении всего несколько минут. Таким встревоженным Лорин его никогда не видела. Он быстро растворился за пеленой витрины. Двигался он резко и неуклюже, как пьяный.

Тем самым дилемма Лорин — за кем следить вторую половину дня — разрешилась сама. Женщина у двери посидела еще немного, глядя в одну точку. С виду смущенная и потерянная. Лорин закурила сигарету и повернулась к центру бара. Сидя в уголке, она оставалась незамеченной. Когда женщина наконец уйдет, Лорин последует за ней.

Глава 46

Петру мучили сомнения. Пока она обходила пациентов по городу, многие спрашивали, не заболела ли она. «Вы такая бледная, сестра Вагнер», — говорили они.

И по правде говоря, ей было нехорошо.

Она уже очень давно наблюдала за тремя симулянтами из госпиталя СС — они поступают так, как им угодно. Хотя людьми они были очень разными, Петра точно знала: все трое не станут церемониться ни с кем, кто встанет у них на пути.

Петра поняла это не сразу. Без своей подруги Гизелы Деверс — она до сих пор проклинала себя за то, что познакомила ее с Крёнером, который стал ее мужем, — она вряд ли когда-нибудь осознала бы истинное положение вещей.

Не будь Герхарта Пойкерта, она бы ни за что на свете не связалась с этими тремя негодями.

Только ради Герхарта.

Она всегда любила этого красавца. Неслыханное дело. Окружающие осуждали ее — постепенно она лишилась обычного человеческого общения. Она годами питала надежду, что его болезнь начнет отступать, а в итоге и вовсе испарится. Жила мечтой о более спокойной жизни с ним.

Порой ей казалось, что она исполнится совсем скоро. В счастливые краткие мгновения. Пока не приходило осознание: жизнь Герхарта Пойкерта зависит от трех человек.

Этот факт ей всегда был известен — и вызывал отвращение.

Из-за этого знания и извечной надежды сегодня она предала другого человека.

Ее сильно потрясла встреча с пациентом, лежавшим тогда в госпитале. Подобного не случалось с тех пор, как вновь появились те трое. Целая вечность прошла.

Человек с лицом Арно фон дер Лейена казался чужаком. Ее напугали его речь и внешний вид. Когда он спросил про Герхарта Пойкерта, ее охватил страх — абсолютно объяснимый, если учесть, каково ей приходилось.

Никто точно не знал, что у Герхарта Пойкерта в голове. Врачи уже давно считали, что лучше всего его разум описывает слово «выжидающий». Его сознание впало в спячку. Гизела раскрыла Петре тайну: Крёнер уверен, что однажды Герхарт Пойкерт очнется от спячки нормальным человеком. И Крёнер ждал, что Герхарт в ту же секунду воткнет им всем нож в спину. Гизела и Крёнер могли из-за этого поссориться.

— Оставь его в покое, — уговаривала Гизела мужа.

Но банда симулянтов не могла позволить себе просто взять и отпустить Герхарта Пойкерта. Все идет гладко, пока он остается под их постоянным наблюдением, но вот отпустить его насовсем они не могли и не хотели: Герхарт слишком много знал.

Лишь потому, что Герхарт был серьезно болен, а его психическое состояние оставалось стабильным, трое мужчин решили позволить ему мирно существовать. Если верить Гизеле, так они выражались.

Они позволяли ему существовать.

Петра тревожилась. Так все и должно было продолжаться. И вот появляется чужак. Он заговорил об их общем прошлом и задал вопрос о единственном человеке в этом мире, кого она готова была защищать даже ценой собственной жизни. На угрозу она среагировала быстро. Кивнув лежавшему пациенту, смотревшему на нее, она выглянула в окно.

В тот день Шлоссберг купался в солнечных лучах. Незначительная возвышенность как будто хотела утвердиться. Она не знала, что произойдет с Арно фон дер Лейеном на ее вершине. Но могла догадаться. Ей бы очень не хотелось поссориться с Германом Мюллером, когда тот открывал свое истинное лицо — Петера Штиха. Его глубинную сущность рискует вновь пробудить любой, кто захочет увидеть Герхарта Пойкерта.

Сейчас ей становилось дурно от одних только мыслей. Если подумать о возможных последствиях ее поступка, она сама уже не сильно отличается от этих троих мужчин.

Дот Вандерлеен жила на Зальцштрассе с тех пор, как продала дело своего покойного мужа в Лейдене. Она-то и обратила внимание Петры на женщину, которая за ней следила.

— Смотрите-ка. — Она показала в окно, на противоположную сторону улицы.

На лице стройной женщины читалось облегчение. Стоя на одной ноге, она терла стопу другой.

— Вот бедняга, — посочувствовала ей Дот Вандерлеен. — Наверное, у нее обувь новая.

Хоть Петра Вагнер роста была невысокого, легкая как пушинка фрау Вандерлеен едва доставала ей до подмышек. Стоя на цыпочках, она завороченно рассматривала женщину из-за листьев комнатных растений.

— Новая обувь — штука неприятная, — произнесла она и подвинулась, чтобы Петра обработала раны у нее на голени. — Хорошо, когда не надо с новой обувью мучиться, — заключила она.

Во время обхода Петра видела ту женщину еще несколько раз. Когда бы она ни выглянула в окно, на другой стороне улицы неизменно стояла женщина, мучившаяся из-за ног.

Обычно во время субботней смены Петра на пару часов делала перерыв и навещала Герхарта. Днем в субботу они становились ближе всего друг к другу. Если можно так выразиться, каждую субботу они на протяжении нескольких секунд любили друг друга глазами. Ради этих секунд она и жила.

В три часа Петра была у герра Франка, старого торговца, страдавшего пролежнями. По расписанию он был у нее последним пациентом до перерыва.

Но вместо того чтобы, как всегда, поехать на трамвае в больницу, она пересекла Картоффельмаркт в противоположном направлении. Перед самой группой уличных артистов, собравших вокруг себя нескольких зрителей — те терпеливо сидели на мостовой и смотрели их слаженный танец, — Петра ускорила шаг. Проходя мимо, она задела одного из артистов — тот запнулся.

— Да чтоб тебя! — выругался он, поправляя бирюзовое трико.

Но от преследовательницы Петра оторвалась.

Вассерштрассе и Веберштрассе идут параллельно друг другу. Там, где они заканчиваются, Петра села в пустое такси на парковке.

— Одну минутку подождите, — сказал водитель из машины позади. — Фриц пошел отлить, он сейчас придет.

С Вассерштрассе выбежала стройная женщина, следившая за Петрой. Лицо у нее было измученное. Откинувшись на спинку сиденья, Петра спрятала лицо. Очевидно, женщина не могла решить, как теперь поступить. Сделав несколько шагов по тротуару и оглядев Веберштрассе, она снова обернулась. Растрепанная прическа уже не соответствовала ее элегантному внешнему виду. Оперевшись на фасад здания, она наклонилась вперед и обхватила руками колени.

Подобные ощущения и порыв Петре были знакомы, но она знала: измученным ногам это не поможет.

Стоящая напротив нее женщина явно за ней следила, но вела себя как дилетантка. Оглядевшись по сторонам несколько раз, она наконец поставила пакет на землю и тяжело вздохнула — ее чуть ли не в такси было слышно.

— Он идет! — крикнул тот самый водитель и постучал кулаком в боковое стекло.

В это мгновение женщина увидела Петру. Ее взгляд скользнул с Петры на такси, в котором она сидела, на стоявшую сзади машину — и обратно. Очевидно, она понимала, что ее заметили.

— Да, фрау. Вижу, вы сели. Куда едем?

Положив руку на спинку соседнего сиденья, полноватый мужчина бросил взгляд на сидевшую сзади женщину. Петра едва обратила на него внимание. Затем открыла сумку и схватила узкую металлическую рукоятку — как всегда, она находилась в среднем кармашке. У скальпеля недавно заменили лезвие — она знала, что это серьезное оружие. Держа его в руке, она приготовилась идти навстречу возникшей перед ней загадке.

Когда Петра вышла из машины и стала переходить улицу, вид у женщины был расстроенный.

— Ну в туалет-то сходить можно! — послышалось из машины, откуда она только что вышла. — Даже таксистам иногда перерыв делать надо! Вы сами-то когда-нибудь пробовали в такой позе целый день просидеть?

Высунув голову в боковое окно, он выехал со стоянки и крикнул еще громче:

— Всего две минуты! Могли бы подождать!

Когда в рукаве Петры блеснул скальпель, женщина потеряла дар речи. Склонив голову, она долго на него смотрела, но сбежать не

пыталась.

Петра опустила оружие.

Уже во второй раз за день она оказалась лицом к лицу с человеком, который за ней следил, и уже во второй раз с ней заговорили по-английски. У нее не было сомнений, что Арно фон дер Лейен и эта женщина даже говорят как-то похоже.

— Что я сделала? — только и спросила женщина.

— Давно вы за мной следите?

— С утра. С того момента, как вы встретились в парке с моим мужем.

— С вашим мужем? Как это?

— Сегодня вы виделись с ним два раза, не отрицайте. В первый раз — в Штадтгартене, а во второй — в баре отеля «Раппенс».

— Вы замужем за Арно фон дер Лейеном?

Петра оглядела высокую женщину. Вопрос ту удивил. Казалось, она никак не придет в себя.

— Арно фон дер Лейен? Так он себя называет?

— Под таким именем я его знаю уже почти тридцать лет. Другие имена мне неизвестны.

На секунду стройная женщина, казалось, совсем растерялась:

— Это же немецкое имя, разве нет?

— Да, естественно.

— Вот как! Не знаю даже, насколько это естественно. Потому что он мой муж, он англичанин, а зовут его не Арно, а Брайан Андервуд Скотт. Так его всегда звали. Это имя указано в его свидетельстве о рождении, и так его до самой своей смерти звала мать. Почему вы зовете его Арно фон дер Лейеном? Вы надо мной издеваетесь? Или просто уколете меня той штуковиной, которой размахиваете?

Этот судорожный выпад произвел на Петру впечатление. Она не разобрала и половины потока слов, вылившегося на нее всего за несколько секунд. Даже дорогой макияж не мог скрыть яростного негодования. Оно выглядело более чем искренним.

— Обернитесь, пожалуйста, — попросила Петра. — Что вы видите?

— Ничего, — ответила Лорин. — Пустую улицу. Вы об этом?

— Видите вон там на фасаде большую букву С? ^[25] Это кафе отеля «Гарнис». Если вы прямо сейчас пообещаете, что спокойно пойдете

туда со мной, мне это не пригодится.

Петра помахала скальпелем — тот вновь скрылся у нее в рукаве.

— Думаю, нам с вами надо поговорить.

Глава 47

Официант подал чай в кофейных чашках и даже не извинился. Лорин долго ждала, пока остынет, потом с недовольным видом попробовала. Обе женщины молчали. Казалось, сидящую перед Лорин женщину буквально распирало. Она несколько раз смотрела на часы, намереваясь заговорить, но все же молчала.

Наконец она взяла чашку и сделала глоток.

— Вы же понимаете, что для меня все это — головоломка? — спросила она.

Лорин кивнула.

— И у меня есть ощущение, что сегодня могут пострадать люди. Возможно, это уже случилось, мы тут уже ничего не поделаем. Поэтому надо попытаться прямо сейчас соединить кусочки этой головоломки. Согласны?

— Наверное.

Лорин старалась быть любезной:

— Но кто может попасть в беду? С моим мужем ничего не может случиться, правда ведь?

— Может. Вам придется меня извинить — сейчас меня это не так сильно заботит. Я не доверяю ни вам, ни ему, понимаете?

— Не доверяете? Знаете что? Я о вас ничего не знаю! Вы можете кем угодно оказаться. Я вас раньше не видела. Вы знаете его тридцать лет под другим именем. И у меня складывается впечатление, что вам известно что-то, что, возможно, сказывалось на нашем браке на протяжении многих лет. Думаете, я вам доверяю?

Лорин стала размешивать в прозрачно-коричневой жидкости, которую официант назвал чаем, еще один кусочек сахара и наградила Петру широкой, но язвительной улыбкой.

— Ну а с другой стороны — у меня выбор есть?

— Нет, выбора у вас нет.

Смех женщины не вязался с ее невысоким ростом. Глубокий и звонкий, он казался искренним, но мгновенно смолк.

— Ну что ж. Меня зовут Петра. Можете так меня и называть. Петра Вагнер.

Она решительно кивнула.

— С вашим мужем я познакомилась здесь, во Фрайбурге, во время войны. Его положили в крупный резервный госпиталь к северу от города, где я работала медсестрой. Больше мы не виделись — пока он не объявился сегодня утром. Вы стали свидетелем нашей первой встречи почти за тридцать лет. Если верить вашему мужу, случайной встречи. Это правда?

— Понятия не имею. Я с мужем несколько дней не разговаривала. Он даже не знает, что я сюда приехала. Я понятия не имела и даже никогда не слышала о том, что во время войны он лежал в госпитале в Германии. Но зато я знаю, что он лежал в больнице, когда вернулся домой. И считался пропавшим без вести почти год.

— В этот самый год, о котором вы говорите, он лежал в больнице здесь, во Фрайбурге.

Лорин не ожидала узнать такое о прошлом Брайана. Услышанное казалось невероятным. И тем не менее у нее не осталось сомнений: сидящая перед ней женщина не лжет. Как любил повторять ее отец, страх и правда идут рука об руку, точно так же как ложь и самонадеянность. Несмотря на внешнее спокойствие, Петра казалась испуганной.

Придется им как можно быстрее завоевывать доверие друг друга.

— Ладно. Я вам верю, хоть, по мне, это все очень странно. — Снова глотнув неприятной на вкус жидкости, она продолжила: — Меня зовут Лорин Андервуд Скотт. Зовите меня Лорин, если хотите, — сказала она. — Мы женаты с сорок седьмого года. Меньше чем через два месяца у нас серебряная свадьба. Мы живем в Кентербери — там мой муж и родился. Он выучился на врача и сейчас занимается фармацевтикой. У нас есть дочь — ну и то, что обычно называют некоторыми привилегиями. Все то время, что мы женаты, мой муж в Германии больше не был и вернулся сюда две недели назад. И прошу вас меня извинить, но я об этом городе впервые услышала всего пару дней назад.

Две женщины разглядывали друг друга. Лорин умоляюще произнесла:

— Может, Петра Вагнер, вы мне расскажете, где мой муж?

Сидевшая напротив Петры высокая, стройная женщина могла бы с тем же успехом говорить на иврите. Она ее не слушала. Вместо этого она изо всех сил старалась найти у нее слабые места. Как правило, слова лишь затуманивают самое главное. Поэтому важнейший для Петры вопрос был такой: можно вообще доверять этой странной женщине или нет?

Прежде всего ей надо подумать о Герхарте. Если она не станет ничего предпринимать, то не подставит Герхарта под удар. Он, как всегда, останется в безопасности.

Естественно, она надеялась, что Штих, Крёнер и Ланкау в конце концов смогут до чего-то договориться там, на вершине. И все же ей было не по себе: накатило бессилие, да и чувствовала она себя далеко не в безопасности. «А если что-то пойдет не так, а если эта женщина задумала что-то недоброе — и не важно, что там на Шлоссберге случится?» — рассуждала она. В каком положении она сама окажется? И что потом будет с Герхартом?

Женщина напротив не профессионал — такое просто невозможно. Должно быть, она не лгала, говоря, что Арно фон дер Лейен — ее муж.

— Можно вам несколько вопросов задать? — спросила Петра.

Ей вдруг стало трудно дышать. Удивленная Лорин кивнула.

— Тогда отвечайте быстро. Можете считать, что это такой экзамен. Как зовут вашу дочь?

— Энн Лесли Андервуд Скотт.

— Анна? — переспросила Петра.

— Нет, с Э, Энн.

— Когда она родилась?

— Шестнадцатого июня сорок восьмого года.

— В какой день недели?

— Понедельник.

— Как вы это запомнили?

— Да просто запомнила, и все.

— Что было в тот день?

— Мой муж плакал.

— А еще?

— Я ела маффины с джемом.

— Разве не странно такое помнить?

Лорин замотала головой:

— У вас дети есть?

— Нет.

За исключением неприличных вопросов, которые изредка задавали Петре в кафе «Пальмерас» — туда она обычно заходила, сделав покупки в магазине «Эрам», — этот вопрос она ненавидела больше всего.

— Иначе вы бы понимали, что ничего странного тут нет. Это все?

— Нет. Сначала объясните мне, чего ваш муж хочет от Герхарта Пойкерта?

— Честно говоря, я понятия не имею. Вам лучше знать.

Лорин сжала губы — от морщин в уголках рта на макияже появились трещинки.

— Я не знаю.

— Послушайте, Петра Вагнер!

Официант прошел мимо их столика, высоко держа поднос. Во взгляде, которым он наградил Лорин, когда она взяла за руку другую женщину, читалось если не неодобрение, то по меньшей мере сожаление.

— Расскажите то, что знаете. Можете мне довериться.

От удивления и сомнения Лорин растерялась. Прошрое медленно шло ей навстречу. То, что довелось пережить ее мужу, было прошлым чужого человека. Она и понятия обо всем этом не имела. Петра Вагнер послужила ей проводником.

Постепенно у Лорин перед глазами возник госпиталь с его жизнью и палаты, где лежал Брайан. «Какой ужас», — произносила она время от времени. «Это правда?» — шептала она, не ожидая ответа.

Рассказ о резервном госпитале в горах и проведенных в нем месяцах обнажил оковы страха. Мир больницы: систематическое неправильное лечение, одиночество и трое мужчин, тихо терроризировавших и командовавших окружающими.

Но однажды Арно фон дер Лейен исчез — а с ним и еще два человека.

— Говорите, что мой муж и этот самый Герхарт Пойкерт в госпитале никакого отношения друг к другу не имели?

— Никакого, — растерянно ответила Петра. — Даже наоборот. Герхарт всегда отворачивался, если Арно фон дер Лейен был рядом.

— А что с Герхартом Пойкертом потом случилось?

В ту же секунду, когда прозвучал вопрос, Петра выдернула руку. Ей было дурно. Отвернувшись, она сняла со спинки стула платок. Завязывая его, она застыла. С ее щек незаметно сошел румянец. Когда потекли слезы, она без колебаний взяла у Лорин носовой платок.

В тот день были минуты, казавшиеся Петре часами, и были часы, пролетевшие как доли секунды. Эти несколько минут открыто кричали об одиночестве и недостатке доверия — чувствам нужно было дать волю и озвучить их. В конце концов Петра решилась улыбнуться. Высморкавшись, она отрывисто рассмеялась, застенчиво и облегченно:

— Вам ведь можно верить, правда?

— Можно, — ответила Лорин, вновь беря ее за руку. — Можете — только учтите, что я понятия не имею, в понедельник родилась моя дочь или нет.

Она смущенно засмеялась:

— Просто расскажите мне о себе! Думаю, нам обоим это будет полезно.

Петра влюбилась в Герхарта Пойкерта. Она слышала про него кошмарные вещи, но все равно его любила. После того как Герхарта вместе еще с парой пациентов перевели в Энзен, в районе Порц, у Кёльна, ему стало немного лучше. Петра пустила в ход и уговоры, и взятки, чтобы ей разрешили поехать с ним.

Когда объявили капитуляцию, Герхарт был еще очень и очень слаб. Он мог целыми днями лежать в полубессознательном состоянии, не замечая окружающих. Его хорошо лечили в конце войны, но многочисленные сеансы электрошоковой терапии и грубое обращение со стороны офицеров службы безопасности и других пациентов больницы Фрайбурга высосали из него почти все силы. Ко всему прочему, его состояние напоминало некую форму хронического аллергического шока — ни у кого не было на него времени, да и никто и не понимал, что к его болезни надо отнестись серьезно. Что еще хуже, после завершения войны врачам стало неинтересно лечить этого пациента. Его положение менялось день ото дня. Он принадлежал прошлому, о котором лучше не вспоминать. Были и другие пациенты,

над которыми не висело проклятие свастики. И они были важнее. За Герхарта всерьез беспокоилась лишь Петра. У нее не было ни опыта, ни знаний о том, что нужно делать в его случае. Он принимал те же таблетки, что и всегда, — из-за них он спал целыми днями.

Так все и шло, пока не появились те двое из Дома алфавита.

В этот момент Лорин поняла, что страх Петры имел под собой очень веские основания. Эти двое мужчин хотели убить ее любимого человека. Один из них — здоровяк по имени Ланкау — был в числе сбежавших из госпиталя вместе с мужем Лорин.

Двое мужчин, надев халаты, вошли с улицы. Их никто не заметил: постоянно сновали так называемые наблюдатели из оккупационных войск. Документов они не предъявили, и тем не менее сотрудники госпиталя в точности выполнили все их требования. Странное было время: авторитеты менялись в мгновение ока, по мере того как росло количество арестов и облав. От беспорядка страдали все.

Ситуация была шаткая, но никто из немцев не пытался с этим бороться.

Когда Петра во второй раз за день принесла в палату лекарства, Герхарта там не оказалось. Его кровать унесли. Один санитар указал в сторону бельевой — там она и обнаружила Крёнера и Ланкау, склонившихся над кроватью Герхарта. Едва увидев их, она отступила в дверной проем — шумный коридор за ее спиной послужил ей защитой. Происходящее потрясло ее. Дрожащий Герхарт прерывисто дышал.

Приди она несколькими минутами позже, было бы поздно.

Эти двое отпустили Герхарта Пойкерта, потому что пришла она. Она их узнала, а они — глядя полными ненависти глазами — узнали ее. Бросив Герхарта Пойкерта, они вышли из отделения по коридору. В последующие дни они периодически появлялись по очереди — оба улыбались и вели себя безобидно. Пока они приходили поодиночке, Петра не могла ничего с ними поделать. Всегда останется второй — и он придет отомстить. А Герхарт был беззащитной мишенью.

Им обоим грозила опасность.

Так продолжалось пять дней — Петра старалась не оставаться одна и в то же время не выпускать Герхарта Пойкерта из поля зрения больше чем на несколько минут. С каждым днем она отмечала, что он

слабеет. С момента появления тех двух мужчин он казался испуганным и оцепеневшим, почти перестал есть и пить. На шестой день она встретила третьего человека из фрайбургского госпиталя.

Они поджидали ее снаружи. Петра шла под руку с подругой — она тут же отошла в сторону и вдруг начала флиртовать с рябым, Крёнером. Так она себя вела со всеми хорошо одетыми мужчинами.

Ситуация получилась неудобная.

К ней обратился третий пациент из Фрайбурга — невысокий, любезный мужчина по имени Петер Штих. Она считала его неизлечимо больным, пока врачи не признали его годным к строевой службе. Ланкау стоял, широко расставив ноги, и беспокойно озирался по сторонам. Ситуация опасная — за ее исход могли дорого заплатить обе женщины. Петра слушала внимательно.

— Герхарта Пойкерта, — заговорил, спокойно улыбаясь, Петер Штих, — надо бы перевезти в более безопасное место. Время-то сейчас какое — я вот о чем. Он же военный преступник, верно? А к ним сочувствия никто не испытывает. Разве не так?

Погладив ее по локтю, он коротко кивнул Ланкау — тот мигом испарился.

— Может, вам захочется это обсудить? — продолжил он. — Где и когда вам будет удобно?

Проявить сговорчивость Петре оказалось нетрудно. Она осознавала серьезность ситуации. Болен Герхарт Пойкерт или нет, он вполне мог поплатиться за прошлое. Подтверждения тому находились каждый день. На самых ярых сторонников нацистского режима полным ходом шла охота. Многих уважаемых жителей Кёльна сажали в тюрьму, а людей, служивших в гестапо и специальных подразделениях СС, мог преследовать буквально кто угодно. Пощады, не говоря уже о помощи, не приходилось ждать ни от друзей, ни от врагов.

День тогда выдался странный. Пока несколько ее коллег весь день дурачились и отказывались браться за любое дело, нашли еще одного человека, прятавшегося в подвале больницы, — его увидели одетые в форму люди. У самой Петры разболелся живот.

Она договорилась встретиться с пациентами из Фрайбурга на вокзале, в зале ожидания. Снаружи народу почти не было. Ни одного автобуса из тех, что обычно отправлялись оттуда. На полу в самом зале

ожидания лежало много людей — все спали или дремали. Повсюду — чужие пожитки, перевязанные картонные коробки с бумагами, одеяла, в которые завернули самые ценные или крупные предметы, чемоданы, сумки и мешки. Подходящее место. Петра потребовала, чтобы пришли все симулянты, но говорить хотела лишь с одним. А еще она решила, что говорить будет там, где много людей.

Более многолюдного места, чем это, она и пожелать не могла.

В центре зала на полу устроилась целая семья. Минимум шесть маленьких детей и пара подростков. Лицо у жены морщинистое, встревоженное и уставшее. Ее муж спал. К этой группе Петра подошла и стала ждать. Пара детей, хитро поглядывая, потянули ее за платье.

Петер Штих ее сразу заметил. За ним в паре шагов шли Крёнер с Ланкау. Затем они остановились.

— А где еще двое? — спросила она, быстро оглядываясь через плечо.

Кто-то из детей уселся между ними на пол — округлив глаза, сначала он заглянул ей под платье, а потом уставился на Петера Штиха. Тот был абсолютно спокоен.

— Кто? — спросил он.

— Они сбежали тем же вечером, что и Ланкау. Арно фон дер Лейен и еще один. Не помню, как его зовут.

— Дитер Шмидт! Его звали Дитер Шмидт. Они погибли. Погибли той же ночью, когда сбежали. А что?

— Я вам не верю, а поэтому мне надо знать, сколько вас.

— Нас всего трое, а еще вы и Герхарт Пойкерт. Можете быть уверены.

Она снова обернулась.

— Вот, — произнесла она, протягивая открытый конверт.

Штих вытащил лист бумаги и прочел, не проронив ни слова.

— Зачем вы это написали? — спросил он, приподнимая уголок рта и передавая бумагу Крёнеру.

— Это копия. Оригинал я сдала на хранение вместе с завещанием. Это гарантия того, что со мной и Герхартом ничего не случится.

— Ошибаетесь. Если на нас донесут, мы Герхарта прихватим с собой, вам ясно?

Она кивнула Штиху.

— Вы считаете, что этим письмом мы друг друга удержим?

Она снова ему кивнула.

— Увы, — произнес Штих, секунду переговорив с остальными, — в сложившейся ситуации мы постоянно будем бояться, что с вами что-то случится. Страхование жизни должно быть двухсторонним. Мы вынуждены попросить вас уничтожить оригинал. Нельзя, чтобы он лежал у адвоката.

— А что дальше?

— Взамен можем предложить вам договор. Его вы отдадите на хранение адвокату. С ним у вас появятся уступки. Можем зафиксировать в нем, что мы получим крупную сумму в случае вашей смерти. Если вдруг вы и Герхарт умрете не своей смертью, мы окажемся под подозрением.

— Нет. — Петра отметила, как взбесился Ланкау, когда она замотала головой. — Эту бумагу я храню в другом месте.

— Где? — Штих склонил голову набок.

— Это мое дело.

— На такое мы точно пойти не можем.

Как только прозвучал ответ Штиха, Петра сразу же развернулась и решительно двинулась в сторону выхода. Остановилась она, когда Штих окликнул ее уже в третий раз.

Затем он подошел к ней.

Под любопытными взглядами целой толпы они проговорили весь вечер. Петер Штих принял ее предложение и был очень откровенен, но в то же время даже не попытался скрыть, что и ей, и Герхарту Пойкерту придется поплатиться, если она когда-нибудь злоупотребит его открытостью.

Ему удалось ее успокоить. Как ей было прекрасно известно, все трое, как и Герхарт Пойкерт, были высокопоставленными офицерами СС. Таких, как они, могли приговорить к пожизненному заключению или даже смертной казни, если их найдут и дело дойдет до суда. Все они будут в безопасности, если никто не узнает их настоящих имен. Поэтому им всем — и ей тоже — надо держаться вместе, чтобы Герхарт Пойкерт мог жить дальше. С ее стороны требовалось гарантировать молчание — свое и Герхарта.

Если она выполнит условие, у них было что предложить ей взамен. У Герхарта Пойкерта будет другое имя — то, что предназначалось Дитеру Шмидту.

В таком случае его будут звать Эрих Блуменфельд. Имея острые черты лица, он вполне сойдет за того, в ком течет еврейская кровь, особенно если его светлые волосы покороче сбрить. Пока они будут придерживаться этой версии, с ним ничего не случится. Скоро люди поймут, почему кое-кому из евреев потребовалась психиатрическая помощь. Симулянты подарят ему новую жизнь и впредь обеспечат ему уход.

Ничто не мешало Петре поехать за Герхартом Пойкертом и быть рядом с ним.

— И так вы осели во Фрайбурге? — Лорин покачала головой. — Но ведь именно в этом городе никто из вас не был в безопасности.

— Так уж получилось. Остальные выбор уже сделали. И тут неподалеку мои родственники живут. У меня ведь нет причин скрываться.

Сложив руки, Петра подтолкнула чашку костяшками пальцев.

— И все ведь было хорошо. Пока вы и ваш муж не появились. Двадцать семь лет все шло гладко. А с точки зрения симулянтов, у города много преимуществ. Во-первых, рядом Швейцария, а во-вторых, все, кто мог их узнать, погибли в результате бомбардировки резервного госпиталя, если до нее их никуда не увезли. Наконец, никто из симулянтов не рос во Фрайбурге и не имел с городом никаких иных связей. Если оглянуться назад, выбор был сделан правильный.

Так они и поступили. У всех появились новые имена — все организовал Штих. Сам он стал Германом Мюллером. Вильфрид Крёнер — Хансом Шмидтом. Хорст Ланкау — Алексом Фабером, а Герхарта Пойкерта поместили в частную клинику под именем еврея Эриха Блуменфельда. Отдав скромную сумму, четверо мужчин свели свои татуировки у пожилого врача из Штутгарта — хоть его и оправдали в Нюрнберге, ему было что скрывать. За две тысячи марок стерли все физические свидетельства истинных личностей всех четырех.

— По-моему, у Брайана татуировка до сих пор есть, — призналась Лорин.

Она уже много лет не обращала внимания на пятно, которое всегда считала результатом солдатского дурачества.

Переезд Герхарта Пойкерта не доставил им проблем. Из Кёльна он отправился в Ройтлинген, а оттуда его перевели в Карлсруэ. Когда они наконец забрали его оттуда и повезли во Фрайбург, новое имя уже давно за ним закрепилось.

Петра была счастлива, что Герхарт вернулся во Фрайбург, и долгое время мечтала, что он поправится. Поэтому она осталась одна. Такова была цена.

Но несмотря на силу и привязанность Петры, состояние Герхарта Пойкерта не менялось. Он, как всегда, оставался неприступным, замкнутым; он был совсем близко, но в то же время далеко.

Как любовник за стеклом.

Кроме нее, общался он только с теми тремя мужчинами. Насколько она знала, они всегда обращались с ним сносно. Через несколько лет они купили клинику. Чтобы приходить и уходить когда вздумается.

— А они богаты? — Лорин по-особому произносила это слово.

Когда она была молода, в нем сквозила насмешка. В Кардиффе богатыми были те, кто обирал отцов города и тянул силы людей, работающих в порту и на сталелитейных заводах. С тех пор как с финансовой точки зрения ее жизнь стала более стабильной, слово приобрело иное, дополнительное измерение, из-за чего она секунду медлила, прежде чем его произнести.

Петра стала смотреть в никуда, словно не слышала вопроса.

— Во фрайбургском госпитале у меня появилась подруга Гизела, на несколько лет старше меня. В госпитале лежал ее муж. Безднадежный случай. Его смерть во время бомбардировки в конце войны принесла ей облегчение. Представляете себе, мы вместе смеяться учились!

Улыбка — вялая и сентиментальная. Лорин подумала, что с того самого времени Петра Вагнер вряд ли часто смеялась.

— Так уж случилось, что в родной город моя подруга вернуться не могла, а эти трое мужчин пришли и перевернули мою жизнь. Через несколько лет я как-то вечером с ними встречалась и взяла ее с собой, просто за компанию. Не надо было мне этого делать — ей этот вечер принес одно несчастье. За одного из мужчин она вышла замуж. За Крёнера, рябого. Самого приличного из трех — но он замучил ее до

смерти. И все же если бы не она, я бы абсолютно не понимала, почему они вели себя именно так.

Петра посмотрела на часы. Затем выпрямилась и стряхнула настроение, которое сама же на себя и напустила.

— Да, они богатые, — подытожила она. — Даже очень.

Как и Штих, Крёнер вложил лишь небольшую часть своей доли. Остальное движимое имущество, благодаря которому он приобрел влияние и власть, было заработано тяжелым трудом. Все, что хранилось в Базеле, оставалось нетронутым. Только Ланкау постоянно тратил свое состояние и, насколько понимала Петра, мог продолжать тратить еще много лет. Для окружающих он был владельцем машиностроительного завода, обеспечивавшего многих людей работой. Но завод приносил одни убытки. Ему он служил лишь прикрытием и хобби, подобно виноградику, благодаря чему у него появлялись связи и товарищи по охоте. Для города он — любезный чудаков, всегда готовый повеселиться и прийти на ужин. Ланкау вел двойную жизнь.

Если говорить о Крёнере, он чем только не занимался — от торговли до земельной собственности. Для всей его деятельности было нужно политическое влияние и много друзей. Петре казалось, что в хороших домах не осталось ни единого младенца, кого бы Крёнер не трепал по щеке. Так он по большей части и жил, становясь все влиятельнее и забывая своих близких.

Штих — отдельная история. Жил он скромно, но был богаче всех остальных. Нажился на восстановлении Германии, на торговле во время бумажного бума шестидесятых. Малые риски — большая прибыль. Занятие, не требовавшее ничего, кроме проницательности и решимости. Поэтому он неизменно старался держаться отстраненно.

Неизвестная история — даже среди близких.

Все то время отношения между тремя мужчинами вращались лишь вокруг их общей цели: скрыть прошлое. Они регулярно навещали Герхарта Пойкерта и сделали так, чтобы иметь возможность влиять на его лечение. И по этой же причине они следили друг за другом: кого каждый из них берет в жены и как ведет себя на публике.

Все они привыкли к состоянию Герхарта Пойкерта. То, что таилось в глубине его души, вырвалось на поверхность лишь однажды

— ко всеобщему удивлению. С ними была Петра. Произошло это на авиационной выставке. Впервые за много лет он хоть что-то сказал. «So schnell!» — прозвучали его слова. Больше ничего. Дело было в 1962 году. Петра не раз вспоминала о том дне, надеясь, что это случится вновь.

— Ну, вы же видите. Сейчас семьдесят второй год. Вильфриду Крёнеру пятьдесят восемь лет, Ланкау — шестьдесят, Штиху — шестьдесят восемь. Да, Герхарту Пойкерту пятьдесят, как и мне. Ничего не изменилось. Мы лишь постарели.

Петра вздохнула:

— Так время и текло — до сегодняшнего дня.

Лорин долго на нее смотрела. Рассказав эту историю, Петра почувствовала облегчение. Взгляд еще молодых глаз Петры прояснился и погрузнел.

— Петра... — произнесла она, замолчав на секунду. — Спасибо, что рассказали мне про себя. Я верю каждому вашему слову, но не понимаю, при чем здесь мой муж. С ним случится что-то плохое?

— Да, случится, если ваш муж не согласится на их условия.

— Какие условия?

— Держать язык за зубами, уехать домой. Не знаю.

Она стала подбирать слова.

— Говорите, муж у вас состоятельный?

— Да.

— Он сможет это доказать?

— Естественно, сможет. К чему вы клоните?

— Думаю, это будет необходимо, если ваш муж хочет уехать из Фрайбурга живым.

— Уехать из Фрайбурга живым? — Лорин пришла в ужас. — Повторите еще раз — вы хоть понимаете, что говорите? Вы обязаны рассказать мне, что с моим мужем!

— Я могу, но мне известно не все. Но с условием: вы поклянетесь своей жизнью, что ни вы, ни ваш муж не сделаете Герхарту Пойкерту ничего плохого.

За несколько часов Лорин швыряло из одного мира в другой быстрее, чем поспевал ее разум. Останется ее роль в происходящем пассивной или нет, зависело от этой женщины, только что доверившейся ей. Брайан вот-вот перенесет ее в очередной мир, и он,

возможно, в беде. Вот-вот перед ней раскроется еще одна сущность мужа. Теперь она не знала, может ли поклясться Петре, что ее муж не сделает Герхарту Пойкерту ничего плохого. Прежде она бы не сомневалась.

Когда-то в прошлом.

— Да, клянусь собственной жизнью, — сказала она.

Глава 48

В ту секунду, когда Ланкау услышал обнадеживающий звук заводящегося «БМВ», он зажмурил здоровый глаз и улыбнулся.

Он избавился от своего мучителя.

Кое-что говорило о том, что они переоценили фон дер Лейена, а вот сам фон дер Лейен его недооценил. Прекрасное сочетание. Исключительно многообещающее начало.

Хорст Ланкау все еще был в своем доме. Привязанный к крепкому стулу с дубовыми подлокотниками, десять лет назад купленному его женой у торговца мебелью в Мюльхайме. Местного дельца и профессионального обольстителя, умеющего производить впечатление на женщин и влезать в карманы к их мужьям. Когда они покупали стул, выглядел он весьма солидно: грубая обивка и массивные ножки. Но на деле все обернулось совсем иначе. Вещь оказалась самым обыкновенным хламом — Ланкау захотелось как следует врезать торговцу мебелью за то, что он им его всучил. В конце концов стул, как и многие другие вещи, подремонтировали и отправили в загородный дом.

В данный момент, когда Ланкау стал рывками дергать подлокотники, о покупке он уже не жалел. Он решительно расшатывал стул.

Стул даже не скрипнул — оба подлокотника слетели со штырей и отвалились. На его руках болтались деревяшки — он тщетно пытался нащупать узлы на веревке, несколько раз обмотавшей его тело и приковавшей к спинке стула. Веревка и немалый живот мешали ему распутать ноги. Единственный вариант — шатать дальше, пока стул не развалится на составные части. В тот момент, когда часы, висящие над дверью, пробили четверть седьмого, стул рухнул — Ланкау был свободен.

Говорил Петер Штих как-то отстраненно. По его голосу было понятно, что, до того как зазвонил телефон, он некоторое время сидел и размышлял с рюмкой шнапса.

— Где ты, черт побери, был? — заорал он, едва узнав голос Ланкау.

— Английский подтягивал. Знал бы ты, какой я молодец.

Потирая руки, Ланкау прижал трубку плечом. Царапины оказались неглубокими.

— Да завязывай уже. Отвечай! Хорст, что происходит?

— Я на винограднике. Этот козел Арно фон дер Лейен меня скрутил, но я освободился. Этот идиот меня к дубовому стулу Герды привязал.

Ланкау рассмеялся.

— Где он сейчас?

— Поэтому-то я и звоню. Он видел Крёнера. Знает, где он живет. Я только что звонил Вильфриду, но он не берет трубку.

— А я? Про меня он что-нибудь знает?

— Я больше чем уверен, что нет.

— Хорошо.

На другом конце провода послышался плеск. Наверно, Андреа очередную рюмку наливает.

— Думаешь, фон дер Лейен к Крёнеру направился? — продолжил после краткого приступа кашля старик.

— Да, очень может быть.

— Крёнер домой не сразу пойдет. Он Петру Вагнер ищет.

— Петру? Зачем?

По мнению Ланкау, день преподнес немало сюрпризов.

— Мы думаем, она нам не всю правду рассказала. Решили, она проболталась фон дер Лейену о том, что ждет его на вершине Шлоссберга. От тебя-то вестей не было.

— Ничего он не знал. Где сейчас Петра?

— Наверное, пациентов обходит. Крёнер выясняет, где именно. А когда он ее найдет, то, весьма вероятно, прикончит.

— Жаль Петру, — буркнул Ланкау. Ему было совершенно все равно. — Когда Арно фон дер Лейен свои дела закончит, он вернется сюда, не сомневайся. И я его встречу как родного. А тебе надо передать все это Крёнеру. Арно фон дер Лейен разъезжает в «БМВ», а в штанах у него мой «сики кэндзю».

— Хорошая машина, дрянной пистолет; щедрая ты натура, Хорст. Он знает, что он может выстрелить, когда он будет его с предохранителя снимать?

Ланкау заржал. Он даже представил, как Штих убрал от уха трубку.

— Бог его знает! Думаю, нет. Но пока не доказано обратное, он точно заряжен — Арно фон дер Лейен не побоится пустить Крёнеру пулю в рябую рожу. Пора бы тебе идти, Петер.

— Не нервничай. Я уже выхожу, — тихо произнес он, а затем в трубке щелкнуло.

Глава 49

С тех пор как Брайан оставил Ланкау на стуле в его загородном доме, он успел о многом подумать. Во-первых, в какой-то момент ему надо будет снова его порасспрашивать. Вряд ли он соврал насчет обстоятельств исчезновения Джеймса, но чтобы Брайан обрел в душе покой, Ланкау придется рассказать ему побольше. Хоть этот громила способен показать зубы, Брайан предполагал, что в защите Ланкау есть слабые места. Если он сможет их обнаружить, все составляющие рассказа сложатся в единое целое. Потом он его отпустит.

А пока он навестит Крёнера. Напрямую задаст ему те же вопросы. Вдруг он окажется более сговорчивым. За поясом брюк Брайан все еще держал пистолет. И возможно, он разузнает побольше об этом таинственном человеке, которого они звали Почтальоном. Возможно, Крёнер даже выдаст ему, где Петра.

Когда все закончится, он позвонит в Кентербери. Если Лорин опять не будет дома, он позвонит в Кардифф — вдруг он ее там застанет. В таком случае он попросит ее на следующее же утро собрать вещи и сесть на экспресс до Лондона, а оттуда — по линии Пикадилли — добраться до аэропорта Хитроу, откуда она первым же рейсом вылетит в Париж. Пара дней в отеле «Мёрис» на рю де Риволи, воскресная прогулка по паркам и вечерняя месса в Сен-Эташ вызовут у нее интерес — и умиловивят.

На всей улице только в доме Крёнера не было света. В других домах горели окна в прихожей или фонари в саду, говоря о том, что дом не пустой, — но не тут.

И тем не менее в его доме кто-то был.

Стоял Брайан на виду — перед решеткой, посреди подъездной дорожки. В двадцати метрах от него из дверей вышел пожилой человек и двинулся ему навстречу. Брайан мог бы пройти мимо или постоять — сыграть в игру. Пожилой человек ненадолго остановился и оглядел его, как будто пытался вспомнить, запер ли он за собой дверь. Затем сделал шаг вперед, собрался с мыслями и посмотрел Брайану в глаза. Словно они были знакомы, он улыбнулся и протянул руки.

— Suchen Sie etwas?^[26] — спросил он, останавливаясь в паре шагов и откашливаясь.

— Excuse me^[27].

Слова сами сорвались у Брайана с языка. Этого старика он видел вместе с Крёнером возле больницы Святой Урсулы. За ним он потом следил. Этот человек живет в доме на Луизенштрассе. Старик на минуту растерялся, услышав фразу на непривычном языке, а затем с улыбкой перешел на английский, будто для него это самое обычное дело:

— Я спросил, ищите ли вы кого.

— А! На самом деле, да, — сказал Брайан, глядя ему прямо в глаза. — Я ищу герра Ханса Шмидта.

— Вот как. Хотел бы я вам помочь, герр...

— Брайан Андервуд Скотт.

Пожимая протянутую руку старика, он отметил, что кожа на ней тонкая, ледяная.

— Прошу прощения, мистер Скотт, но он уехал с семьей на пару дней. Я только что от них — цветы ходил поливать. Тоже надо, верно?

В глазах мелькнула искра, он дружелюбно и естественно улыбнулся:

— Может, я смогу вам помочь?

Разум Брайана разбередило лицо, прячущееся за маской густой белой бороды. Голос чужой и незнакомый, но черты лица вызвали тревожные чувства — он сам не понимал почему.

— Не знаю, — помедлив, сказал он. Второго подобного шанса у него точно не будет. — На самом деле поговорить я хочу не с герром Шмидтом, хоть это было бы любопытно, а с одним его знакомым.

— Вот оно что, но вдруг я все же смогу вам помочь. Не так уж много у Ханса Шмидта знакомых, кого я не знаю как минимум так же близко, как он. Позвольте спросить, кого вы ищите?

— У нас много лет назад был общий знакомый. Маловероятно, что вы его знаете. Его зовут Герхарт Пойкерт.

На мгновение старик задержал на нем изучающий взгляд. Затем сжал губы и задумчиво сощурился.

— Уверяю вас, — сказал он наконец, поднимая брови, — кажется, я его помню. Он еще болел, верно?

Именно такого поворота Брайан и не ожидал. Глядя на старика, он на мгновение потерял дар речи.

— Да, верно, — произнес он наконец.

— Кажется, я его помню. И вроде бы Ханс не так уж давно о нем говорил. Может такое быть?

— Не знаю.

— Знаете, я могу уточнить. У моей жены превосходная память. Она нам обязательно поможет. Вы очень заняты? В городе живете?

— Да.

— Тогда, может, поужинаете у нас? В половину девятого — вам удобно будет? Сможете? А я пока разужнаю, где этого Герхарта Пойкерта можно увидеть. Что скажете?

— Великолепно.

У Брайана закружилась голова. Глаза у старика были добрые.

— От такого я точно не откажусь. Очень любезно с вашей стороны.

— Значит, договорились. У нас дома.

Он кивнул.

— Сами понимаете, ничего особенного не будет. Мы с женой — люди пожилые. Просто приходите в половину девятого, и мы вместе во все разберемся. Мы живем на Ленгенхардштрассе, четырнадцать. Найти нетрудно. Советую вам идти через Штадтгартен. Вы ведь знаете Штадтгартен, герр Скотт?

Слюна стала вязкой — Брайану пришлось еще раз сглотнуть. Он знал, что старик живет на Луизенштрассе. А только что он назвал другой адрес. Не встречаясь со стариком взглядом, Брайан попытался улыбнуться. Неприятное чувство: Брайан столкнулся с ложью именно в тот момент, когда появилась надежда. Защищало веки. Скрутило живот. Резко захотелось в туалет.

— Да. Да, я знаю.

— Тогда не заблудитесь. Идите от Леопольдринга через Штадтгартен и обойдите озеро — выйдете к Моцартштрассе. Пройдете две улицы, затем повернете направо — и вы на месте. На Ленгенхардштрассе! Дом четырнадцать, запоминайте. На двери — фамилия Вундерлих.

Старик долго улыбался, а затем снова протянул ему руку. Прежде чем завернуть за угол, он несколько раз оборачивался и махал.

Глава 50

Одна из сложнейших задач, думал Крёнер. За все эти годы им не представлялась возможность убрать Петру Вагнер — теперь ему было больно даже думать об этом.

Будет непросто. В данный момент он даже не знал, где она.

Основная проблема: сегодня суббота. Значит, нет ни дежурных, ни администрации. Он звонил разным людям — никого из них не было дома. Он просто-напросто не мог получить ответ на свой вопрос.

Где Петра Вагнер?

И даже если бы сегодня был самый обычный день — кто бы ему помог? Рано или поздно его любопытство показалось бы подозрительным. Особенно когда окажется, что вскоре после этого она пропала.

Больше всего на свете Крёнеру хотелось развернуться и поехать к Титизее, где его жена и сын уже наверняка давным-давно отведали пирогов с шалфеем в отеле «Шварцвальд». Сжимая руль, он подъехал к светофору. Направо дорога звала в пригороды. Налево его ждал пункт назначения. Когда зажегся светофор, он медленно нажал на газ и резко повернул в сторону жилых кварталов, где в маленькой квартирке обитала Петра Вагнер.

Дом оказался столь же пустынным, как и улица. Особых проблем ему не доставили ни дверь в подъезд, ни дверь в квартиру. Резко и сильно навалившись всем телом в нужную точку, он расшатал старые дверные коробки.

В коридоре валялись газеты. Из квартиры ушли несколько часов назад.

Крёнер оказался там впервые. В обеих комнатах висел тяжелый сладковатый запах женщины среднего возраста. Квартира была аккуратной, но тоскливой.

Ящики письменного стола, кроме одного, оказались не заперты — и на удивление пусты. На нижней полке книжного шкафа торчало несколько папок — они и привлекли внимание Крёнера. Оттуда высыпались кулинарные рецепты. Крёнер оставил вырезки на ковре. В середине из шкафа вынули полку, освободив место для личной галереи

фотографий в рамках. По всей вероятности, близкие Петры. В самом центре, в самой крупной рамке, — юная Петра в форме: блузка в белоголубую полоску и старомодная белая юбка. Такой непринужденной улыбки Крёнер у нее раньше не видел. Впереди на стуле, глядя в камеру, сидел Герхарт Пойкерт, едва заметно и вяло улыбаясь, — улыбку как будто отретушировали.

Кровать в соседней комнате была не застелена. Перед зеркалом кое-как разбросаны белье и вчерашняя одежда. Над изголовьем кровати тоже висели фотографии. Никто из запечатленных на них людей не имел отношение к известной Крёнеру составляющей ее жизни.

Вновь бросив взгляд на запертый ящик стола, Крёнер порылся в кармане и вынул складной нож. Сильно ткнул им в затвор замка и осторожно повернул.

Ящик тут же поддался.

Внутри оказалось еще несколько снимков, на которых она была с Герхартом Пойкертом. Крёнер аккуратно вынул всю стопку и положил их на стол, перевернув. Всем бумагам было максимум несколько лет. Сбережения и сувениры из редких поездок свидетельствовали об умеренности и недостатке фантазии. Судя по всему, деньги, которые они обязались ей выплачивать, на ее жизнь почти никак не влияли.

Вернув вещи на место, Крёнер закрыл ящик и медленно потянул нож — раздался щелчок. Затем он перешел к стоящей под столом мусорной корзине: вывалил на пол упаковку, фольгу, рекламу — и снова собрал. Когда он пихнул корзину на место, его взгляд упал на валяющиеся кулинарные рецепты. Вздохнув, он встал на коленки и собрал их в стопку. Когда он уже хотел засунуть их в кулинарную книгу, его внимание привлек желтоватый листочек.

Он явно выделялся.

Еще только разворачивая листок, Крёнер понял: больше Петра не распоряжается ни своей жизнью, ни жизнью Герхарта. Быстро прочитав небольшой текст — он помнил наизусть каждое слово, — он осознал: с тех пор как он видел его в последний раз, прошла целая вечность. Этот листок бумаги не давал покоя ему и еще двум людям на протяжении большей части их сознательной жизни.

Усмехнувшись, Крёнер аккуратно сложил бумагу и положил во внутренний карман; недолго поглазев на диск номеронабирателя, он

снял телефонную трубку. Прошло не меньше минуты, прежде чем на его звонок ответила запыхавшаяся женщина.

— Добрый вечер, фрау Биллингер, это Ханс Шмидт.

Привычным движением сложив нож, он убрал его в карман.

— Вы не подскажете, Петра Вагнер сегодня приходила?

Фрау Биллингер была из тех медсестер, кто работал в больнице Святой Урсулы дольше остальных. Если она не сидела у себя в кабинете, то, как правило, спускалась на кухню, заваривала чай с мятой и брела в гостиную в крыле А. Там стоял самый новый телевизор, а стулья покрыты чехлами, чтобы обивка не провоняла мочой. Садясь на стул и погружаясь в телесериалы, она часто забывала, что у нее есть собственный дом.

— Петра Вагнер? Нет, а с чего бы? Насколько я знаю, вы увезли Эриха Блуменфельда к Герману Мюллеру. Верно ведь?

— Да, но Петра Вагнер об этом не знает.

— Вот как.

Крёнер мог представить ее задумчивое, лоснящееся лицо.

— Тогда даже как-то странно, да? Уже шесть часов. Она уже должна была прийти. А почему вы спрашиваете? Что-то случилось?

— Вовсе нет, я хотел ей кое-что предложить.

— Предложить? Что же, герр Шмидт? Если думаете, что у вас получится уговорить ее поработать у нас в больнице, то вы ошибаетесь. Ей на нынешнем месте гораздо лучше платят.

— Верно, фрау Биллингер. Верно. Будьте так любезны, позвоните мне домой, когда она появится. Буду вам благодарен. Мне бы очень хотелось, чтобы вы позвонили сразу же, как только она придет. Хорошо, фрау Биллингер?

Как правило, молчание на другом конце провода подтверждало согласие фрау Биллингер.

— И еще кое-что, фрау Биллингер. Мне бы очень хотелось, чтобы она не убежала сразу же, как только увидит, что Эриха Блуменфельда забрали на выходные. Пусть кто-нибудь из медсестер купит пирожных. Я оплачу. Угостите ее чаем, а мы постараемся приехать как можно скорее. Только не забудьте сразу же позвонить, когда она придет.

— Ух! — Радость фрау Биллингер была заметна даже по телефону. — Как интересно. Люблю пирожные и секреты.

Глава 51

Разговор, если его можно так назвать, вышел короткий. Осторожно подняв голову, Герхарт перестал считать и посмотрел на Андреа. Морщась, она стояла посреди гостиной. Очевидно, ее застали врасплох. Редкий случай. В молодости она была бдительнее. Она громко выругалась. Герхарт вжался в спинку стула.

Кое-кто за это поплатится.

— Чертова сука! — послышался ее крик. На мгновение ее фигура скрылась за двойными дверьми. — Вот сука чертова! — раздалось снова.

Потом наступила тишина, и Герхарт опять принялся считать гипсовые розетки на штукатурке. Вскоре Андреа, надев тапочки, спокойно вошла в гостиную, взяла Герхарта под руку и увела на кухню.

Он тихо сидел под люстрой и слушал недовольное бормотание, пока не вернулся ее муж. Взгляд Герхарта расплылся. Он пытался пропускать через себя поток слов, не замечая их.

— Арно фон дер Лейен! Я его видел! — чуть ли не кричал Штих. — Ну и ну! Как Ланкау и рассказывал, говорил он по-английски. Вот это да! Я чуть в обморок не упал, когда он представился Брайаном Андервудом Скоттом. Этого даже Ланкау не знает. Вот так имя!

Штих хотел было засмеяться, но сдержался и прокашлялся.

— Придурок! Что тут еще скажешь! Брайан Андервуд Скотт!

Вдруг Штих замолчал, изменился в лице и заговорил тише — слышно его было плохо.

— Мы поговорили. Он сказал: «Excuse me», даже не догадываясь, кто я такой.

Он нежно потрепал жену по щеке:

— Андреа, он не знал, кто я такой! Храни тебя Бог! Ты же уговорила меня изменить внешность! Да, слыхала бы ты его!

Он сел, снова прокашлялся и запыхтел от напряжения — и от нахлынувших эмоций, и после подъема в квартиру по лестнице.

— Андреа, мы с ним договорились встретиться меньше чем через два часа. — Он улыбнулся ей. — Он думает, что придет к нам на ужин. В половину девятого мы встречаемся на Ленгенхардштрассе, четырнадцать. Бог его знает, кто там живет.

Засмеявшись, он снял один ботинок.

— Этого Арно фон дер Лейен никогда не узнает. Мы с тобой об этом позаботимся — правда, Андреа? Я ему посоветовал идти через Штадтгартен.

— Она звонила.

Осторожно проговорив это, Андреа чуть отступила — так, чтобы между ней и ее мужем сидел Герхарт Пойкерт. Выронив второй ботинок, Петер Штих посмотрел ей прямо в глаза:

— Петра Вагнер?

Открыв глаза, Герхарт стал недоуменно оглядываться, пока не заметил горошины на фартуке Андреа. Начав под кармашком, он стал терпеливо их пересчитывать — слева направо, сверху вниз. Взгляд Герхарта скользил с одной горошины на другую.

— Да, она звонила десять минут назад, спрашивала тебя.

— И...

— И бросила трубку, когда я сказала, что тебя нет дома.

— Идиотка! — рявкнул он, хватая только что снятый ботинок. — Какая же ты идиотка!

Пытаясь отодвинуться назад, Андреа наткнулась поясницей на край кухонного стола. Для Герхарта горошины съехали. Порой Штих бил очень хлестко. Когда их с женой взгляды встретились, он замер, а затем опустил руку.

— Дура, ты ведь знаешь, что Крёнер ее ищет!

Даже если бы Герхарт Пойкерт был начеку, он не смог бы увернуться от удара Штиха. Ботинок был старым, на нем много раз меняли подметки. И тяжелым, а висок Герхарта — совсем голым. На мгновение у него потемнело в глазах. Когда он пришел в себя, стоящий над ним человек продолжал его лупить.

— Это все ты виноват! — проорал он и снова ударил. — Ты и твой проклятый английский пес! «Excuse me, excuse me!» Неприятностей он нам не добавит. Их нам и с тобой хватает!

Ударив в последний раз, он уронил ботинок и вышел из кухни. Забившаяся в угол Андреа взяла пару чашек и пошла в гостиную,

будто ничего и не произошло. Герхарт неподвижно лежал, опираясь затылком о дверцу шкафа, не дотрагиваясь до места удара. Он подергал сначала одной лодыжкой, затем другой и стал медленно напрягать все мышцы тела, одну за другой. Когда Андреа вернулась за кофе, она неразборчиво что-то пробормотала и, проходя мимо, раздраженно пнула его ногу. Едва осознав боль, он ошарашенно перевел на нее взгляд.

Потом его надолго оставили в покое. В отчаянной попытке привести мысли в порядок он снова решил что-нибудь посчитать. Друг за другом непрерывно накатывали внезапные мысли и странные эмоции — внутри у него все кипело. Сначала — ощущения. Все вокруг возбужденные и раздраженные. Крёнер ушел — он избавится от Петры. А потом — имена. Арно фон дер Лейен, Брайан Андервуд Скотт и снова Петра.

За один день Петер Штих стал бить его уже во второй раз, но растормошили его не удары, а эхо непривычных звуков, вырвавшихся из рта Штиха. Герхарт Пойкерт поднялся и долго стоял под жужжавшей лампой. «Excuse me» — слова казались поцелуем, пробуждающим от глубокого сна. Какое-то время из гостиной доносились крики Петера Штиха, оравшего на жену. Обычно они быстро смолкали. И в этот раз тоже.

В гостиной горел неяркий свет, но его хватало, чтобы разглядеть, чем заняты Петер и Андреа Штих. Сосредоточенный старик даже сгорбился. Герхарт выскользнул из темной прихожей и стал наблюдать. Опушенную крышку письменного стола усеивали металлические детали. За спиной Штиха вырисовывался темный секретер. Герхарт и раньше все это видел. Как только старик соберет пистолет, он зажжет свет на потолке, одобрительно осматривая свое творение. Отполированное и готовое. В этот момент Андреа удовлетворенно вздохнет — наконец-то она разглядит свое вязанье.

В море света.

На протяжении многих лет в этих комнатах мужчины смеялись, несмотря на то что окружающие от них страдали.

— Тебе чего здесь надо?

Не оборачиваясь и не поднимая головы, старик заметил, что Герхарт вошел.

— Отправляйся на кухню, урод! — произнес он и наконец обернулся.

— Аккуратнее с мебелью, Петер!

Андреа выпрямилась, подняв глаза от вязанья. В дверях неподвижно стоял Герхарт Пойкерт, упрямо глядя на Штиха. Он и не думал подчиняться. Штих зажег свет и медленно встал:

— Ты не слышал, что тебе сказано, идиот?

Старик подался к стоявшему в дверях человеку — властно и угрожающе, напоминая старого, гордого, рычащего пса. Даже когда он направил на Герхарта пистолет, тот не пошевелился.

— Андреа, он таблетки пил?

— Да, я их положила на стол, когда ты ушел. Их нет.

Размеренными шагами подошел Штих. И тут Герхарт дернулся. Никто не смотрел на его руку, откуда вдруг высыпалась куча таблеток. Эффект оказался ошеломительным.

Первой отреагировала Андреа.

— Вот черт! — выругалась она.

У старика отвисла челюсть. Бросившись вперед, он ударил Герхарта рукояткой пистолета, а потом они сшиблись.

Из раны на щеке у Герхарта Пойкерта еще не потекла кровь. Герхарт почувствовал, что наваливаются смятение и тошнота, и встал на четвереньки, как зверь, — на его шею и затылок градом сыпались удары рукоятки пистолета.

— Жри их, тварь! — визжал Штих, пока не сел, вымотанный эмоционально и физически.

Но Герхарт Пойкерт не стал поднимать с пола таблетки — они лежали там, куда упали.

— Наверное, я тебя уколошу, — прошептал Штих.

Андреа помотала головой. Схватив Штиха за руку, она предупредила, что он разведет грязь и поднимет шум.

Абсолютно ненужный риск.

Встав на колени, она остановила кровь пластырем — взгляд у нее был ледяной.

— Это скорее ради ковра и пола, а не ради тебя! — сурово произнесла она.

Взяв Герхарта под мышки, она подтащила его к ближайшему стулу. Увидев кивок мужа, она подобрала таблетки.

Посмотрев на часы, Штих поставил пистолет на предохранитель, потом убрал в карман. На Герхарта он смотрел мягко. Когда он подвинул стул к своей жертве, Герхарт сжался. Штих ласково обнял его за плечи, как родного сына:

— Герхарт, ты прекрасно знаешь, что нас надо слушаться. Иначе мы рассердимся и тебя накажем. Так ведь всегда было — верно, Герхарт? Мы будем тебя бить или прижмем по-другому, да? Ланкау, Крёнер и я всегда рядом. Ты же знаешь. Мы можем тебя что угодно заставить делать. Разве не помнишь, Герхарт, как мы тебя заставляли собственное дерьмо жрать?

Штих склонил голову к щеке Герхарта:

— Сегодня ведь мы так делать не будем?

Вкладывая таблетки в протянутую руку мужа, Андреа чуть ли не присела.

— Сейчас, Герхарт, ты выпьешь таблетки, — сказал Штих, откашливаясь. — Или не знаю, что я с тобой сделаю на этот раз.

Герхарт и не пытался сопротивляться, когда Петер Штих раздвинул его сухие губы. Его тело совсем ослабло и лишилось сил, мысли буквально выжгли его изнутри.

— Разжуй их, Герхарт. Или глотай целиком. Мне все равно. Главное, ты их проглотишь!

Но после третьего шлепка Герхарт Пойкерт и не думал глотать таблетки. Старик решительно поднялся и принес пистолет. Когда он снял его с предохранителя, его жена быстро сделала пару шагов к дивану, словно уже видела, как он выполняет подобные угрозы. Тяжело дышащий Герхарт не сводил глаз со Штиха.

— погоди, Петер, возьми подушки!

Вздыхнув, старик взял одну из протянутых подушек. Затем прижал ее к виску Герхарта вместе с дулом пистолета.

— Выстрел не такой громкий будет, — сказал он.

Подушка прохладная. Вторую Андреа держала за уголки, приставив с другой стороны к голове Герхарта. Она была теплее, как будто на ней только что сидели.

— Слушай сюда, обезьяна, — произнес Штих и, усиливая эффект сказанного, чуть сильнее прижал подушку к щеке Герхарта. — Ты свою роль сыграл. От Петры мы избавимся — а ты нам тогда к чему?

Вы двое друг друга страховали. Отлично все было устроено. А зачем ты нам сдался, раз ее не будет?

Держали его крепко, но Герхарт все же умудрился повернуть голову, чтобы посмотреть палачу в глаза.

— Это твой последний шанс, — продолжил старик. — Если сейчас проглотишь таблетки, вечером можешь возвращаться в свое кресло в больнице Святой Урсулы. А если не проглотишь, мы уж придумаем какую-нибудь историю, которая объяснит твое отсутствие. Глотай сейчас же! Считаю до десяти!

С тех пор как Герхарт в последний раз принимал таблетки, прошло уже много часов. Раньше таких долгих перерывов не было. Когда он пару минут назад стоял на четвереньках на полу, терпя удары, он глазел на маленькие белые штучки, рассыпанные под обеденным столом, и в первую очередь его охватило удивление.

Комната как будто вытянулась, во рту не заканчивалась слюна — все время приходилось сглатывать. Возникло забавное ощущение, что тело попеременно то увеличивается, то сжимается. Звук шагов Андреа напоминал топот быка.

Казалось, слова пропустили через громкоговоритель.

Когда старик начал считать до десяти, Герхарт почувствовал, как им овладело упрямство. Ему мешало лицо старика. От него на комнату опускалась тень, вызывая отвращение. От него шел кислый запах, из-за щетины у края бороды вид у него был неопрятный.

На счет «пять» Штих плюнул ему в лицо — никакой реакции. От бешенства кожа у старика стала бесцветной. Изо рта капала слюна. Андреа с тревогой на него смотрела.

— Терпеть не могу шум и грязь! — крикнула она.

Она оказалась в неудобном положении, когда подвинулась — так, чтобы пуля ни в коем случае ее не задела, когда пройдет через голову Герхарта. Она могла бы потерять равновесие от малейшего дуновения ветра.

На счет «семь» Герхарт Пойкерт поднял руку и стер с лица слюну тыльной стороной ладони. Вопли Штиха ни к чему не привели. Чем они тише, тем лучше действовали. Когда старик ласково обнял его за плечи, он нечаянно пробудил то, чему, с точки зрения Герхарта, было сложнее всего сопротивляться.

Желание что-то почувствовать.

Без одной детальки картинка не сложится. Нет картинки — нет мыслей. Нет мыслей — нет чувств, а нет чувств — нет реакции. Всю эту цепочку запустило одно-единственное мягкое прикосновение Штиха. Ласковые руки пробудили чувства. Последней деталькой стала угроза Петре. Когда мягкость Петера Штиха ушла и с новой силой возобновились угрозы, последовала реакция.

Картинка сложилась.

На счет «девять» Герхарт резко выплюнул таблетки в лицо своему палачу — старик даже на мгновение ослеп.

Последняя, роковая ошибка.

Ошеломленный старик отступил. Андреа визжала — как будто свинью режут — и размахивала подушкой, словно ей можно кого-то убить.

Снова плюнув, Герхарт схватил старика за запястье и изо всех сил вдавил ногти в его упругую кожу.

Герхарт не обратил внимания на металлический звук, раздавшийся, когда упал пистолет, а потом было уже поздно. На мгновение наступила тишина. Андреа встала напротив Герхарта, вытянув руки. Она схватила пистолет, собираясь пустить его в ход. Глаза у Штиха горели безумием. От злости его всего трясло. По его щекам стекала белая густая масса смешанных со слюной таблеток — он этого даже не замечал.

Отвернувшись от него, Герхарт снова перевел взгляд на Андреа. Протянув к ней руку, он склонил голову набок. Ресницы склеились, рот трясся.

— Андреа, — сказал он, впервые произнеся ее имя.

Эмоции смешались, затем вновь разделились, из-за чего он то плакал, то смеялся.

— Дружочек мой! Что-то ты разволновался, — раздался за его спиной уверенный голос. По мере того как щекам Штиха возвращался цвет, он выпрямился и постепенно пришел в себя. — Смотри-ка, Герхарт, плевать ты умеешь. Скоро ты успокоишься. Это я тебе обещаю. Отдашь мне пистолет, Андреа? — попросил он жену, протягивая руку. — Пора с этим заканчивать!

Молниеносно — могло показаться, что Андреа добровольно отдала Герхарту пистолет, — его рука вытянулась вперед и выхватила у нее оружие. Ни Андреа, ни ее муж не успели понять, что произошло.

Затем Герхарт схватил ее за рукава и швырнул об стену с такой силой, что она упала — и больше не встала.

И наконец наружу прорвалась взаимная злоба. Без единого звука. Не осознавая толком, что произошло, Штих схватил Герхарта Пойкерта за горло исхудалыми, как у скелета, руками. Несмотря на годы, проведенные в апатии, Пойкерт вырвался и нанес Штиху жесткий удар в челюсть.

Больше старик сопротивляться не стал.

— Чего ты хочешь? — с трудом спросил Штих, когда Пойкерт толкнул его на стул. Было видно, что у него ныли руки, обмотанные ремнем. — Что тебе надо?

Пойкерт поднес руку к ноздре, откуда сочилась прозрачная жидкость, посмотрел на потолок, подождал, пока Штих откашляется, и успокоился сам. Штих долго его рассматривал. Когда Штих собирался заговорить, Герхарт нагнулся и поднял с пола пистолет, лежавший у него в ногах.

Герхарт вздохнул. Хоть он и пытался, с его губ не сорвалось ни слова. Он хотел попросить старика снова назвать имя. Не Арно фон дер Лейен, а то, другое. То, над которым Штих смеялся.

И оно всплыло само по себе.

Брайан Андервуд Скотт.

Встав, Герхарт вдруг ударил старика рукояткой пистолета — так, что тот покатился по полу. Затем он опять сел и попытался пересчитать гипсовые розетки на потолке. С каждой попыткой имя звучало все отчетливее. Наконец он опустил взгляд и задумался. Потом пошел на кухню и выдвинул несколько ящиков. Найдя то, что искал, он заботливо потушил за собой свет и ушел в конец прихожей. Открыв узкий шкаф, он скатал из найденной фольги большой шар.

Он скрутил предохранитель с щитка, выключил главный рубильник и снова включил, предварительно поместив комок фольги на место предохранителя.

Старик еще лежал на полу, когда Герхарт выдрал провод из патрона лампы секретера. Затем он разделил два провода — без изоляции — и вновь вставил вилку в розетку. Старик застонал, когда его опять усадили на стул. Они долго смотрели друг другу в глаза. У

Штиха они были красные — как тогда в госпитале, когда он не закрывал их под душем.

Но страха в них не было.

Петер Штих внимательно посмотрел сначала на пистолет, а потом на провода, которые ему протянул Герхарт. Замотав головой, он отвернулся. Получив пару ударов в грудь, он лишился сил, необходимых для того, чтобы сопротивляться. Герхарт всучил ему в руки провода. Кожа на ладонях была нежная. Носком ботинка он дотянулся до бакелитового рубильника на стене. Раздался слабый треск. Едва старика ударило током, он выронил провод. Герхарт отключил электричество, снова впихнул провода в кулаки Штиха и повторил всю процедуру. На пятый раз старик захрипел и, потеряв сознание, повалился на пол, прерывисто дыша.

На запястьях почти не осталось следов от ремня. Герхарт Пойкерт осторожно его снял и вернул на место, на пояс старика.

За Андреа ковер так сильно задрался, что почти накрыл ее. На него упали сорванные шторы и цветы в горшках — торчали лишь ноги Андреа и ее тапочки. Когда Герхарт подтащил ее к мужу, она не издала ни звука. Затем он переплел их пальцы и уложил лицом к лицу — будто они решили отдохнуть.

В уголках рта Штиха почти высохла слюна. Открыв его рот, Герхарт просунул туда концы проводов. Затем ласково погладил руку и щеку Андреа. Посмотрев в последний раз на ее непроницаемое лицо, он включил рубильник. Едва до них дошла ударная волна, испуганная Андреа открыла глаза. В судорогах она еще крепче сжала руку мужа. Пока не появился запах горелой плоти, он стоял и смотрел на конвульсии своих мучителей. Когда упала рука Штиха, звякнула цепочка его часов. Стрелка упрямо двигалась вперед. Было ровно семь часов.

Пройдя в угол, он поправил шторы и ковер, чтобы все стало как раньше. Постояв минутку, осмотрел цветочные горшки, валявшиеся у стены. Затем смел высыпавшуюся землю под ковер и поставил горшки на подоконник. И наконец, вышел в коридор, убрал комок фольги и вернул предохранитель на место. В ту секунду, когда он снова включил рубильник, издав хлопок, сгорел предохранитель.

Когда он уселся в темной гостиной и наступила полная тишина, он заплакал. Его накрыло множеством совершенно разных впечатлений. Он настолько потерял над собой контроль, что его чуть было не парализовала реальность поступков и слов. Мысли бродили по кругу, постепенно ускоряясь, и тут зазвонил телефон.

Герхарт снял трубку. Крёнер.

— Да, — нерешительно произнес он.

— Петер, я нашел ту записку. Можешь не волноваться. Я подготовился. Но вот найти Петру пока не получилось. Дома ее нет, я везде искал. Попросил фрау Биллингер позвонить мне, как только Петра Вагнер придет в больницу. Я сейчас дома.

Герхарт сделал глубокий вдох. Еще не конец. Медленно подобрав слова, он заговорил.

— Никуда не уходи, — произнес он и положил трубку.

Глава 52

Больше всего на свете Петре хотелось закричать от отчаяния, но она сдержалась. Находившаяся рядом высокая женщина, молчаливая и бледная, сохраняла спокойствие. Поиски на Шлоссберге ничего не дали. Пока они тщательно осматривали колоннаду в надежде найти хоть малейший след, который мог бы поведать о том, чем закончилась та встреча, солнце медленно садилось. В красноватых лучах, подсветивших очертания и контрасты расстилавшегося внизу города, Петра замерла, пытаясь осознать и суммировать все, что свалилось на нее за последние пару часов.

— Раз ваш муж — англичанин, что же он делал во Фрайбурге во время войны? — спросила она наконец.

— Я знаю только, что он был летчиком и его с другом сбили над Германией, — тихо прозвучал ответ Лорин.

Так просто и понятно — и вдруг у множества вещей появились простые объяснения. У Петры закружилась голова. В этот момент ей хотелось кричать. Теперь ей известно больше — появились новые вопросы.

Вопросы, которые пока оставались без ответа.

— А этот друг не мог быть Герхартом Пойкертом? — все-таки спросила она.

Вот один из тех вопросов.

— Кто знает? — Лорин лишь пожала плечами.

Она могла думать только о своем муже.

Петра посмотрела в сторону Шлоссберга — на дерево садилась стая крупных черных птиц. В этот момент она с ужасом осознала всю серьезность происходящего. Между женщинами и ответами на вопросы стояли трое мужчин, которые все эти годы играли двумя жизнями — ее и Герхарта. Первый шаг к правде — открытое столкновение с ними. Если раньше у нее и были какие-то сомнения, то сейчас они рассеялись. Мужу Лорин грозит серьезная опасность — а может, он уже мертв. До поры до времени осознание этого факта Петре придется держать при себе.

Кричать ей захотелось еще и поэтому.

Портье в отеле Брайана был весьма любезен:

— Нет, мистер Скотт еще не уехал. У нас есть все основания полагать, он останется до завтра.

Услышав новый вопрос, он стал копаться в памяти.

— Насколько я помню, мистера Скотта не было весь день. Но могу позвонить коллеге, у него была смена до меня, — добавил он нейтрально, но любезно. — Что вы на это скажете?

Петра замотала головой.

— Можно вашим телефоном воспользоваться? — спросила она, и портье небрежно указал на телефон-автомат позади них.

Трубку долго не снимали.

— Больница Святой Урсулы, фрау Биллингер слушает.

— Добрый день, фрау Биллингер. Это Петра Вагнер.

— Да, — выжидающе произнесла та.

— Я сегодня чуть задерживаюсь; может, Эрих Блуменфельд волнуется. У него все хорошо?

— Да, а как же? Все хорошо. Ах да, только он, конечно, по вам скучает.

Настроение у фрау Биллингер было на удивление приподнятое. Как будто чей-то благодарный родственник снова подарил ей бутылку портвейна.

— К Эриху сегодня никто не приходил?

— Насколько я знаю, нет.

— Ни Ханс Шмидт, ни Герман Мюллер, ни Алекс Фабер у него не были?

— Наверное, нет. Я не весь день тут была, но думаю, что нет.

Петра секунду помолчала.

— А у него не было посетителя, который говорил по-английски?

— По-английски? Нет, уверена, что не было. Вообще-то, у нас сегодня был посетитель, который говорил по-английски, но он приходил к фрау Реман, и было это несколько часов назад.

— А вы, случайно, не помните его имя, фрау Биллингер?

— Господи, нет. Кажется, я его даже не слышала. Когда вы придете, фрейлейн Вагнер?

— Скоро. Передайте Эриху.

Время от времени трое мужчин и Герхарт проводили субботы вместе. Выезжали за город. Иногда доезжали до самого Карлсруэ или какой-нибудь деревушки у Кайзерштуля — выпивали в местных кабаках и пели песни. Герхарт мог несколько часов просидеть в веселой компании с каменным лицом.

Петра обрадовалась, что сегодня не один из таких дней. Пока Герхарт в больнице, она сможет помочь Лорин, а тем самым, возможно, и самой себе.

— Петра, о чем ты спрашивала? — заговорила Лорин, не успела Петра повесить трубку.

Петра посмотрела на нее. Она впервые назвала ее по имени. Говорила спокойно. Но сердце у Лорин было не на месте — это очевидно.

— Я спрашивала про Герхарта Пойкерта. У него все хорошо! Но я кое-что разузнала — мне не совсем понятно, что происходит.

— А именно?

— Кажется, сегодня днем твой муж приходил в больницу.

— Не понимаю. Если он уже виделся с Герхартом Пойкертом, которого он так искал, в больнице, а Герхарт Пойкерт находится там, то где он все это время был — и где тогда сейчас мой муж, если там его нет?

— Не знаю, Лорин.

Она взяла руки этой высокой женщины в свои и сжала. Холодные.

— Уверена, что твой муж не сделает Герхарту ничего плохого?

— Да.

Лорин казалась безучастной.

— Скажи, мы не можем сейчас в мой отель пойти?

— Думаешь, твой муж там?

— Хотелось бы. К сожалению, Брайан понятия не имеет о том, что я во Фрайбурге. Нет, тут другое, и откладывать больше нельзя. Черт возьми!

— Что именно?

— Мне переобуться надо. Или волдыри меня доконают!

Пока Бриджет — восторженная и слегка навеселе — развлекала Петру в вестибюле отеля «Коломби», Лорин поднялась к себе в номер и переобулась в разношенные ботинки. Петра переминалась с ноги на

ногу и постоянно поглядывала на часы. Она не знала, как поступить дальше.

— Не надо бы мне этого говорить, раз сестра моего мужа нас слышит, — рассеянно сказала Бриджет Петре, поглядывая на Лорин.

Та вышла из лифта и направилась к ним. Лорин показала на часы, и Петра кивнула.

— Даже и говорить неловко, — невозмутимо продолжила Бриджет, — но, боже мой, какие же в этом городе красивые мужчины!

— Ты совершенно права, — сказала Лорин. — Не надо бы тебе этого при мне говорить. Я не хочу знать о тебе ничего, что не смогу рассказать своему брату.

Бриджет покраснела.

— Что будем делать, Петра? — спросила Лорин, игнорируя Бриджет.

— Даже не знаю. — Петра отвела взгляд. — Думаю, придется нам позвонить одному из этих трех мерзавцев. — Петра слегка прикусила губу. — Если я не ошибаюсь, Петера Штиха мы застанем дома. Он наверняка знает, что происходит.

— Кому вы звонить собираетесь? — непонимающе спросила Бриджет. — Петеру Штиху? Кто он такой? — На мгновение у нее загорелись глаза. — Лорин, что ты задумала?

— Бриджет, закрой рот! — Лорин даже не удостоила ее взглядом. — Петра, а это разумно?

— А что нам делать? В отеле твоего мужа нет. Мы понятия не имеем, где он. Единственное, что нам известно: пару часов назад он отправился на встречу к этим людям, на Шлоссберг. Так что еще остается?

— Можно в полицию позвонить.

— Но нам нечего им сказать. — Петра посмотрела на Лорин. — Мы даже не можем заявить, что он пропал.

— Тогда звони им, Петра. Поступай, как считаешь правильным.

Пока Петра искала в вестибюле телефонные будки, Бриджет взяла Лорин за руку. Объяснялась она дрожащим голосом:

— Лорин, мне надо с тобой поговорить. Ты обязана мне помочь. Мне нужно развестись. Просто нужно, разве ты не понимаешь?

— Может, надо, а может, нет, — безучастно ответила Лорин. — Это твоя жизнь, Бриджет. В данную минуту я могу думать только о

собственной. Прости, но уж как есть.

У Бриджет задрожали губы.

Вернувшись Петра помотала головой. Судя по выражению лица Лорин, она уже обо всем догадалась.

— Я поговорила только с женой Петера Штиха, этой старой каргой. Она одна дома. Значит, точно что-то случилось.

— А Крёнер с Ланкау?

— До них я не дозвонилась.

— И что это значит? — Лорин ощущала, как нарастает тревога.

— Не знаю.

— Кажется, вы обе играете с кем-то в прятки.

Лишь по размазавшейся под одним глазом туши можно было догадаться о душевном смятении Бриджет. Она старалась как можно шире улыбаться. Так она поступала всегда, когда чего-то не понимала.

— В прятки?

Лорин бросила взгляд на Петру. Почти без пятнадцати семь. С того момента, как Петра поговорила с Брайаном в баре на Мюнстерплац, прошло уже около пяти часов. Было очевидно, что ситуацией полностью владеют те трое. Они могли быть где угодно, а могли не оказаться нигде.

— Петра, мы в прятки играем?

— Прятки?

Петра посмотрела на Лорин. В душе нарастало отчаяние.

— Может быть, — сказала Петра. — Да, можно все такими вот прятками назвать.

Глава 53

Если бы Лорин и Петра, выходя из «Коломби», потрудились чуть-чуть повернуть головы, они бы обратили внимание, что уличные артисты переместились с центральных улиц на газон напротив отеля. Из всех зеленых островков этот маленький парк, носящий имя Коломби, располагался ближе всего к центру. Прекрасное место для гастроллирующих артистов. За спинами этих смеющихся людей в темноте красовались летней зеленью растения. Словно венок, они окружили еще один отель. Чистый и аккуратный, хоть и не такой престижный, как «Коломби». Пятью минутами ранее Брайан припарковал «БМВ» перед этим отелем с помпезным названием «Райнгольд». Здесь он покончит с одним из самых строчных дел.

Его напугала встреча со стариком возле дома Крёнера.

Осознание того, что старик, не моргнув и глазом, соврал ему о том, где живет, вызвало дурное предчувствие. События сегодняшнего дня не оставили сомнений в том, что крылось за этой ложью. Брайана заманивали в очередную ловушку. Если бы он, следуя интуиции или просто-напросто мучаясь сомнениями, не проследил за стариком до его дома на Луизенштрассе, он бы даже не понял, что с адресом его обманули.

И тогда он, несомненно, исчез бы с лица земли где-то в районе Ленгенхардштрассе.

Несмотря на откровенную ложь, в старике Брайана напугало нечто иное. Необъяснимое ощущение: представления, слова, очертания и мысли вновь и вновь стремились слиться и стать единым целым.

Но целое все никак не выстраивалось.

Эти обстоятельства поколебали решимость Брайана докопаться до самой сути. Незаметно, но неумолимо это желание пропадало. Тем же вечером он мог бы уехать из Фрайбурга и через пару часов оказаться на востоке. Он бы даже успел на церемонию закрытия Олимпийских игр — она пройдет в Мюнхене на следующий день. Как он изначально и собирался. Оттуда он поехал бы в Париж.

Одним днем больше, одним меньше — разницы особо никакой.

Но если Брайан останется во Фрайбурге и совершит хоть малейшую ошибку, и Крёнер, и Ланкау, и старик будут начеку. А раз риск столь велик, зачем тогда оставаться? Теперь-то он знал, где они. Лучше вернуться в другой раз, если иначе нельзя. А одно небольшое дельце — найти и освободить Ланкау — он со спокойной совестью оставил на его товарищей. Двухдневный пост вряд ли повредит человеку с его комплекцией и размерами.

Брайан размышлял об этом снова и снова, пока вдруг не оказался напротив отеля «Райнгольд». Единственное, что сейчас имеет значение: согласится ли Лорин отправиться с ним на свидание в Париж — романтическую столицу мира.

Портье отеля «Райнгольд» был толстый и услужливый; засияв от радости при виде наличных, он сразу же провел Брайана в закуток за стойкой и оставил возле телефона. Трубку взяла миссис Армстронг, домработница. Значит, Лорин нет дома. В ту же секунду, когда в дверях появлялась сия костлявая особа, Лорин обычно выносила в прихожую сумочку и незаметно испарялась.

— Нет, мадам нет дома.

— Миссис Армстронг, а вы не знаете, когда она вернется?

Брайан был уверен, что не знает.

— К сожалению, нет.

— А вы знаете, куда она поехала?

Брайан был уверен, что этого она тоже не знает.

— Нет, я записку еще не прочитала.

— Записку? Какую записку, миссис Армстронг?

— Она ее оставила перед тем, как они в аэропорт поехали.

— Они? Она поехала в аэропорт с миссис Мур?

— Да, совершенно верно. И улетели они вдвоем.

— Вот как. — От неожиданности Брайан растерялся. — Они в Кардиффе?

— Нет.

— Послушайте, миссис Армстронг, я буду очень признателен, если мне не придется все из вас вытягивать. Расскажите, где моя жена и Бриджет Мур.

— Не знаю. Миссис Скотт сказала, все есть в записке. Но я точно знаю, что они не в Кардиффе. Они где-то в Германии.

От этого замечания Брайан оторопел.

— Будьте любезны, прочитайте мне записку, миссис Армстронг, — попросил Брайан, пытаясь взять себя в руки.

— Секундочку!

Судя по звукам, она приступила к задаче. Он топтался на месте. Телефон громко щелкал. Стоящий у стойки портье, судя по всему, надеялся, что ему заплатят еще. Тот подпрыгнул, когда Брайан повторил название места, где находилась Лорин.

— Отель «Коломби» во Фрайбурге! — Он чуть ли не кричал.

Пока Брайан шел к двери, портье выражал недовольство возгласом Брайана. По его мнению, не обязательно терпеть, когда посетитель так громогласно рекламирует конкурента, да еще и когда ему оказано доверие и предоставлен в распоряжение личный телефон.

Брайан его не слышал.

А вскоре и администратор за стойкой отеля «Коломби» уже знала, кого ищет Брайан.

— Миссис Скотт сейчас в городе, но можете поговорить с миссис Мур. — Она показала пальцем с ярко-красным ногтем в угол вестибюля.

— Брайан! — с неподдельным удивлением воскликнула Бриджет. — Ну надо же! Только что тебя вспоминали.

Брайан не впервые видел ее нетрезвой.

— Где Лорин?

— Только что ушла вместе с какой-то иностранкой. Так что я здесь совсем одна.

Умолкнув, она засмеялась — стоявший рядом с ними посыльный отвернулся.

— Да-да, одна — это сильно сказано. Скоро Эберт спустится.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, Бриджет! Кто такой Эберт и с кем ушла Лорин?

Мягко взяв ее под руки, он попытался привести ее в чувство:

— Зачем вы сюда приехали? Из-за меня? С кем Лорин?

— С кем... С Петрой, насколько я знаю, — сказала она, пытаясь вести себя как обычно.

Брайан похолодел:

— Петра?!

Схватив Бриджет за плечи, Брайан заглянул ей в глаза:

— Бриджет! Соберись! Пойми, Лорин может попасть в беду!

— А разве не ты можешь попасть в беду? Кажется, они так говорили.

Взгляд у Бриджет был такой, будто она только что заметила Брайана.

— Ты знаешь, куда они пошли?

Услышав вопрос, она замешкалась, взгляд расплылся. Он встряхнул ее. Посыльный заулыбался.

— Ты что-нибудь слышала?

— Они какие-то имена называли. Я их не помню, но точно знаю, что им эти люди не нравятся. Эта Петра назвала их тремя мерзавцами.

Брайан не боялся так с тех пор, когда Лорин рожала их дочь: у нее началось такое сильное кровотечение, что медсестра заплакала. Втягивая воздух сквозь зубы и стараясь дышать спокойнее, он смотрел на Бриджет: разговаривая с ним, моргала она все медленнее и медленнее.

— Они упоминали фамилию Крёнер?

Она немного ожила:

— Откуда ты знаешь?

— А Ланкау?

Сдерживая дыхание, Брайан чуть было не задохнулся.

Бриджет ошарашенно его разглядывала:

— Может, ты и третье имя назовешь? Произведешь впечатление.

— Нет, не смогу.

— Ну и славно, — она улыбнулась, — я ведь только его помню. Забавное имя. — Губы Бриджет почти его произнесли. — Как будто из комикса.

— Ну же, Бриджет!

— Его зовут Штих! Разве не славно имя? А еще его зовут Петер. Вот что мне известно. На самом деле они в основном о нем и говорили.

На мгновение Брайан замер.

Наверное, больше всех удивился посыльный. Брайан вдруг сильно раскашлялся, до пены у рта.

Никто и не попытался ему помочь.

Мало у кого бывали моменты, когда все за секунду складывается в единое целое. Когда за короткое мгновение находится ответ на важный вопрос. И тем не менее, когда Бриджет произнесла это имя, Брайана озарило — он позабыл, где находится.

Брайан разглядел в том старике Петера Штиха. Интуитивное знание терзало его в последние несколько часов. Петер Штих, старик с белой бородой на Луизенштрассе, владелец «Герман Мюллер инвест». Почтальон. Красноглазый из Дома алфавита.

Все это один и тот же человек.

У Брайана закружилась голова. Он вспоминал, как тогда, много лет назад, этот улыбчивый человек лежал в кровати. Как этот безумец не закрывал глаза под душем. Его глаза улыбались ему, когда он прятал таблетки в ножках кровати. Вспоминал осторожного и мягкого пациента, дважды спасшего ему жизнь. Сбитый с толку Брайан вспомнил, как в первый раз красноглазый показал офицеру службы безопасности грубые, неровные ставни, а во второй симулянты чуть было не выкинули его в окно. События вдруг сошлись, появились новые объяснения, запустившие своего рода цепную реакцию, — Брайан чуть сознание не потерял.

Каждое событие служило важной составляющей огромной лжи!

И наконец Бриджет постучала Брайана по спине.

В себя он пришел лишь через несколько минут. Наслушавшись расплывчатых объяснений, он понял, что доверять нельзя никому, кроме Лорин.

А сейчас она наверняка идет к Петеру Штиху вместе с Петрой. Той самой Петрой, которая отправила его напрямик в лапы к одному из трех мерзавцев.

Глава 54

В этой части города, за исключением Луизенштрассе, Герхарт знал только дом Крёнера. На улице было прохладно, освещение было ярким, непривычным. Из-за криков и воплей, доносившихся из какого-то заведения, он перешел на другую сторону и чуть отклонился от маршрута. Хмурясь, он прижимал к телу тонкую ветровку. Затем выпрямился и пошел напрямик к дому Крёнера — так почтовый голубь возвращается в свою голубятню. Крёнер ждал Штиха.

Но пришел вовсе не Штих.

Остановился он лишь у дверей особняка. Осмотрел фасад здания. Свет горит только на втором этаже. Везде, за исключением окна библиотеки Крёнера, задернуты шторы. Задул слабый ветер. На крыльце от него особо не спрячешься. Герхарт долго разглядывал собственный палец, нерешительно тянувшийся к дверному звонку.

* * *

Крёнер завел привычку стоять спиной к окну, когда разговаривает по телефону. По мнению его жены, вредную привычку. «Да сядь ты уже, — говорила порой его жена. — Ты же не с кайзером разговариваешь!» Но ему так было спокойнее. А тем более сегодня: где-то поблизости бродит Арно фон дер Лейен и может явиться когда угодно. Крёнер нервничал. Стоя в таком положении, он мог как минимум откинуться назад и выглянуть из окна, а снаружи его никто не увидит.

Звонила фрау Биллингер. Говорила она тише обычного.

— Ложь! Петра Вагнер звонила вам больше двух часов назад? Я же просил вас сообщить мне!

— Нет, вы только просили позвонить и сказать, когда она придет.

— А вдруг мне будет интересно узнать, что она звонила, — об этом вы не подумали?

— Подумала. Поэтому я вам и звоню.

— Да, сейчас, а не два часа назад.

— Да, прошу прощения, герр Шмидт, но я так увлеклась сериалом!

— Серия, черт побери, не два часа идет!

— Да, но потом начался следующий.

— А теперь, как я понимаю, он закончился. Она еще что-нибудь сказала?

— Нет, сказала только, что скоро придет. А потом про англичанина спросила.

— Какого англичанина?

— Не знаю. Но я упомянула, что сегодня у фрау Реман был гость.

— И?

— Ну и всё.

На мгновение Крёнера охватила ярость. Швырнув трубку, он врезал кулаком по столу и смел все бумаги на пол. Непростительная халатность. Разозлившись, он повернулся к окну, собираясь его открыть и впустить свежий воздух. Затем замер и мгновенно скользнул за штору. Фрау Биллингер допустила ошибку, но это уже не важно. Проблема разрешилась сама. В этот момент перед коваными воротами, на противоположной стороне улицы, появилась Петра Вагнер. Рядом с ней — незнакомая женщина.

Они разглядывали его дом.

Он отошел от окна. Когда он собрался с мыслями, в дверь позвонили.

В лагере под Кировоградом унтершарфюрер СС показал ему одну штуку — позднее он взял ее на вооружение. В тот день этот молодой унтершарфюрер и какой-то унтер-офицер просто-напросто от скуки насмерть зарезали преступника — его уже как раз вешали. Они отделались не слишком суровым наказанием, зато все повеселились.

Крёнер взял на вооружение не сам поступок, а прием.

Метод был прост. Нужно взять тонкий нож, а еще знать, как обойти ребра и попасть точно в сердце. Попробовав несколько раз, он мастерски его освоил.

Преимущество заключается в том, что не надо дотрагиваться до жертвы и смотреть ей в глаза. Нападать надо сзади. В первую очередь он думал прибегнуть к методу при встрече с Арно фон дер Лейеном. Быстро и просто — можно застать его врасплох. Арно фон дер Лейен даже среагировать не успеет, а в случае с ним это самое главное, думал

Крёнер. Судя по тому, как развивались события, метод можно распространить и на кого-то еще. Теперь ему есть чем заняться.

Он как минимум уберет Петру с дороги.

Крёнер сунул в карман нож для бумаг — торчала только рукоятка из оленьей ноги. Все готово. Две женщины не доставят ему хлопот.

У сына Крёнера есть товарищ — у его отца дом побольше. Хоть дом сам по себе выглядел внушительно, у его сына вызывала восхищение именно стеклянная дверь. «Можно видеть, кто идет, папа. Почему у нас такой нет?» Со временем все мелкие глупые прихоти уйдут. По опыту Крёнера, всегда появляются другие потребности. Про дверь он и думать забыл. В данный момент он сильно об этом пожалел. Именно стекло уберегло бы его от потрясения, которое он испытал, когда наконец распахнул массивную дубовую дверь.

Улыбка его застыла. Вместо хрупкой медсестры и ее незнакомой подруги перед ним стоял Герхарт Пойкерт — ссутулившийся, с виноватым видом.

Последний человек, кого Крёнер вообще ожидал здесь увидеть.

— Герхарт! — воскликнул он, быстро втаскивая его в прихожую, где оба чуть не упали на ковровую дорожку. — Что ты тут вообще делаешь?

Не дожидаясь ответа, Крёнер повел молчаливого, вялого, покорного Герхарта наверх и усадил перед своим письменным столом, чтобы его не было видно с улицы.

От такого нестандартного поворота событий у Крёнера возникли дурные предчувствия. Чтобы Герхарт Пойкерт отходил от сопровождающих больше чем на несколько метров — раньше такого ни разу не было. Вероятнее всего, Петра Вагнер отправила его в дом в качестве посыльного. Но почему он не у Петера Штиха? Где Штих?

Сидевший перед ним человек побелел как простыня — только губы посинели. Крёнер взял его за руки — холодные и трясущиеся.

— Что случилось, дружок? — мягко спросил он, наклоняясь к Герхарту поближе. — Как ты здесь оказался?

«Он следит за всем, что мы говорим и делаем», — внушал им раз за разом Ланкау. Крёнер в этом сомневался.

— Ты сюда с Петрой пришел?

Услышав это имя, Герхарт сжал губы, медленно поднял глаза и заморгал. На мгновение они подернулись слезами. Когда закапали

слезы, Герхарт посмотрел ему в глаза. Потом рот расслабился. Задрожали сухие губы. «Петра!» — произнес он; нижняя челюсть отвисла.

— Боже мой!

Крёнер встал с корточек и сделал шаг назад:

— Петра, да. Ее имя ты знаешь. Зачем она с тобой сюда пришла? Что случилось? Где Петер Штих?

Крёнер ни на секунду не сводил глаз с качающейся головы Герхарта, — казалось, она вот-вот взорвется. Хватаясь за телефонную трубку, он обратил внимание, как побелели костяшки пальцев Герхарта Пойкерта. Его тело стало еле заметно раскачиваться.

— Герхарт! Сиди тихо, пока я не скажу!

Он стал набирать номер Штиха. Подержав трубку, он тихо выругался.

— Ну же, Штих, старый ты пердун, возьми трубку! — прошептал он.

Затем положил трубку и снова набрал номер. Снова никто не ответил.

— Он не возьмет трубку, — произнес тихий и неразборчивый голос.

Крёнер резко развернулся лицом к Герхарту, как волчок, и не успел заглянуть ему в глаза — его ударили костяшки пальцев Герхарта.

Взгляд был абсолютно спокойный.

Не успел Крёнер упасть на пол, Герхарт Пойкерт ударил его еще раз. Крёнер был крупным человеком, крупнее Герхарта, и рухнул он тяжело.

Он не оцепенел, но очень удивился.

— Что за черт! — вот и все что он смог произнести, пока в нем не заговорили инстинкты.

Когда Крёнер бросился на противника, Герхарт спокойно развел руки в стороны, как будто приглашал возлюбленную на танец. Крёнер сжал тело сумасшедшего в медвежьих объятиях и обвил руками спину противника, как будто хотел его расплющить. Крёнер и раньше применял такой захват. Как правило, меньше чем через пару минут противник ослабевал и падал замертво.

Через некоторое время Крёнер уже не слышал дыхания Герхарта — ослабив хватку, он отступил на шаг, ожидая, что тело рухнет.

Но этого не случилось. Герхарт смотрел Крёнеру в глаза пустым взглядом. Затем опустил руки и спокойно сделал глубокий вдох. Ни капли усталости.

— Зомби! Вот кого ты мне напоминаешь. Зомби! Можно подумать, ты зомби, — произнес Крёнер, делая еще шаг назад, и потянулся правой рукой к карману за ножом.

Герхарт тихо заворчал. Все такой же безучастный, как статуя, он механически-спокойно, подобно зомби, взялся за пряжку и вытащил ремень.

— Предупреждаю тебя, Герхарт! Ты знаешь, о чем я! — Снова сделав шаг назад, Крёнер оглядел Герхарта.

Тот казался уязвимым.

— Брось ремень! — Крёнер аккуратно выставил перед собой нож.

Крёнеру были прекрасно знакомы мгновения, предшествовавшие столкновению. Им свойственны спокойные движения. Всего одно резкое движение, и реакция противника будет непредсказуемой. Крёнер не сделал ни единого опрометчивого или резкого выпада. Невозмутимый и почти безучастный Герхарт смотрел на нож, острие которого на него направили. Он даже не пошевелился, — казалось, он упал духом и решил, что удар неминуем. За долю секунды Крёнер осознал, как далеко это предположение от правды.

— Бросай ремень! — успел приказать Крёнер еще раз.

Лицо Герхарта исказило судорогой, опали уголки рта, переносица сморщилась, как у хищника. Единственное, что успел осознать Крёнер: все его лицо пронзила жгучая боль. Когда ему по глазам хлестнул ремень, все вокруг озарила вспышка — крик боли перешел в писк. Он потерял способность осознавать происходящее. Короткая схватка, точный выпад и неизбежное поражение.

Сначала нависшая над ним фигура отбросила ногой нож, а затем грубо проволокла его по полу и стянула ремнем его запястья. Крёнер оказался в хорошо знакомой ему ситуации.

Через несколько минут Крёнер поджал под себя ноги. С большим трудом приподнялся и сел в неудобной позе. Так он оставлял десятки искалеченных жертв — те сидели на голой земле и ждали, что прогремит выстрел, избавляющий их от страданий.

Теперь в этом же положении избавления ждал он сам.

— Где Ланкау? — раздался незнакомый голос.

Крёнер лишь пожал плечами и зажмурился, пытаясь унять боль. Реакция последовала незамедлительно. На этот раз его потянули за ремень так, что чуть не вывихнули плечи. Несмотря на боль, он не ответил.

Ощущение, которое испытал Крёнер, когда его волокли спиной вперед вниз по лестнице и через весь дом, ослепленного и беззащитного, когда он даже не понимал, через какую комнату его тащат — не говоря уже о преодолении встретившихся преград, — померкло по сравнению с охватившей его непреодолимой досадой.

Ланкау на протяжении многих лет предупреждал их со Штихом насчет Герхарта Пойкерта. «Прикончим его! Почему нет? Чего вы боитесь? Нетрудно ведь сделать так, чтобы об этом никто и никогда не узнал. Сумасшедшие пропадают каждый день. Кровати внезапно пустеют. И где же они? Больше их никто не увидит! И что с того? Кто по ним скучать станет? Петра Вагнер? И ее тоже прихватим, раз по-другому никак. Надо воспользоваться шансом!» И Ланкау был прав. От бумаги Петры Вагнер они бы не пострадали. Обоих давно надо было убрать.

Крёнер заметил порог; затем стало холодно, но не знал, куда его вытащили — на кухню, в ванную. Когда зашумели трубы в ванной, он осознал, что, возможно, именно в этом помещении завершится его жизнь.

— Отпусти меня, Герхарт, — медленно произнес он, мольбы в его голосе не было. — Я всегда был тебе другом, ты же знаешь. Если бы не я, тебя бы сейчас в живых не было.

Затем вокруг Крёнера все стихло. Стоявший перед ним человек спокойно дышал. В глубине души Крёнер думал: пусть он делает что хочет, а сам он смирится со своей судьбой. Но когда Герхарт стал смеяться, как безумец, прямо ему в лицо, желание жить включило защитный механизм.

Несмотря на резкие выпады и лихорадочные, неловкие попытки, пнуть противника ему так и не удалось.

Герхарту Пойкерту оказалось нетрудно вытянуть из Вильфрида Крёнера правду. Он двадцать раз окунул его в воду, и Крёнер — задыхающийся, всхлипывающий, побледневший, рябой — выдал все необходимые сведения о Ланкау.

— Ланкау в загородном доме, — простонал он.

А затем он обрел покой.

Едва ноги Крёнера перестали барахтаться и стали мерно покачиваться под водой, Герхарт впервые рассмотрел черты рябого лица, а затем перевернул утопленника на живот и убрал с его запястий ремень. Балансируя на краях эмалированной ванны, он нагнулся к расплывчатому силуэту. Он высоко поднял труп — так, что с насквозь промокшей одежды хлынула вода, а затем швырнул тело на плитку у бортика ванны. Раздался неприятный звук — в результате падения средняя часть лица даже впечаталась в край. Затем покойник соскользнул обратно, прихватив с края пластмассовую игрушку, и вновь скрылся под водой. Пузырь воздуха чуть приподнял его куртку и добрался до поверхности. В середине поднявшегося со дна водоворота крутилась бумага. С каждым проделанным кругом чернила растворялись и растекались по листу прозрачными пятнами. Герхарт мельком разглядел имя, а затем и его не стало.

Герхарт долго простоял, глядя на Крёнера и маленькую желтую пластмассовую уточку, покачивавшуюся в темной воде у затылка трупа. Содеянное его абсолютно не тронуло. Он часто слышал разговоры симулянтов о том, что они сделают, если его самого придется убить.

Герхарт смотрел, как с поверхности воды в ванне исчезает рябь, а затем закрыл глаза, стирая эту часть своего прошлого. Из измученного разума он вынул два ядовитых шипа. Крёнера и Штиха. Обернувшись, он уперся взглядом в шкафчик с лекарствами.

Его затрясло.

Казалось, в помещении холодно. Все вокруг исказилось. Друг с другом спорили реальность и защищенность. Он посмотрел на свое лицо в зеркале шкафчика. Лицо незнакомого человека.

Шкафчик был маленький. Он быстро нашел крупный пузырек, из которого его так щедро поили симулянты.

На этот раз он просто засунул его в карман.

Единственный видимый след, оставшийся от их с Крёнером встречи, — сбившиеся ковры по всему дому.

Поправив их, Герхарт вернулся в библиотеку Крёнера. Здесь он поднял с пола нож и положил Крёнеру на стол. В дальнем углу комнаты стояла плетеная бамбуковая корзина с тростями и картонными трубками. На мгновение он замер, разглядывая лес торчащих предметов, а затем просунул руку почти до самого дна. Порывшись, он обнаружил то, что искал. Маленькая, тонкая трубка, завернутая в плотную коричневую бумагу. Разглядывал он ее всего секунду. Когда симулянты выпивали, Крёнер часто развлекался тем, что дразнил его.

Он спрятал ее в ветровку под молнию и крепко прижал к себе.

Когда он уже выходил из дома, позвонили в дверь. Он так и простоял в темной прихожей — лишенный мыслей и эмоций, — пока звонки не прекратились.

Глава 55

После ухода из отеля «Коломби» Лорин вдруг расплакалась.

Она была сама не своя.

Пытаясь успокоить Лорин, Петра отвела ее в сторону.

— Мы успеем его найти, — решительно произнесла она, раздумывая, не отвесить ли ей пощечину.

Через десять минут Лорин пришла в себя.

— Куда ты нас ведешь? — спросила она, выдавливая улыбку.

— Придется нам поговорить с Вильфридом Крёнером. Побеседуем с ним, раз встретиться с Петером Штихом пока не получится.

— Кажется, ты нервничаешь.

— На это у меня есть причины. Они у нас обеих есть.

— А разве разумно идти к нему домой?

Улицу заливал яркий свет. Вдоль тротуара выстроились припаркованные машины. Суббота — люди ходили по гостям. Лорин огляделась по сторонам.

— Почти как в Кентербери, — рассеянно сказала она.

Меланхолический проблеск тихой и мирной жизни, оставшейся в прошлом.

Напротив дома Крёнера — тот казался совсем пустым, если не брать в расчет «ауди» под навесом и горевший всего в одном окне свет, — Лорин прислонилась к шикарной серебристо-синей машине.

— Такие увидишь на Тависток-сквер, — прошептала она себе под нос. Она прикоснулась к шее, вид у нее был смущенный. — На этой улице у бухгалтера моего мужа контора.

Кивнув, Петра оглядела высокую женщину. Казалось, она сама не своя.

— Не знаю, разумно ли нам идти к нему домой. Посмотрим, что будет, — сказала через некоторое время Петра. — Ты не видела — у двери что-то зашевелилось?

— С моего места дверь совсем не видно.

Когда какой-то местный житель подозрительно кивнул им во второй раз — он уже погулял с собакой и возвращался домой, — Петра

решительно схватила Лорин за руку и повела к дому.

— Кажется, никого нет. А ты как думаешь?

— Я никого не видела.

— Боюсь, придется позвонить.

— А что, если дома кто-то есть? Что Крёнер задумал с нами сделать?

— Вообще понятия не имею. — Остановившись, Петра тяжелым взглядом посмотрела на Лорин. — Помни одно! Если что-то и случится, ты в это дело полезла добровольно. Не говори потом, что ничего не понимала.

Когда Петра позвонила в дверь, она обратила внимание, что стоявшая рядом с ней высокая женщина сделала шаг назад.

Они постояли перед закрытой дверью — первой молчание нарушила Петра:

— Уверена, эти трое вместе. Здесь их нет. Думаю, Штих и Ланкау забрали Крёнера.

— С чего ты взяла?

— Потому что Крёнера нет дома, а его машина здесь.

Петра кивнула в сторону навеса.

— Где они могут быть?

Лорин поежилась. Она рассказала Петре, что после наступления темноты обычно начинала мерзнуть. В любое время года. Хотя этот сентябрьский вечер был необычайно теплым.

— Не знаю, Лорин, разве ты не понимаешь? Выходные они обычно проводят с семьями. И раз их нет дома, вполне возможно, они в каком-нибудь ресторане сидят или, может быть, все вместе пошли на концерт и сейчас горланят «Im grünen Walde»^[28], ну или что-нибудь в этом роде. А вообще они могут делать что угодно и быть где угодно. При условии, что они и правда со своими семьями. Но это не так! Я это знаю! Не сегодня вечером. Они сами по себе, бог их знает где.

— Почему ты так думаешь?

— Когда я звонила из отеля «Коломби», Андреа Штих была дома одна. Петер Штих без нее в свет не выходит. О нем много чего можно сказать, но Андреа он дома не оставит, если остальные берут с собой жен. А кроме того, машины жены Крёнера здесь нет. Наверняка ее отправили в гости к родственникам или еще куда. А если говорить о

Ланкау, он тоже свою жену куда-нибудь отошлет. — Она тихо кивнула. — Нет, я уверена, сейчас они вместе.

— А Брайан? Он где?

— Да, — вздохнула Петра. — Еще ведь твой муж. Он точно одна из причин.

Петра потеребила сумочку. Больше она не собиралась отвечать на вопросы.

Впервые за день она закурила сигарету. Лорин отказалась, замотав головой.

— В доме есть другой выход?

— Да, есть дверь в сад. Но уйти можно только по подъездной дорожке, если ты об этом.

— Нет.

Когда Лорин скрылась за углом дома, Петра прикинула, что им делать дальше. Теперь жить во Фрайбурге им с Герхартом станет непросто. Их совместное существование строилось на узах, за годы возникших между ними и тремя мужчинами. Если к делу привлечь полицию, мерзавцы найдут способ выпутаться. И в действительности жертвами станут Герхарт и она сама. И тем не менее! А если в полицию не обращаться, итог для всех будет плачевный. С каждым из троих по отдельности справиться можно — тут она была уверена. Но если они вместе и теряют контроль над происходящим, то они представляют опасность. Большую опасность.

И такая ситуация вот-вот возникнет. Вопрос лишь в том, что делать и с чего начать. Все-таки они искали мужа Лорин, не ее. На самом деле она вполне могла развернуться и уйти. Могла бы навестить Герхарта, а потом пойти домой, к телевизору и книгам, вещам и заурядным соседям.

Больше всего Петру испугали последние мысли. Она часто погружалась в рутину. Все лучше, чем ничего. Чем она рискует?

В конце ведь все равно ждет смерть.

Судя по туфлям Лорин, вокруг дома она исследовала каждый клочок земли. Даже лодыжки испачкала.

— Внутрь мы не попадем, — сообщила она. — Я проверила все окна и дверь на кухню, — договорила она, даже не подозревая о том, что всего в нескольких сантиметрах от нее, задержав дыхание, человек приложил ухо к двери с внутренней стороны.

Петра позвонила Ланкау из телефонной будки на подъезде к кварталу. В большом доме Ланкау тоже никого не оказалось. На мгновение Петра замерла, прислонившись к телефонной будке. Она удивилась.

— Надо подождать до завтра. Они могут быть где угодно.

— Петра, но мы не можем!

Петра знала, что Лорин права.

— У тебя совсем нет догадок насчет того, куда они могли деться? Нет ли у них какого-нибудь убежища, где они могут побеседовать? Контора, тихое здание? Да что угодно.

Петра наградила Лорин загадочной, но исполненной сочувствия улыбкой:

— Лорин, послушай! У Ланкау, Крёнера и Штиха есть дом буквально на каждой улице Фрайбурга. Они могут быть где угодно. Раз уж на то пошло, они могут пойти туда, откуда мы пришли. В больницу, к Штиху или Крёнеру. Может быть, они в летнем домике Крёнера на Титизее, может быть, в загородном доме Ланкау, на Рейне, у Засбаха — у Крёнера там лодка. А может быть, они в дороге. Давай подождем до завтра.

— А теперь ты меня послушай, Петра!

Взяв ее за плечи, Лорин серьезно на нее посмотрела:

— Речь о моем муже! Я знаю, многое уже в прошлом. Мой муж никогда не упоминал о том, что ты мне рассказала. Но знаешь что? Если подумать, одно я знаю точно. Брайан обязательно доведет до конца то, ради чего сюда приехал. Таков уж он! Слава богу, есть и еще кое-что. Мы с Брайаном женаты уже много лет, и могу сказать, что во многих отношениях мы очень разные. Но в одном мы похожи. Мы закоренелые пессимисты. Я воображаю худшее, и так же в любой ситуации поступает Брайан. Поэтому на данный момент он сделал все, что мог, чтобы подготовиться к худшему развитию событий.

Дрожать Лорин перестала.

— Что сейчас ужаснее всего?

Сомнений у Петры не возникло.

— Что Штих, Крёнер и Ланкау попытаются уничтожить любые следы прошлого. Любой ценой. Без колебаний.

— Так Брайан и подумает. Наверняка он на ту гору даже не поднимался. Если бы у него появилась возможность, он бы скорее за кем-то из этой троицы проследил. Где сейчас могут быть симулянты? Мы просто-напросто обязаны это выяснить. Потому что Брайан там же.

— Лорин, я ведь уже несколько раз повторила! Они могут быть где угодно!

Она смотрела в одну точку. С виду задумчивая и уставшая. Заговорила она вяло:

— Если воспользоваться методом исключения, то загородный дом Ланкау — наиболее вероятная версия. Иногда они туда ездят, чтобы их никто не беспокоил.

— Почему туда?

— А ты как думаешь? Дом стоит в стороне. Людей поблизости нет.

— Позвони туда.

— Не могу, Лорин. Ланкау себя оберегает. У меня нет номера. Это тайна.

— Как туда добраться? Это далеко?

— Двадцать минут, если на велосипеде.

— Где я велосипед возьму?

— И десять минут, если возьмем вон то такси, — перебила Петра и замахала руками.

Глава 56

Несмотря на возраст и многочисленные физические недостатки, в целом Ланкау все же оставался опытным солдатом. Он оценил ситуацию. После того как Арно фон дер Лейен уехал, оставалось только ждать. Он освободился, предупредил Штиха, а теперь ждал. Величайшая добродетель солдата.

В темноте, возле окна, смотревшего на дорогу, он погрузился в собственные мысли. Горы Боливии изобиловали возможностями. Рабочая сила, изголодавшаяся по приказам, истерзанные, заброшенные равнины — их можно приобрести за бесценок. Река Маморе была ему спутником, когда он в прошлый раз охотился там в окружении креолов — темнолицых, почтительных. Тогда он и принял решение. Пышная растительность, огромные запасы полезных ископаемых, пивные в Сан-Борхе и Эксальтасьоне, где воздух плавится, а из музыкальных автоматов чудесным образом льются родные песни в виртуозном исполнении Элизабет Шварцкопф.

Все это у него в будущем.

Благодаря появлению Арно фон дер Лейена такая возможность стала еще более реальной, чем когда-либо. Как только все закончится, он сделает этот шаг.

Последний шаг в сторону безопасности он совершит с легким сердцем.

Ланкау улыбнулся. Ему нравилось непривычное ощущение — сидеть одному в доме в полной темноте. Оно лишь укрепило его решительность, ненависть и силу, возникшие, когда он сосредоточился.

Так сильно его тело не болело с тех пор, как много лет назад он упал на горнолыжном спуске в Сент-Ульрихе, в Доломитовых Альпах. Щипало глаз, ныло плечо, а там, где веревка врезалась в руки и ноги, она содрала кожу, оставив пульсирующие красные полосы. А кроме того, когда развалился стул, он заработал шишку на затылке.

В общем, он с нетерпением ждал того момента, когда оплатит Арно фон дер Лейену тем же.

Ланкау был уверен: он вернется.

Вот он и ждал, переключаясь между ненавистью настоящего и предвкушением будущего — юные метиски и тяжелый запах сахарного тростника, какао и кофе.

В доме все было точно так же, как после ухода Арно фон дер Лейена; полная темнота. Только во дворе тускло светил фонарь — он всегда горел. С другой стороны виноградника, возле шоссе, порой вдруг вспыхивали фары проезжавших машин. Время от времени секунду-две зловеще поблескивали и оживали охотничьи трофеи Ланкау.

В тот момент, как машина притормозила на шоссе, Ланкау уже знал, что у него гости. Низко загудел двигатель, и наконец машина остановилась возле знака на въезде — в дом бил свет фар. Через мгновение машина дала задний ход и скрылась в направлении города.

Откусив яблоко, Ланкау, задумчиво жуя, положил его на подоконник. Встав за штору, он смотрел на шоссе. Казалось, на подъездной дорожке никого нет. Может, кто-то просто разворачивался. Хоть такое вполне возможно, готовился он к худшему. Видимо, машина кого-то высадила. В лучшем случае это Крёнер со Штихом. Время тянулось бесконечно долго.

Кто-то робкими шагами пересек двор, и лишь тогда Ланкау увидел людей. Нерешительные, осторожные силуэты. Широколицый отошел подальше от окна. Он удивился. Петра Вагнер с какой-то незнакомой женщиной. Значит, Крёнер со своей задачей не справился.

Ланкау на ощупь ходил от одного окна к другому. Среди пляшущих теней кустарников в свете проезжающих машин казалось, что вокруг все спокойно, как обычно.

Женщины приехали одни.

В ту секунду, когда они подергали входную дверь и осторожно ее распахнули, он включил настенную лампу у дивана.

— Кто там? — крикнул он, пряча короткий, широкий нож с лезвиями с двух сторон под резинку своих гетр.

— Петра Вагнер! Это я, Петра! Со мной подруга!

Когда они зажгли яркий свет в прихожей, Ланкау зажмурился. Встав в дверях, Петра сделала своей спутнице знак, чтобы та молчала. От света Ланкау заморгал. Со времен той самой стычки с Арно фон дер Лейеном в болоте Таубергиссена, когда освещение вдруг менялось, здоровый глаз постоянно его подводил.

Поэтому он подвергал сомнениям то, что увидел.

— Петра! — Он протер глаза. — Какая приятная неожиданность!

Она вздрогнула. Поняв, откуда доносится голос, она виновато улыбнулась. Короткие пальцы Ланкау пригладили редкие, непослушные волосы.

— Чем обязан? — спросил он, протягивая Петре руку.

Хоть он и здоровался с незнакомой женщиной, заговорила Петра:

— Прости, что мы так ворвались. Это моя подруга Лора, я о ней рассказывала. Она глухонемая.

Незнакомая женщина улыбалась и не сводила глаз с его рта.

— Мы тебе помешали? — Петра прижала руку к груди. — Фух! Как же здесь темно! Я даже испугалась.

— Ну что ты, Петра. — Ланкау заправил рубашку в бриджи. — Я просто заснул. Не берите в голову.

Нетрудно заметить, что рядом Петра и эта женщина смотрелись странно. А еще нет никаких сомнений в том, что раньше Петра Вагнер никогда не упоминала о подруге по имени Лора — не говоря уже о том, что она глухонемая. Петра Вагнер вообще ничего не говорила о той части своей жизни, что не имеет отношения к Герхарту. Если она с Арно фон дер Лейеном заодно, он ее сюда и прислал. Ланкау понимал, что такое возможно. Может, он затаился в темноте и выжидает.

— Я не смогла тебе сюда позвонить. У меня номера нет, — сказала Петра.

Ланкау пожал плечами.

— И никого из вас нет дома. Я приехала наудачу.

— Ну, я здесь. Как тебе помочь?

— Крёнер и Штих здесь?

— Нет. Так ты это хотела узнать?

— Расскажи мне, что случилось на Шлоссберге.

— Зачем?

— Потому что мне надо убедиться в том, что Арно фон дер Лейен исчез. Иначе мне не будет покоя.

— Не будет? — Ланкау улыбнулся.

— Он умер?

— Умер? — Ланкау рассмеялся — чванливо, мерзко. Если Петра пытается заманить его в ловушку, ничего у нее не получится. — Определенно нет!

— И что? Где он сейчас?

— Понятия не имею. Надеюсь, в самолете — летит куда-нибудь подальше отсюда.

— Не понимаю. Он же так хотел найти Герхарта Пойкерта. Что произошло на Шлоссберге?

— Что? Ты же знаешь. Он нашел своего Герхарта Пойкерта, разве нет?

При виде ее непонимающего выражения лица Ланкау улыбнулся и развел руками:

— Да ничего особенного — просто днем мой старший сын выгравировал на латунной табличке надпись: «В память о жертвах бомбардировки во Фрайбурге-им-Брайсгау, 15 января 1945 года». Он ее повесил на небольшой столбик, который вбил в землю у колоннады.

Ланкау улыбнулся:

— Рудольф у меня мастер на все руки!

— И что потом?

— Да, а когда он ее убирал через пару часов, перед ней лежал маленький букет. До чего трогательно, а? — сказал Ланкау, широко улыбаясь.

Стоящие перед ним женщины смотрели ему в глаза. По его опыту двум людям редко удается вместе притвориться так ловко, чтобы обмануть, а уж тем более двум женщинам. Если бы Арно фон дер Лейен затаился где-то снаружи и ждал подходящего момента, он бы это понял по лицам двух женщин. Взгляд у них был бы более настороженный, мечущийся. Мечущий и напряженный. Ланкау был уверен: они одни, однако он ни капли не сомневался, что доверять им ни в коем случае нельзя. Лишь почти незаметная улыбка Петры казалась искренней.

Казалось, она испытала облегчение:

— Когда Рудольф забрал эту табличку?

— Петра, а почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому что мы там были в районе шести и ничего такого не видели.

— Значит, Рудольф ее уже снял. Молодец он. А зачем вы туда ходили?

— По этой же самой причине мы здесь. Нам надо знать, что там произошло. Чтобы успокоиться.

— Нам?

— Ах да, я имею в виду *мне*. *Мне* надо это знать, чтобы успокоиться.

По мнению Ланкау, Петра поторопилась себя поправить.

— Но ведь такие вещи всегда влияют на окружающих. Лора у меня в гостях, — продолжила Петра. — Она у меня живет.

— Позволь спросить, а много эта Лора знает?

— Ничего, Хорст. Абсолютно ничего, можешь не волноваться. Она не очень хорошо понимает, что происходит.

Петра так непринужденно улыбалась, что в этот момент Ланкау готов был ей поверить.

— А почему ты не позвонила Штиху или Крёнеру?

Ланкау подошел к ней поближе. Он отметил, что шея у нее необычайно тонкая. Артерии очень близко.

— Они бы тебе рассказали, что на Шлоссберге было.

— Я звонила. Я же сказала, дома я никого из вас не застала. Я звонила Штиху, но застала только Андреа, а она ничего не сказала. Ты ведь знаешь Андреа.

Она окинула взглядом стены и трофеи. Ланкау позаботился о том, чтобы ничего необычного видно не было, — только у камина лежала неровная куча деревяшек. Если бы Петра задумалась, она бы поняла: в центре комнаты не хватает трона Ланкау. Но вообще разломанный стул не занимал много места.

— А где Штих и Крёнер? — наконец спросила она. — Не знаешь?

— Нет.

Петра развела руками, перевела взгляд на высокую женщину, а затем снова на Ланкау и вяло улыбнулась:

— Ну хоть какое-то облегчение. Спасибо. Об Арно фон дер Лейене я больше думать не буду. Вызовешь нам такси, Хорст? Свою машину мы отпустили.

— Конечно.

Широколицый встал и тихо охнул. Как бы то ни было дальше, появилась неизвестная величина. Несомненно, этой глухой женщины кто-нибудь хватится, если он обеих уберет. У нее ведь наверняка есть близкие. Придется сдержаться. Хотя шанс представился великолепный. Если потребуется, Герхарт Пойкерт и Петра Вагнер исчезнуть всегда успеют. Маленькая трагическая история, достойное завершение

безнадежных отношений, Ромео и Джульетта сурового настоящего. Еще есть время написать конец истории. Но в этой главе глухой женщине места нет. Придется их отпустить.

— Кстати, Хорст, где твоя машина? Как ты сюда приехал?

Говорила Петра без обиняков. Редкий случай. Какой простой вопрос. Ланкау осталось лишь улыбнуться и ответить: «Как и вы, дорогая Петра». На мгновение растерявшись, он вдруг почувствовал, что его видно насквозь, и помедлил с ответом. Недоверчиво посмотрев на хрупкую женщину, он положил трубку.

— Много ты вопросов задаешь.

Несколько секунд они не сводили друг с друга глаз, а затем она улыбнулась и смущенно пожала плечами.

— Наверное, теперь твоя очередь мне отвечать, — продолжил он.

Высокая женщина, стоявшая за спиной Петры, под его тяжелым взглядом чуть попятилась.

— Зачем ты говоришь, что раньше об этой женщине рассказывала? Что-то тут не сходится.

Он резко шагнул к Петре — выражение лица у нее тут же переменялось.

— А она вообще глухая? Я точно слышал, как ты на нее зашикала, перед тем как вы вошли.

Ланкау подошел к ней вплотную и оттолкнул — она оказалась легкой как перышко. Стоявшая за ее спиной стройная женщина закрыла руками лицо, на локте болталась сумочка. Но толку от этого не было никакого. Одна пощечина — и она рухнула навзничь, не произнеся ни слова.

Она бы и не смогла: челюсть выбита, да и сознание она потеряла.

— Зачем ты сюда пришла?

Не успела Петра добежать до двери, как на ее запястье сомкнулись пальцы Ланкау.

— Ты что творишь, Хорст? Что с тобой такое? — Она дернула руку. — Отпусти меня и успокойся!

Отпустив Петру, он подтолкнул ее к лежащей на полу женщине, но не грубо.

— Кто это? — спросил он.

— Лора. Мы зовем ее Лора, но вообще она Лорин.

— Возьми ее сумочку и передай мне.

Вздыхнув, Петра сняла с вялой руки ремешок сумки. Ланкау заметил, что она была тяжелее, чем было видно по той хрупкой женщине. Прежде чем сумка опустела, на сервировочном столике у двери не осталось места. Ланкау без колебаний запустил туда руку и выхватил красно-коричневый кошелек — судя по размеру, целая сокровищница.

Кошелек оказался набит кредитными карточками. Ланкау порылся в них. Все верно, женщину звали Лорин. Лорин Андервуд Скотт. Ланкау очень долго разглядывал адрес и имя. Они ему ничего не говорили.

— Твоя подруга — англичанка. — Ланкау помахал кредитными карточками.

— Нет, она из Фрайбурга. А по крови — англичанка, ну и замужем за англичанином.

— Даже странно, сколько за один день англичан повылезало. Тебе не кажется?

— Я же говорю, она не англичанка!

Ланкау перевернул кошелек. Среди чеков он обнаружил фотографию, размером с паспортную. Петра задержала дыхание.

— Очевидно, у нее дочь есть, — сказал он. — Как ее зовут? Ты ведь знаешь?

— Ее зовут Энн.

Перевернув фотографию, Ланкау заворчал и пошел под люстру в прихожую — рассмотреть фотографию более внимательно.

— Откуда ты эту Лорин знаешь? И зачем притащила ее с собой сюда?

Широколицый резко развернулся лицом к Петре. Схватил ее за руку и сдавил:

— Так кто она, Петра? Как она связана с Арно фон дер Лейеном?

Он сдавил еще сильнее, и женщина всхлипнула:

— Отпусти!

Пытаясь сдержать слезы, она упрямо смотрела ему в глаза:

— Да никак не связана, идиот! Отпусти меня!

Борьба была абсолютно неравной. Крепкий мужчина провел рукой по затылку, с трудом вытягивая шею. Такое бывало на поле для гольфа, когда он неловко бил по мячу. Всегда доставалось мышцам

шеи. Через несколько часов боль пройдет. Тощая Петра Вагнер не сопротивлялась его ударам.

Как будто бьешь по воздуху.

Ровно там же, где Арно фон дер Лейен оставил Ланкау, он усадил высокую женщину на стул, несильно отличавшийся от того, на котором сидел он. Он крепко стянул ее лодыжки — с царапин стала сочиться жидкость, — однако она даже не пошевелилась.

Она так и не пришла в себя.

Проходя подсобное помещение — ослабевшую Петру он перекинул через плечо, — он выключил главный рубильник. В ту же секунду погас фонарь, освещавший двор, — над ними открылось звездное небо.

Предмет его гордости находился в средней части длинного сарая. Хотя, как правило, в год у него выходило не больше пары сотен бутылок хорошего белого вина, в приступе жадности он купил пресс для винограда, годный и для куда более крупного виноградаря. Через несколько недель его снова помогут и подготовят к работе. А пока он отлично подходит для того, чтобы оставить там связанную Петру, — она пока еще плохо понимала, что от веревок ей не избавиться. Ланкау потянул за платок, который засунул ей в рот как кляп. Довольно туго.

— Лежи тихо — и все будет хорошо, — сказал Ланкау, побарабанив по огромному, горизонтально расположенному винту, на котором она лежала.

Петре точно известно его предназначение — как и любому, кто живет в винодельческом регионе. Он выжимает из винограда все что только можно. То же самое он сделает с ней.

— От этого винта тебе ничего не будет.

Потом Ланкау, к ее ужасу, дотянулся до выключателя. Она закрыла глаза.

— Да-да, Петра. Пока главный рубильник выключен, можешь быть спокойна. Через несколько часов все закончится. А пока полежи здесь. Там посмотрим, что делать.

Возвращаясь в дом через двор, Ланкау втянул влажный воздух. Скоро наступит осень.

Всего пару часов назад он раздумывал, не оставить ли на стене место еще для пары рогов.

Глава 57

Хоть это и ужасно, но факт остается фактом.

Лорин во Фрайбурге.

В одно мгновение он перенесся в страшную реальность. Сделав глубокий вдох, Брайан пошел быстрее. Теперь он готовился к худшему. Чуть раньше тем же вечером он решил окончательно попрощаться с Фрайбургом, но судьба ему этого не позволит. От того, что ему рассказала Бриджет, его бросило в дрожь.

Катастрофа. Все очень серьезно, и замешаны в деле не только он и те мужчины, которые все эти годы не уходили из его мыслей. Еще в эту абсурдную ситуацию оказалось втянуто самое неловкое и незащитное существо из всех, кого он мог представить.

К сожалению, дело обстоит так, что Лорин непонятно каким образом выведала, где он находится. А теперь он не знал, где она. Только то, что она в городе. От одной мысли его передернуло.

Для Петры и симулянтов она невероятно легкая добыча.

Брайан взвешивал плюсы и минусы сложившейся ситуации. Они были неравны. Он до сих пор свободно перемещается, у него есть настоящий адрес Штиха и заряженный пистолет за поясом брюк — вот и все плюсы, насколько он мог судить.

От отеля «Коломби» до Хольцмаркт и Луизенштрассе можно доехать всего за несколько минут. За такой срок в сложной ситуации Брайан обычно не успевал успокоиться и собраться.

В какие-то моменты он подумывал попросить помощи. В такой ситуации нужна полиция. Однако там ему вряд ли поверят. Сотрудников полиции удивят бессвязные обвинения в адрес нескольких видных жителей города. На то, чтобы внятно все донести, у него уйдет много времени.

Слишком много времени.

Брайан помотал головой. Правила игры ему известны. Не важно, в какой точке мира ты находишься: полиция подчиняется правилам игры, установленным местными жителями. Для этого города люди, чья тень висела над ним, — не абы кто. Пистолет с глушителем за поясом брюк и связанный Ланкау не укладываются в картину, в которой

Брайан — пострадавший. И когда помощь наконец подоспеет — возможно, вынужденно, — все причастные уже наверняка будут далеко отсюда и примут все необходимые меры предосторожности.

В третий раз за два дня Брайан оказался на Луизенштрассе и смотрел на квартиру снизу. Как и во всем доме, там было темно. Едва он это увидел, возникло ощущение, что пришел он напрасно. С минуту он рассматривал темные пятна на фасаде с той же точки, где стоял утром.

А затем его внимание привлекла одна деталь. Она портила общее впечатление. По сравнению с утром на третьем этаже нарушилось единообразие. Брайан обвел взглядом окна. Во всех, кроме одного, шторы обрамляли три аккуратно расставленных цветочных горшка. Чем дольше он смотрел, тем более неряшливым и пустым это окно казалось. И от остальных его отличало еще кое-что. Все окна украшали две красные герани, стоящие вокруг белой, но только в этом окне два красных цветка прильнули друг к другу, а белый стоял в стороне. Брайан затряс головой. Подобные детали характеризуют и поступки, и людей. Просто он не знал, что это все значит.

Выглядело все это подозрительно.

Там жил Петер Штих. Он двигал мотивами и поступками симулянтов. Он отправил Ланкау на Шлоссберг убить его — сомневаться в этом не приходилось. Симулянты не утратили навыков и чутья.

Когда он появился, Крёнер и Штих потеряли покой. Может, они его откровенно боялись. Если они узнают, что Лорин — его жена, они с ней обойдутся грубо.

Ланкау он крылья подрезал. А вот от Крёнера можно ожидать худшего. Как бы нежно он ни обнимал сына, убивать он, несомненно, умеет. В мире симулянтов много чего могло случиться. В городе они наверняка знали каждую улицу и каждый закоулок. Двое против одного. И вероятно, они приготовились и носили с собой оружие. Штих и Крёнер наверняка знают, что Ланкау не удалось его убить. Штих ведь видел его у дома Крёнера.

А уж теперь они точно вооружены.

Старик уже наверняка подготовил следующий ход. Ожидалось, что через некоторое время он пройдет через Штадтгартен в сторону

Ленгенхардштрассе. Старик даже дорогу ему объяснил.

Если Брайан собирался сделать то, что они от него ждали, ему надо быть крайне осторожным.

Но был ли у него выбор? Если он не ошибается, Штих приведет его к Лорин.

Брайан снова посмотрел на квартиру. Ему вдруг пришла в голову одна мысль. Сейчас ход делают симулянты. А если в квартире есть что-то, благодаря чему он получит столь нужное преимущество?

Перейдя через дорогу, он позвонил в звонок и отбежал в укрытие, под деревья. В квартире по-прежнему было темно. Он подождал еще.

Кажется, дома никого. Может, готовятся занять игровую позицию.

Штих жил даже чересчур близко к центру. На оживленных Хольцмаркт и близлежащих улицах в ранний субботний вечер было полно народу: магазины закрылись, люди разбредались по городу.

Брайан огляделся по сторонам. Все новые и новые лица. Веселые и спешащие. Но через двадцать минут на улице он остался один.

Насколько он мог оценить.

Хоть со стороны все выглядело именно так, ему приходилось исходить из того, что за ним наблюдают. Может, даже с нескольких точек. Сейчас благодаря деревьям его не было видно сверху, но не с улицы. Он перешел улицу к зданию и завернул за угол, во двор.

Позади здания — крошечная темнота. Силуэты деревьев, напоминающих кипарисы, и кусты тиса могли спрятать кого угодно — и видно не будет. Поэтому он попятился в сторону маленькой пристройки в саду и прильнул к ее фасаду. Прождал он долго — успел привыкнуть к темноте и звукам. Брайан оглядел заднюю часть здания. Идеальный вход.

Есть только одна загвоздка.

Если наверху в квартире его ждут, то будут также ждать, что придет он отсюда.

Дверь на черную лестницу оказалась заперта. Брайан подергал ее и посмотрел вверх. Дом замер. С правой стороны от лестницы нижняя часть всех окон пряталась за белыми занавесками. Стоя на цыпочках, Брайан заглянул в помещение за такой занавеской. Для того чтобы хоть что-то рассмотреть, было слишком темно, и он предположил, что это кухня.

Он снова вскинул голову.

Водосточная труба, с виду довольно прочная, поднималась вдоль фасада между окнами черной лестницы и кухни. Брайан ухватился за нее. Идти таким путем ему было не впервой. Перед глазами встала крыша госпиталя. Как будто сто лет прошло.

Держаться за трубу — сухую и крепкую — было удобно. Прижавшись к стене, он стал отталкиваться ногами.

Весил он теперь больше, чем ему самому казалось. Сил еле хватало.

Добравшись только до карниза первого этажа, он уже почти растерял мужество. Бешено колотилось сердце, болели пальцы ног. Высота каждого этажа — минимум три метра. Лезть еще долго.

Когда он долез до третьего этажа, от тяжелых рывков онемели пальцы. Едва он прислонился к кухонному окну, над ним заскрипели болты, удерживавшие трубы. Он поднажал на нижнее оконное стекло. С каждым нажатием скрипели стыки и крепления водосточной трубы. Когда он нажал в шестой раз, труба зашаталась, а в лицо посыпалась штукатурка. Не дожидаясь чего-то еще, Брайан сменил руки, освобождая левую, которая была поближе к окну. Прогнившая оконная рама оказалась податливой. Брайан аккуратно, но решительно надавил — наконец оно поддалось.

Естественно, поднялся шум.

Открыв задвижку, Брайан забрался внутрь.

На черной лестнице было влажно, со стен хлопьями слезала штукатурка. Брайан поднялся на пару ступенек до лестничной площадки. Постояв там, он осторожно потянул дверь кухни. Заперто. Он пнул нижний угол двери — тот, что подальше от дверных петель. Дверь чуточку поддалась. Затем надавил на середину, возле замка, где дверь держалась крепче всего. К счастью, замок всего один. Брайан прикинул, насколько дверь прочная. В кино он такое много раз видел. Надо только сильно ударить в нижнюю часть двери и двинуть дверную ручку вниз и внутрь. Он в ту же секунду провалится внутрь комнаты, о которой ему абсолютно ничего не известно.

Больше делать нечего. От одной мысли его передернуло.

Если там его кто-нибудь ждет, он сможет дать отпор — падая, будет бить ногами во все стороны.

Казалось бы, опрометчивая затея. Вспотевший Брайан вытащил пистолет.

Сначала дверь. Потом он постоит и подождет.

Всего через секунду уже он корчился на деревянном полу — на лестничной площадке. Ужасно болел палец на ноге — наверняка он себе что-то сломал. Шума особо не было, результата — тоже. Дверь по-прежнему на месте.

Брайан наострил уши. Услышал только собственный сдерживаемый стон. Никто не вышел и его не убил. С нижних этажей никто не кричал, что в дом ломаются. Ничего не произошло.

С трудом поднявшись, он снова стал толкать нижнюю часть двери здоровой ногой. Дело пошло. Вперед-назад — так дети трогают шатающийся зуб.

Дверь тихо распахнулась, и он заглянул в темную комнату. Подождав пару минут на лестнице, он бросил на пол кухни коврик.

Снова ничего.

Пахло на кухне как-то непонятно, затхло и резко. Он включил лампу — и чуть было не ослеп от холодного света. Обстановка старомодная. Ряды тарелок, прохладная зеленая цветовая гамма, эмалированная посуда и шершавая, толстая столешница. Масленка и пачка печенья. Брайан пошел в темную прихожую и нашарил выключатель.

Он не сработал. Сделав это неприятное открытие, Брайан вжался в стену и выставил пистолет. Луч света от лампы на кухне добирался только до соседней комнаты, где стоял накрытый клеенкой стол. Невзрачный обеденный стол, на нем тарелка с четырьмя печеньями.

От одного откусили кусочек.

Брайан пару раз сглотнул, во рту пересохло. Казалось, в этом доме все замерло в одно мгновение. Дом пустой, свет не включить — дурные предзнаменования. Брайан вытер свободной рукой лоб и осторожно опустился на колени. Полулежа он осторожно просунул руку в приоткрытую дверь. Пощупав косяк, его пальцы дотянулись до бакелитового выключателя. Раздался громкий механический щелчок, но свет не включился.

Не раздумывая, он толчком распахнул дверь и бросился следом, как будто передумал. Едва до него добрался свет уличных фонарей, он упал вперед.

Ведущие в следующую комнату двери стояли нараспашку — в них он влетел головой вперед. Продвинувшись всего на метр, он наткнулся на что-то мягкое.

Он крутил головой во все стороны, пытаясь увидеть, где стоит противник — впереди или сзади. Когда он убедился, что оба варианта неверны, он посмотрел вбок — и заглянул в широко распахнутые глаза мертвой женщины.

Брайан пришел в себя только через пять минут. Рядом с ним — безжизненные тела. Женщину он не знал, но мужчина, за которого она уцепилась вывернутой рукой, — тот самый красноглазый Штих. Он тоже мертв. Еще теплый, но мертвый.

Несмотря на темноту, сомнений картина не оставляла. Последние конвульсии до сих пор отражались на лицах и в тусклых глазах — матовых, словно пленка на несвежем яичном желтке.

Красноглазый все еще сжимал то, что отняло у них жизнь. Поэтому свет и не включался. Брайан посмотрел на два провода, и его чуть не стошнило. Над губой Штиха виднелась белая полоса жженой плоти. От тел шла характерная кислая вонь. Как из духовки, когда ее после готовки не помыли. Смерть Штиха была столь же отвратительной, как и его жизнь.

И бедную женщину забрал с собой.

Глава 58

«Когда доеду до загородного дома, „БМВ“ оставлю у шоссе!» — прикидывал Брайан. Лучше соблюдать осторожность. За последний час слишком много всего произошло.

И он не продвинулся.

Лорин и Петру поглотила неизвестность.

Осторожно пройдя по квартире Штиха, Брайан сделал множество неприятных открытий. Света от его зажигалки едва хватало, но не оставалось сомнений в том, кем Петер Штих был на самом деле. Ящик за ящиком, полка за полкой, комната за комнатой — становилось ясно, что старик до сих пор жил темным прошлым. Фотографии покойников, оружие, медали, флаги, знамена, барельефы, статуэтки, журналы, книги — и снова фотографии, снова покойники.

Брайан ушел из квартиры Штиха незамеченным. С Луизенштрассе он решительно двинулся к маленькому дворцу Крёнера, за которым он наблюдал уже два раза. Теперь он был уверен, что этот раз станет последним.

Когда Брайан дошел до дома Крёнера, огромный сад окутывала кромешная тьма, и он едва не пал духом. Единственный признак жизни — тусклый свет лампы в окне второго этажа.

В остальном дом как будто вымер.

Позвонив пару раз в звонок, Брайан снова вышел во дворик перед домом. Там он подобрал с тропинки камешек и прицелился. Стекло на первом этаже звенело всего долю секунды. Он швырнул еще несколько камешков. В конце концов он стал закидывать все окна — камешки отлетали на газон.

И тут он понял, что сделал глупость.

Брайан высунулся из бокового окна. Луна еще не появилась. Виноградники окутывала темнота.

Еще до въезда на участок Ланкау Брайан заметил, что в доме уже не горит свет. Когда он погасил фары, стало совсем темно. Через пару сотен метров он на ощупь перешагнул канаву и, согнувшись, пошел вдоль рядов виноградных лоз. Прячась за передними рядами, он

обогнул половину дома так близко к торцевой стене, что ему удалось заглянуть в гостиную, где он оставил привязанного к стулу Ланкау.

Темно и тихо.

Придется ему еще раз попытаться выяснить правду в этом доме. Всего двадцать минут назад, разглядывая дом Крёнера, он понял, что теперь ему сможет помочь только Ланкау. Большой городской дом пуст. Крёнер оставил свое лежбище и, наверное, уже позаботился о том, чтобы Петра и Лорин были у него под присмотром.

Брайан долго сидел и прислушивался. Ничто не говорило о том, что Крёнер его опередил. Единственный долетавший до него звук — хриплый птичий крик, который он часто слышал во время ночных скитаний в Дувре. Виноградник — их царство.

Подняв глаза к темному небу, он крадучись преодолел последние двадцать метров до угла, выходящего во дворик.

Глава 59

На этот раз Ланкау был настроен серьезно — его не удастся застать врасплох. Оставив Петру одну, он почти все время просидел в охотничьей гостиной возле окна, вглядываясь в темноту. В какой-то момент у сидевшей на стуле стройной женщины началась истерика. Она вдруг очнулась и непонимающе огляделась по сторонам в темноте. Осознав, что ее связали, она попыталась сорвать веревки, захрипела с кляпом во рту. Едва Ланкау вышел из своего уголка, женщина чудесным образом умолкла. По глазам было видно, что она скорее удивилась, чем испугалась или растерялась.

— А она не совсем немая, — с улыбкой прошептал Ланкау себе под нос и подошел поближе.

Едва он чуть ослабил полотенце, врезавшееся в уголки губ, она с отворачиванием откинула голову назад.

— А ты ведь не совсем немая, — заговорил он снова, но уже по-английски. — Да-да, ты здесь совсем одна, — сказал он по очереди на двух языках. — Петры тут нет. Скучаешь?

Ланкау расхохотался. Но женщина не отреагировала.

— Хотелось бы снова услышать, как ты разговариваешь, дорогая Лора. Ну или как там тебя зовут? — спросил он и сел перед ней на корточки. — Может, ты, например, вскрикнешь?

Он замахнулся кулаком, но перед самым ее лицом растопырил пальцы. Тогда он схватил ее за голову, как будто собирался швырнуть огромный камень. Когда он надавил, раздался крик. Но он не добился ни слова.

— Думаю, когда мне захочется, я заставлю тебя заговорить, — сказал он, встал и посмотрел на нее сверху вниз.

Он знал, что это так. В подсобном помещении находился основной рубильник, относившийся к сараю и прессу для винограда. Если он втолкует ей, что произойдет с Петрой, когда он его включит, она заговорит. Если может.

Затем он снова затянул кляп и вернулся на свое место у окна.

В первый раз он увидел Арно фон дер Лейена, когда тот вышел из «БМВ» у шоссе. При виде сгорбленной фигуры Ланкау обрадовался и

оживился. Не сводя глаз с жертвы, Ланкау медленно провел рукой по подоконнику. Схватив нож, который несколько часов пролежал у наполовину съеденного яблока, он решительно развернулся к связанной женщине. На секунду задумавшись о том, насколько быстро придется действовать, он решил пока оставить ее в живых. Один удар по шее над ключицей — и женщина, потеряв сознание, осела на стуле.

Какое-то время силуэта в саду было не видно: он скрывался за виноградными лозами. Ланкау пытался различить хоть какое-то движение. Когда ему это не удалось, от отошел от окна.

* * *

Хотя погода стояла сухая, двор казался влажным. Брайан осторожно переставлял ноги по брусчатке и несколько раз чуть было не поскользнулся на мхе. Он боялся заходить в дом, не понимая, почему не горит свет во дворе. Несмотря на снятый с предохранителя «сики кэндзю» в руке, в полной безопасности он себя не чувствовал. Темнота не отпускала его с тех пор, как он забрался в квартиру Штиха.

И больше она ему не нравилась.

Едва шагнув в прихожую, он ощутил нечто знакомое. Он даже не успел понять, какое именно, — почувствовал укол в бок. Когда он, потрясенный, ввалился в гостиную, снова обратил внимание на то же, что заметил раньше. Ощущение стало четче.

Из руки выбили пистолет. А потом зажегся свет.

Над собой Брайан видел лишь тело Ланкау. Свет окружал его своего рода ореолом. Свет ослепил Брайана, он инстинктивно перекатился на бок и уперся во что-то твердое и неровное. Схватив предмет, он изо всех сил, какие у него еще оставались, швырнул его в голову Ланкау.

Результат оказался ошеломительным. Тело с ревом рухнуло.

Брайан с трудом сел и постарался побыстрее отползти к стене. Перед глазами вдруг возникли очертания комнаты. На полу лежал Ланкау, злобно на него таращась. В руке он по-прежнему держал нож, но вскочить не мог. Нетрудно было понять почему. По переносице шла небольшая, но глубокая рана, открывая кусок бело-голубого хряща.

Стрельнула боль в боку, и Брайан оглядел себя. Его кольнули в бок под третьим ребром. Еще три сантиметра, и легкое было бы пробито. Еще пять сантиметров, и он бы умер. Уже.

Он медленно истекал кровью, но левая рука застыла в одном положении.

Едва заметив это, Ланкау пополз к нему. Брайан пошарил рядом с собой и нашел еще одну деревяшку — точно такую же он бросил. Как только Ланкау рубанул, Брайан ударил его по руке — и деревяшка, и нож отлетели куда-то в сторону.

— Козел! — заревел Ланкау и рухнул на одно колено.

Глядя друг на друга, оба тяжело дышали. Между ними оставалась всего пара метров.

— Не найдешь! — рявкнул Ланкау, заметив, как Брайан шарит взглядом по полу.

Вряд ли нож и «кэндзю» отлетели далеко. Когда взгляд упал на зажигалку — он подарил ее жене всего два месяца назад, — Брайан оцепенел. Весь пол усеивали всякие мелочи, принадлежавшие Лорин. Повернув голову, он увидел ноги и связанное тело — его чуть удар не хватил. В ту же секунду он понял, что именно почувствовал, когда он вошел. Нечто тяжелое и навязчивое — ему стоило насторожиться. Яркий запах духов, которыми Лорин пользовалась каждый день на протяжении почти десяти лет.

Когда-то он сам попросил ее пользоваться этими духами.

Он подавил вздох, рвавшийся из него при виде жены — связанной, побледневшей, глаза вялые, полусонные.

В ту секунду, когда Брайан ослабил бдительность и старался поймать взгляд Лорин, которая еще не до конца пришла в себя, Ланкау бросился вперед и навалился всем своим немалым весом — у Брайана сильнее потекла кровь.

Ланкау не закрывал рта. Оттуда вырывалось тошнотворное дыхание и вязкая слюна. Он думал лишь о том, как удержать хватку. Его охватило желание причинить боль. Руки Брайана лихорадочно пытались избавиться от этой ноши. Ему приходилось перехватывать кулаки, блокировать резкие удары, парировать удары ног и толчки коленей Ланкау. Рты обоих напоминали не прекращающие резать ножницы, нацелившиеся в горло противника.

Центробежная сила швыряла сцепившиеся тела на содержимое сумочки Лорин: пачки сигарет и тампонов, карандаш для глаз, пудреницу, кошелек, записную книжку и другие мелочи непонятного предназначения. Они бились о мебель, срывали с журнальных столиков изящные кружевные салфетки, переворачивали черные кенийские деревянные фигуры. Словно яичная скорлупа, треснул зулусский колчан со стрелами.

Как только Брайан вывернул руку и наметился Ланкау в пах, тот перекатился на бок и оттолкнул Брайана.

Сидя в паре метров друг от друга, они искали новые приемы и восстанавливали дыхание. Пожилой человек, отлично умевший убивать, и врач средних лет, знавший, что у удачи есть границы. Их глаза искали не одно и то же. Ланкау — любой предмет, способный послужить оружием, а Брайан — только «кэндзю».

Первым своей цели достиг Ланкау. Брайан даже не успел увидеть, как тот сделал бросок. Ему в висок ударил сервировочный столик, дыхание перехватило. В ту же секунду на него напрыгнул крепкий Ланкау — у него словно выросли крылья.

Одной рукой он бил Брайана в грудь, а второй обвил ему шею и схватился за волосы на затылке — Лорин не раз уговаривала его их сбрить. Толстенная рука чуть не сломала ему шею. В горле рос странный ком. Ланкау встал и с нечеловеческой силой швырнул Брайана на стену, где висели оленье рога. Один из трофеев последних лет разместили на уровне груди. Мелкие острия порвали Брайану куртку, как будто ее ткань за много веков истлела.

Лорин вскрикнула, и на секунду Брайан повернул голову. На него сразу же всем весом навалился Ланкау. Один из зубцов прошелся по спине Брайана с таким треском, что Ланкау завопил от радости и бросился на него с новой силой.

То ли от боли, то ли интуитивно Брайан вытянул руки. Обе ладони наткнулись на костяную броню еще одного трофея Ланкау.

Когда пальцы наконец дотянулись до самих рогов, по спине потекла теплая кровь. Он изо всех сил потянул оленье рога вниз и присел пониже — острия рогов проткнули толстую, мясистую шею Ланкау. Широколицый тут же отступил с ошеломленным видом; над головой, словно вырост, торчал оленин череп.

Он явно растерялся и сделал еще пару шагов назад характерной пошатывающейся походкой, как будто терял сознание. Едва он шагнул в сторону Лорин, Брайан осознал, что у Ланкау в рукаве есть еще один козырь.

Брайан не успел ничего сделать: громила встал над Лорин, чуть пригнувшись к спинке стула у нее за головой. Его правая рука обвивала ее шею. Сомнений не осталось, когда он схватил ее за подбородок. Одно движение сильной руки — и она погибнет.

Ланкау ничего не говорил, но дышал тяжело и смотрел Брайану в глаза, в то время как левая рука пыталась нащупать оленьи рога, висевшие сзади на его мясистой шее. В тот момент, когда Брайан отошел от стены, Ланкау потянул. От боли они вопили вместе.

— Стой где стоишь! — сразу же крикнул Ланкау, едва Брайан сделал еще один шаг вперед. — Одно неверное движение, и я ей шею сломаю!

— Не сомневаюсь! — Брайан знал, это пустая угроза.

— Принеси веревку. Сам знаешь, где взять.

— Если я не перевяжу раны, то истеку кровью.

Подняв брови, Ланкау приоткрыл здоровый глаз. Сострадания в нем не было. Оба молча стояли и мерили друг друга взглядами.

На Лорин больно было смотреть. Ее держали за подбородок, на шее натянулись жилы. Если он сейчас сломает ей шею, борьба не кончится. Оба это понимали, и поэтому Брайан еще мог сопротивляться и медленно приподнял майку. Рана в боку постоянно пульсировала, по пояснице ползла струя крови. Он осторожно ощупал спину. От кончиков рогов остались глубокие раны с рваными краями. Брайан сорвал одежду с торса.

Повязка получилась только временная. Ланкау заулыбался, когда Брайан порвал рубашку на полосы и, словно акробат, стал накладывать себе повязку. Наконец Брайан натянул через голову майку и принес веревку.

— Боюсь, толку от твоей повязки особо не будет, — захохотал Ланкау, хватаясь за затылок.

Брайан не обратил на него внимания.

— А теперь, как я думаю, ты хочешь, чтобы я себя связал?

— Начинай с ног, ублюдок!

Наклонился Брайан с трудом.

— Ты же понимаешь, что просто так отсюда не уйдешь?

— И кто же мне помешает?

— В городе знают, что я здесь!

Ланкау снисходительно на него посмотрел:

— Да, знают? Правда? А может, на окраине Мюнстерталя целая кавалерия стоит? — Ланкау громко заржал. — Может, за моей спиной кто-то стоит и вот-вот в меня выстрелит? Сейчас начнется, да?

— Я сказал портье в отеле, где буду вечером.

— Вот как? — подразнил его Ланкау. — Спасибо за сведения, герр фон дер Лейен. Надо будет нам придумать приемлемое объяснение вашему отсутствию. И мы с этим справимся, правда?

— Меня зовут не Арно фон дер Лейен, вбей себе это в башку.

— Связывай ноги и болтай поменьше!

— Ты ведь знаешь, что она моя жена, так?

— Ага, я много чего знаю. Что она глухая! А еще я знаю, что она не может ничего сказать, если только ей рот не заткнуть, — в этом случае у нее все прекрасно получается. А еще я знаю, что ее зовут Лора, а на самом деле — Лорин, что она из Фрайбурга, но живет в Кентербери. И как я понимаю, по счастливой случайности ты тоже в Кентербери живешь.

— Я там всю жизнь живу, за исключением нескольких месяцев во время войны — тебе прекрасно известно, где я тогда был!

— Так вы просто два голубка и сюда приехали как туристы? Как это все мило!

Ироническая улыбка испарилась, и он тяжело вздохнул:

— Ну что, связал? Крепко?

— Да!

— Вставай, бери оставшуюся веревку и прыгай к столу. Дай посмотреть, туго ли завязал. И когда будешь прыгать, руки за спиной держи!

Ланкау подергал за веревку — с этим покончено. Судя по его дыханию, он разошелся.

— Наклонись над столом, понятно?

Брайан лег щекой на столешницу. Ланкау резко дернул его за правую руку, едва ее не сломав.

— Не дергайся, — предупредил его Ланкау. — Хоть раз шевельнешься, и я тебе руку сломаю!

Он обмотал веревкой правое запястье Брайана, а затем — большой палец. Потом пропустил веревку через ремень Брайана и потянул. Когда он фиксировал руку сзади, Брайан взвыл.

— Красивая вы пара! — заговорил Ланкау и перевернул Брайана на спину — так, чтобы край стола врезался в свежие раны на спине. Брайан мучился от боли. — Вы прямо как Петер и Андреа. Прелесть, а не пара! Симпатичные, любезные и такие милые! — Он расхохотался. — А может, вы знакомы?

— Штих мертв, — глухо произнес Брайан, когда его левую руку Ланкау точно таким же образом привязал к ремню, только на животе.

Ланкау замер. Казалось, он собирается его ударить.

— Ну что опять, тварь? Вечно что-то новенькое.

— Он мертв. Больше часа назад я нашел в квартире на Луизенштрассе его и женщину. Тела еще не остыли.

Когда Ланкау поднял руку, Брайан зажмурился. Последовал выверенный и жесткий удар. Затем широколицый потащил его к Лорин — он рухнул к ее ногам.

— Дайте я на вас посмотрю.

Он потер затылок, а потом убрал кляп изо рта Лорин. Когда он приложил тряпицу к ране на шее, женщина начала всхлипывать.

— Брайан! Прости меня! — говорила она с большим трудом, челюсть тряслась, в глазах стояли слезы. — Мне жаль! Мне так жаль!

— Ну, что я говорил? — Посмеявшись, Ланкау закашлялся. — Для глухонемой немки она очень хорошо говорит по-английски.

Тяжело дыша, он сел подальше. Женщина все не умолкала, а он слушал их ласковые и грустные голоса.

Склонив голову набок, Брайан хотел потереться щекой об ее колено. Приподняв брови, Лорин приходила в себя, шепотом просила прощения, не слушая его заверений. Громила в углу дышал почти неслышно. «Затишье перед бурей», — подумал Брайан и кивнул Лорин. Иллюзий он не питал. В этом акте преступники друг с другом прощаются. Судя по тому, что Лорин вела себя кротко и вдруг ни с того ни с сего успокоилась, он с уверенностью заключил, что она тоже все понимала. Сейчас они умрут. Хотя прошедшие сутки их палач спокойными не назовет.

Скоро все закончится.

— Хватит, друзья! — сказал наконец Ланкау и, хлопнув в ладоши, встал.

Брайан повернулся к нему. Глаза у него самого были влажные, как у жены, не смевшей поднять взгляд.

— У тебя еще есть возможность остановиться и не совершить ошибки, — сказал он. — Мы с женой не хотим ничего плохого. Я всего лишь хотел найти Герхарта Пойкерта. Он был моим другом. Он англичанин, как и я. А моя жена поехала во Фрайбург следом за мной. Уверю, я этого не знал. Она не сделала ничего плохого. Мы поможем тебе, если ты наспустишь.

— А, ты все о том же? — Покачивая головой, Ланкау выставил пожелтевшие от никотина зубы. — Ты мне поможешь? Это с чем же? Ты себя сейчас со стороны видел? Да ты жалок!

— Когда обнаружат Штиха, найдут еще немало вещей, и след приведет к тебе. Тебя будут допрашивать. У Штиха все вещи перероют. Кто его знает, что там еще найдут? Может, тебе с семьей придется уехать отсюда. Далеко. Очень далеко. И возможно, тут мы сможем тебе помочь. — В какое-то мгновение Брайан увидел, как в уродливой ухмылке Ланкау мелькнуло сомнение. — Ты так уверен, что после Штиха не осталось ничего такого, из-за чего ты можешь пострадать?

— Заткнись! — заорал Ланкау, вскакивая со стула.

Он пнул Брайана — его тело перекувырнулось, сделав пол-оборота.

Лорин смотрела неподвижным взглядом на подкатившееся к ней тело Брайана. Она хватала ртом воздух и, хоть она широко распахнула глаза, на него почти не смотрела, пытаясь контролировать дыхание. Брайан тут же понял, что дело не только в страхе. В другой ситуации она бы сдерживаться не стала.

Она бы кричала и плакала.

Брайан пытался рассмотреть ее губы. Едва шевелясь, они неслышно что-то шептали. Что-то непонятное. Затем она прикусила губу — признак отчаяния. Взгляд стал обреченным, она заморгала — взгляд несколько раз быстро метнулся вниз.

Когда Ланкау шагнул в их сторону, Брайан почувствовал уныние Лорин.

— Мне жаль, Лорин, — заговорил он, и Ланкау остановился. — Надо было вести себя с тобой откровеннее. Надо было все тебе

рассказать. Про госпиталь во Фрайбурге, и про Джеймса, и...

Она замотала головой, и он замолчал. Она не хотела этого слышать. Она стукнула друг об друга коленками. Брайан проследил за ее движениями. Затем она замерла. Брайан оглядел пол.

Всего в метре от него, за ногами Лорин, валялся «кэндзю».

Видимо, она только что его заметила.

Ланкау стоял у него за спиной. Обернувшись, Брайан окинул его высокомерным и решительным взглядом:

— Жирный ублюдок, ты, как Штих, кончишь. И поделом, раз ты голос разума не слышишь.

Его плевков не достиг цели — по подбородку Брайана потекла слюна. Однако его намерения были вполне прозрачны. В ответ Ланкау пнул его еще раз — Брайан подкатился к ногам Лорин.

На то он и рассчитывал.

Лежа в ногах у Лорин и пытаясь отдышаться, он подтянул к себе пистолет правой рукой, примотанной к спине. Шевелились только средний и безымянный пальцы. Брайан чуть приподнялся, а Лорин подтолкнула пистолет кончиками пальцев — благодаря этому пистолет оказался по левую сторону, а левая рука была привязана спереди. По рукам струился пот. Дыхание у Ланкау вновь стало тяжелее.

— Фон дер Лейен, я, по-твоему, идиот? — спросил он и потрогал переносицу, откуда уже перестала течь кровь. — Я ни капли не верю всему тому, что ты мне тут наплел. Возможно, эта английская бамбуковая палка — твоя жена, возможно, теперь тебя зовут Андервуд Скотт. После войны многие сменили имя. Но ты был фон дер Лейеном, им ты и останешься. Вопрос в том, что мне с тобой делать. Не могу же я тебя просто отпустить. Или могу? Я же не ребенок. Я не стану рисковать, как какой-нибудь юнец. Нам надо поступить разумно!

— Нам? Не жди от нас помощи!

Брайан наклонился в сторону, сделал еще один вдох — от боли исказилось лицо. Он улегся на левый бок, обессиленный и поникший. Так, чтобы пистолет оказался как раз у него под локтем.

Лицо у Ланкау стало непроницаемым, мрачным и задумчивым.

— Допустим, кому-то известно, что сегодня вечером ты здесь. Да ты наверняка врешь, как и про все остальное. Ну а если нет? Что тогда? Мне тебе шею сломать или утопить в бассейне на заднем дворе? И как быть с этим тощим привидением? Отправить ее к Петре, на

пресс для винограда? А портье в отеле знает, что она здесь? Сомневаюсь!

Брайан попытался расшевелить левую руку. Пока он ее не чувствовал. Когда он возьмется за пистолет, у него будет только один шанс. И его нельзя упустить.

— Где Петра? — спросила вдруг Лорин.

Казалось, она взяла себя в руки и впервые посмотрела Ланкау в глаза.

— Подумать только, дамочка! Я и не думал, что ты согласишься. Даже удивительно, вы ведь так дружили. С самого детства, разве нет?

— До сегодняшнего дня я ее ни разу не видела. Где она?

— Знаешь что? Я искренне считаю, что заботу нужно поощрять. Вы, если можно так выразиться, воссоединитесь. В чуть переносном смысле, правда, но все лучше, чем ничего.

— Да о чем ты, черт возьми, болтаешь?

Закашлявшись, Брайан затрясся всем телом. И пошевелил пальцами, как смог.

— В подсобке есть рубильник. Я его выключил. Возможно, ты заметил: снаружи свет не горит, хотя горел, когда ты отсюда уходил.

Брайан посмотрел ему в глаза:

— И что?

— И этот рубильник главный для сарая, гаража и виноградного пресса, который стоит во флигеле.

— Виноградный пресс? Ты о чем?

— Вы же наверняка понимаете, что это такое. В них грозди винограда кидают. Виноградинки кружатся, кружатся, пока их не расплющит. Надо сказать, весьма полезное устройство.

— Козел! — крикнула Лорин.

Она подалась вперед, как будто хотела броситься на Ланкау. Ее глаза сверкали от ярости.

— Ты же не хочешь сказать, что Петра...

А затем она обмякла и начала всхлипывать.

— Нет, не хочу. Но если включить вон тот рубильник — тогда другое дело. — Его лицо помрачнело. — Но это подождет. Я с ней еще не закончил. Хотя, само собой, ничего не изменится.

— Лорин, успокойся! — Брайан откинул голову к ее ноге и попытался погладить, водя головой из стороны в сторону. — Так

далеко дело не пойдет. Ты с ней сюда приехала?

— Да.

— Так она не в сговоре с остальными?

— Нет!

Брайан поднял взгляд на Ланкау. К безымянному пальцу на правой руке почти незаметно возвращалась чувствительность. Значит, в скором времени он сможет попытаться. А время ему еще предстоит выиграть.

— Что вам сестра Петра сделала?

— Я смогу ответить на этот вопрос, только когда тебя здесь не будет, герр фон дер Лейен. Ты этого никогда не узнаешь. Bad timing!^[29]

— Он загоготал. — Разве не так говорят там, откуда вы приехали? Но что бы она ни сделала, исход будет один. Я ведь уже сказал. — Он обернулся. — Видишь ли, в Шварцахе один мой друг держит отличный собачий питомник. Там у меня три славных добермана. Увы, охотничьи собаки из них никудышные, а вот сторожа, если требуется, прекрасные. Даже жаль, что в эти выходные их здесь нет. Тогда мы бы со всеми делами мигом покончили.

Лорин опустила глаза. Под ней замер Брайан. Она старалась спокойно дышать. Кричать сейчас не время.

— У таких собак хороший аппетит! — продолжал Ланкау и вновь показал пожелтевшие зубы. — Кого-то вроде Петры — не говоря уже о тощей тени вроде тебя — они за пару дней сожрут. А если за один раз не справятся, то уж морозилок в этом доме хватит.

Глава 60

Когда Герхарт уже собирался уходить из дома Крёнера, в дверь позвонили. До его ушей долетел адски громкий звонок. Сдержаться и не заплакать оказалось тяжело. Снаружи стало тихо. Кто-то ждал, что ему откроют.

И тут разверзлись небеса.

В те несколько секунд, когда он прижался к двери и слушал знакомый голос Петры, он существовал. Труп, лежавший в ванной в нескольких шагах от него, вновь обрел душу и ожил. Кошмары растворились. То ужасное намерение, которое он питал каждой клеточкой тела, — отомстить и противиться недоверию и дурному обращению — при звуках этого голоса испарилось.

Блаженство длилось недолго. Он вдруг осознал, что его могло подстеречь предательство. Следующая фраза кольнула его, словно шило. Петра говорила на языке, разбудившем в нем боль и страх. С каждым словом и с каждым звуком он как будто становился по-настоящему чувствительным и уязвимым. Ожил дух зла. Опустив голову, Герхарт закрыл уши. У второй женщины голос был резче и еще тревожнее. Она говорила на этом языке пронзительно и прямо. Герхарт закрыл руками уши и считал секунды, пока их голоса не стихли вдали.

Образ маленькой женщины, занимавшей в его сердце огромное место, стал мерцать и искажаться. Вдруг стало сложно вспомнить неизменную улыбку. Все сильнее кружилась голова — он соскользнул вниз по стене. В конце концов он сел на корточки в углу прихожей, прислонившись головой к дубовой двери.

Больше всего Герхарту хотелось домой. Там его покормят и он сможет поспать. Его домом была больница.

Там он в безопасности.

Помотав головой, он заплакал. То, что он только что услышал, никак не уходило. Разве можно кому-то верить? Кто хочет ему зла?

Еще остался широколицый мерзавец, который много лет дурно с ним обращался. Крёнер уже не сможет спасти его от ударов того сильного человека. Ланкау этим воспользуется. Герхарт часто такое наблюдал. В выжидающем взгляде читались дурные намерения. Этот

негодяй терроризировал всех окружающих. Всех, за исключением Крёнера и Штиха, а их уже нет.

Абсолютно заслуженно.

Герхарт собирался пересчитать дощечки в стеновой панели и замер. Он ни о чем не жалел.

Выпрямившись, он стал поочередно напрягать все группы мышц. Надо подготовиться. К Ланкау и тому, второму. О Петре и незнакомой женщине он сейчас думать не хотел. Потом.

Сначала Ланкау, а потом Арно фон дер Лейен. Один приведет его к другому. Так просто. Пока они живы, он больше не сможет обрести покой. А ничего иного он не желал. Чтобы все как раньше. Но каким образом? Из больницы его смогут забрать и делать с ним что угодно. Могли причинить боль и заставят вернуться в прошлое. И им это удастся.

Нельзя этого допустить.

В прошлом осталось только плохое.

Герхарт выпрямился и опустил плечи. В нарядной гостиной пробили судовые часы Крёнера. Пора идти.

Ланкау у себя, в загородном доме. Последние слова Крёнера. Маленькая ферма неподалеку от города. Посреди виноградников.

Герхарт не помнил, чтобы он когда-нибудь столько шел. Хоть он не устал, пустота была тягостным бременем. На протяжении множества лет — сколько он себя помнил — рядом всегда была чья-то рука, на которую можно опереться.

Небо над его головой давно укуталось в звездное одеяло. Туман и темнота его не пугали. Над пейзажем уютно устроилась луна. Сильно пахло землей. Скоро собирать урожай.

Потом Штих и Крёнер обычно пели.

Герхарт прислушался к собственным шагам. Он вышел на открытую местность. Пути назад нет. С каждым шагом росла ненависть к тем троим. Он натянул ветровку на уши.

Исчезновение Арно фон дер Лейена стало большим несчастьем. Но годы над ним потрудились. Боль притупилась. А теперь он, значит, вернулся, и несчастье вырвалось на свободу. Поэтому он должен его ненавидеть.

Без него все было бы как раньше.

В его мечтах возник ясный образ Петры.

В доме горел свет. Герхарт пошел на него. Свет во всех окнах, как будто там праздник.

На первом же повороте у въезда он залез в канаву и пополз вперед на животе. Бывало, Ланкау развлекался: выпускал собак, когда в доме были гости. А сам он стоял во дворе, уперев руки в боки, и приказывал псам утомониться, а гости сдержанно и торопливо расходились по машинам.

Он испытывал нескрываемое удовольствие.

Было совсем тихо. Не доносился даже шум с дороги. Герхарт засвистел. От резких, высоких звуков самая крупная из собак, отвратительная зверюга, заливалась истеричным лаем. Посвистев второй раз, он убедился: сегодня вечером собак на ферме нет.

Канавка привела за служебные постройки. Герхарт продвинулся по влажному дну канавы и увидел перед собой двор. Вопреки обыкновению, света не было. Герхарт знал: что-то не так. Если в доме кто-то был, фонарь обязательно горел. Его охватила тревожность.

Не стоило игнорировать сигналы Ланкау.

Из подсобки на брусчатку лился матовый и бледный свет. Машин не было. Даже машины Ланкау.

Осторожно встав, он как следует огляделся по сторонам. Несомненно, за маленькими четырехугольными окошками в разных частях бревенчатого дома могли скрываться чьи-то взгляды. Быстро отойдя в сторону, он оказался у двери в сарай.

Герхарт бывал там много раз. По сравнению с больничным кабинетом трудотерапии, где царил порядок, это помещение было настоящим царством бардака, оставлявшим смешанное впечатление: садовые и рабочие инструменты, остатки и обрывки материалов. На крючке у веревки обычно висел нож с короткой рукояткой — его столько раз натачивали, что лезвие почти стерлось.

И все же нож был острым. Герхарт прислонился к опорной балке и ощупал лезвие. Он спокойно дышал. Очертания постепенно становились трехмерными.

Этот нож был не единственным его оружием. В дом к Ланкау он войдет невозмутимым и спокойным. Громила почувствует уверенность

и собственное превосходство. Он расскажет ему про Арно фон дер Лейена. Тихо и спокойно.

И лишь тогда он заговорит нормально. Герхарт был уверен, что сможет. Слова почти не задерживались. Он чувствовал себя настоящим. Таблетки больше не сдерживали мысли.

И наконец он разозлит Ланкау до такой степени, чтобы он стал самим собой. Чтобы его было проще ненавидеть. А потом он нанесет удар. Средства найдутся. В крайнем случае — кинжал. Герхарт вновь стал напрягать мышцы одну за другой и глубоко дышал — до его рецепторов добрался почти неистребимый запах винограда прошлогоднего урожая.

В темноте раздался какой-то звук — как будто по гравию пробежала крыса. Однако сопровождался он человеческим стоном. Герхарт крепко сжал кинжал. Неужели он чего-то не заметил? Ланкау ждал в темноте? Он встал возле балки и обшарил взглядом все темные углы.

Когда звук раздался снова, он понял, откуда он идет. Не закрыта дверь, за которой стоит пресс для винограда. Во время сбора урожая такое было бы немыслимо. Едва войдя в помещение, Герхарт увидел на винте прессы для винограда человеческое тело — глаза умоляющие, испуганные. Когда их взгляды встретились, страх из них на мгновение исчез.

Петра.

Герхарт замер.

Глава 61

Ланкау шагнул к скорчившемуся на полу Брайану. За его спиной молча сидела трясущаяся Лорин. Услышав о перспективе стать кормом для собак, она окаменела.

Ланкау отшвырнул ногой в сторону обломки стула, разбросанные во время драки. Брайан запрокинул голову и разглядел на стене у себя за спиной пару растянутых звериных шкур. Между ними пряталась почти незаметная ручка, покрашенная в цвет стены. Когда Ланкау взялся за нее, раздался щелчок — потянуло свежим воздухом с улицы. У Брайана чуть было не закружилась голова. Потайная дверь приоткрыла полутьму и луну. Ланкау включил рубильник. Двор залило море света.

В море света был отчетливо виден двор.

Наконец Брайан почувствовал, что крепко держит «кэндзю» левой рукой. Чтобы остался шанс попасть, придется развернуть тело и приподняться под нужным углом. Почти невозможно хорошо выстрелить под острым углом, если рука привязана на уровне талии. Брайан осторожно развернулся в сторону дверей, ведущих на террасу, и подождал, пока Ланкау, самодовольно оглядевшись, не шагнет назад. Лорин почти перестала дышать.

До Ланкау было меньше четырех метров, когда он, пятясь, вошел внутрь. Выстрел прозвучал как раз в тот момент, когда он уже было разворачивался.

Пуля глухо ударила в балку совсем рядом с его головой — он оторопело оглянулся.

Когда прогремел следующий выстрел, он растворился в море света.

— Ты в него попал? — чуть истерично спросила Лорин. Дыхание у нее участилось, а через пару секунд она осмелилась заговорить. — Он убьет нас, Брайан! — сказала она и разрыдалась.

Брайан сомневался. Может быть, во второй раз он попал. Он повернулся к выходящему на шоссе окну. Не видно ничего, кроме расплывчатых очертаний высоких деревьев.

Долгое время Брайан был уверен, что Ланкау просто выжидает. На самом-то деле ему и не надо было больше ничего делать. Хотя у Брайана и был козырь в рукаве, для него ситуация сложилась непростая. Лорин всегда будет оружием, которое можно обернуть против него. Если он от нее отойдет, Ланкау тут же на нее набросится. В таком случае козырь он разыграет плохо. Да и в любом случае он сильно ограничен в движениях: ноги-то связаны. С руками тоже дело обстоит неважно.

Лорин всхлипнула последний раз, и вокруг все стихло. Вдалеке пролетела птица. Слышен был лишь тихий гул очистительной установки бассейна. Ни вдоха, ни движения — ни единого признака, что за дверью есть хоть кто-то живой.

— Он нас убьет, Брайан, — снова сказала Лорин.

На этот раз тише. Она вздрогнула, когда Брайан на нее шикнул. Сомневаться не приходилось: открылась входная дверь. Открылась неслышно. Но по полу потянуло сквозняком — и это было заметно.

Брайан перекатился на спину и попытался прицелиться к дверному проему, ведущему к прихожей. Он похолодел от мысли, что у Ланкау где-то припрятано оружие. Едва в дверь вошли, Брайан выстрелил. Сухо треснул дверной косяк. Дыра была больше чайной чашки.

Как только фигура приобрела очертания, Брайан почувствовал, как замерло его сердце. Палец безвольно застыл на курке, потеряв всякую волю и намерения.

Он чуть не упал в обморок.

Озаренный льющимся снаружи светом, перед ним стоял человек, которого он оплакивал целую вечность, о котором думал, предаваясь бесконечно глубокой тоске. Брат, которого он давным-давно лишился. Друг, которого он подвел, бросил и предал.

Первое, что заметил Брайан: от мочки уха осталась лишь половина.

Джеймс.

Словно привидение, он стоял и смотрел ему в глаза. Он не казался старым — скорее просто изменился. Когда раздался выстрел, он даже не вздрогнул. Просто спокойно стоял и пытался осознать, что видит.

Когда он вошел, Брайан несколько раз позвал его по имени. Лорин снова задержала дыхание. Она переводила взгляд с незнакомого

человека, стоявшего в дверном проеме, на террасу.

Брайан не обращал на нее внимания. Державшая «кэндзю» рука перестала его слушаться, глаза ослепли от слез.

— Джеймс! — прошептал он.

Пока Джеймс опускался на колени, Брайан попытался запечатлеть все его черты, как будто он мог раствориться так же быстро, как и появился. «Ты жив!» Его глаза смеялись.

Лицо стоявшей перед ним фигуры не выражало ничего.

Джеймс посмотрел на Лорин, а затем на открытую дверь. Затем повернул голову и мертвым взглядом посмотрел в глаза Брайану.

— Будь осторожен с Ланкау, — взмолился Брайан, чувствуя дыхание друга. — Он здесь!

Услышав эти слова, Джеймс мягко забрал из его руки пистолет. Брайан глубоко вздохнул. Поразительно и просто непостижимо. Вновь посмотрев на друга, он помотал левой рукой:

— Развяжи меня, Джеймс, только быстрее!

Брайану по лицу словно ударили кнутом — в него полетела слюна. В одну секунду выражение лица Джеймса изменилось и, исказившись, стало абсолютно неузнаваемым. В висок Брайана указывал трясущийся ствол «кэндзю». Перемена случилась быстро — на губах Брайана застыла улыбка.

В следующую секунду вошел Ланкау, прикрыв собой льющийся с террасы свет.

Выражение лица у Джеймса не изменилось.

Глава 62

— Герхарт, что ты тут делаешь, черт возьми? — несмотря на грубые манеры, говорил Ланкау доброжелательно. — Дело не в том, что ты не вовремя. Вовсе нет. — Он подошел поближе, одновременно стараясь обезопасить себя от очередных неприятных сюрпризов со стороны лежавшего фон дер Лейена. — Хорошо, что ты пришел, друг мой! — Он примирительно поднял руку. Взгляд у него был настороженный. — Ты все правильно сделал. Помог мне. Молодец!

Фон дер Лейен никак не переставал дрожать. Казалось, он застыл, глядя умоляющими глазами. «Please!»^[30] — вот и все, что сорвалось с его губ.

На Герхарта Пойкерта это слово подействовало как пощечина.

Под перекрестными взглядами Ланкау и лежавшего он попятился в прихожую. Волнения заметно не было. Его лицо ничего не выражало.

— Ну же, Герхарт. — Ланкау широко улыбнулся, пряча раздражение. — Отдай мне пистолет. Нехорошо с ним разгуливать.

Ланкау умоляюще на него посмотрел и протянул руку. Герхарт замотал головой.

— Отдай, Герхарт. Давай я его на предохранитель поставлю. Сам ты этого делать не должен. Ну же. Все хорошо.

Ланкау заглянул ему в глаза. В них светилось упрямство, которого раньше не было.

— Ну же, Герхарт! Давай его сюда, или я разозлюсь! — Ланкау подошел вплотную — Отдавай! — скомандовал он, протягивая руку.

Взгляд Герхарта стал еще упрямее. Он поставил «кэндзю» на предохранитель. Но не отдал.

Ланкау отступил на середину гостиной и посмотрел на Герхарта Пойкерта как на непослушного школьника.

— Герхарт! — Он предпринял новую попытку. — Как думаешь, что скажут Штих с Крёнером, если тебя сейчас увидят? Ты же отдашь мне пистолет?

Полученный ответ лишил его дара речи.

— Ничего они не скажут. Они мертвы.

У Ланкау отвисла челюсть. Он впервые слышал, чтобы Герхарт Пойкерт говорил связно.

Вот так ситуация. Неужели этот идиот действительно сказал правду? Подойдя к телефону, Ланкау набрал номер Штиха. Он напрасно набирал номер несколько раз, а потом позвонил Крёнеру. Там тоже никто не ответил. Ланкау положил трубку и молча кивнул, не глядя на Герхарта:

— Никого нет дома. — Он нахмурил брови. — А возможно, ты прав, — договорил он, выпрямляясь.

Герхарт смотрел на него так, будто ему нарушили ход мыслей. Судя по всему, многочисленные события сбивали его с толку.

— Не знаю, что и думать, — продолжил Ланкау, склонив голову. — А как ты сюда попал, Герхарт?

— Я пришел, — сразу же прозвучал ответ.

Герхарт сжал губы. Ланкау настороженно на него смотрел.

— Правильно сделал, Герхарт, — сказал он наконец, и на лице засияла широкая, некрасивая улыбка. — Очень правильно! А почему ты не у Штиха и Андреа? Что там случилось?

Ланкау разглядывал его. Идиот странно пожимал плечами и смотрел исподлобья — такое кому угодно на нервы подействует.

— Ты что-то видел? — спросил Ланкау. Под взглядом Герхарта Пойкерта он сам помотал головой. — А как же Петра? Почему ты к Петре не пошел? Она живет намного ближе к Штиху.

— Петра была с ней. — Герхарт указал на Лорин, сидевшую с закрытыми глазами.

— Думаешь, Петра с этими двумя заодно?

Вопрос повис в воздухе, а затем Ланкау вновь перевел взгляд на пистолет, который Герхарт некрепко держал в руке.

Ланкау шагнул вперед — одновременно поднялось дуло пистолета.

— Мы ведь можем друг другу доверять — разве нет, Герхарт? Нет, не надо бояться, я не отберу у тебя пистолет. С чего бы тебе что-то плохое мне делать? Ты ведь только мне можешь доверять.

У Герхарта медленно поползли вверх брови.

— Можешь отложить пистолет в сторону, Герхарт. Положи его на стол и иди сюда, поможешь мне с Арно фон дер Лейеном. — Он с

удовлетворением наблюдал за тем, как Герхарт подчинился его приказу. — Мы напишем последнюю главу его жизни.

Несмотря на отчаяние женщины, Арно фон дер Лейен не пытался сопротивляться. Он обмяк в руках Пойкерта и Ланкау.

Серо-белая терраса. Бассейн гармонично вписывался в планировку. На его поверхности уже плавали листья. Ланкау, державший ноги, тихо пыхтел и шел к краю. Воды много. Бассейн еще не слили. Лето выдалось долгим.

Когда фон дер Лейена бросили у края бассейна, он ударился затылком о плитку. Стоявший над ним Пойкерт смотрел ему в глаза. Фон дер Лейен ответил печальным взглядом, а затем глаза закатились — он потерял сознание.

— Он сам во всем виноват! — Ланкау выпрямился. — Надо только сделать так, чтобы выглядело все более-менее аккуратно, а? — добавил он, обращаясь уже к самому себе. — Возможно, его будут здесь искать. И обязательно найдут то, что не следовало бы. Отпечатки пальцев и еще какую-нибудь дребедень. — Ланкау весело забормотал: — Пусть лучше его самого найдут.

Ланкау презрительно ткнул лежавшего без сознания человека носком ботинка.

— Да что они найдут? — вновь забормотал он. — Утонувшего иностранца, в желудке у которого полно алкоголя. — Он вновь показал кривые зубы.

Когда Ланкау вошел в гостиную, женщина с трудом смогла его разглядеть. Глаза у нее опухли. Он весело на нее глянул.

— Эй! — крикнул он. — Всего рюмочку, а?

Он поднял огромную бутылку — так, чтобы она увидела, — и вновь вышел на улицу.

— Что скажешь, Герхарт? — спросил он.

Пойкерт стоял не шевелясь и рассматривал потерявшего сознание Брайана.

— Нас ведь это устроит? Теперь я думаю, по мнению этого мерзавца, так я и должен был умереть! — Встав у бассейна на колени, он зачерпнул горсть хлорированной воды. — Если бы все зависело от этого козла, разве я бы не утонул в Рейне?

Он кивнул самому себе.

Глава 63

Когда Брайану в лицо ударила холодная вода, он дернулся в сторону. На мгновение растерялся. И сначала испугался, увидев пристально смотревшие на него голубые глаза Джеймса.

Вернулась реальность.

Годы забрали у него друга детства, отдав ему взамен монстра. Он сам виноват. Предчувствие, не дававшее ему покоя. Знание, мешавшее вернуться к прежней жизни, хоть он и не погиб. Брайан неловко замотал головой от этой мысли и оглядел открывшийся перед ним пейзаж. Подергал связанными руками.

— Да-да, герр фон дер Лейен! — слышалось сверху. — Пора просыпаться — сейчас мы тебя, как мышонка, утопим. Отплачу тебе той же монетой!

Напрасно Брайан попытался защититься. Когда он резко отпрянул, хрустнули шейные позвонки. К его губам приложили бутылку. Каждый раз, когда он отворачивался, Ланкау сжимал его шею второй рукой. Пальцы уверенно пережимали сонную артерию — в глазах темнело, челюсть отвисла.

Наконец он стал пить без принуждения.

Пил он долго, и начала гореть глотка — от водки сжималось горло. Ослабив хватку, Ланкау дал ему спокойно откашляться.

— Нельзя, чтобы ты задохнулся, так ведь? План-то у нас другой.

— Вскрытие будет, — гнусаво говорил Брайан. — Обнаружат отметины на теле. Раны у меня глубокие. Это будет трудно объяснить, козел!

— Может, да, а может, нет. Кто знает, найдут ли вообще хоть что-то? Может, у того, кто будет искать, день выдастся неудачный. У него такое иногда бывает — уж я-то об этом все знаю!

Ланкау глотнул из огромной бутылки.

— Может, я даже его самого знаю. Да, если задуматься, я его очень даже хорошо знаю!

Он сделал еще один глоток.

— А-а-ах! — произнес он, выдыхая. — Мы скажем, что ты со мной выпивал, а вот для заплывов ты годишься хуже, чем я.

Он ржал так, что трясся живот.

Брайан заметил, что уже не обращает внимания на происходящее вокруг.

Выговорившись, Ланкау подтолкнул Брайана вперед — так, чтобы над краем бассейна свисала верхняя часть туловища. Снова потянул ему голову назад и заставил сделать большой глоток:

— Выпей, друг мой. Тебе же так легче будет.

Водка согрела его губы. Бутылка свою задачу выполнила и скоро опустеет. От нежных зеленых отражений вода внизу казалась почти красивой. Он едва обратил внимание на то, что Ланкау опустил его голову под воду. Она холодно и мягко его окутала, как прохладная подушка, когда у тебя жар. За секунду до того, как он уже хотел сдаться и впустить в легкие воду, его вновь вытащили.

Когда окунули еще два раза, Брайану стало все равно, что с ним происходит. Алкоголь свое благое дело сделал.

— Не слышу, чтобы ты жаловался.

Кислое дыхание Ланкау было совсем близко. С Брайана лилась вода.

— С тобой все нормально, козел? Или слишком много выпил? Хочешь меня удовольствия лишить?

Ланкау затряс его голову вперед-назад. У Брайана зарябило в глазах.

Ланкау оттолкнул его от себя скорее с усердием, чем с раздражением:

— Боюсь, процедуру придется повторить. Хочу, чтобы ты молил о пощаде!

Его взгляд просверлил дымку, застилавшую глаза Брайана.

— Увидишь, как твою женщину раздавит пресс для винограда. И на Петру посмотришь. Мы с нее начнем — она уже там лежит. Успеешь прийти в себя и чуть протрезветь, когда придет очередь твоей жены. Щелкну рубильник в подсобке — и вуаля. Готово! Вот что бывает, когда мне дорогу переходят. Может, это тебя проймет.

Выпятив нижнюю губу, он опрокинул бутылку.

— Жаль Штиха с Крёнером — вот бы мне до тебя раньше добраться. Ну и что! Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Фыркнув, Ланкау снова сделал глоток. Волосы у него растрепались, вся верхняя часть тела пропиталась хлорированной

водой. С трудом встав, он наклонился к Брайану:
— Бери тут, Герхарт! В сарай его понесем!

Глава 64

Когда Ланкау схватил свою жертву, почти потерявшую сознание, он заметил, как на террасе мелькнула чья-то тень. А затем почувствовал болезненный толчок — ноги подкосились, и он перелетел через край бассейна.

— Черт бы тебя побрал, Герхарт, придурок ты бестолковый! Ты за это получишь! — вздыхал Ланкау, хватаясь за лестницу; с него лилась вода.

Лишь когда он с неприкрытым раздражением отжал воду, он сообразил, что произошло. Просто смехотворная ошибка. Герхарт услышал, что он собирается сделать с Петрой. В ту же секунду он вспомнил про пистолет, оставленный на столе, но было уже поздно. За спиной его жертвы — тот опустился на колени и едва осознавал, что происходит, — словно соляной столп, стоял Герхарт Пойкерт и направлял на него пистолет.

— Что такое, Герхарт? — спросил Ланкау, примирительно разводя руками. — Мы больше не друзья?

Оставляя темные и нечеткие следы, он подошел поближе к высокому мужчине:

— Это все из-за того, что я про Петру сказал? Ну я прошу прощения.

Ланкау смотрел ему в глаза. Взгляд Герхарта пылал ненавистью. Ланкау стал прикидывать, как ему поступить.

— Это же просто шутка! А ты что подумал? Надо же, чтобы этот козел фон дер Лейен завизжал! Ты ведь понимаешь!

Еще один шаг — а потом он ударит.

— Петра хорошая.

Едва эти слова прозвучали, Герхарт заорал.

От леденящего вопля, крича, стали взлетать птицы, Ланкау застыл. Еще не утихло эхо полного ненависти крика, но все уже было ясно. Герхарт Пойкерт не подпустит его ближе. Лицо побагровело, губы искривились, обнажив все зубы. Сделав пару шагов назад, Ланкау чуть не поскользнулся в луже, которую сам же и оставил. Он вытянул руки и, делая большой крюк, стал пятиться к дверям в гостиную.

Стоявший напротив него человек не пошевелился — тяжело дыша, он наблюдал за неловкой попыткой отступить.

Добравшись до гостиной, он тут же развернулся и бросился в подсобку.

Едва его рука легла на рубильник, его догнал преследователь. Ровно как он и надеялся.

— Отдай мне пистолет, Герхарт! Или я рубильник включу. — Он согнул палец. — И ты Петру никогда больше не увидишь. Оно того стоит?

— Я слышал, что ты сказал! — Лицо у Герхарта подрагивало. — Ты все равно включишь!

Он прижал пистолет к его виску. Вокруг дула появились кровоподтеки.

— Ерунда, Герхарт. Ты не совсем здоров и не понимаешь разницы между реальностью и фантазиями.

Из мелких пор на лице Ланкау струился пот — разительный контраст с тем, как спокойно он говорил. Казалось, у него слабеют легкие.

Герхарт медленно протянул руку к руке Ланкау, так и лежавшей на рубильнике.

— Не трогай меня, или я нажму! — произнес Ланкау, не сводя глаз с протянутой руки.

Когда жилистая, тощая рука наконец накрыла его руку, Ланкау перестал сопротивляться. Взгляд у Герхарта Пойкерта был спокойный, внимательный, ледяной.

Ланкау сжался, когда Герхарт Пойкерт опустил рубильник. В сарае раздался грохот — он сопровождался вспышкой фонаря во дворе. Ланкау не разобрал, услышал ли он крик. Судя по характерному гулу, пресс для винограда начал вращаться.

В следующие минуты Ланкау беспрекословно подчинялся приказам Герхарта Пойкерта. Он молился о том, чтобы сумасшедший не задел пальцем предохранитель пистолета, пока целится в него. При каждом вздохе он думал, как убежать от сумасшедшего, держащего его на мушке.

По требованию Пойкерта он притащил фон дер Лейена к рыдающей женщине. Тем временем он пытался вспомнить, где могло быть охотничье ружье, похожее на игрушечное, которое его жена

прятала на протяжении многих лет. В ту секунду, когда он проходил мимо трофеев и экзотического оружия, висевшего за стеной у связанной женщины, он подумал: может, стоит рискнуть жизнью и попытаться им завладеть?

Но Герхарт Пойкерт даже не дал ему такого шанса.

— Сядь за стол, — сказал Пойкерт, когда он выполнил его приказ.

В комнате не раздавалось ни звука. На полу сидел сгорбленный, моргающий Арно фон дер Лейен и пытался улыбаться жене.

Ланкау с раздражением отметил, что его все больше восхищает холодная отстраненность Пойкерта. В то же время ему самому приходилось сдерживать закипающий гнев.

— Убери ноги под стол, — скомандовал Герхарт Пойкерт, даже не глядя на него. — И стул придвинь.

У Ланкау поползли вниз уголки рта. Его жирное брюхо уперлось в резной край дубового столика. Идиот копался в секрете его жены.

— Писать здесь будешь! — Пойкерт швырнул на стол перед ним листок бумаги в линейку.

— Ты не понимаешь, что творишь, Герхарт! — Перед глазами Ланкау маячил чистый лист бумаги. — Может, я лучше тебя обратно в больницу отвезу? Ты сам подумай: если бы не эти двое, ничего бы не случилось. Я-то не виноват! — Выругавшись, он поднял взгляд на Герхарта. — Если бы не эти двое, у вас с Петрой все было бы хорошо. А с Крёнером и Штихом ничего бы не случилось. Разве нет?

Герхарт швырнул ему шариковую ручку англичанки — она валялась на полу у ног Герхарта.

— Лучше этих двоих пристрели. — Ланкау кивнул в сторону связанных. — Ну же! Нам от них одни беды! Что тут такого? Ты же можешь! Я же знаю, герр штандартенфюрер Пойкерт! Тебе же все равно никто ничего не сделает. Что тут вообще сделаешь? Обещаю, ты вернешься в больницу. Все будет как раньше! Опять станешь Эрихом Блуменфельдом! Подумай, Герхарт. Мы ведь за тобой ухаживали. Разве ты не помнишь?

Рука Пойкерта спокойно держала пистолет. Он чуть наклонил голову и нахмурился.

— Помню, — ответил он и подтолкнул бумагу к брюху Ланкау, навалившемуся на стол.

— Может быть, — ответил широколицый, пытаюсь подсчитать, сколько пуль осталось в магазине «сики кэндзю».

— Мы, жители Фрайбурга-им-Брайсгау... — медленно произнес Пойкерт, — Хорст Ланкау, штандартенфюрер подразделения горных стрелков, также известный как Алекс Фабер, Петер Штих, оберштурмбаннфюрер вермахта и специальных служб^[31], также известный как Герман Мюллер, и Вильфрид Крёнер, оберштурмбаннфюрер вермахта, также известный как Ханс Шмидт...

— Не буду я ничего писать, — сказал Ланкау и отложил ручку.

— Я твою жену убью, если не напишешь!

— Ну и? Мне-то что?

Ланкау поерзал на стуле. Массивный стол оказался тяжелее, чем он думал. Чтобы его швырнуть, нужна нечеловеческая сила. Он сделал глубокий вдох.

— И сына тоже!

— Да? — Ланкау упрямо отшвырнул ручку подальше.

Герхарт долго его рассматривал. Рот исказила гримаса.

— Крёнера и Штиха убил я.

Пойкерт не сводил взгляда со спокойно дышавшего Ланкау, упрямство с лица ушло.

— Штиха я убил током. И Андреа тоже. И знаешь что? Людьями они всегда были жалкими. Да в конце пахли не очень хорошо.

На мгновение он замолчал. В уголке рта засохла слюна. Он полез в карман и порылся там. Загрелось что-то похожее на пузырек с таблетками. Взгляд Пойкерта на мгновение стал вялым. Ланкау наблюдал за ним. Казалось, у него ломка. Как будто возникло непреодолимое желание выпить одну-две таблетки.

— Тебе плохо, Герхарт? Скажи мне! Неужели я тебе не помогу?

Ненадолго повисла тишина.

— И Крёнера я утопил, — произнес наконец Герхарт и выпрямился. — Точно так же, как ты этого козла хотел утопить. Очень медленно.

— По-моему, ты врешь!

Ланкау было не все равно. И тем не менее он беспечно откинулся на спинку стула, насколько позволяла неудобная поза. Если он одновременно поднимет стол, он сможет выбраться. Тут он был уверен.

— У меня были хорошие учителя.

На губах Ланкау, будто от гордости, заиграла улыбка. Но слова Герхарта Пойкерта были опасной правдой.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты и сам знаешь! — Вытерев уголки рта, Герхарт сплюнул на пол.

— Пить хочешь, Герхарт? У меня в кладовой отличное рейнское вино есть. Будешь?

Облизав губы, Ланкау подмигнул.

— Заткнись! — тут же прозвучал ответ.

Лежавший на полу человек издал неприятный звук, его как будто тошнило. Ни Ланкау, ни Герхарт на него не посмотрели.

— Разве не помнишь, как вы развлекали друг друга рассказами, как убивали людей? Думаю, помнишь. Я, во всяком случае, помню. И мне вы тоже угрожали!

— Чушь! Мы тебе никогда не угрожали. Ну, может быть, очень много лет назад. — Вид у Ланкау был извиняющийся. — Это все было до того, как мы поняли, что тебе можно доверять!

— Да ты врешь! — зашипел Пойкерт.

Широкое лицо неустанно за ним наблюдало. Ланкау приготовился к рывку.

До них добрался запах рвоты. Лежавший на полу мужчина застонал, еще раз рыгнул и попытался сесть.

— Убей его, Джеймс! — сдержанно произнес ссутулившийся Брайан.

Но объект его просьб был недостижим.

— Ты был хуже всех, Ланкау! — Сумасшедший буквально излучал презрение. — Помнишь, как ты заставлял меня пить кровь животных, которых ты приносил домой с охоты?

Кипя от ярости, Пойкерт шагнул в сторону. Ланкау помнил — и приложил все усилия, чтобы не среагировать. Теперь Пойкерт стоял у него за спиной.

— А собачья моча? — вопил он. — Мое же дерьмо?

Ланкау заволновался, когда на лбу предательски выступили капли пота. Он до сих пор не сомневался, что сможет договориться с этим дурачком. В такой ситуации пот — иррациональный фактор.

Разоблачительный, а контролировать его невозможно. Осторожно подняв руку, он протер лоб рукавом.

— Не помню, о чем ты говоришь. Наверное, это Штих. Он порой бывал тем еще мерзавцем.

На мгновение человек, стоявший у него за спиной, умолк. А потом Пойкерт сильно ударил его «кэндзю» по затылку. Тут же раздался выстрел. Ланкау откинул голову назад, удивляясь, что он еще жив. Звенело в ушах. Он посмотрел вбок. Пуля прошла над головой Арно фон дер Лейена. Женщина молча плакала.

Герхарт Пойкерт удивленно смотрел на пистолет. Он не нажимал на спусковой крючок.

— Я же говорил, поаккуратнее с пистолетом. Он может и просто так выстрелить.

На лбу выступил холодный пот. Ланкау затряс головой.

— Боишься его, Ланкау? Не надо!

От возбужденных криков Герхарта Пойкерта у Ланкау зазвенело в ушах.

— Ты будешь умолять меня выстрелить! Я не забыл, что ты на террасе сказал!

— Не забывай, Герхарт, Петру ты убил! Пресс для винограда ты включил!

— А тебе придется еще хуже, если ты не напишешь то, что я продиктую. Помнишь, как вы меня пугали гидроксидом натрия? Шутили, что заставите меня его выпить!

Ланкау повернулся всем телом, насколько смог. Снова выступил пот. Герхарт развернулся и пошел к Арно фон дер Лейену.

— Вставай! — приказал он пьяному, лежавшему в луже собственной рвоты.

— Не понимаю, что ты говоришь, — слышался тихий ответ с пола. — Говори по-английски, Джеймс. Поговори со мной.

Герхарт долго стоял и разглядывал лежавшее у его ног тело. Ланкау почувствовал, что дышать ему стало труднее.

— Вставай! — медленно сказал Пойкерт по-английски.

Ланкау овладел страхом. До него вдруг дошло, что он совершенно неверно оценил ситуацию и весь день принимал неправильные решения.

Арно фон дер Лейен тут же поднял взгляд. Ланкау отметил, что Пойкерт по-прежнему злобно и холодно смотрит на связанного. Для него оставалось загадкой, есть ли у них что-то общее.

— Джеймс! — все твердил человек на полу.

— Вставай!

В руке Пойкерт по-прежнему держал «кэндзю». Дыхание у него было глубоким. Ланкау с беспокойством отметил его возбуждение.

— Принесешь мне кое-что с кухни. Я тебе одну руку развяжу.

Сделав шаг в сторону, он стукнул Ланкау по спине:

— Чтобы без фокусов мне, слышишь?

Хоть Ланкау и не сомневался, что Герхарт приведет угрозу в исполнение, он решил не обращать внимания на предупреждения. Он покрепче ухватился за стол. Напрягся изо всех сил.

Арно фон дер Лейен с трудом встал на колени. Очевидно, он не понимал, что от него хочет Герхарт Пойкерт. Раны в боку и на спине причиняли постоянную боль. Пойкерт и не думал ему помогать.

Влажная спина Ланкау начала остывать.

— Принесешь из кухонного шкафа гидроксид натрия. На нем написано «Ätzmittel». А еще принесешь стакан воды, понял? И не пытайся ничего придумать. У тебя не получится!

Арно фон дер Лейен встал на ноги и попытался выпрямиться. Измученный, он припал на один бок и снова посмотрел на бесчувственное лицо Пойкерта.

— Может, если ты сделаешь то, что я велел, то тебя будет ждать более милосердная смерть, — сказал Пойкерт. — И эту женщину тоже.

— Смерть? — Казалось, Арно фон дер Лейен пытается отогнать винные пары. — Джеймс, что ты такое говоришь?

— Да успокойся ты, пьянчуга! — услышал себя Ланкау. — Он же больной на всю голову!

Арно фон дер Лейен опустил лицо к груди Пойкерта.

— Джеймс, да это же я! Брайан! — молили мутные глаза. — Я за тобой приехал! Послушай!

Пойкерт на него не реагировал. Вдруг фон дер Лейен выпрямился — раны открылись, и одежда покрылась темными пятнами.

— Мы же друзья, Джеймс! Ты домой поедешь. В Кентербери. Петра тоже поедет, а?

Арно фон дер Лейен растерянно и ошалело помотал головой.

Он тоже не понимал, что происходит.

Пойкерт повернулся к Ланкау:

— Он отказывается принести гидроксид натрия, который тебе предстоит выпить.

— Понимаю.

Ланкау ощутил, что насмешка в его голосе перекрывает отчаяние. Сейчас ему удалось очень удобно ухватиться за край стола.

— Ты думаешь, у меня не получится его заставить?

— Неизвестно.

— Ты там пижешь?

— Нет, а мне оно надо?

Герхарт шагнул к женщине, оттолкнув фон дер Лейена. Когда он посмотрел на нее, она задрожала и неловко попыталась отодвинуться. От черных кругов у нее под глазами по лицу струились полосы.

— Придется воспользоваться другими методами! — медленно сказал он. — Если ты мне не поможешь, я буду ее бить.

— Гидроксид натрия? — вяло спросил Арно фон дер Лейен. — Зачем?

Во время удара он вздрогнул, а женщина заплакала.

— Все еще нет? — спросил Пойкерт.

Арно фон дер Лейен молча помотал головой и опять сжался, когда он ударил еще раз.

— Делай, что он говорит, Брайан! — вдруг яростно закричала она, брызгая слюной.

От ее вопля у Ланкау кровь застыла в жилах.

— Делай!

Фон дер Лейен перевел на нее взгляд. Повалившись на бок, она хватала ртом воздух. Пойкерт ударил ее в грудь.

Арно фон дер Лейен медленно выпрямился.

Ланкау старался не терять самообладание. С каждым вдохом пульсировала брюшная полость — медленно нарастала боль. Стол всем весом опирался на его ладони и волосатые руки. Подняв взгляд, он увидел двоих.

— Друга развязывать не собираешься? — спросил он, поворачиваясь к Герхарту и сдержанно улыбаясь. — Посмотрим, удержит ли он хоть стакан.

Голубые глаза Герхарта на секунду остановились на Ланкау. Держа пистолет в одной руке, узел на ремне он развязывал долго. Ланкау откинулся назад и выпрямился, чтобы все мышцы толкнули стол точно туда, где стояли Арно фон дер Лейен и Герхарт Пойкерт.

Когда он вскочил, держа на руках стол, эффект вышел ошеломительный. Пойкерт автоматически снял пистолет с предохранителя и выпустил двойную очередь, но было уже поздно. Выстрелы принял на себя летящий стол. Под тяжестью массивного стола двое мужчин опрокинулись на спину и оказались на полу. «Сики кэндзю» вылетел из руки Герхарта и приземлился в дверном проеме. Прежде чем мужчины начали освобождаться от тяжелого груза, Ланкау уже вскочил на ноги.

Вопя от радости, он перепрыгнул через стол и схватил пистолет. В магазине осталось три пули. Он не собирался медлить, распорядясь ими. По одной на каждого. У собак еды будет вдоволь — они столько и не сожрут.

А потом его мир рухнул. Разом.

— Хватит. — Больше ей и не пришлось ничего говорить.

Перед ним стояла Петра.

Выражение ее лица не оставляло сомнений. В руке она крепко держала пистолет.

— Давай я, Герхарт! Я знаю, где та бутылочка.

Решительно посмотрев на высокого мужчину, она вложила пистолет в его руку.

Ланкау почувствовал, как усиливается боль в животе, а дышать становится все труднее. На этот раз его посадили за стол у самой стены.

От потрясения связанная женщина не переставая мотала головой. Петра не смотрела ни на нее, ни на Арно фон дер Лейена, снова прижавшегося к ее ногам.

— Не трогай эту женщину, Герхарт! Я сделаю все, что нужно.

— Я же просил тебя не приходить сюда, пока все не кончится.

Лицо у Герхарта Пойкерта побелело.

— Знаю! Но будет так, как я сказала, Герхарт!

Петра ушла на кухню, через несколько секунд оттуда послышался хлопок. Так бывает, когда выравнивается давление. Ланкау перевел взгляд на плакат, висящий на стене. Кордильера-де-ла-Пас.

Удаляющаяся от него сказочная страна. Мир увеличивался в размерах. Расстояние становилось непреодолимым.

Схватив ручку, он начал писать. «...Оберштурмбаннфюрер вермахта, также известный как Ханс Шмидт». Дописав предложение, он поднял глаза.

— И все? — упрямо спросил он.

Герхарт Пойкерт спокойно на него посмотрел и продиктовал остальное: «Я прошу прощения у своей семьи. Давление окружающих стало слишком сильным. По-другому было нельзя».

Ланкау посмотрел на него. Поднял брови и снова отложил ручку. Эти слова станут для него последними. Что бы он ни сделал, они отнимут у него жизнь.

Закрыв глаза, он отдался на волю запаха молотого кофе, сухой земли и бриза, дующего из девственного леса. Вот он в тени деревьев коки. До него доносятся звуки из домиков индейцев, воплощая собой реальность. И вот он снова ощутил, что ему давит на живот, в этот раз выше. Кожа похолодела. Он знал, что на гидроксид натрия у них не хватит смелости.

— Сам пиши, придурок! — крикнул он и открыл глаза, напрасно пытаясь оттолкнуть стул.

Тут прогремел выстрел — пуля глубоко вошла в балку у него над головой. Герхарт Пойкерт не колебался ни секунды.

Хорст Ланкау перевел взгляд на дверь, где со стаканом в руке стояла Петра.

— Никто не поверит в самоубийство с помощью гидроксида натрия.

— Посмотрим.

Герхарт повернулся к стоявшей в дверях женщине:

— Давай, Петра.

Какое-то время Ланкау сидел тихо, поглаживая уголки рта. Лицо изрезали глубокие морщины. Стакан перешел в руку Герхарта. Ланкау сделал глубокий вдох, втягивая воздух через зубы.

Потом взял ручку и стал писать. Отложил он ее с пустыми глазами.

Герхарт Пойкерт смотрел ему через плечо. На то, чтобы прочитать несколько предложений, у него ушло много времени. Потом Ланкау увидел, что он кивнул.

— Довольно! — прошипел Ланкау, измученный собственным весом и колотящимся сердцем.

Когда Герхарт прижал к его уху «кэндзю», он дернулся в сторону:

— Свою часть я выполнил!

— Ты ведь думал, что улизнешь, псина, — тихо произнес Герхарт Пойкерт. — Помнишь, что ты раньше говорил? «Интересно становится, когда жертва от страха лишается сил!» Вот, что ты говорил.

Он крепче прижал оружие. Ланкау зажал ноздри, чтобы не чувствовать поднимающийся от стакана запах.

— С чего мне это пить? — Ланкау почувствовал, как снова проступает пот. — Пристрели меня! Выпить это ты меня не заставишь!

— Тогда я это на тебя вылью!

Ланкау с ненавистью на него посмотрел и сделал глубокий вдох. Не было тошнотворного, сильного запаха. Ланкау снова понюхал стакан. Петра стояла боком и смотрела в другую сторону. Ланкау откинул голову и расхохотался. Он уже не замечал в ухе холодной стали и ржал все громче. За его спиной снова расплакалась женщина.

— Да, здорово! В стакане никакого гребаного гидроксида натрия нет! Ты не смогла, Петра? — На палача он смотрел ликующим взглядом. — А об этом вы тоже договорились, Герхарт? Что же вы добавили в стакан? Соль для ванны?

Пока он хохотал, Герхарт перевел взгляд на Петру — та прикусила губу.

— Ха! — Высунув язык, Ланкау, дразня, потянулся им к стакану. — Она не смогла, дорогой Герхарт! Куколка на такое не способна.

В ту же секунду дуло пистолета убралось от его уха. Взгляд у Герхарта Пойкерта был мечущийся и нерешительный. Он бесцельно бродил по комнате. Наконец он встретился взглядом с Петрой.

— Не надо, Герхарт! — Она умоляюще на него посмотрела. — Ради меня!

На секунду Герхарт Пойкерт замер, озадаченно разглядывая стакан. А потом снова успокоился.

— Так давай! — приказал он. — Засунь туда язык!

Ланкау улыбнулся ему и самоуверенно потянулся к стакану. Дразнящий язык очень медленно двигался к поверхности жидкости.

Когда он наконец с ней соприкоснулся, он автоматически дернулся. В то же мгновение Ланкау изменился в лице.

— Что за черт! — заорал он.

Лицо стало багровым, он дергал языком, а потом убрал его в рот и начал попеременно то плевать, то сглатывать. В его плоть проникала боль, обжигало рот. Стала выделяться слюна. Он застонал. Дыхание учащалось.

Наконец у Герхарта медленно вырвался долго сдерживаемый смех. Глухой и низкий, он сопровождал прерывистое дыхание Ланкау — постепенно дышать ему становилось все труднее.

— Ну что, она не посмела? Я уж чуть было не засомневался. Пить хочешь, Ланкау? — вопил он. — В кладовой отличное рейнское вино есть. Разве ты не это хотел мне предложить? А может, предпочитаешь содержимое этого стакана выпить? Наверное, по-твоему, запах у него другой, не как обычно, зато действует, как говорят, отменно!

Глава 65

Со страхом глядя на Герхарта, Петра отпрянула от него. Едва это заметив, он отошел от Ланкау. Пока он не взял себя в руки, было видно, как у него ходят желваки. Он протянул ей стакан со смертельно опасной жидкостью.

С трудом дышавший Ланкау следил за ним со своего места. Обойдя Петру, Герхарт перевел взгляд на подоконник.

— Хватит, — сказал он из угла возле окна, глядя на оставленный Ланкау огрызок яблока.

Он бережно его поднял, словно хрупкое живое миниатюрное существо.

— Ты прав, — продолжал он. — Никто не поверит, что кто-то решил совершить самоубийство с помощью гидроксида натрия. Даже кто-то вроде тебя! — Он не сводил глаз с Ланкау. — Вспомним былое, Ланкау? Помнишь ночи в госпитале — вы еще друг другу рассказывали, как можно убить самыми обыкновенными вещами? Вязальными спицами, молотками, мокрыми тряпками. Помнишь, как вы с Крёнером ржали? Как пытались перещеголять друг друга своими отвратительными методами? Ваша фантазия не знала границ.

Он смотрел в одну точку, сжимая в руке яблоко. Петра молча слушала. Она и не думала, что когда-нибудь услышит от него столько слов. Голос у него красивый. А вот момент — отвратительный.

Ей хотелось бы, чтобы в его глазах не было холода.

— Если вдуматься, то на меня наибольшее впечатление произвели самые простые методы.

Яблоко заплесало перед глазами жертвы.

— Ты наверняка знаешь, о чем я говорю.

Он улыбнулся. У Ланкау потемнело лицо. В затрудненном дыхании слышались хрипы, но глаза смотрели настороженно.

— Разве не Крёнер этот метод придумал? Ты лучше меня знаешь. Я помню только красочное описание жертвы, которой в горло протолкнули кусок яблока. Придется время потратить, но вообще все довольно просто. И никто не заподозрит неладного. Такое с кем угодно

может случиться. Не убийство и не самоубийство! А выглядит естественно, да?

Вопрос прозвучал с пугающей простотой. Очевидно, Герхарт мог исполнить свои угрозы. Петра оцепенела. Когда Герхарт отвязывал ее от пресса для винограда, он заверил ее, что ей больше не надо бояться Штиха с Крёнером. Облегчение придало ей сил.

Теперь она его не чувствовала.

Глаза Ланкау медленно затуманивались. Раньше Петра не видела по ним его возраста. Помутнели роговицы, пожелтела склера. Герхарт откусил кусок яблока. На широком лице было написано недоверие. Отодвинувшись назад, Ланкау смотрел на кусок яблока, который Герхарт выплюнул себе в ладонь. У Ланкау дернулась шея, в панике он выставил руки. Когда Герхарт решительно понес к его рту кусок яблока, он, хрипя, сделал глубокий вдох и отвернулся. Он попытался что-то сказать и приподнял руку. В глазах читалось отчаяние.

Когда Герхарт попытался раздвинуть его губы, Ланкау дернулся в последний раз. На лице застыло удивление. Голова медленно упала, подбородок лег на грудь.

Герхарт недоуменно на него смотрел. Он ткнул обвислую щеку, и голова безжизненно дернулась.

Ланкау умер, до того как Герхарт успел ему отомстить.

Петра отказывалась верить своим глазам. Внутри у нее перемешались сомнения, бессилие, облегчение и скорбь.

Когда Герхарт осознал, что произошло, он повернулся лицом к другому человеку, пытавшемуся разобраться в том, что он увидел. Он без предупреждения накинулся на него, обрушивая один удар за другим, и, словно раненый зверь, ревел от глубокого отчаяния.

Из-за водки фон дер Лейен не осознавал, откуда летят удары. Слишком изможденный, чтобы сопротивляться, он привалился к Лорин, которая истерически трясла головой из стороны в сторону.

— Прекрати, Герхарт! — кричала стоявшая у него за спиной Петра.

Лишь когда она схватила его за руку, он понял, чего она хочет. Ссутулившись, он отступил, костяшки пальцев побелели, возбуждение подстегивалось глубоким дыханием. В руке он по-прежнему держал пистолет. Он *не мог* взять себя в руки.

Несмотря на ее увещевания, он схватил фон дер Лейена за шею. Когда Герхарт потащил его на террасу, к свету, лицо вдавило в грудь.

Петра сразу же повернулась к Лорин — та едва не потеряла сознание. Затем развернулась на каблуках и бросилась на кухню. Там она нашла нож для свежевания зайцев. Веревки, опутавшие лодыжки и запястья Лорин, упали, словно ниточки.

— По-моему, он не в себе, — прошептала она Лорин, пытаясь не заплакать. — Ты должна мне помочь!

Лорин попыталась встать. Ее конечности ничего не чувствовали. Петра встала перед ней на колени и растерла ноги:

— Пойдем, Лорин!

* * *

Брайана швырнуло на террасу у края бассейна — удар поглотила алкогольная пелена. Джеймс подергал его за шею, заставив встать на колени. Брайан улыбался и крутил головой. Волнами накатывало воздействие алкоголя. Он не заметил, что ему к затылку приставили пистолет. В пересохшем рту стоял отвратительный вкус. Покашляв, Брайан откинул голову. Ночь выдалась влажной, расширились ноздри. Ветер пошел ему на пользу. Он повернул голову туда, откуда доносились крики. Он ничего не понимал. Контур друга расплывались.

— Это ты, Джеймс? Помоги мне развязаться, — гнусаво проговорил он и подергал левой рукой.

Он улыбался.

— Да, это я. — Голос ответил приглушенно и сдержанно.

И по-английски.

— Джеймс, — прошептал он, пытаясь сфокусировать взгляд.

Его голос никогда не звучал так мягко. Повалившись на бок, он прислонил щеку к ноге друга.

— Господи, — шептал он.

— Стойте там! — послышался резкий голос Джеймса.

Вдалеке Лорин выкрикивала имя Брайана. Он пытался повернуться в ту сторону, откуда шел звук, и глубоко дышал. Возле дома застыли два расплывчатых силуэта.

— Если подойдете ближе, я его в воду толкну. Не шевелитесь, ясно вам?

Джеймс отошел в сторону. Брайан чуть не упал. Медленно проступили контуры предмета, который он сжимал в руке. Пистолет. Брайан попытался понять, что происходит, но безуспешно.

— Почему ты меня не развяжешь? — снова спросил он.

Джеймс встал перед ним на колени:

— Арно фон дер Лейен! Брайан! Кто меня об этом спрашивает? — Его глаза горели бешенством. — А ты мне помог? Освободил?

Брайан поднял брови, собираясь ответить.

— Не смей ничего говорить! — Джеймс встал и снова прицелился. — Ты меня бросил. Больного и измученного. Я ведь мог там сколько угодно пролежать. Как какие-нибудь жалкие отбросы!

Все случилось внезапно. Одним движением Джеймс оторвал ему рукав. Снова подступила тошнота.

— Она у тебя до сих пор осталась! — сказал он, глядя на почти стершуюся татуировку в подмышке у Брайана. — Даже удивительно!

Брайан пару раз срыгнул, в уголке рта осталась слизь.

— Давно она у тебя, Брайан. Что же ты ее не уничтожил? Как воспоминания!

Джеймс отпустил его руку:

— Ты вообще помнишь, каково тебе в госпитале было, Брайан? Ты там полгода пробыл? Может, чуть больше, но какая разница?

Джеймс перевел взгляд на женщин. Петра умоляюще на него смотрела и отпустила руку второй женщины — та на нее опиралась.

— А можешь себе представить, что так прошло тридцать лет? — продолжил Джеймс. — Брайан, у тебя дети есть?

Усмехнувшись, он посмотрел на слизь, слетевшую с кивающего подбородка Брайана.

— Все это время! Пока у тебя рождались дети, пока ты любил, смотрел мир, наслаждался жизнью, спал, гулял в родительском саду, мечтал и осуществлял свои мечты. Я все это время просидел здесь. Тридцать лет!

Когда он выкрикнул последнее предложение, Брайана выдернуло из состояния вялого равнодушия. Он посмотрел на друга — тот засунул руку в карман. Оттуда показался большой пузырек с лекарством.

— Хочешь еще раз пережить то время? Хочешь узнать, каково мне приходилось, пока ты жил своей жизнью? Хочешь узнать, куда я пропал?

Брайан открыл рот, не думая сопротивляться. С первой же таблеткой он вспомнил характерную сухость препарата, содержащего хлор.

После тридцатилетней спячки очнулись рефлексy, потекла слюна.

— Выпей одну! — орал Джеймс, запихивая в него еще одну таблетку. — Пей по одной — за каждый из всех тех лет, что я был брошен на произвол судьбы!

Джеймс грубо пихал таблетки в рот Брайану, его чуть не вырвало. Пьяный, он не мог сопротивляться.

— И одну — за целую вечность!

Джеймс протолкнул в глотку еще один комок. Брайан с трудом их проглотил. Когда пузырек опустел, он почувствовал, что скоро потеряет сознание.

Следующие минуты стали звуковым кошмаром. Крики женщины; непрекращающиеся насмешки, проклятья и неразрешимые вопросы Джеймса. Брайан не ответил ни на один, да он их и не понимал. Он повернулся лицом к другу. Пощады в его глазах не было.

А Брайану стало все равно.

Глава 66

В дверях на щеки Лорин вновь стал возвращаться румянец. Видя, что происходит у бассейна, она прижалась к Петре и безостановочно повторяла молитвы. Петра мотала головой и крепко сжимала в руке нож. Если по-другому будет нельзя, она намеревалась пустить его в ход.

Петра так крепко сжала руку Лорин, что та охнула от боли. От произнесенных Герхартом слов не стало проще понять, почему ее жизнь сложилась именно так. Но фразы дали объяснение ушедшим годам и заблуждениям. Прояснили события последних часов. Она жаждала узнать побольше.

Хотя, возможно, уже поздно.

От бессилия Лорин топала по плитке, в то время как Герхарт Пойкерт силой запихивал таблетки в рот ее мужу, находившемуся в полубессознательном состоянии. Когда он остановился, его жертва начала тихо покачиваться из стороны в сторону.

Очевидно, Петра пришла в ужас. Если они не вмешаются, то доза, которую скормил Брайану Джеймс, убьет его. Она умоляла Герхарта услышать ее, уговаривала любимого человека остановиться. Пыталась объяснить, что еще не поздно. Что можно уехать и отпустить прошлое. Что у них впереди целая жизнь. Что он у нее в долгу.

И тем не менее он спокойно ждал, глядя на медленно засыпавшего Брайана. Безумие неразрывно слилось с жаждой мести.

Лорин судорожно хваталась за Петру. Она отпускала и хватала ее руку, отпускала и снова хватала. В итоге отпустила и быстро, неаккуратно шагнула в сторону. Как раз в тот момент, когда Лорин готовила последний безнадежный рывок, Петра с ножом в руке бросилась вперед. Лорин резко замерла. Если Петра вонзит его в Герхарта, она сама не захочет жить дальше. Герхарт направил пистолет ей в лицо. К его лицу прилипли волосы. Он переводил взгляд с Петры на Лорин и обратно. Петра не слышала его предупреждений. Лишь когда она подошла к нему так близко, что нож оказался у самого его горла, она потонула в глубине его взгляда. Когда рука дотянулась до его лица, она выронила нож.

Удар по его щеке вышел мягким, как материнский шлепок. Герхарт схватил Петру за руку и крепко сжимал, пока она не обмякла. Потом отпустил, заглянул ей в глаза и уронил пистолет — тот покатился по лужайке. Дышал он быстро и неглубоко и не шевелился.

Петра, пошатываясь, прошла между ним и человеком без сознания, лежавшим у ее ног. Лорин уже положила голову Брайана себе на колени.

— Подними его! — приказала Петра и грубо засунула Брайану в рот почти всю ладонь.

Затем она попросила Лорин крепко взять мужа за талию и надавить. Все получилось с третьей попытки. С приступом кашля вылетели слизь и наполовину растворившиеся белые комки. Лицо у Брайана посинело.

— Помоги ему, — велела она Лорин, запрокинула его лицо, чтобы заставить дышать вновь, показала, как делать искусственное дыхание.

Вдруг у них за спиной затих Герхарт. Потом застонал и рухнул на колени.

Петра тут же к нему подскочила:

— Герхарт! Все кончилось. — Всхлипывая, она обнимала его голову, гладила по щеке, целовала.

Улыбнувшись ему, она снова погладила его по щеке. Она называла его Герхартом, Джеймсом, Эрихом. Он побледнел. В глазах — пустота. Она притянула его к себе, прижала и вновь осмотрела. Он не реагировал.

— Герхарт! — закричал она и стала его трясти.

Она умоляла его, уговаривала, перечисляла имена, обращалась к нему по-немецки, по-английски, а потом снова по-немецки.

Он молча стоял на коленях, влага с земли пропитывала его брюки. Он снова от нее удалялся. Погружался в себя. Вот-вот его поглотит пустота. Смотрел он пустым взглядом.

На краю бассейна вдруг пришел в себя муж Лорин. Он резко очнулся — и почти не протрезвел. Увидев Лорин, он улыбнулся и притянул ее к себе, не ведая о своем состоянии и неприглядном внешнем виде. Она позволила ему страстный поцелуй, а сама одновременно смеялась и плакала. Потом они сели, обнявшись и не говоря ни слова.

Лицо Петры скрывало плечо Джеймса. Они долго не двигались. Выпрямившись, Петра увидела, как Лорин осторожно вытянула руку, ища пистолет.

Когда Лорин его нашла, она осторожно встала и потянула за собой мужа. Лишь когда Петра тихо вымолвила свою просьбу, она снова выронила пистолет.

* * *

Брайан глазел по сторонам, как будто впервые увидел, куда попал. Потом качнулся в сторону стоявшей на траве пары. Не останавливаясь, он опустился на колени так близко к ним, что чуть было не повалил. Он протиснул руку между лицом Петры и шеей Джеймса и повернул к себе лицо друга. Джеймс не сопротивлялся.

Потом Брайан наклонился и забормотал в ухо Джеймсу какой-то пьяный бред. Петра отпустила его и спрятала лицо в ладонях.

— Ну что, Джеймс! В этот раз я не убегу.

Брайан ткнулся носом в щеку Джеймсу. Чужой запах.

— Скажи чего-нибудь, Джеймс! Ну же, Джеймс! Не будь ты занудой!

Взяв лицо Джеймса обеими руками, Брайан стал его трясти. Хлопал его по щекам:

— Скажи чего-нибудь!

Брайан не стал сопротивляться, когда Петра выпрямилась и оттолкнула его. Ее презрения и отчаяния он в данный момент не понимал.

Она снова обняла любимого человека. Он не отреагировал. В преклонившем колени человеке не было ни Герхарта, ни Эриха, ни Джеймса.

Видя отчаяние Петры, Лорин дала волю слезам, в это время Брайан лег спиной на мокрую от росы траву и засмеялся. Потом просвистел пару куплетов и снова засмеялся.

Блаженное опьянение.

Вспомнил он по кусочкам. Песенку, которую мальчишки сделали своим гимном. Вспомнил слова — нелогичные, безумные и не имеющие смысла.

— I don't know what they have to say, it makes no difference anyway! — горланил Брайан, хохоча над бессмыслицей.

Несмотря на лунный свет, звездное небо казалось бесконечно глубоким и величественным. Значение всего, что произошло, темнота утянула во вселенную и поглотила. Брайан улегся на бок, глядя на друга детства, и пел — словно вернулось прошлое. Всплывали обрывочные воспоминания, как они детьми лазили по утесам в Дувре. Бриз, дующий с моря, тепло и запах мочи, предательски шедший от ширинки его шорт.

— Помнишь, Джеймс? — засмеялся он и запел снова: — I'm against it!

Лорин села рядом на корточки и слегка потянула его — он горланил свою песню так, что от Шварцвальда отдавалось эхо. «Your proposition may be good, but let's have one thing understood. Whatever it is, I'm against it!»

Допев, он начал сначала. В конце он облегченно расхохотался.

В нескольких метрах от него в объятиях Петры лежало неподвижное тело. Подняв голову, она посмотрела на Брайана так, будто он осквернил священный момент. Лицо у нее было заплаканное, постаревшее. Когда она положила голову на плечо Джеймса, его тело дернулось. Она тут же отпрянула, будто ее ударило током. Пока он не потерял сознание, она изо всех сил обнимала его. Из груди Джеймса вырывались хрипы. Его трясло, как в лихорадке. Несколько раз вырывался плач.

Петра прижимала его к себе.

Она гладила его по голове, пыталась поймать взгляд, вытирала его слезы — он трясся всем телом как осиновый лист, взгляд метался по земле. Он выдавливал всю накопившуюся в нем боль. По-другому ее было не выразить.

Растерянный Брайан на коленках пополз к нему. Он смотрел на Джеймса и Петру, которые никак не могли унять слез. Так они и сидели. Лорин начала мерзнуть и обхватила себя руками.

Джеймс медленно поднял голову — даже Брайан это заметил. Лорин мягко обняла Брайана за шею и оттащил а от остальных. Джеймс смотрел в глаза Петре. Он гладил дряблую кожу у нее на щеках и молча целовал в губы. Закрыв глаза, она снова к нему прижалась. Они молча посидели.

По телу Брайана пробежали мурашки, и он задрожал. Он еще раз помотал головой. Над темными вершинами величественного Шварцвальда плыли белоснежные облака. Ясная сентябрьская ночь.

Вздохнув, Джеймс стал смотреть в одну точку. Он попытался откашляться и, помедлив, повернул голову в сторону Брайана. Он долго на него смотрел. При виде его растерянного лица улыбнулся. Фраза никак не строилась. Джеймс пару раз пытался заговорить, но замолкал. Через пару минут прозвучали тихие слова.

— Брайан... — произнес голос, такой же знакомый, как голос отца, матери или брата. — Скажи-ка мне! Как звали вторую жену Дэвида Копперфилда?

На него уставились ничего не понимающие Петра и Брайан. Закрыв глаза, Брайан попытался понять, что только произошло. Вопрос оставил его абсолютно равнодушным. Глядя на друга, Брайан попытался найти фразу, которая выразила бы смятение чувств. Он виновато улыбнулся.

Лорин прижала к лицу голову запутавшегося мужа и провела рукой по волосам.

— Ее звали Агнес, — сказала она. — Ее звали Агнес!

Глава 67

Обоих не отпускали события ушедшего дня. Тошнота почти ушла, но тело мучили боли. На то, чтобы вылечить раны — от пули, проколов, ударов и пинков, — уйдут месяцы. За ночь Брайан три раза менял повязки. Он обеспокоенно смотрел на Лорин. Она тоже не сомкнула глаз. Ее терзала головная боль; даже предприняв несколько попыток наложить макияж, она не сумела спрятать следы избиения.

Брайан теребил сигареты. Белый как мел, он снова снял трубку.

— А нельзя нам просто улететь домой? — спросила она.

С того момента как Брайан тем утром освободил номер в своем отеле, он как приклеенный сидел у телефона в комнате Лорин.

Лорин собрала все вещи, хотя во время этого занятия ей пришлось несколько раз садиться. Утро выдалось суматошное. Находиться рядом с Бриджет было невыносимо. Увидев кровоподтеки на лице Лорин, та чуть было не набросилась на Брайана и обругала его последними словами. Разубеждать ее не стали. К счастью, она совершенно не поняла, что случилось накануне.

В итоге Лорин отправила ее в город, дав с собой пятьсот марок и объявив, что им с Брайаном надо поговорить.

Бриджет удивилась. Хоть и было воскресенье, она найдет, как их потратить.

Как только Брайан положил трубку, снова зазвонил телефон. Через несколько секунд он захихикал. Лорин вздрогнула и испуганно наблюдала за тем, как он, смеясь, схватился за бок.

— Уэллес звонил, — сказал он и положил трубку.

Лорин кивнула — отчасти с облегчением, отчасти не проявив интереса.

— Хотел рассказать, что нашел в Эрфурте пациента психиатрической больницы по имени Герхарт Пойкерт. — Он попытался снова улыбнуться, но вместо этого обеспокоенно оглядел рубашку. Она пока была белой. — Как тебе? В Эрфурте!

Лорин пожала плечами:

— Ты паспорт достал?

— Вроде того, — ответил он и набрал следующий номер.

— Поедем в Штутгарт и улетим оттуда. Не думаю, что стоит лететь из Базеля-Мюлуза.

Он замолчал и предостерегающе выставил вперед руку. Наконец-то его соединили.

— Петра Вагнер, — раздался измученный голос.

— Сильно ты продвинулась?

Сделав последнюю затяжку, Брайан потушил сигарету.

— Дорого выйдет — вот что я пока могу сказать, — прохладно ответила Петра.

— Не важно. Ей можно доверять?

— Я в этом уверена.

— Делай что нужно. А Джеймс? Или, наверное, надо бы мне сказать Герхарт?

— Можешь спокойно называть его Джеймсом, — ровно сказала она. — Да, думаю, сойдет.

Заканчивая разговор, Брайан несколько раз переводил взгляд на Лорин. Она сидела на краю постели, бессильно сложив руки на коленях.

— Ну как ты? — спросил он наконец.

Закурив еще одну сигарету, Брайан отошел в сторону.

Она пожала плечами и не ответила.

— Заведующая больницей Святой Урсулы фрау Реман потребовала полмиллиона фунтов за то, чтобы его выписать и уничтожить документы.

— Немало, — вяло ответила Лорин. — Ты ведь заплатишь?

Брайан ее знал. Она не ждала ответа. Естественно, он заплатит.

— Насколько я понял из слов Петры, по радио о трупах еще не сообщили. Она думает, их еще не обнаружили.

— Все еще будет.

— К тому времени мы будем уже далеко. Случившееся с нами никак не будет связано. Вероятно, даже не поймут, что там произошло.

— Ты уверен? — Она смотрела в одну точку. — Таксист, который вез туда нас с Петрой, думал, у нас какие-то дела на ферме напротив. Едва ли с ним будут проблемы. Но есть ведь много всего другого.

Она обеспокоенно на него смотрела.

— Письмо, которое Джеймс заставил написать Ланкау, в деле будет главным. Смерть всех остальных свяжут с его смертью. Не надо

бояться.

— Ты сказал Ланкау, в отеле знают, что ты будешь у него.

— Ты была единственной, кто в это поверил.

Наморщив лоб, она посмотрела на потолок:

— Отпечатки пальцев, Брайан! А с ними как быть?

— В машине? Там их нет. Я себя вел осторожно.

— А по всему дому, в сараях, на террасе? Их же там тысячи!

— Не думаю, что там что-то найдут. Ты же знаешь, убрались мы тщательно.

Вздыхнув, она попыталась еще раз все обдумать:

— Ты уверен, Брайан? Когда мы убিরались, было темно. Ты был пьян. Петра была вне себя. Я не смогу всю оставшуюся жизнь бояться, что кто-то узнает, что там произошло.

— Остальных убил Ланкау! Вот что все подумают. Найдут его письмо и решат, что он его и написал.

— Подумают, что он хотел застрелиться одним из тех небольших охотничьих ружей, которые Петра нашла? Так?

— Такой у нас был замысел, да. И что он не успел исполнить свои намерения и упал замертво. Во время вскрытия обнаружат самый обыкновенный инфаркт.

— А раны на теле?

— Ты же видела шрамы! Ланкау себя не щадил. Люди удивятся, но не найдут ответа.

— А охотничье ружье и патроны?

— Там найдут только его отпечатки пальцев.

— А в других местах? У Крёнера и Штиха. Что там обнаружат? Ты так уверен — а вдруг там полно косвенных улик? Я думаю, отпечатки пальцев Джеймса там повсюду.

— Верно! Но его нигде не найдут. Просто не будут знать, где и кого искать. Даже непонятно, попытаются ли вообще. Надо еще осознать масштаб того скандала, который вызовет двойная жизнь этих мужчин. Не думай об этом совсем!

Он сел, глядя прямо перед собой. А затем тихо заговорил:

— Если случится немыслимое и в результате расследования выйдут на верный след, при любых обстоятельствах отвечать за все будет только Джеймс. Не я и не ты. Но этого не случится, Лорин, будь уверена!

— Когда заведующая фрау Реман поймет, сколько скелетов прячется в этом шкафу, она во всем признается. Я в этом уверена.

Лорин осторожно прижала к кончику носа платок.

— А я уверен, что не признается. Взятка и злоупотребление служебным положением ее карьере на пользу не пойдут — это же очевидно. Она будет держать язык за зубами.

Брайан захлопнул чемодан. Осталось только позвонить олимпийской делегации, и можно ехать.

— Лорин, — заговорил он, — фрау Реман сможет спокойно жить до конца своих дней при том условии, что она будет молчать. Она знает, что делает. Она точно знала, каким способом хотела получить деньги. Как будто всю жизнь на что-то подобное надеялась. Она ведь не захотела чек. Деньги нужно перевести напрямую на ее имя, на счет в Цюрихе. Если на то пошло, раскаться она не сможет.

Лорин не в первый раз за то утро подошла к окну. Брайан встал, подошел к ней и обнял за плечи. Она вздохнула, выражая сомнение. Зеленая лужайка перед отелем «Коломби» была абсолютно пуста. Вдалеке, с другой стороны парка, слышался слабый звук — поезд переводили на другие пути.

— А Бриджет? — тихо спросила она. — Разве она не чересчур много знает? Она ведь там вчера была. Слышала имена симулянтов.

— Бриджет не сможет ничего вспомнить, даже если это будут ей в голову вдалбливать. Она вчера напилась, а вечером добавила еще, судя по тому, как сегодня утром выглядела. И вообще маловероятно, что английские газеты будут подробно освещать смерть трех бывших нацистов. Она никогда и не узнает!

Она опустила сложенные под грудью руки и попыталась сделать глубокий вдох. Все сильнее болели ушибленные ребра.

— Он правда поедет с нами?

Она не сводила с него взгляда.

Этот вопрос она уже давно хотела задать.

— Да, Лорин. Поедет. Для того я сюда и приехал.

— А что Петра говорит?

— Она знает, что для Джеймса так будет лучше.

Лорин прикусила губу и пристально посмотрела на Брайана. Ею овладевали разные мысли.

— Думаешь, Петра сможет с ним справиться?

— Она думает, что да. Посмотрим. Он поедет домой.
— Нельзя, чтобы он был рядом с нами, Брайан! Ты слышишь?
Она не отводила взгляда.
— Посмотрим, Лорин. Мне надо кое-что уладить.

Петра и Джеймс уже ждали на перроне, когда приехали Лорин и Брайан. Джеймс вымылся и стоял, словно скала, косясь на бесконечные шпалы. Он не ответил на их приветствие и ни на секунду не выпускал руку Петры.

— Все на месте? — спросил Брайан.

Петра пожала плечами.

Джеймс на них не смотрел. Лорин наблюдала за ним из-под солнцезащитных очков, держась позади Брайана.

— Ему сейчас грустно, — объяснила Петра.

— Что-то случилось?

Брайан попытался встретиться взглядом с Джеймсом. Яркое светило солнце. Его лицо окутывал свет. На соседнем перроне в ряд выстроились тележки для почты и багажа, готовые к следующему рабочему дню. Скоро придет поезд.

— Он говорит про потерявшийся платочек. Он все утро только про него и говорил. Он надеялся, что найдет его у Крёнера. Герхарт думал... — Она помолчала. — Джеймс думал, что Крёнер прятал его в маленькой коричневой трубке, которую он у него нашел. Он все держал ее под курткой, пока мы ко мне домой не пришли. Кажется, за ночь он в нее раз двадцать посмотрел.

— Джеймс, там был платочек Джилл?

Брайан подошел к нему вплотную. Джеймс молча кивнул. Брайан отошел в сторону и снова повернулся к Петре:

— Когда у него появился этот платочек, он был еще мальчишкой. Симулянты его в госпитале украли.

— Он был так уверен, что Крёнер его туда положил. Но в трубке были одни рисунки. Его это совсем из колеи выбило!

Брайан грустно помотал головой:

— Джилл была его сестрой. Она умерла в войну.

Бриджет опоздала и шагала по перрону так неуверенно, что при других обстоятельствах Лорин готова была бы сквозь землю

провалиться, однако встретила ее как после многолетней разлуки.

— Бриджет, дурочка ты моя! — Лорин сжала невестку в объятиях вместе с багажом. — Наконец-то!

Бриджет вяло кивнула Петре и мужчине рядом, а в конце наградила Брайана взглядом, от которого пылающий уголь мог бы превратиться в лед.

Они вошли в вагон и расселись по местам. Джеймс сидел в одном конце купе у окна, а Лорин — в другом.

Бриджет села у открытого окна — подышать свежим воздухом. Петра нагнулась, попытавшись выглянуть в окно из-под руки Бриджет.

— Ждешь кого-то? — спросил Брайан.

Петра с грустью смотрела вперед.

— Мы уверены, разве нет? — почти неслышно произнесла Лорин.

— Уверены в чем? — спросила Бриджет, с любопытством оглядываясь через плечо.

— Что сели в нужный поезд! — сухо ответил Брайан и одним взглядом прервал возражения Лорин.

Сидевший наискосок от него Джеймс даже не отреагировал на звуки в купе. Казалось, ему неуютно в той одежде, что ему раздобыла Петра. На секунду он задерживал взгляд на каждом из проходящих по перрону, будто пересчитывал их.

Петра наклонилась к стеклу и попыталась незаметно сдержать подступавшие слезы. Затем вздохнула и откинулась на спинку сиденья.

— Господи! — вырвалось у Бриджет. — Видали таких хиппи? С этой кучей тряпок на голове — как будто африканка!

Она отодвинулась от окна, чтобы все увидели то, что привлекло ее внимание. Увидев странную женщину, Петра подскочила и расплылась в широкой улыбке.

— Одну секунду, я сейчас вернусь, — сказала она Джеймсу. — Сиди здесь!

Встречу на перроне живо комментировала Бриджет, не сдвинувшаяся с места и закрывая собой весь оконный проем.

Когда две женщины вошли в купе, на мгновение Джеймс просиял. Лорин тут же заметила, как удивился Брайан.

— Кто это? — повернувшись к Брайану, шепотом спросила она.

— Добрый день. — Женщина протянула Брайану руку.

— Марианна Деверс! — Происходящее не укладывалось у Брайана в голове.

— У нас явно много общего, не только моя мама, — улыбнулась она и обняла Джеймса.

Она поправила свое многослойное одеяние и, заглянув Джеймсу в глаза, стала нежно с ним разговаривать.

Затем снова обняла Джеймса, долго смотрела на Петру и, наконец, собралась с духом и попрощалась.

Уже выходя из купе, она обернулась к Брайану:

— Жаль, что вы с моей мамой тогда не стали парой. Какая у нас была бы семья! А вместо этого вы забираете у меня лучшую подругу и моего дорогого Эриха — ну куда это годится?

Глаза ее смотрели дружелюбно, но было видно, что она расстроена. Еще раз обняв Петру, она вышла из купе.

— Что это было? — спросила Лорин и наконец сняла солнцезащитные очки. — Кто эта женщина? Что такого было с ее матерью, Брайан?

Брайан ответил не сразу. Он смотрел на Петру:

— Это дочь Гизелы Деверс.

Петра кивнула.

— Ты ее знаешь?

Петра снова кивнула:

— Да, я знала ее мать. Она была моей лучшей подругой. Когда она умерла, я заботилась о Марианне. Она для меня как дочь.

Брайан сделал глубокий вдох:

— И она знала Джеймса?

— Да, с детства, и она звала его Эрихом. Она часто к нему в гости ходила. Джеймс?

Сидевшая рядом с ней фигура тихо кивнула.

— Она могла бы привести меня к Джеймсу еще в самый первый день.

Сделав глубокий вдох, Брайан тут же отвернулся. Тяжело было это осознать.

— Точно, да. Если бы ты показал ей его фотографию. — Петра выпятила нижнюю губу. — У нее самой наверняка его фотографии есть. Гизела нередко приглашала его на семейные сборища.

Молча улыбнувшись, она нежно гладила Герхарта по руке. Он не отводил глаз от окна.

— Иногда ему даже разрешали на кнопку фотоаппарата нажать.

Зажмурившись, Брайан ту же вспомнил нечеткое лицо Гизелы на первой фотографии, что он увидел у Марианны Деверс. Фотограф был не очень ловким. Брайан несколько раз стукнулся затылком о спинку сиденья, бормоча что-то себе под нос.

Бриджет переводила взгляд с него на Лорин и обратно. Она уже собралась заговорить — и тут по оконному стеклу постучали.

— Эрих! — позвала с перрона Марианна Деверс.

Джеймс вяло на нее смотрел и постарался улыбнуться в ответ.

— Чуть не забыла! Это же, наверное, твое! — Она стала развязывать ворох платочков. — Он у меня много лет хранился. Я у Крёнера стащила. Он все хвастался, что украл его у тебя. Я развлекалась и надевала его, когда бывала с ним вместе. А он так и не заметил!

Она бросила платочек в открытое окно, еще раз улыбнулась Петре и, не говоря ни слова, развернулась на каблуках.

— Как странно, — сказала Бриджет, как раз успев подвинуться.

Она не хотела трогать то, что прилетело на пол. Джеймс смотрел на платочек. Потертый, синий, с каемочкой. В уголке вышито маленькое сердечко. Он осторожно его подобрал и держал перед собой в руках, словно хрупкое живое существо.

Глава 68

Зима еще не кончилась. Пока они ехали последние километры, Лорин нервно поглядывала на шоссе. Приятной поездку не назовешь.

— Так надо, Брайан? — Она задала этот вопрос уже в четвертый раз.

— Мне надо, да. А ты еще успеешь отказаться.

Брайан выпрямил пальцы, выпустив из рук руль, а потом снова сжал.

— Откуда нам знать, что он снова не разозлится?

— Мы же это уже обсуждали, Лорин. Все позади.

— Обсуждали, да. Но разве мы знаем точно?

— Так говорят Петра и его врач.

Лорин вздохнула. Брайан прекрасно знал, что она больше четырех месяцев боялась новой встречи с Джеймсом.

С тех пор как они вернулись домой.

— Я рада, что он поселился в Дувре, а не в Кентербери.

— Знаю, Лорин.

Брайан оглядел пересекающие основное шоссе боковые дороги. Транспорта почти нет. Значит, скоро они будут на месте. Он не впервые оказался в этих краях, но лучше всего ему была знакома другая часть Дувра. Он замотал головой.

— И что ему там делать? — заговорил он, не глядя на Лорин. — В Кентербери нет ни дома его детства, ни его семьи. Элизабет в Лондоне живет!

— Зачем ему это?

Лорин протерла запотевшее стекло.

— Я тебе объясню. — Брайан почувствовал ее взгляд. — *Ты* живешь в Кентербери!

Брайан молча улыбнулся:

— Тебе особо нечего сказать, Лорин.

За туманом виднелись тяжелые облака, возвещаая об утесах и проливе.

— Петра рассказало, что он обо мне не вспоминает.

Лорин посмотрела на свои руки. Они ясно говорили о том, каково ей.

— Как у него вообще дела?

Брайан пожал плечами:

— Говорят, рубцы, которые нашли во время сканирования мозга, появились из-за мелких тромбов. Меня это не удивляет.

— О чем ты думаешь?

Брайан видел перед собой человека: со стеклянными глазами, неподвижно лежащего в постели, истерзанного сеансами электрошоковой терапии и таблетками, издевательствами со стороны других пациентов, изоляцией и постоянным страхом за свою жизнь.

— Я много о чем думаю. Но в первую очередь — про переливание крови. Чудо, что он вообще выжил.

— А как он сейчас?

— Хорошо, насколько это возможно. Петра говорит, он делает успехи!

Он глубоко вдохнул.

— Это обнадеживает. Если к тому же вспомнить, сколько ты тратишь на его лечение.

Она выпятила губы и слегка сощурилась. Брайан знал, что она заметила его беспокойство.

— Милый, сегодня все будет хорошо. Вот увидишь! — добавила она, глядя на проносящийся пейзаж.

Дом оказался небольшим. Брайан готов был купить дом гораздо больше. Вдоль стены высажены вечнозеленые растения, жесткие и побелевшие от инея.

Во дворе их встретила Петра — она заметно постарела.

Протягивая Брайану руку, она слегка улыбнулась.

— Мы так ждали этой встречи. — Лорин обняла ее в ответ.

— Петра, спасибо, что пригласила. — Брайан смущенно на нее поглядывал. — Рад, что вы готовы нас видеть.

Она коротко кивнула.

— Как дела? — спросил он, поглядывая в сторону дома.

— Дела идут. — Петра прикрыла глаза. — Говорить по-немецки он больше не хочет.

— Этого стоило ожидать, — глядя ей в глаза, сказал Брайан.

— Да, точно. Но мне тяжело.

— Я тебе очень благодарен, Петра.

— Знаю. — Она вновь сдержанно улыбнулась. — Знаю, Брайан.

— Вам теперь поспокойнее?

— Да, сначала было непросто. Сюда все приезжали на него посмотреть. — Она показала на участок, ведущий к утесу. — Машины до самого сада выстраивались.

— Брайан рассказал мне, что, оказывается, для Джеймса Вторая мировая война оказалась дольше, чем для того японца, которого несколько лет назад нашли на острове в Тихом океане.

Лорин постаралась изобразить удивление.

— Да, так говорят. Вот любопытные и стали приезжать!

Петра позвала их к дверям. Было холодно. Она вышла без пальто.

— Если бы не власти, мы могли бы сохранить это в тайне. — Брайан перевел взгляд на дверь. — Если бы они только знали, откуда ему пенсию платить.

Джеймс еще не вышел.

— Ну, теперь-то он все сполна получил. В качестве компенсации, если можно так выразиться!

— Да. — Петра открыла дверь.

Джеймс сидел в гостиной и смотрел в окно. Хотя окна выходили на утес, свет внутрь не проникал. Когда Лорин посмотрела на него, Брайан тут же заметил, что ей неуютно. Она сразу же ушла на кухню, где хозяйничала Петра.

Брайан не знал, куда деть руки. Джеймс выглядел лучше. Поправился, взгляд стал мягче. Петра хорошо за ним ухаживала.

Когда Брайан заговорил, он вздрогнул.

— Здравствуй, Джеймс. — Больше он ничего не сказал.

Джеймс повернул голову. Долго смотрел на Брайана, как будто собирал черты его лица в единое осмысленное целое. Коротко кивнул и снова стал смотреть в окно.

Брайан просидел рядом с ним полчаса, глядя, как поднимается и опускается его грудь.

На кухне женщинам было весело. Очевидно, Петру радовала непринужденная и простая беседа. Лорин не хотелось оттуда уходить. Когда вошел Брайан, они с любопытством на него посмотрели.

— Он мне ни слова не сказал.

Брайан подошел к маленькому обеденному столу и сел.

— Он мало говорит.

— А он радостным бывает?

— Бывает. Но редко. В последнее время поводов для смеха у него особо не было.

Она взяла из шкафа чашку.

— Все будет. Определенно уже сейчас Джеймсу гораздо лучше. По-моему, просто дело движется медленно.

Брайан смотрел, как она наливает чай в чашку.

— Если я могу что-то сделать, только скажите.

— Не надо ничего делать.

— Деньги?

— Ты к нам щедр. А еще у нас пенсия есть.

— Обращайся.

— Обязательно. — (Брайан уловил нотку скепсиса.) — Ну и в конце концов еще же рисунки есть.

— Рисунки?

— Да. Они были скатаны в трубку, которую Джеймс у Крёнера забрал.

Она подняла руку, увидев непонимающее лицо Брайана. Потом попросила подождать и ушла наверх.

— Он странный, Брайан?

Лорин обеспокоенно на него покосилась, — казалось, ответ ей не нужен.

— Немного да.

— Наверное, мы слишком рано приехали.

— Наверное. Когда поедем, думаю, я постараюсь его вывести прогуляться. Может, поговорить получится.

— Ты с ума сошел! — Лорин поставила чашку.

— А что тут такого?

— Я тебе этого просто-напросто не позволю! Ты не пойдешь с Джеймсом к утесу!

— А почему нет, Лорин?

— Не пойдешь, и всё! Он с тобой что-нибудь сделает! Я знаю!

Последнее предложение она произнесла с нажимом. Сойдя с лестницы, Петра тут же посмотрела на Лорин. Щеки у нее пылали.

— Прошу прощения, — сказала Петра, намереваясь уйти.

— Не за что извиняться. Я хотел предложить Джеймсу после обеда прогуляться со мной.

Петра поймала взгляд Лорин и тут же отвернулась. Выглянула во двор.

— Он меня все еще ненавидит?

Брайану едва хватило смелости выслушать ответ.

— Не знаю, Брайан. — Петра нахмурилась. — Он про тебя никогда не говорит.

— Но такое возможно?

— С Джеймсом все возможно. — Повернувшись к Брайану, она протянула ему то, что принесла. — Смотри.

Бумага была желтоватой и мятой. Бечевка — тонкой и, видимо, такой же старой. Газета. Показались витиеватые буквы: «Unterhaltungs-Beilage»^[32]. Брайан перевернул первую страницу. Под ней лежала стопка рисунков. Он рассмотрел их. Осторожно выкладывал в ряд на кухонном столе, предварительно убедившись, что там сухо. Разглядывал бумагу и подписи. Несколько раз переводил взгляд на Петру, а в итоге сел.

— Прекрасно понимаю, почему Крёнер их прятал. Вы их оценили?

— Джеймс говорит, это невозможно. Просто так этого не сделаешь.

Петра положила руку на один из рисунков и снова повернулась к инструментам на кухонном столе. Лорин не сводила глаз с самого маленького. Она покачала головой:

— Здесь написано «Леонардо да Винчи»?

Петра молча кивнула:

— Да, здесь и здесь. А вот тут стоит подпись Бернардино Луини.

Лорин замерла и решительно посмотрела на Петру:

— Петра, их нельзя здесь оставлять!

— Это не я решила.

За столом Джеймс не проронил ни слова. Сделав одну попытку, Лорин к нему больше не обращалась, но внимательно и неодобрительно следила за каждым его движением. Ел Джеймс жадно. От своей тарелки он поднимал взгляд только на сервировочные блюда и накладывал себе еду, не предлагая остальным.

— Джеймс, Брайан приглашает тебя прогуляться, — сказала Петра во время десерта.

Лорин ошеломленно на нее посмотрела. Брайан отложил ложку и перевел взгляд на Джеймса — тот перестал есть и молча сидел, глядя в свою тарелку.

— Что скажешь, Джеймс? Пойдем? — спросил Брайан.

На него смотрело безучастное, отчасти безразличное лицо, на котором было написано равнодушие.

— Брайан, мне это не нравится. — Пока Петра доставала верхнюю одежду Джеймса, Лорин отвела мужа в сторону. — Помоему, не надо тебе этого делать.

— Лорин, ну перестань!

— Ты же знаешь, как я к нему отношусь. Тебе правда это надо? Может, мы тоже пойдем? Он же за весь день ни слова не вымолвил. Станный он! — сказала она, подчеркивая каждое слово.

— Петра говорит, он с прошлой недели, когда они ездили в больницу в Лондон, из дому не выходил.

— Все равно мне это не нравится. Брайан, не ходи, ну ради меня! — Она умоляюще на него посмотрела. — Ты не заметил, как он на тебя посмотрел?

Ветер совсем утих. Дующий с востока бриз приносил морской воздух. Земля промерзла, поэтому в той части утеса, где мало что росло, идти было тяжело.

Они шли на расстоянии шага друг от друга. Молчаливые и сдержанные. Брайан несколько раз пытался догнать Джеймса, улыбаясь ему.

— Петра мне рисунки показала, — тихо произнес он.

Вдруг над ними закричали птицы, заставив перевести взгляд на море. Брайан долго подбирал слова и наконец заговорил:

— Они не настоящие, ты ведь знаешь?

Джеймс не ответил, но кратко и вяло кивнул.

Они подошли к краю — холодные волны бились в основание утеса. Брайан поднял воротник и перевел взгляд на друга:

— Кажется, Джеймс, неподалеку мы воздушный шар запускали. Помнишь?

Ответа не последовало. Брайан его и не ждал.

— Счастливые мы тогда были. Хоть все могло плохо кончиться.

Брайан закурил первую за тот день сигарету. Мягкий табак оказывал благотворное действие. До самого города не было видно ни души. Море играло множеством прохладных оттенков.

Джеймс что-то буркнул и плотно запахнул пальто.

— Пойдем домой, Джеймс? Тебе здесь не нравится, да?

Ответом Брайану снова стало бурчание. Джеймс пошел быстрее.

В той точке, где он остановился, они совершенно точно уже были. Много лет назад. Джеймс посмотрел вниз. Потом обернулся.

— Нет, — вдруг сказал он, разглядывая дно внизу. — Не очень помню. Только обрывки.

Брайан глубоко вздохнул. В его слова вплетался сигаретный дым.

— Обрывки чего, Джеймс? Той истории с воздушным шаром?

— Я только помню, что ты оставил меня висеть на утесе.

Лицо Джеймса снова помрачнело.

— Я же тебя вытащил, Джеймс! Разве ты не помнишь? Так уж тогда получилось. Глупые мы были!

Джеймс закашлялся. Брайан посмотрел на него. Сначала он расслабился, а вот уже начал методично напрягать мышцы. Настроение у него постоянно менялось. Петре нелегко с ним приходится.

— Я помню и в то же время не помню, — сказал Джеймс и замолчал, издав гортанный звук. — Ты ведь историю симулянтов так и не узнал? — Он вдруг перескочил на другую мысль.

— Точно не всю. Только то, что слышал от Лорин. То, что Петра ей рассказала.

Джеймс сделал пару шагов по плато — Брайан не сводил с него глаз.

— Эта история — важнейшая составляющая моей жизни. — Глядя перед собой, он затряс головой — снова накатила грусть. — И ведь это даже не моя история. Не очень-то приятно об этом думать, а?

Брайан оглянулся через плечо. До края утеса было меньше метра. Встав напротив, Джеймс впервые заглянул ему в глаза. От света стал меняться цвет его глаз. То серые, то голубые. И неуловимые.

— Петра рассказывала, ты, Брайан, стал врачом, — вдруг сказал он.

— Да, стал.

— И заработал кучу денег.

— Тоже верно. У меня своя фармацевтическая компания.

— У твоих братьев и сестер все хорошо.

— Да, у них все хорошо.

— Мы с тобой сильно отличаемся — да, Брайан?

Когда Брайан заглянул ему в глаза, их цвет отражал оттенки моря.

— Не знаю, Джеймс. Наверное.

Брайан пожалел о своей неискренности в тот же момент, когда Джеймс на него посмотрел.

— Ты думаешь, я не знаю?

Эти слова Джеймс произнес совсем тихо и подошел на шаг ближе. Их лица оказались совсем близко. Дыхание у Джеймса было сладковатое.

— Думаю, я смогу дожить свою загубленную жизнь, — сказал он, сжимая губы. — Но мне много с чем бывает непросто.

— С чем, например, Джеймс?

— С чем? — Он не улыбался. — С тобой, например. И естественно, с таблетками — из-за их отмены. Что люди со мной разговаривают. Что ждут от меня ответа. Что я сразу и Герхарт, и Эрих, и Джеймс!

— Да!

На шее Джеймса выступили жилы. Он медленно поднял руки и потянулся к Брайану:

— Но это не самое ужасное.

Брайан сделал шаг назад, потом слегка наклонился вперед, принимая более устойчивое положение. Глубоко вдохнул.

— Самое ужасное, — продолжал Джеймс, хватая Брайана за руки, — что ты за мной не пришел!

— Я не знал, где искать! Вот и всё! Я пытался, но ты словно испарился!

Руки Джеймса сильнее сжали Брайана.

На мгновение взгляд у Джеймса стал отсутствующим. Потом он овладел собой и тихо зашептал — так тихо, что его слова почти полностью заглушили птичьи крики:

— А хуже всего — осознание, что сам я ничего не сделал.

Судорога, на секунду исказившая лицо Джеймса, потащила Брайана в глубокое прошлое, где паренек с впалыми щеками, живыми глазами и веснушчатой, золотистой кожей в отчаянии дразнил его,

пытаясь заставить сделать хоть что-нибудь, пока у него над головой на куски разваливался брезент. «Поверь мне, — говорил он, перед тем как все это случилось. — Все пройдет как надо!» Он снова увидел на лице Джеймса ту самую судорогу. Мольбу, смешанную с презрением к самому себе.

— Ты же не мог, Джеймс, — прошептал он в ответ. — Ты болел.

— Черта с два!

Крик вышел яростным. Изменилось все лицо. В глазах сквозило отчаяние. От жара горела шея.

— Возможно, в самом начале — да! И возможно, заболел уже в самом конце. Но прошло много лет! Очень, черт побери, долгих лет! Все эти годы покой я обретал только благодаря таблеткам. И покой был ужасным: я был Джеймсом, и я был Герхартом, и я был Эрихом, но я не болел.

Джеймс еще сильнее вцепился в Брайана, прервав его возражения.

— По большей части, — заключил он.

Они смотрели друг другу в глаза. Взгляд Джеймса наполнили гнев, неуверенность и грусть. Брайан почувствовал, что теперь всем весом опирается на сжимающие его руки. Приоткрыв рот, Джеймс дважды пытался произнести следующее предложение, и наконец оно прозвучало:

— И ты меня спрашиваешь, помню ли я про воздушный шар! И будешь дальше меня обо всем подряд спрашивать! События, про которые знаешь ты и другие люди, помнит лишь незначительная, крохотная, смехотворная часть меня! Как будто этими вопросами вы все пытаетесь заставить меня повернуться спиной к тем годам, когда я сидел и ждал!

— Почему ты так думаешь? Зачем нам это?

Брайан решительно смотрел на дрожащего человека, потом медленно поднял ладони и взял его за руки.

Джеймс зажмурился. Через какое-то время приподнял брови. По ним было видно, что он взбудоражен, хоть лицо стало спокойным. Он хохотнул:

— В конечном итоге все возвращается по кусочкам.

Джеймс прижал руки к телу. Брайан думал только о том, как удержать равновесие.

— В последние дни я представляю патрульных с собаками. Такого уже много лет не было. Вижу, как они пытаются нас догнать. Подходят все ближе и ближе. А еще вижу два поезда, которые идут навстречу друг другу во впадине. Один — на запад, второй — на восток. Как нам тогда казалось, наше спасение.

Брайан кивнул, изо всех сил пытаясь хоть чуть-чуть развернуться.

— А еще я думаю, может, не надо было нам в поезд запрыгивать.

— Не надо так думать, Джеймс. Какой смысл?

Джеймс наклонился к Брайану — его подбородок чуть ли не лег на плечо. За ними утес окутывал туман. Под ними с востока накатывали волны. Брайан слышал, как они зовут.

Возмущенно хлопая крыльями и недовольно вопя, взлетела морская птица. В ту же секунду Джеймс чуть разжал руки. На сильном ветру он весь дрожал.

Когда Джеймс вдруг расхохотался, Брайан автоматически дернул левой ногой назад. На промерзшей земле он начал скользить. Носок ботинка уперся в край утеса. Казалось, мысленно Джеймс был далеко. Взгляд отстраненный, а смех прервался так же внезапно, как и начался. Резкая перемена настроения казалась и безумной, и логичной.

Утих зов из глубины. Волны перестали его манить. Осторожно, словно вальсируя, Брайан перенес вес тела на правую ногу и обошел Джеймса — тот едва обратил на это внимание. Подобно слабой дымке, напряжение ушло.

У Джеймса опустились плечи. Он разжал руки.

На Брайана смотрело спокойное лицо.

— Хорошо, что мы на тот поезд запрыгнули, Джеймс, — сказал он. — Даже не думай.

Склонив голову набок, Брайан пытался поймать взгляд Джеймса.

— И хорошо, что мы выбрали именно этот поезд, а не другой, — спокойно добавил он.

Джеймс смотрел на небо, а бриз играл с его волосами. Раздувая ноздри, он глубоко дышал. Судя по закрытым глазам, он был совершенно спокоен.

— И знаешь почему, Джеймс? — Брайан долго стоял, разглядывая своего друга.

Когда ветер на мгновение утих, Джеймс открыл глаза и встретился взглядом с Брайаном. Он просто ждал. В лице любопытства не было.

— Если бы мы сели в поезд, который ехал на восток, пришлось бы мне тебя из Сибири забирать!

Джеймс какое-то время смотрел на Брайана, а потом отвернулся. Судя по тому, как мерно бежал по небу его взгляд, он пересчитывал беспорядочно несущиеся облака.

Потом молча улыбнулся и отвернулся от ветра, запрокинув голову назад и подставляя лицо солнечным лучам.

Когда Джеймс оставил его одного, Брайан неподвижно стоял, наблюдая, как он шагает к дому в свете бледных лучей заходящего солнца. Джеймс ни разу не оглянулся.

Когда хлопнула дверь, звук — приглушенный и в то же время потусторонний — долетел до него спустя целую вечность. Брайан закрыл глаза и задышал полной грудью. Не хватало воздуха.

По телу волнами пробегала дрожь.

Когда он наконец опустил плечи, перед ним стояла Лорин.

Она смотрела ему в глаза так, как не смотрела никогда. Он осознавал, что смотрела она в самую глубину. Застегивая воротник, она попыталась улыбнуться.

— По-моему, рисунки поддельные, — сказала она, секунду помолчав, и провела рукой по волосам, проверяя, не растрепал ли прическу ветер. — Я посоветовала Петре отдать их на экспертизу.

— Я догадывался. — Брайан прислушивался к крикам.

Чайки проголодались.

— Не знаю, станет ли она это делать. Джеймс сказал ей, что продаст их. А еще он ей сказал, что сам все устроит, надо только подождать.

Для Брайана ее речь долетала отдельными кусочками. Тем не менее, соединяясь, слова обретали смысл.

— Он все устроит? — Брайан тихо вздохнул. — Все это даже отчасти знакомо.

Лорин взяла его под руку. Обнимая его, другой рукой она поправляла выбившиеся волосы.

— Нехорошо себя чувствуешь? — осторожно спросила она.

Он пожал плечами. С порывами ветра через край утеса перелетали брызги морской пены. В целом Лорин ошиблась. Но

странным образом постепенно его охватывало именно такое ощущение.

— Чувствуешь, что тебя предали? — тихо спросила она.

Брайан порылся в кармане. Пачка сигарет оказалась под связкой ключей. Он постоял, держа во рту незажженную сигарету. Ветер трепал ее, и она улетела. Ему показалась занятой формулировка вопроса. Он сам не смог бы его так просто выразить. Когда Джеймс повернулся к нему спиной несколько минут назад, вопрос был открыт.

— Чувствую ли я, что меня предали? — Щека задрожала, и он прикусил ее изнутри. — А что это за чувство? Я не знаю, каково это. Но обман я чувствовал. Все время! Это чувство мне знакомо.

Пронесшийся отзвук нарушенных обещаний вступил в борьбу с хорошим воспитанием и искусственностью манер, привитых в частной школе, понятиями о чести из взрослой жизни, всеми воспоминаниями о сплоченности — и свежим воспоминанием о спине Джеймса, удалявшегося в сторону дома.

Брайан долго сражался. И наконец победил.

— Я думаю, почему на то, чтобы правильно задать вопрос, ушло тридцать лет, Лорин, — тихо сказал он.

Она долго стояла не шевелясь.

Солнечный свет окружал ореолом его голову, море постепенно темнело.

— Но если бы ты спросила раньше, я б не знал ответа.

— А теперь?

— Теперь? — Он поднял воротник. — Теперь я свободен!

На мгновение он замер. Потом поднял руку и положил на плечо Лорин. Осторожно прижал к себе и держал в объятиях, пока не заметил, что она расслабилась.

Он достал гремющую связку ключей:

— Ты не окажешь мне услугу, Лорин, — заberi машину? Подберешь меня у поляны.

Он показал в сторону группы деревьев и отдал связку ключей:

— Я бы тут чуть-чуть постоял.

Когда она собиралась начать спорить, Брайан отпустил ее и повернулся навстречу ледяному ветру, постепенно усиливавшемуся. Когда она взяла его руку и потянула к своей щеке, он видел только тень. Уже спускаясь, она на секунду остановилась. Потом развернулась

и позвала его по имени. Он смотрел на нее, а она нежно смотрела в ответ.

— Ты ведь больше не собираешься с ним видаться? — спросила она.

Утес простоят целую вечность. А для гордой возвышенности его эпоха лишь интермеццо.

Вдруг все осталось позади.

Пока за холмом заводилась машина, он откинул голову назад и слушал доносящиеся из прошлого ликующие крики, тонувшие в отзвуках и резко стихавшие.

Осознание, что для дружбы необходимы два человека, а для предательства — всего один, отступило, слилось с окружающим пейзажем и на мгновение замерло на острие утеса. И вот осталось лишь настоящее.

Двое мальчишек улыбнулись ему на прощание — а он, стоя в лучах заходящего солнца, улыбался в ответ, живой, открытый, цельный, готовый идти вперед.

Лучи завершили ленивый танец для последнего симулянта Дома алфавита.

Приложение 1

О названии «Дом алфавита»

С типичной для немцев тщательностью в Третьем рейхе всех, кого призывали на военную службу, во время обследования перед призывом и позже (если возникали связанные с несением военной службы заболевания) классифицировали в соответствии с алфавитной системой, которая четко определяла годность или негодность обследуемого к военной службе — предстоящей или текущей.

В ходе войны оказалось, что часть «ярлыков» несли для их обладателей роковые последствия, вплоть до ликвидации. В особой степени это касалось сумасшедших и умственно отсталых.

Согласно книге «Die Krankenbataillone» Рольфа Валентина (Droste Verlag, 1981), среди прочих использовались следующие обозначения:

Различные обозначения годности к службе

k. v. = kriegsverwendungsfähig = годный к строевой службе. В некоторых случаях в категорию k.v. попадали такие курьезы, как L40 — серьезные нарушения речи, B54,1, что означает ночное недержание мочи (L54,1 — неизлечимое ночное недержание мочи).

g. v.F. = garnisonverwendungsfähig = годный к гарнизонной службе, то есть службе в штабе, при кухне или в зенитной артиллерии, снабжении, на строительных работах и т. д.

g. v.H. = garnisonverwendungsfähig Heimat = годный к гарнизонной службе в тылу. Например, это те, кто в Доме алфавита ухаживает за больными офицерами СС, — медбратья, санитары и т. д. Из этой же категории рекрутируют связных, тех, кто работает в мастерских, смотрителей и т. д.

a. v. = arbeitsverwendungsfähig = годный к несению трудовой повинности. В основном это квалифицированные рабочие, часто с легкой степенью инвалидности.

Обозначения для признанных негодными к службе

Zeitlich untauglich (Z.U.) = временно негодный. Обозначение для тех, кто имеет одно или несколько временных заболеваний на момент обследования и кто в ограниченный период времени вновь может стать годным к службе.

Временно негодные к службе разделялись на следующие категории

z. b. = временно негодный к службе, повторное обследование через два месяца.

Если во время следующего обследования их снова признавали негодными, им присваивали обозначения zeitlich g.v. или zeitlich a.v., бессрочно негодный к военной службе, или w.u. = wehruntauglich = негодный к военной службе.

Тех, кого признавали негодными, согласно причине снова делили на, соответственно, vU-Fehlern и L- или U-Fehlern: vU-fejl, а также U15,2 и U16 означали окончательное снятие с военного учета. Остальных во многих случаях после лечения могли классифицировать как g.v.H- или a.v. Большая часть этих обозначений относилась исключительно к физическим недугам. Обозначения психических заболеваний, от которых страдали пациенты Дома алфавита, устроены следующим образом:

w. u.: — Негодный к службе; с осени 1944 года признанные негодными могли входить в резервные войска.

A15,1: — Врожденное нервное расстройство.

A15,2: — Низкий интеллект.

A15,3: — Поведенческие отклонения (считается нормой для строевой службы).

Z15,1: — Временное нервное истощение, как правило вызванное внешними обстоятельствами.

Z15,2: — Алкоголизм или иные заболевания, связанные с употреблением наркотиков.

L15,1: — Нейропатия (нервное расстройство), психастения (чаще всего больные, основным симптомом у которых является усталость). К усталости может добавляться ряд иных симптомов. Пациент жалуется

на то, что плохо спит, теряет способность сосредоточиться, на ухудшение памяти и болезненные ощущения. Состояние, при котором обычная работа организма, обычно происходящая автоматически и незаметно, обращает на себя внимание пациента — например, учащенное сердцебиение или одышка. Кроме того, пациент ощущает тревогу, неуверенность и склонен избегать любых трудных обстоятельств.

L15,2: — Легкая степень слабоумия, дебильность (зачастую годные к службе).

U15,2: — Средняя степень слабоумия, имбецильность.

U16: — Слабоумие, а также эпилепсия.

U — Соответственно

vU15,1: — Обозначение и для вылеченного, и для текущего психического заболевания.

vU15,2: — Тяжелая степень слабоумия, идиотия.

vU15,3: — Связано с тяжелыми психическими отклонениями, такими как, например, навязчивые мысли, тяжелые врожденные депрессии или фобии.

L,U/vU17: — Хронические заболевания головного и спинного мозга, несущие за собой последствия, например сохранившийся паралич после перенесенного полиомиелита.

A18: — Умеренные хронические параличи периферийной нервной системы.

k. v.U/vU18: — Серьезные хронические заболевания периферийной нервной системы.

A19: — Вылеченные травмы черепа или сотрясения мозга без последствий.

Z19: — То же, что в A19, до проявления последствий.

L19: — Неправильная форма, деформация или повреждение тканей черепа или перенесенное сотрясение мозга, которое затрудняет ношение шлема или иного головного убора, однако не несет других последствий, за исключением оглушения или головокружения.

U/vU19: — То же, что и L19, но время от времени проявляются такие последствия, как головокружение и приближение потери сознания.

Подобного рода буквенные обозначения дали название отделению больницы, куда помещают главных героев романа.

Приложение 2

Воинские звания СС времен Второй мировой войны

СС-манн, штурмманн, роттенфюрер: унтершарфюрер, шарфюрер, обершарфюрер, гауптшарфюрер, штабсшарфюрер и штурмшарфюрер: унтерштурмфюрер: оберштурмфюрер: гауптштурмфюрер: штурмбаннфюрер: оберштурмбаннфюрер: штандартенфюрер: оберфюрер:	рядовые или капралы
бригаденфюрер: группенфюрер: обергруппенфюрер:	унтер-офицерские звания фендрик лейтенант капитан майор подполковник полковник
оберстгруппенфюрер: рейхсфюрер СС	В датской армии соответствующего звания нет генерал-майор генерал-лейтенант генерал, командующий армейским корпусом генерал-полковник

Источники

- 1) Anatomie des SS-Staates, Band 1–2. DTV, 1967, München.
- 2) Eugen Kogon: SS-staten. Gyldendal Norsk Forlag, 1981, Oslo.
- 3) Janusz Piekalkiewicz: Den Anden Verdenskrig 1–11. Peter Asschenfeldts Bogklub, 1986, Kbh.
- 4) Интервью с офицерами 02-978003 из библиотеки Военно-воздушных сил Дании.
- 5) Goebbels' dagbøger. Noter: Louis P. Lochner. Branner, 1948, Kbh.
- 6) Olympiadebogen. Red. af Gunnar Hansen. Samleren, 1972, Kbh.
- 7) Verdensdramaet i Karikaturer. 1939–1945. Commodore, 1945, Kbh.
- 8) Klinisk Ordbog. Høst & Søn, 1951, Kbh.
- 9) Intern Medicin. Faber, Holst, Petrén. Gyldendal, 1934, Kbh.
- 10) Året fortalt i Billeder, div. årg. Carlsen if.
- 11) Poli tikens Aarbog/Politikens HNH, div. årg. Politiken.
- 12) Карна Бруун: Беседы о немецких госпиталях времен Второй мировой войны с точки зрения медсестры.
- 13) Erik Strømgren: Psykiatri. Munksgaard, 1979, Kbh.
- 14) John B. Nielsen: Psykiatrisk ordbog. Høst & Søn, 1975, Kbh.
- 15) Harly Foged: SS-frivillig. Bogan, 1985, Farum.
- 16) Hans Rumpf: The Bombing of Germany. Fr. Müller Ltd., 1961, London.
- 17) Rolf Valentin: Die Krankenbataillone. Droste Verlag, 1981, Düsseldorf.
- 18) F. M. Richardson: Fighting Spirit. Leo Cooper, 1978, London.
- 19) Franz Kurowski: Der Luftkrieg über Deutschl. Econ, 1977, Wien.
- 20) Lipmann Kessel: Surgeon at Arms. Leo Cooper, 1958/1976, London.
- 21) Medical Services in War: The Principal Medical Lessons of the Second World War skrevet af Arthur MacNalty and W. Franklin Metlor, udgivet af Her Majesty's Stationery Office in London, 1984.
- 22) Otto Peter Schweling: Die deutsche Militärjustiz in der Zeit des National Sozialismus. N. G. Elwert Verlag, 1978, Marburg.
- 23) Ferdinand Sauerbruch: En kirurgs Liv. Jespersen og Pio, 1952.
- 24) G. Baron: Schools & Progress in England, Pergamon Press, 1968.

25) Charles Messenger: Bomber Harris, and the strategic bombingoffensive, 1939–1945, Arms and Armour Press, 1984.

26) Harold J. Wright: Pathfinder Squadron. William Kimber & Co., 1987.

27) Michael F. Jerram: P51 Mustang, Super Profile. Sumerset UK, Haynes Publishing Group, 1984.

28) Alfred Granger: Aerodata Int. no. 3: P-51D Mustang. VAP, 1978.

29) Seventh US Army in France and Germany 1944–45, Vol. 2, Graef, 1946.

30) Folkets Almanak. N. C. Roms Forlagsforretning, 1940, 1942, 1943, 1944, 1945.

31) Interview med Henry Olsen, overlæge i psykiatri: Samtaler om psykiatriske reaktionsmønstre.

32) Merian 7.xxxix/C 4701E: Freiburgim Br.: Walter Jens: Freiburgim Krieg/E. L. Hess: Die Leicheistnoch Munter. Der Taubergiessen.

33) Путеводители по Лондону, Уэльсу, Кентербери, Фрайбургу.

34) Поездка во Фрайбург весной 1989, Фонд семьи Тресков.

35) Karl Bierring: Lærebog i systematisk anatomi. Store Nordiske Videnskabsboghandel, 1946, Kbh.

36) Thomas Schnabel/Gerd R. Ueberschär: Endlich Frieden! Das Kriegsendein Freiburg 1945.

37) Беседы с библиотекарями военной библиотеки во Фрайбурге, среди прочего о боях в окрестностях Рейна.

38) Hans Schadek: Das Freiburger Münster und der 27. november 1944. Stadtarchivs Freiburg i. Br., Heft 6. Freiburgnov. 1984.

39) Rainer Mennel: Die Operation in Elsass-Lothringen im Herbst und Winter 1944/45. Militärgeschichtliches Beiheftzur Europäischen Wehrkunde, heft 2. Verlag E. S. Mittlerund Sohn, April 1989, Herford und Bonn.

40) Rolf-Dieter Müller/Gerd R. Ueberschär, Wolfram Wette: Wer zurück weicht wird erschossen! Kriegsalltag und Kriegsende in Südwest-Deutschland 1944/45. DreisamVerlag GmbH, 1985.

41) William L. Shirer: Det Tredje Riges Storhed og Fald. Bind 3–4. Berlingske Forlag, 1966.

42) V. Feist: Waffen-SS in Action. (Det kongeligeGarnisonsbibliotek), 1973.

43) Sydnor: Soldiers of Destruction. (Det kongelige Garnisonsbibliotek), 1977.

44) G. Reitlinger: The SS-alibi of a Nation. (Det kongelige Garnisonsbibliotek), 1956.

45) C. B. MacDonald: The Siegfried Line Campaign (VI F). (Det kongelige Garnisonsbibliotek), 1963.

46) C. B. MacDonald: The Last Offensive (VI H). (Det kongelige Garnisonsbibliotek), 1973.

47) Soldiers and destruction: The SS Death's Head Division, 1933–1945, skrevet af Charles W. Sydnor Jr., udgivet af Princeton University Press, maj 1990. Kapitlet: The Führer's Firemen.

48) Waffen SS in action Combat Troops No. 3, skrevet af Norman Harms, udgivet af Squadron/Signal Publications, 1984. Kapitel: Background to the SS and Waffen SS.

49) Переписка с главным архивариусом Государственного архива во Фрайбурге, доктором Экером.

notes

Примечания

Букв. «стул кайзера». — *Здесь и далее примеч. перев.*

«Все проходит» (*нем.*).

«Судно, судно» (нем.).

4

«Хороший, хоро-о-оший!» (*нем.*)

Хороший мальчик (*нем.*).

«Объединение немецких девушек» (*нем.*).

Kano — заключенный концлагеря, сотрудничающий с администрацией.

Мне неизвестно, что там болтают,
Разницы мне все равно никакой.
Как бы то ни было, против я буду.
Не важно, какой там вопрос на кону, —
Против я буду!
Может быть, дело ты говоришь,
Но одну вещь ты себе уяснишь:
Как бы то ни было, против я буду! *(англ.)*

«Суперзаряд» (*англ.*). Также в западной историографии эта операция называется Вторым сражением при Эль-Аламейне (1942 г.).

Быстро, быстро (*нем.*).

Букв. «Волчье логово»; ставка Гитлера. Там 20 июля 1944 года на Гитлера было совершенно неудачное покушение.

«Скоро, герр Лейен! Очень скоро... Очень-очень скоро!» *(нем.)*

«Спокойной ночи» (нем.).

Так у автора. Ричард Л. Маккрири (1898–1967) в Итальянской кампании командовал 8-й британской армией.

«16 погибших!» (нем.)

«Все заложники обнаружены мертвыми!» *(нем.)*

Кровавая баня, резня (*нем.*).

Я не говорю по-английски (*англ.*).

К сожалению, нет (*нем.*).

«Госпиталь Святой Урсулы во Фрайбурге-им-Брайсгау» (нем.).

Зачем вы за мной следите? Вам больше делать нечего? *(нем.)*

Фервей — участок на поле для гольфа с травой средней длины.

Gau — административно-территориальная единица Третьего рейха. Геббельс был бессменным гауляйтером Берлина.

Как быстро (*нем.*).

Первая буква слова «café».

Что-то ищете? *(нем.)*

Прошу прощения (*англ.*).

«В зеленом лесу» (нем.).

Время неподходящее! (*англ.*)

«Пожалуйста!» (*англ.*)

Специальные службы (нем. Sonderdienst) — военизированные формирования (военизированный полицейский резерв), образованные на территории Польши после ее оккупации Третьим рейхом. Базировались на аналогичных формированиях СС.

«Литературное приложение» (нем.).